ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія III)

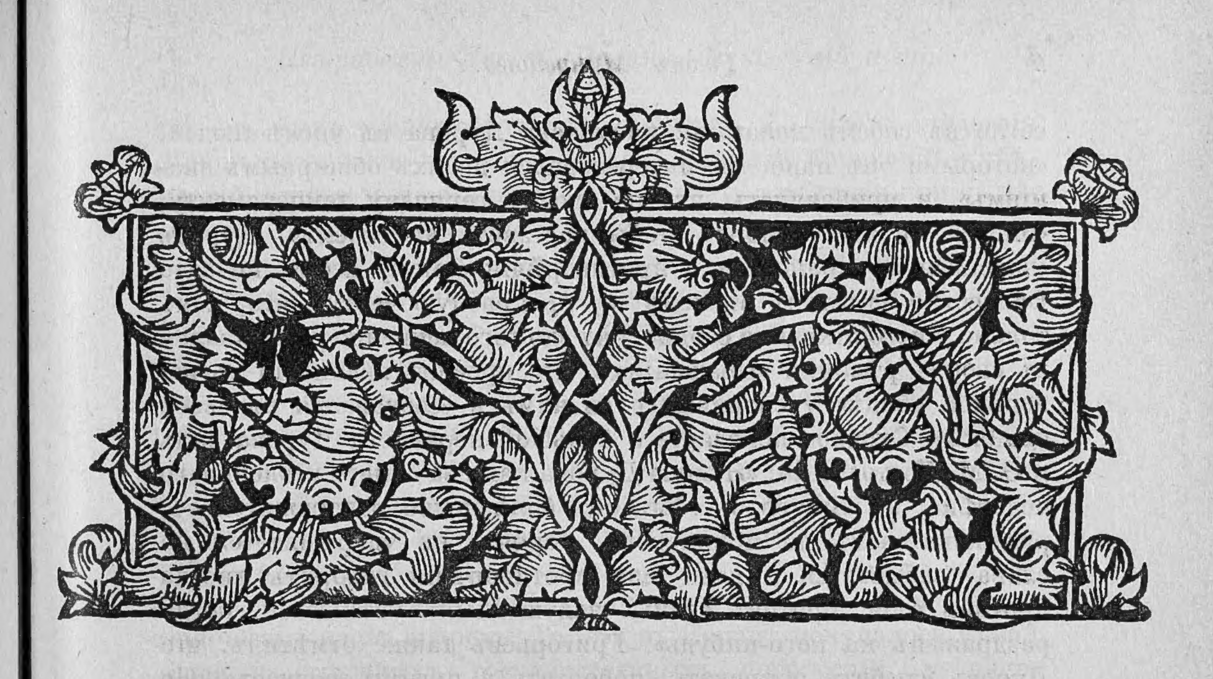
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 11. Ноябрь. 1915

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстн. бульв., Путинковскій пер., соб. д.
1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.



Петрашевцы С. Н. Дуровъ, А. И. Пальмъ, Ѳ. М. Достоевскій и А. Н. Плещеевъ.

I.

Въ числѣ довольно частыхъ посѣтителей пятницъ Петрашевскаго были писатели Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ и Александръ Ивановичъ Пальмъ.

С. Ѳ. Дуровъ родился въ 1816 г. въ Орловской губ. въ имѣніи своего отца, умершаго въ 1834 г.; мать его Надежда Ивановна, урожденная Хмѣльницкая, сестра писателя драматурга Хмѣльницкаго, умерла въ 1848 году во время холеры. Воспитывался Серг. Ѳед. въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ въ Петербургѣ (нынѣ первая гимназія) и окончилъ въ немъ курсъ въ 1833 г. съ правомъ на чинъ XII класса [1]). Затѣмъ Дуровъ поступилъ на службу въ государственный коммерческій банкъ помощникомъ бухгалтера, въ 1840 г. перешелъ въ канцелярію морского министерства чиновникомъ для иностранной переписки и переводовъ, а въ 1847 г. вышелъ въ отставку. Женатъ онъ не былъ. Недвижимаго имѣнія и капиталовъ послѣ родителей ему не досталось, и онъ жилъ литературнымъ трудомъ, печатая переводы и оригинальныя произведенія въ стихахъ и прозѣ [2]). Бала-

---

[1]) Плату за ученіе, 1500 р. асс. въ годъ, вносилъ за него его дядя— писатель Н. И. Хмѣльницкій, умершій въ 1845 г.

[2]) Интересъ къ общественнымъ дѣламъ, кромѣ знакомства съ Петрашевскимъ, сказался у него въ томъ, что въ 1847 г. онъ сдѣлался членомъ Вольнаго Экономическаго Общества.

согло въ своемъ показанiи называетъ Дурова въ числѣ людей, «которыми онъ наиболѣе интересовался по ихъ обширнымъ знанiямъ», и прибавляетъ, что по своему горячему темпераменту, «иногда въ жару спора, чтобы поставить на своемъ», Дуровъ «вдавался въ крайности и противорѣчiя самому себѣ», но зато Баласогло замѣтилъ въ немъ «ту прекрасную черту», что, какъ только у него отходило сердце, онъ «до того искренно раскаивался въ своихъ рѣзкихъ выраженiяхъ, что просилъ извиненiя въ невольной обидѣ» у спорившаго съ нимъ и «сознавался въ своей ошибкѣ». Сходное показанiе о большой нервности Дурова далъ и Ѳ. М. Достоевскiй: «Я знаю Дурова какъ за самаго незлобиваго человѣка; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ болѣзненно раздражителенъ, раздражителенъ до припадковъ, горячъ, не удерживается на слова, забывается и даже изъ противорѣчiя говоритъ иногда противъ себя, противъ своихъ задушевныхъ убѣжденiй, когда раздраженъ на кого-нибудь». Григорьевъ также отмѣтилъ, что Дуровъ «любитъ покричать, поболтать и ругнуть подчасъ». По словамъ Ѳ. Достоевскаго, Дуровъ былъ уменъ, но какъ-то «въ одну сторону», и добръ. По свидѣтельству Ястржембскаго, Дуровъ былъ воспитанъ въ нѣгѣ и холѣ и былъ въ высшей степени деликатенъ нравственно и физически [1]). Толь подхватилъ одно крылатое слово Дурова. Возвращаясь однажды отъ Плещеева впереди вереницы его гостей и пробираясь потихоньку, Толь сказалъ вслухъ: «осторожность есть мать...», а Дуровъ, перебивъ его, прибавилъ: «всѣхъ пороковъ». Одною изъ отличительныхъ чертъ его характера была религiозность. Ѳ. Достоевскiй, самъ религiозный, и по выраженiю его знакомаго, доктора Яновскаго, проявлявшiй «твердость въ православiи», говорилъ о Дуровѣ,

---

[1]) *О. Ѳ. Миллеръ*. «Матерiалы для жизнеоп. Ѳ. М. Достоевскаго». «Полное собр. соч. Достоевскаго», изд. 1883 г., I, 95. Напротивъ Антонелли почему-то относилъ Дурова къ числу силачей, быть можетъ въ виду его горячности, о которой тутъ же упоминаетъ, Самъ Дуровъ говоритъ о своей хворости и сердечныхъ припадкахъ въ теченiе трехъ лѣтъ. Ближайшiй другъ Дурова, А. И. Пальмъ, описалъ его въ своемъ романѣ Алексѣй Слободинъ» (см. свидѣтельство объ этомъ, основанное на словахъ самого Пальма, В. Д. Спасовича: «Сочиненiя Спасовича», Спб. 1894 г. т. V, стр. 262) подъ фамилiею Рудковскаго: «Рудковскому въ это время было лѣтъ за тридцать; смуглый, съ замѣтною сѣдиною на вискахъ, безъ малѣйшаго признака мускульной силы,—грудь впалая, движенiя осторожныя, какъ будто изнѣженныя,... отчасти циническое отношенiе къ сердечнымъ дѣлишкамъ молодежи,—онъ казался преждевременнымъ старцемъ. Но, съ другой стороны, нервная горячность въ спорѣ, энтузiазмъ передъ смѣлымъ проявленiемъ ума, таланта и воли, гдѣ бы, и въ чемъ бы они ни проявлялись, трогательная, почти женская сочувственность къ чужому страданiю и, наконецъ, непримиримая ненависть къ лицемѣрiю, защищавшему всякiя житейскiя неправды,—все это обличало въ Рудковскомъ «душу живу» и ставило на видное мѣсто среди окружавшей его молодежи». *П. Альминскiй* (псевдонимъ Пальма). «Алексѣй Слободинъ». Спб. 1873 г., стр. 302—303, ср. 329—330.

что онъ былъ «религіозенъ до смѣшного». Во время слѣдствія Дуровъ далъ такое показаніе: «Моихъ личныхъ вѣрованій и убѣжденій я никогда не выставлялъ на показъ, а дѣлился ими съ немногими близкими мнѣ, не изъ боязни покраснѣть за нихъ, но по врожденной мнѣ скромности, превратившейся отъ болѣзни и другихъ непріятностей даже въ какую-то робость. Теперь, когда обстоятельства вызываютъ меня на исповѣдь, я буду исповѣдоваться. Мои убѣжденія, глубокія, задушевныя убѣжденія въ томъ, что Россія идетъ по пути, предназначенному ей самимъ Господомъ Богомъ, подателемъ всѣхъ благъ и совершенствъ, что самодержавіе есть, такъ сказать, краеугольный камень прошедшаго, настоящаго и будущаго величія и благоденствія Россіи. Человѣку, хотя мало-мальски просвѣщенному и хотя сколько-нибудь слѣдящему за ходомъ современныхъ узаконеній, нельзя не признать, нельзя не видѣть, что наше отечество не по днямъ, а по часамъ идетъ впередъ. То, что въ Европѣ покупалось цѣной крови и страшныхъ государственныхъ потрясеній, у насъ, благоговѣйно благодаря мудрое правительство, многое полезное вводится тихо, мирно, отечески; каждая наша нужда предусмотрѣна... Вѣрованія мои состоятъ въ томъ, что народу русскому пріуготовлены великія судьбы за теплую, испытанную неоднократно, вѣру и любовь къ Богу и монархамъ». Изъ того, что уже было и будетъ сказано о Дуровѣ, видно, что его слова въ значительной степени не искренни, и это въ его положеніи по тому времени это довольно понятно: лишь немногіе товарищи Петрашевскаго по процессу отличались его неустрашимостью (пока онъ былъ здоровъ) въ высказываніи слѣдователямъ суровыхъ истинъ. И слѣдственная коммисія не повѣрила Дурову, хотя въ его бумагахъ не было найдено ничего, служащаго къ его обвиненію: она, «обращая вниманіе на ходъ» его «дѣйствій, замѣтила въ немъ либеральное направленіе».

Вѣроятно вслѣдствіе скромности, Дуровъ долго не выставлялъ своего имени подъ своими печатными произведеніями. Впервые его подпись появилась въ «Литературной Газетѣ» 1843 г. (№ 43) подъ переводомъ стихотворенія Байрона. Затѣмъ произведенія Дурова печатались въ «Библіотекѣ для чтенія» 1844, 45 и 48 гг., въ «Иллюстраціи» 1845—47 г., въ «Финскомъ Вѣстникѣ» 1846—47 г. «Сѣверномъ Обозрѣніи» 1848 г., «Пантеонѣ и Репертуарѣ русской сцены» 1848 г., издав. подъ ред. Ѳ. Кони, «Литературной Газетѣ» В. Р. Зотова, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ различныхъ альманахахъ («Молодикѣ» 1844 г., «Новосельѣ »и «Метеорѣ» 1845 г., «Невскомъ Альманахѣ на 1847—48 г.» [1]). Изъ оригиналь-

[1]) По его показанію, онъ получалъ гонораръ 40—50 р. с. за листъ

ныхъ прозаическихъ произведенiй Дурова можно отмѣтить довольно живой, не лишенный юмора разсказъ или, какъ тогда нерѣдко называли, «физiологическiй очеркъ», — «Тетенька» («Пантеонъ», 1848 г., № 2), гдѣ слегка задѣто крѣпостное право. Интересовалъ также Дурова бытъ извозчиковъ («Петербургскiй Ванька» въ «Пантеонѣ и Репертуарѣ русской сцены», изд. Ѳ. Кони 1848 г., № 8—9) и учениковъ въ мастерскихъ портныхъ, сапожниковъ, слесарей («Халатникъ» въ «Невскомъ Альманахѣ на 1847—48 г.»). Офицiальнымъ слѣдователямъ не понравилось направленiе сочиненiй Дурова. Предсѣдатель комиссiи для разбора бумагъ петрашевцевъ сообщилъ, что рукописи «Пальма и Дурова относятся къ литературнымъ и историческимъ занятiямъ, и что у перваго видна сильная любовь къ Россiи и къ славянскимъ древностямъ, въ сочиненiяхъ же Дурова, болѣе легкомысленныхъ, проявляются безнравственныя чувства». На одномъ изъ своихъ вечеровъ Дуровъ прочелъ свою повѣсть «Петербургскiй Донъ-Жуанъ». Ѳ. М. Достоевскiй, его братъ Мих. Мих., Дуровъ, Пальмъ и Плещеевъ предполагали издать сообща литературный сборникъ[1]). Порфирiй Ив. Ламанскiй отозвался о Дуровѣ и Пальмѣ, какъ о талантливыхъ писателяхъ.

Хорошо зная французскiй, англiйскiй, польскiй и латинскiй языки, Дуровъ много переводилъ иностранныхъ поэтовъ, и объ его переводахъ съ похвалою отзывался Бѣлинскiй. Онъ переводилъ Горацiя, Данте, А. Шенье, Миллльвуа (1782—1816), В. Гюго, Беранже, Барбье, Байрона, Мицкевича и др., а о римскомъ поэтѣ Публiѣ Сирусѣ напечаталъ особый очеркъ. Изъ переводовъ Дурова наибольшее значенiе имѣетъ стихотворенiе Барбье «Кiая», появившееся безъ имени автора (очевидно по цензурнымъ причинамъ) въ «Финскомъ Вѣстникѣ» (1846 г., т. X, 5—12). Несмотря на всѣ недостатки этого перевода, какъ зависящiе, такъ и независящiе отъ переводчика (пропуски по цензурнымъ причинамъ), это наиболѣе значительное въ идейномъ отношенiи произведенiе изъ всего, что было напечатано Дуровымъ до ссылки. Эта пьеса Барбье представляетъ разговоръ художника Сальватора Розы съ неаполитанскимъ рыбакомъ и превосходно изображаетъ тогдашнее тяжелое положенiе Италiи. Дуровъ прочелъ свой переводъ на одномъ изъ своихъ вечеровъ, и произведенiе Барбье очень понравилось товарищамъ переводчика по кружку, очевидно находившимъ въ немъ аналогiю съ явленiями имъ близкими, а также и симпатичную имъ вѣру въ лучшее будущее.

---

[1]) Плещеевъ въ письмѣ къ Ѳ. Достоевскому изъ Москвы писалъ: «Скажите Дурову: если онъ не перемѣнилъ намѣренiя отдать въ «Москвитянинъ» свою «Женскую протекцiю», которую не взялъ Краевскiй, то пусть пришлетъ скорѣй: я сбуду ее».

Поглощенный литературнымъ трудомъ ради заработка, Дуровъ мало читалъ, по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ книгъ, которыя были въ большомъ ходу среди петрашевцевъ (сочиненія Фурье, Прудона, Гельвеція и др.), въ чемъ его и упрекалъ на одной изъ пятницъ Петрашевскаго Баласогло. Дѣйствительно, въ спискѣ лицъ, бравшихъ книги изъ библіотеки, въ складчину устроенной Петрашевскимъ, имя Дурова встрѣчается только одинъ разъ. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что ему приходилось вѣчно работать изъ-за куска хлѣба, но что у него все же было не мало знаній— видно изъ приведенныхъ выше словъ Баласогло. Дуровъ въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ: въ Россіи «дарованія есть, но вся бѣда въ томъ, что эти дарованія въ рукахъ или, вѣрнѣе сказать, въ колодкахъ у журналистовъ» (т.-е. издателей журналовъ), «которые смотрятъ на литературу, какъ на юфть или сало: требуютъ многаго, а платятъ, что заблагоразсудится, да и то еще съ большимъ неудовольствіемъ и разнаго рода прижимками». Но когда Петрашевскій на своей пятницѣ 22 апрѣля 1849 г., утверждая, что «въ журналистикѣ нашей преобладаетъ только духъ спекулятивности», а не стремленіе «передавать своимъ читателямъ истину, идеи, хотя немного человѣчныя», и выражать «потребности общества», предложилъ начать издавать журналъ на акціяхъ, Дуровъ возражалъ, что это «химера», хотя и признавалъ неудобство единоличнаго веденія журнала.

Дуровъ началъ посѣщать вечера Петрашевскаго съ января или февраля 1847 г. и былъ однимъ изъ наиболѣе частыхъ его посѣтителей [1]); Петрашевскій также бывалъ у него. По показанію Барановскаго, Дуровъ на собраніи у Петрашевскаго говорилъ о союзѣ родственномъ и доказывалъ, что «родственныя связи опутываютъ личность человѣка». Спрошенный объ этомъ слѣдственною комиссіею, Дуровъ отвѣчалъ: «На одномъ изъ вечеровъ у Петрашевскаго я дѣйствительно говорилъ о родствѣ. Сущность моихъ словъ была слѣдующая: я утверждалъ, что весьма неблагоразумно бѣдному человѣку жениться почему бы то ни было— *по любви* ли, по *расчету*, или *связямъ*. Въ первомъ случаѣ, т.-е. женясь по любви, все-таки сытъ не будешь, а существенные недостатки очень часто, если не всегда, ведутъ къ непріятностямъ и размолвкамъ, отъ которыхъ родится самое охлажденіе. Бракъ по разсчету бываетъ часто обманчивъ, да и вообще не очень безукоризненъ. По связямъ—онъ еще чаще бываетъ обманчивъ

[1]) Одинъ изъ вечеровъ Петрашевскаго описанъ, впрочемъ довольно поверхностно, въ романѣ *Альминскаго* (Пальма) «Алексѣй Слободинъ»; здѣсь довольно удачно схваченъ характеръ поляка Ястржембскаго, одного изъ лекторовъ на пятницахъ Петрашевскаго (стр. 351—354, 357, ср. 327, 385).

и еще укоризненнѣй. Далѣе я говорилъ, что дѣти отъ подобныхъ союзовъ рѣдко бываютъ скрѣплены между собою истинной братской дружбой: во-первыхъ потому, что не видятъ этой дружбы между родителями, а во-вторыхъ потому, что въ подобныхъ семействахъ всегда являются любимыя дѣти. Эти балуются и часто портятся, а не такъ любимыя заражаются завистью и недоброхотствомъ. Что же касается до болѣе дальняго родства, то я говорилъ, что оно опутываетъ человѣка пребольшими непріятностями. Будь въ семействѣ добрый родственникъ, къ нему посыпятся со всѣхъ сторонъ просьбы, но за удовлетвореніе ихъ не жди благодарности,—скажутъ: «это была его обязанность, какъ родственника». Не удовлетвори же ихъ,—назовутъ всесвятого эгоистомъ и врагомъ рода человѣческаго. Наконецъ, я говорилъ, что между посторонними лицами никогда не бываетъ столько мелочныхъ дрязгъ и столько судебныхъ процессовъ, какъ между сосѣдями и родственниками». Но, конечно, нельзя считать это свидѣтельство Дурова вполнѣ соотвѣтствующимъ истинѣ. Барановскій показалъ и то, что Баласогло поддерживалъ Дурова. На вопросъ объ этомъ Баласогло заявилъ слѣдователямъ: «Это правда. Я, признаюсь, всегда старался доказать, что бракъ по одной любви, безъ состоянія, вещь нелѣпая. Испытавъ всю тяжесть такой ошибки на себѣ, я считаю долгомъ отклонять, особенно молодыхъ людей, если въ комъ принималъ участіе, отъ женитьбы по страсти. Въ этомъ смыслѣ я описывалъ, сколько умѣлъ ярче, всѣ ужасы человѣка въ семействѣ безъ вѣрнаго куска хлѣба. Впрочемъ, я почти всегда оговаривалъ, что для обыкновеннаго гражданина это еще, пожалуй, хоть сносно, но для ученаго или художника—просто смерть. Что касается Дурова, онъ со мной соглашался, какъ, повидимому, и многіе другіе». Но, конечно, дѣло не ограничивалось подобными разсужденіями, а указанія на недостатки современнаго устройства семьи приводили къ мысли о необходимости полнаго преобразованія семейныхъ отношеній согласно ученію Фурье: такъ въ кружкѣ Кашкина нападалъ на семью юный Д. Д. Ахшарумовъ, рѣзко указывавшій на вредныя стороны жизни семействами.

Нужно, впрочемъ, оговориться, что Дурова не считали фурьеристомъ, и (судя по словамъ Баласогло) онъ даже не читалъ сочиненій Фурье. Въ первомъ своемъ показаніи Дуровъ говоритъ: «На одномъ изъ вечеровъ Петрашевскаго (1847—48 г.) зашла рѣчь о Фурье. Объ этомъ писателѣ я ровно ничего не зналъ, кромѣ его фамиліи и названій его сочиненій, вычитанныхъ мною изъ энциклопедическаго словаря, слѣдственно не могъ говорить ни pro, ни contra; но, тѣмъ не менѣе, мнѣ было любопытно, хотя

поверхностно, узнать, въ чемъ именно заключалась его теорія. На слѣдующій разъ и потомъ, вечера четыре сряду, говорено было о теоріи Фурье. Изъ этихъ разговоровъ я узналъ, что Фурье бился, какъ рыба объ ледъ, чтобы доказать возможность счастія на землѣ»; онъ доказываетъ, что нищета является слѣдствіемъ «дурной организаціи труда... Я по сію пору остаюсь въ полномъ невѣдѣніи, какимъ образомъ Фурье находитъ средства устроить прочное счастье человѣку на землѣ. Согласенъ, что трудъ можетъ быть усиленъ и лучше организованъ, что отъ этого физическія нужды человѣка умалятся, но страсти, но болѣзни, утраты близкихъ намъ по сердцу—для этого одно лекарство—вѣра». Въ другой разъ Дуровъ добавилъ къ этому: «Дѣйствительно, у г. Петрашевскаго было говорено о теоріи Фурье. Три или четыре раза я былъ на этихъ вечерахъ и слышалъ только какъ бы введеніе въ его систему. Хотя я самъ никогда не читалъ сочиненій Фурье, но по наслышкѣ знаю, что онъ предполагалъ устроить фаланстеры, раздѣлить общество на серіи, т.-е. по способностямъ каждаго. Было, между прочимъ, говорено, что такіе фаланстеры могутъ быть устроены въ Россіи. Я же, сколько помню, говорилъ, что ихъ нигдѣ нельзя устроить въ настоящее время; что для этого нужно по крайней мѣрѣ двѣ тысячи лѣтъ времени, да и тутъ не иначе, какъ съ согласія всѣхъ правительствъ». Мы увидимъ далѣе, что, устраивая у себя вечера, Дуровъ и Пальмъ говорили, что «фурьеризмъ надоѣлъ».

Мнѣнія Дурова, высказанныя на пятницахъ Петрашевскаго о цензурѣ и о томъ, что нужно вооружать подчиненныхъ не противъ ближайшихъ начальниковъ, а противъ самаго корня, начала зла, которое заключается въ законѣ и государѣ, были изложены мною въ статьѣ о Петрашевскомъ, а также упомянуто было и о томъ, что на одномъ изъ этихъ вечеровъ читалась статья Дурова о драматургѣ Хмѣльницкомъ [1]).

Болѣе всего былъ близокъ Дуровъ съ поручикомъ гвардейскаго егерскаго полка А. И. Пальмомъ, съ которымъ прожилъ вмѣстѣ болѣе 5 лѣтъ, и съ чиновникомъ Щелковымъ, который былъ въ послѣдніе годы ихъ сожителемъ. Въ числѣ другихъ своихъ знакомыхъ, кромѣ Петрашевскаго, Дуровъ назвалъ сенатора Ев. П. Ковалевскаго, въ домѣ котораго бывалъ почти каждое воскресенье и гдѣ «былъ принятъ, какъ родной», братьевъ Ламанскихъ, М. М. Достоевскаго и полковника горнаго инженера Ег. Петр. Ковалевскаго [2]) (брата сенатора Ев. П. Ковалевскаго); часто бывалъ также у писателя Кукольника.

---

[1]) «Голосъ Минувшаго», 1913 г. № 6, стр. 60—62.
[2]) Ковалевскій въ 1837 г. былъ посланъ русскимъ правительствомъ

Александръ Ивановичъ Пальмъ родился въ 1822 г.; испов҄ѣданія былъ православнаго. Отецъ его, Иванъ Христіановичъ, служилъ чиновникомъ особыхъ порученій въ вятской казенной палатѣ, постоянно нуждался и умеръ въ Вяткѣ въ 1846 г.; мать его, Анисья Алексѣевна, урожденная Лѣтносторонцева, которую онъ очень любилъ, умерла въ 1848 г. отъ холеры, какъ и мать его пріятеля Дурова. Она заболѣла, когда А. И. Пальмъ былъ въ лагерѣ, и онъ засталъ ее лишь въ послѣднія минуты жизни и очень тосковалъ послѣ ея смерти. Пальмъ воспитывался сначала дома у родителей, а потомъ въ Дворянскомъ Полку, гдѣ хорошо учился, окончилъ курсъ въ 1842 г., выпущенъ въ гвардейскій егерскій полкъ прапорщикомъ и дослужился до чина поручика. Ни недвижимаго имѣнія, ни капитала у него не было,—отецъ, по его словамъ, «оставилъ ему въ наслѣдство только одно честное, незапятнанное имя», и Пальмъ жилъ на офицерское жалованье; кромѣ того два раза онъ получилъ секретныя пособія по 150 руб.: въ 1843 р., по ходатайству Як. Ив. Ростовцева, отъ в. к. Михаила Павловича на излеченіе болѣзни глазъ, а въ 1848 г. отъ наслѣдника цесаревича. По смерти отца на рукахъ Пальма осталось все его семейство—мать и два брата: мать переѣхала къ нему изъ Вятки въ Петербургъ. Такъ какъ жить однимъ жалованьемъ было невозможно, то онъ началъ заниматься литературнымъ трудомъ; жилъ съ матерью и помогалъ братьямъ, которые были уже во время слѣдствія пристроены, но младшій еще нуждался въ его помощи [1]).

Воспитываясь въ корпусѣ (Дворянскомъ Полку), Пальмъ не

въ Черногорію, въ 1839—40 г. участвовалъ въ неудачномъ хивинскомъ походѣ Перовскаго, посѣтилъ Ташкентъ, Бухару и Кульджу, странствовалъ въ Карпатахъ и на Балканскомъ полуостровѣ, въ 1847 г. командированъ былъ въ Египетъ. Впослѣдствіи онъ былъ первымъ предсѣдателемъ Литературнаго Фонда. См. статейку о немъ Л. Ѳ. Пантелѣева въ «Юбилейномъ сборникѣ Литер. Фонда». Спб. 1909.

[1]). Бѣдность этого брата видна изъ слѣдующаго шутливаго письма его къ А. И.: «Братъ, такъ какъ ты стоишь въ караулӗ, въ дворцѣ Его Высочества, то пришли мнѣ одинъ четвертакъ (1843 или 44-го, около этихъ годовъ), или двугривенный и пятачекъ сер.; или пятиалтынный и гривенникъ; если же у тебя нѣтъ этихъ рѣдкихъ и притомъ драгоцѣнныхъ монетъ, то хотя два гривенника и пятачекъ... Лекціи «О свойствѣ почвы и произрастеніи Южной Америки» и о томъ, какое вліяніе имѣетъ такъ называемый табакъ (tabaca bonna etc., tabac à fumè(sic), Pfeiftaback) на месмеризмъ и вообще на движеніе *затяжки* (технич. терм.), на католиковъ и индѣйскихъ пѣтуховъ, какъ въ южной, такъ и въ средней полосѣ. Эти превосходныя лекціи остановились. (У насъ читаетъ В. Григ. маркизъ де-Жуко).. Пришли же пожалуйста, если ужъ не можешь всего, то хоть пятиалтынный... Отсутствіе Жукова сильно разрушаетъ гармонію... И. Пальмъ».

А. И. Пальмъ печаталъ стихотворенія и разсказы въ «Библіотекѣ для чтенія» 1844 г. (т. 73 кн. 4), «Литературной газетѣ» 1844 г., «Иллюстраціи» 1846—47 г., «Отечественныхъ Запискахъ» 1845 г. (кн. 3) и 1849 г., т. 63 и 64, «Финскомъ Вѣстникѣ» 1846—47 г., «Репертуарѣ и Пантеонѣ» 1847 г., «Сѣверномъ Обозрѣніи» 1848 г.

могъ получить тамъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошаго образованія: такъ напримѣръ, онъ плохо зналъ даже французскій языкъ, и читать серьезныя французскія книги ему потомъ оказалось не по силамъ, но все же и въ корпусѣ были нѣкоторые хорошіе преподаватели, содѣйствовавшіе умственному развитію юноши. «Наставникомъ-наблюдателемъ» по русской и всеобщей исторіи въ Дворянскомъ Полку былъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Кони. «Изъ воспоминаній бывшихъ воспитанниковъ» этого заведенія «видно, что ученики старшихъ классовъ цѣнили живые и блестящіе его уроки, хранили литографированныя по нимъ записки и въ промежутки между уроками вступали со своимъ молодымъ учителемъ въ оживленную литературную бесѣду» [1]). Среди бумагъ Пальма нашли курсъ законовѣдѣнія, читанный въ 1840—41 г., о которомъ извѣстный Липранди написалъ особую записку, представленную имъ 17 мая 1849 г. князю А. Ѳ. Голицыну, предсѣдателю комиссіи, разбиравшей бумаги петрашевцевъ. Записка эта весьма характерна и даетъ нѣкоторое понятіе объ идеяхъ, которыя еще на школьной скамьѣ могъ воспринять Пальмъ, и потому я считаю необходимымъ привести ее почти цѣликомъ.

«Вашему Сіятельству угодно было», говоритъ Липранди, «поручить мнѣ рукопись, найденную у . . . . поручика Пальма. Я позволилъ себѣ войти объ ней въ нѣсколько обширное разсужденіе по той причинѣ, что она, по моему мнѣнію, содержитъ въ себѣ указанія на корень зла, подлежащаго разсмотрѣнію предсѣдательствуемой Вами комиссіи. Рукопись эта подъ названіемъ *Законовѣдѣніе* есть, какъ видно, собраніе уроковъ, читанныхъ по сему предмету въ 1840—41 гг. въ какомъ-то учебномъ заведеніи, должно быть, тамъ, гдѣ Пальмъ, писавшій ее, воспитывался. Она состоитъ изъ двухъ частей: первая... надписана: *Законы гражданскіе*, вторая... *Законы военные*. Въ первой говорится вовсе не о положительныхъ гражданскихъ законахъ, имѣющихъ дѣйствіе въ Россіи, но излагаются общія умствованія о правахъ человѣка, которыя раздѣляются на первоначальныя или основныя и на условныя или второстепенныя права человѣка.

«Конечно, эти умствованія тѣ самыя, которыя встрѣчаются во всѣхъ теоріяхъ такъ называемаго *Естественнаго права*. Они даже такъ обтерлись отъ общаго ихъ употребленія въ ученыхъ книгахъ и разсужденіяхъ, что повторяются и людьми совершенно благонамѣренными, которые выводятъ изъ нихъ заключенія ни-

---

[1]) «Русскій біографическій словарь». Пальмъ былъ знакомъ съ Ѳ. А. Кони и по окончаніи курса и даже нанималъ у него дачу въ Полюстровѣ (гдѣ лечился искусственными минеральными водами вмѣстѣ съ Дуровымъ).

сколько не вредныя. Но я считаю не излишнимъ привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ разсматриваемой рукописи, имѣя въ виду то, что по ней молодой, неопытный юноша, почти еще ребенокъ, получилъ первоначальныя понятія о самыхъ важныхъ и щекотливыхъ предметахъ, имѣющихъ непосредственное примѣненіе къ существующему порядку вещей.—Вотъ, напримѣръ, опредѣленіе личности, которое въ рукописи поставлено главнымъ изъ первоначальныхъ или основныхъ правъ человѣка: «Самое главное свойство человѣка есть то, что онъ лицо, т.-е. существо, одаренное разумомъ и свободой. Это свойство дѣлаетъ человѣка цѣлью для самого себя и ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ разсматривать его какъ средство... Личность есть сознаніе самого себя, какъ существа свободно-разумнаго; изъ понятія личности проистекаетъ понятіе права: я могу дѣлать все, что мнѣ угодно, потому что всякое дѣло мое будетъ слѣдствіе моей разумности» «Можетъ быть это и такъ по философіи», замѣчаетъ Липранди. «Но что можетъ извлечь изъ этого молодой, неопытный ученикъ? То, что если человѣкъ долженъ быть цѣлью только для самого себя, то для достиженія какой-нибудь своей собственной цѣли онъ можетъ пользоваться всѣми возможными, позволительными и непозволительными, средствами, что если никакимъ образомъ не позволено разсматривать человѣка, какъ средство, то Государство не имѣетъ никакого права требовать отъ своего Гражданина чего-нибудь такого, въ чемъ онъ не видитъ личной для себя пользы.

«Изъ понятія о *личности* выводится понятіе о *равенствѣ* въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «равенство людей есть слѣдствіе единства человѣческаго рода. Существуетъ одна только природа человѣческая, слѣдовательно во всѣхъ людяхъ природа одна и та же... Это единство человѣческой природы служитъ источникомъ равенства людей между собой».

«По моему мнѣнію», продолжаетъ Липранди, «съ такимъ словомъ, какъ *равенство*, вовсе не слѣдуетъ такъ легко шутить предъ молодыми людьми. Мы видимъ теперь въ Европѣ, до какой степени и взрослые могутъ помѣшаться на этомъ словѣ, давая ему точно такое опредѣленіе, какое тутъ сдѣлано, т.-е. что «равенство людей основано на единствѣ ихъ природы». Далѣе встрѣчается слѣдующее: «Причины неравенства въ общественной жизни есть слѣдующія: во-первыхъ явленіе кастъ, во-вторыхъ рабство, въ третьихъ феодальное и крѣпостное владѣніе и, наконецъ, въ четвертыхъ бѣдность». Все это, повторяю, человѣкъ опытный, свычный съ умствованіями философскими и знающій имъ настоящую цѣну, можетъ читать и повторять безвредно, но какъ

напримѣръ можетъ подѣйствовать на мальчика слѣдующее толкованіе о рабствѣ: «Аристотель, который хотѣлъ доказать, что рабство справедливо,... говоритъ такъ: господство и повиновеніе не суть только вещи необходимыя; напротивъ, они безконечно полезны; нѣкоторыя существа отъ самаго своего рожденія назначены повиноваться, а другія повелѣвать; какъ въ человѣкѣ душа назначена повелѣвать, а тѣло повиноваться, такъ точно и между людьми—одни люди должны повелѣвать, а другіе повиноваться, и это не случайно, а необходимо, потому что однимъ людямъ природа дала больше, другимъ меньше, однихъ поставила выше, другихъ ниже. Поэтому послѣдніе должны повиноваться первымъ». «Но это совершенно несправедливо» (продолжаетъ рукопись), «потому что природа человѣка совсѣмъ не такъ различна, какъ душа и тѣло.—Мы сказали, что люди по природѣ всѣ равны, а слѣдовательно и рабства быть не должно. Нестраведливость рабства можно доказать и исторически, потому что съ постепеннымъ образованіемъ людей рабство болѣе и болѣе исчезаетъ. . . . .

«Знаемъ, что люди благонамѣренные послѣ такихъ разсужденій обыкновенно присовокупляютъ: «у насъ, слава Богу, нѣтъ такого рабства», но повѣритъ ли этому молодая, горячая голова, подготовляемая учителями пропаганды, особенно если во всѣхъ иностранныхъ книгахъ на каждой страницѣ только что и видишь L'Esclavage en Russie, Les Esclaves Russes и проч.

«Впрочемъ, рукопись позаботилась высказаться такъ, что не нужно и перетолкованій, чтобы умствованія примѣнить къ дѣйствительно существующему у насъ порядку. Вотъ что въ ней говорится: «третья причина неравенства людей есть феодальное и крѣпостное владѣніе; то и другое не имѣетъ нравственной необходимости и были слѣдствіемъ случайныхъ обстоятельствъ». Положимъ, что это и правда, что крѣпостное владѣніе, которое у насъ лежитъ на 12 милл. людей[1]), дѣйствительно не имѣетъ нравственной необходимости; только я сомнѣваюсь, чтобы нужно было это натолковывать спозаранку неумѣющимъ различать, что иное можетъ не имѣть нравственной необходимости, да имѣетъ необходимость положительную, до которой прикасаться безвременнымъ умничаньемъ значитъ потрясать общественный бытъ въ его спокойствіи... . . . . . .

«Молодые люди, слушающіе подобныя чтенія, по моему мнѣнію, рѣшительно не виноваты, ежели, затвердя въ школѣ такія

---

[1]) Въ дѣйствительности крѣпостныхъ по 9 рев. въ 1851 г, было 10.708.900 душъ *муж. п.*, а слѣдовательно болѣе 21½ милл. душ. обоего пола. *Кеппенъ*. Девятая ревизія Спб. 1857 г., стр. 215.

правила, или лучше фразы, увлекутся потомъ къ тѣмъ легко выводимымъ изъ нихъ послѣдствіямъ, которыя наиболѣе льстятъ воображенію и страстямъ. Кому говорятъ съ каѳедры, когда онъ еще не въ силахъ разсуждать самъ съ собою, что равенство есть слѣдствіе единства человѣческой природы,... что лицо можетъ дѣлать все, что ему угодно и ни въ какомъ случаѣ не должно позволять разсматривать себя, какъ средство..., тому не дико будетъ впослѣдствіи чтеніе какого нибудь Фурье или Прудона и не трудно будетъ усвоить себѣ Соціализмъ, Коммунизмъ, а тамъ дальше и дальше.

«Подтвержденіе этому мы видимъ теперь передъ нашими глазами. Воспитанники учебныхъ заведеній, начавшіе съ этихъ правилъ, кончили тѣмъ, что головы ихъ совершенно перевернулись; они впитали въ себя самыя нелѣпыя и неистовыя системы и проникнулись ими до того, что каждая найденная у нихъ строка, каждое слово даже въ тѣхъ рѣчахъ, которыя мы отъ нихъ здѣсь слышимъ, заражены духомъ, котораго можетъ быть иные изъ нихъ и сами не сознаютъ или не понимаютъ вполнѣ всѣхъ губительныхъ его послѣдствій: такова сила первыхъ впечатлѣній, вкореняемыхъ въ юные умы съ дѣтства» [1]).

По словамъ Пальма въ слѣдственной комиссіи, выйдя изъ Дворянскаго Полка, онъ не имѣлъ еще понятія не только о соціализмѣ, но и о либерализмѣ, и «сохранилъ это направленіе до тѣхъ поръ», пока не познакомился съ Петрашевскимъ и его обществомъ въ 1847 г. Пальмъ сталъ читать данныя ему книги, «соціальныя идеи» ему «понравились», и онъ написалъ повѣсть противъ брака, но потомъ бросилъ ее. Онъ заявилъ, что его «взглядъ на молодежь, любящую играть роль людей необыкновенныхъ, либераловъ и тому подобное, всего лучше выразился «въ его послѣднемъ романѣ «Жанъ Бичевкинъ», первая часть котораго напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» [2]). На одномъ изъ вечеровъ у Дурова и Пальма послѣдній читалъ свою повѣсть «Трагикомедія, или братъ и сестра».

Съ Петрашевскимъ Пальмъ познакомился въ августѣ 1847 г.

---

[1]) Слѣдственная комиссія потребовала черезъ своего члена, начальника военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцева, объясненія на записку Липранди отъ главнаго наблюдателя за преподаваніемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, д. с. с. Шульгина, и затѣмъ записка Липранди, объясненіе Шульгина и найденныя у Пальма лекціи законовѣдѣнія были, по представленію слѣдственной комиссіи, препровождены военнымъ министромъ кн. Чернышевымъ на заключеніе комитета, учрежденнаго по дѣламъ печати подъ предсѣдательствомъ д. т. сов. Бутурлина.

[2]) 1849 г. т. 63, № 4. Краевскому дозволено было послѣ ареста автора выпустить въ свѣтъ и окончаніе повѣсти Пальма, но безъ его имени (т. 64, № 5).

на дачѣ въ Полюстровѣ[1]). Посѣтивъ Пальма раза два или три, Петрашевскій пригласилъ его на свои пятницы. Съ осени Пальмъ сталъ бывать у него и былъ очень доволенъ, что познакомился такимъ образомъ съ нѣкоторыми литераторами, которыхъ до того времени не встрѣчалъ. Въ ноябрѣ у Петрашевскаго, по случаю его именинъ, былъ большой вечеръ, на которомъ собралось болѣе 50 человѣкъ, и въ томъ числѣ много литераторовъ. «Мнѣ чрезвычайно хотѣлось», заявилъ Пальмъ въ своемъ показаніи, «завести литературныя связи», и потому знакомство съ Петрашевскимъ было ему пріятно, тѣмъ болѣе, что тотъ имѣлъ намѣреніе войти въ долю съ издателемъ или пріобрѣсти совсѣмъ журналъ «Финскій Вѣстникъ», который издавалъ Дершау, [2]) а Пальмъ надѣялся помѣщать въ немъ свои статьи, но дѣло это у Петрашевскаго съ Дершау не сладилось. «До конца той зимы», говоритъ Пальмъ, «я бывалъ у Петрашевскаго по пятницамъ не каждый разъ, но и нерѣдко. Въ разговоры вступать я не могъ, ибо эти разговоры были теоретическіе толки о политической экономіи, науки для меня совершенно неизвѣстной. Признаюсь, это было мнѣ немножко досадно, что я такъ мало свѣдущъ, почему я и просилъ у Петрашевскаго книгъ ученыхъ для прочтенія; онъ мнѣ давалъ нѣсколько экономическихъ сочиненій на французскомъ языкѣ, названій не упомню; кажется, одно было Traité (élémentaire) de la science de l'homme» (Gabet, 3 vols). «Но я не могъ прочесть этихъ книгъ, потому что по-французски знаю очень плохо, съ лексикономъ же читать мнѣ показалось слишкомъ скучно, да и времени не имѣлъ».

Сообщая нѣкоторыя свѣдѣнія о пятницахъ Петрашевскаго, Пальмъ неблагопріятно отзывается объ его рѣчахъ на этихъ вечерахъ и утверждаетъ, будто бы Петрашевскій «говорилъ темно, сбивчиво о предметахъ учено-теоретическихъ. Тутъ было больше неограниченнаго самолюбія, нежели толка». Извѣстно, напротивъ, что даже на шпіона Антонелли производили сильное впе-

---

[1]) О жизни въ Полюстровѣ Пальмъ говоритъ и въ своемъ романѣ «Алексѣй Слободинъ», стр. 332.

[2]) Дершау, авторъ книги «Финляндія и финляндцы», былъ у Петрашевскаго на пятницахъ два раза въ 1848 г. У Дершау происходили недоразумѣнія съ сотрудниками то по недостаточности у него средствъ, хотя ему случалось выхлопатывать пособія изъ казенныхъ суммъ, то вслѣдствіе его неумѣренныхъ редакторскихъ претензій. Первая книга «Финскаго Вѣстника» появилась въ 1845 г. при участіи въ редакціи В. Н. Майкова, но по выходѣ двухъ книжекъ Майковъ оставилъ журналъ. «Русскій біографическій словарь»; *В. Майковъ* «Критическіе опыты» СПБ. 1891 г., стр. XIX, XXIV. Много неблагопріятныхъ отзывовъ о Дершау можно найти въ перепискѣ Плетнева съ Гротомъ (1896 г., 3 т.). Съ начала 1848 г. «Финскій Вѣстникъ» былъ переименованъ въ «Сѣверное Обозрѣніе».

чатлѣніе многія рѣчи Петрашевскаго. Вѣроятно Пальму онѣ казались мало понятными вслѣдствіе недостаточности его подготовки. Однажды Пальмъ принялъ участіе въ спорѣ Петрашевскаго съ Дуровымъ о Крыловѣ. Дуровъ доказывалъ, что Крыловъ геніальный писатель, Петрашевскій возражалъ ему, и Пальмъ присоединился къ мнѣнію Дурова. Въ этомъ спорѣ Дуровъ, Достоевскій и Пальмъ старались доказать Петрашевскому, что онъ «ложно понимаетъ искусство», и затѣмъ, по словамъ Пальма, «стали считать его человѣкомъ сухимъ, безъ сердца, живущимъ въ мечтахъ о всеобщемъ совершенствѣ, о какой-то смѣшной утопіи»[1]). Сухимъ и безсердечнымъ человѣкомъ Петрашевскій показался Пальму, вѣроятно, потому, что отказалъ ему въ денежной ссудѣ: Пальмъ, ко ечно, не зналъ, какъ трудно было Петрашевскому добывать каждый грошъ у своей матери, а жалованье его было весьма невелико. Пальмъ ввелъ къ Петрашевскому Головинскаго и своего брата. Петрашевскій также бывалъ у Пальма и Дурова, но не на ихъ вечерахъ. Напротивъ, Пальмъ былъ частымъ посѣтителемъ пятницъ Петрашевскаго.

Одно время Пальмъ жилъ со Щелковымъ, затѣмъ они стали жить втроемъ: вмѣстѣ съ Дуровымъ[2]). И другіе замѣчали, что Дуровъ и Пальмъ «всегда были вмѣстѣ». Чиновникъ Алексѣй Дмитріевичъ Щелковъ[3]), кандидатъ харьковскаго университета, хорошій віолончелистъ, своею игрою вмѣстѣ съ другимъ музыкантомъ, Кашевскимъ[4]), доставлялъ большое удовольствіе гостямъ, посѣщавшимъ вечера его сожителей, но въ литературно-научныхъ разговорахъ участія не принималъ. Однако, онъ также довольно часто бывалъ на пятницахъ Петрашевскаго. Львовъ прямо говоритъ, что на вечерахъ, устроенныхъ на общей квартирѣ Щелкова съ Дуровымъ и Пальмомъ, первый былъ «совершенно безгласенъ и только восхищалъ своею игрою на віолончели».

---

[1]) Мы увидимъ ниже, что Достоевскій иначе отзывается объ этомъ спорѣ съ Петрашевскимъ.

[2]) Описаніе этой жизни, причемъ музыкантъ Щелковъ замѣненъ художникомъ, см. въ романѣ *Альминскаго* (Пальма) «Алексѣй Слободинъ», Спб. 1873, стр. 301, 328—329.

[3]) Въ запискахъ Е. И. Ламанскаго, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», онъ ошибочно называется Щелкановымъ. (1915 г., № 1, стр. 77—78). Относительно дѣла петрашевцевъ воспоминанія эти крайне скудны, хотя Е. Ламанскій могъ бы многое разсказать о собраніяхъ у Петрашевскаго, Дурова и Плещеева, на которыхъ онъ бывалъ.

[4]) Ник. Адамов. Кашевскій окончилъ курсъ въ московск. унив. по философскому факультету въ 1840 г. со званіемъ дѣйств. студента; въ 1849 г. онъ служилъ въ морскомъ министерствѣ въ канцеляріи флота генералъ-интенданта; въ свободное отъ службы время давалъ уроки музыки въ частныхъ домахъ. Бывалъ иногда у Петрашевскаго и очень часто у Дурова.

Къ числу иниціаторовъ вечеровъ у Дурова и Пальма, кромѣ ихъ самихъ, принадлежали ихъ близкіе знакомые—писатели Ѳ. М. Достоевскій и А. Н. Плещеевъ.

Достоевскій родился 30 октября 1821 г., слѣдовательно во время ареста по дѣлу Петрашевскаго ему было 27 лѣтъ, какъ онъ и показалъ на допросѣ. Онъ отмѣтилъ также, что воспитывался въ главномъ инженерномъ училищѣ на собственный счетъ. Изъ указа объ отставкѣ Достоевскаго видно, что въ училищѣ ему пришлось осилить массу спеціальныхъ предметовъ, непригодныхъ въ его позднѣйшей жизни для литературной дѣятельности[1]), но все же учебная часть стояла въ инженерномъ училищѣ выше, чѣмъ въ обыкновенныхъ корпусахъ.

Еще дома братья Достоевскіе усвоили любовь къ чтенію: читали исторію Карамзина (всего чаще XI и XII тома), біографію Ломоносова, написанную Ксенофонтомъ Полевымъ, произведенія Державина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Нарѣжнаго, Загоскина, Лажечникова, Даля, Вельтмана, Вальтеръ-Скотта. Въ училищѣ Ѳ. М. читаетъ сочиненія Шекспира, Гете, Гофмана, Виктора Гюго, почти всего Бальзака, въ 1838 г. знакомится съ однимъ изъ произведеній Жоржъ Занда, отъ котораго «былъ потомъ въ лихорадкѣ всю ночь», но наиболѣе сильное вліяніе на него Жоржъ Занда сказалось въ половинѣ 1840-хъ годовъ, когда въ 1845 г. онъ даетъ восторженный отзывъ о «Теверино», романѣ Жоржъ Занда, переводъ котораго былъ напечатанъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1845 г.: «ничего подобнаго еще не было въ нашемъ столѣтіи»[2]). Въ училищѣ Достоевскій всего болѣе увлекался Шиллеромъ. Въ письмѣ къ брату Михаилу (1 января 1840 г.) онъ писалъ: «Я вызубрилъ Шиллера, бредилъ имъ, и думаю, что ничего болѣе кстати не сдѣлала судьба.., какъ дала мнѣ узнать великаго поэта въ такую эпоху моей жизни... Имя Шиллера стало мнѣ роднымъ, какимъ-то волшебнымъ звукомъ, вызывающимъ столько мечтаній[3]). Въ училищѣ Достоевскій набрасываетъ свое первое произведеніе «Бѣдные люди», надъ которымъ по выходѣ въ отставку сталъ заново работать[4]).

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1909 г., № 4.

[2]) *О. Ѳ. Миллеръ.* « Матеріалы для жизнеописанія Ѳ. М. Достоевскаго», 23—24, 32—34, 63, 78.

[3]) Своею начитанностью Достоевскій изумлялъ товарища по училищу Григоровича («Литературныя воспоминанія Д. В. Григоровича». «Русс. Мысль» 1892 г. № 12, стр. 22), «начитанностью и мастерскимъ изложеніемъ» своего воспитателя А. И. Савельева («Памяти Д. В. Григоровича». «Рус. Стар.» 1900 г. № 8, стр. 333). Достоевскій читалъ и такія серьезныя сочиненія, какъ произведенія Монтескьё (*Савельевъ*, 332).

[4]) *О. Миллеръ*, стр. 39, 43, 58; *Савельевъ* «Воспоминанія о Достоевскомъ» въ «Новомъ Времени», 1896 г., 24 января, № 7150.

19 октября 1844 г. Ѳ. Достоевскій былъ уволенъ въ отставку по прошенію. Въ показаніи во время слѣдствія онъ сообщилъ о себѣ слѣдующія свѣдѣнія: «По смерти родителей наслѣдовалъ вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ нашимъ, оставшимся послѣ нихъ, недвижимымъ имѣніемъ, числомъ около ста душъ, состоящимъ въ Тульской губерніи; но въ 1845 г., по взаимному соглашенію съ родственниками, отказался отъ слѣдуемой мнѣ части имѣнія за единовременно выплаченную мнѣ сумму денегъ. Въ настоящее время не имѣю ни недвижимаго имѣнія, ни капиталовъ. Средства же къ содержанію себя получалъ чрезъ литературную работу, чѣмъ и существовалъ до сихъ поръ». Матеріальное положеніе Достоевскаго было обыкновенно весьма тяжелое[1]).

«Бѣдные люди» были напечатаны въ «Петербугскомъ Сборникѣ» Некрасова на 1846 г., появившемся въ январѣ этого года, но, еще до выхода въ свѣтъ этого произведенія, оно въ маѣ 1845 г. привело въ восторгъ Некрасова, Григоровича и Бѣлинскаго[2]). Знакомство съ Бѣлинскимъ сыграло огромную роль въ жизни Достоевскаго. Бѣлинскій съ начала 40-хъ годовъ выработалъ въ себѣ весьма опредѣленное политическое и соціальное міросозерцаніе[3]).

«Въ первые дни знакомства», разсказываетъ Достоевскій о Бѣлинскомъ», привязавшись ко мнѣ всѣмъ сердцемъ, онъ тотчасъ же бросился, съ самою простодушною торопливостью, обращать меня въ свою вѣру... Я засталъ его страстнымъ соціалистомъ, и онъ прямо началъ со мной съ атеизма... Выше всего цѣня разумъ, науку и реализмъ, онъ въ то же время понималъ глубже всѣхъ, что одни: разумъ, наука и реализмъ могутъ создать лишь муравейникъ, а не соціальную «гармонію», въ которой бы можно было ужиться человѣку. Онъ зналъ, что основа всему—начала нравственныя. Въ новыя нравственныя основы соціализма... онъ вѣрилъ до безумія и безо всякой рефлексіи; тутъ былъ одинъ лишь восторгъ[4]). Но, какъ соціалисту, ему прежде всего слѣдовало низложить христіанство; онъ зналъ, что революція непремѣнно должна начинаться съ атеизма. Ему надо было низложить ту религію, изъ которой вышли нравственныя основанія отрицаемаго имъ общества. Семейство, собственность, нравственную отвѣтственность личности онъ отрицалъ радикально... Онъ видѣлъ всѣмъ существомъ своимъ..., что соціализмъ не только не разрушаетъ свободу личности, а напротивъ возстановляетъ ее въ неслыханномъ величіи, но на новыхъ и уже адамантовыхъ основаніяхъ.

«Тутъ оставалась, однако, сіяющая личность самого Христа, съ которою всего труднѣе было бороться. Ученіе Христа онъ, какъ соціалистъ, необходимо долженъ былъ разрушать, называть его ложнымъ и невѣже-

---

[1]) Ср. Письма Достоевскаго къ А. А. Краевскому въ «Русской Старинѣ», 1913 г. № 3.

[2]) «Дневникъ писателя» Достоевскаго, 1877 г., гл. 2, § 3.

[3]) См. объ общественныхъ и политическихъ взглядахъ Бѣлинскаго мою статью «Сенъ-Симонисты и фурьеристы въ Россіи въ царствованіе императора Николая I» въ «Книгѣ для чтенія по исторіи новаго времени», т. IV, ч. 2, стр. 352—358.

[4]) Бѣлинскій въ это время былъ несомнѣнно убѣжденнымъ соціалистомъ, но все же изъ его писемъ видно, что онъ вовсе не такъ некритически относился ко всѣмъ соціалистамъ.

ственнымъ человѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукою и экономическими началами; но все-таки оставался пресвѣтлый ликъ Богочеловѣка, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота. Но въ безпрерывномъ, неугасимомъ восторгѣ своемъ Бѣлинскій не остановился даже и предъ этимъ неодолимымъ препятствіемъ...

— Да знаете ли вы, взвизгивалъ онъ разъ вечеромъ..., обращаясь ко мнѣ:—знаете ли вы, что нельзя насчитывать грѣхи человѣку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество такъ подло устроено, что человѣку невозможно не дѣлать злодѣйствъ, когда онъ экономически приведенъ къ злодѣйству, и что нелѣпо и жестоко требовать съ человѣка того, чего уже по законамъ природы не можетъ онъ выполнить, если бы даже хотѣлъ»...

Бѣлинскій могъ, конечно, высказываться отрицательно о нѣкоторыхъ сторонахъ христіанскаго ученія, но едва ли точны показанія Достоевскаго о пренебрежительномъ отношеніи Бѣлинскаго къ личности Христа: они противорѣчатъ тому, что Бѣлинскій говоритъ объ Іисусѣ Христѣ въ одной изъ своихъ печатныхъ статей того времени[1]) и въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю. И самъ Достоевскій припоминаетъ, что на замѣчаніе одного молодого писателя, присутствовавшаго при этой бесѣдѣ: «если бы теперь появился Христосъ, Онъ бы примкнулъ къ движенію и сталъ во главѣ его», Бѣлинскій поспѣшилъ съ этимъ согласиться и сказалъ: «Онъ бы именно примкнулъ къ соціалистамъ и пошелъ за ними».

«Эти двигатели человѣчества», продолжаетъ Достоевскій, къ которымъ предназначалось примкнуть Христу, были тогда все французы: прежде всего Жоржъ Зандъ, теперь совершенно забытый Кабетъ, Пьеръ Леру и Прудонъ... Этихъ четырехъ, сколько припомню, всего болѣе уважалъ тогда Бѣлинскій. Фурье уже далеко не такъ уважался. О нихъ толковалось у него по цѣлымъ вечерамъ. Былъ также одинъ нѣмецъ, передъ которымъ тогда онъ очень склонялся,—Фейербахъ... О Штраусѣ говорилось съ благоговѣніемъ...

«Я страстно принялъ тогда», говоритъ Достоевскій, «все ученіе его» (Бѣлинскаго) [2]).

Проповѣдь Бѣлинскаго не осталась, конечно, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. По словамъ Достоевскаго, въ послѣдней главѣ «Дневника писателя» 1873 г., Бѣлинскій посвятилъ его «во всю *правду* грядущаго обновленнаго міра и во всю *святость* будущаго коммунистическаго общества»[3]).

Вѣроятно къ началу знакомства Достоевскаго съ Бѣлинскимъ относится неизданная, написанная карандашемъ безъ хронологической даты, записка Бѣлинскаго къ Достоевскому, взятая при арестѣ послѣдняго въ его бумагахъ: «Достоевскій, душа моя (безсмертная)[4]) жаждетъ видѣть васъ. Приходите, пожалуйста,

---

[1]) «Взглядъ на русс. литературу въ 1847 г.». «Сочиненія В. Бѣлинскаго, ч. XI, изд. 4, М. 1892 г., стр. 350.

[2]) «Дневникъ писателя» 1873 г. «Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго» СПБ. 1883 г., т. X, 6—9.

[3]) См. тамъ же т. X, стр. 154.

[4]) Очевидно намекъ на споры съ Достоевскимъ о безсмертіи души.

къ намъ, васъ проводитъ человѣкъ, отъ котораго вы получите эту записку. Вы увидите все нашихъ, а хозяина не дичитесь, онъ радъ васъ видѣть у себя. В. Бѣлинскій». Объ этой запискѣ Достоевскій въ своемъ показаніи заявилъ, что ничего не можетъ припомнить относительно нея, «но этими словами», продолжаетъ онъ, «я вовсе не хочу отречься отъ моего знакомства съ Бѣлинскимъ. Я былъ съ нимъ знакомъ въ первый годъ знакомства довольно коротко, во второй годъ очень отдаленно, а въ третій годъ былъ съ нимъ въ ссорѣ и не видался съ нимъ ни разу.— Если записка эта пригласительная, то, вѣроятно, она была написана еще въ первые дни нашего знакомства, и если онъ когда нибудь приглашалъ меня, то просто въ гости, а не въ собранія. Кругъ знакомства Бѣлинскаго, сколько я знаю, былъ очень тѣсенъ и ограничивался литературнымъ кружкомъ. Въ собранія большія онъ не ходилъ и терпѣть ихъ не могъ, потому что былъ нелюдимъ, хворъ и сидень. Вѣроятно, онъ хотѣлъ познакомить меня съ кѣмъ нибудь изъ литераторовъ; тогда, т.-е. въ первые дни нашего знакомства, онъ очень интересовался мною, ибо первый романъ мой ему очень понравился, и онъ смотрѣлъ на меня, нѣсколько преувеличивая и мое дарованіе, и значеніе мое. Черезъ романъ мой я съ нимъ и познакомился. Сколько помню, мы только и говорили тогда объ одной литературѣ, и нѣсколько мѣсяцевъ велся у насъ жаркій споръ о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, чисто литературныхъ. Итакъ повторяю, что если я былъ приглашенъ куда нибудь, то не въ собраніе, а *въ гости* къ какому нибудь литератору, но куда? какъ?—припомнить ничего не могу, потому что о запискѣ совершенно забылъ и не знаю ея. Собраній же постоянныхъ ни у кого не бывало».

Бѣлинскій охладѣлъ къ Достоевскому, которому также пришлось не по душѣ неодобрительное отношеніе знаменитаго критика къ нѣкоторымъ его послѣдующимъ произведеніямъ[1]). «Въ послѣдній годъ его жизни», говоритъ Достоевскій, «я уже не ходилъ къ нему, онъ меня не взлюбилъ»[2]). Кромѣ чрезмѣрнаго самолюбія Достоевскаго, вздутаго первымъ успѣхомъ, охлаждающимъ образомъ дѣйствовала на Бѣлинскаго крайняя неаккуратность Достоевскаго въ денежныхъ дѣлахъ, различіе литературныхъ взглядовъ и, вѣроятно, тотъ мистицизмъ Достоевскаго, который не могъ изгладиться подъ вліяніемъ проповѣдей

---

[1]) См. *Ашевскій* «Достоевскій и Бѣлинскій» «Міръ Божій», 1904 г. № 1 (и въ книгѣ *Ашевскаго* «Бѣлинскій въ оцѣнкѣ его современниковъ», Спб. 1911 г. стр., 168—205); *Бѣлинскій* Письма. Ред. и примѣч. Е. А. Ляцкаго, СПБ., 1914 г., т. III, 286, 296—7, 338.

[2]) Полное собр. сочиненій, Достоевскаго, т. X, стр. 6, 9.

Бѣлинскаго. Въ предварительномъ показаніи своемъ Достоевскій говоритъ: «Въ литературномъ мірѣ не безызвѣстно весьма многимъ о моей ссорѣ и окончательномъ разрывѣ съ Бѣлинскимъ въ послѣдній годъ его жизни. Извѣстна тоже и причина нашей размолвки. Она произошла изъ-за идей о литературѣ и о направленіи литературы. Взглядъ мой былъ радикально противоположенъ взгляду Бѣлинскаго. Я упрекалъ его въ томъ, что онъ силится дать литературѣ частное, недостойное ея назначеніе, низводя ее единственно до описанія, если можно такъ выразиться, однихъ газетныхъ фактовъ или скандалезныхъ происшествій(?). Я именно возражалъ ему, что желчью не привлечешь никого, а только надоѣшь смертельно всѣмъ и каждому, хватая встрѣчнаго и поперечнаго на улицѣ, останавливая каждаго прохожаго за пуговицу фрака и начиная сильно проповѣдовать ему и учить его уму-разуму. Бѣлинскій разсердился на меня, и наконецъ отъ охлажденія мы перешли къ формальной ссорѣ, такъ что и не видались наконецъ другъ съ другомъ въ продолженіе всего послѣдняго года его жизни»[1]).

Слова Достоевскаго: «я страстно принялъ тогда все ученіе его» или означаютъ лишь временное увлеченіе, или подлежатъ ограниченію, какъ увидимъ ниже, не только относительно взглядовъ на религію. По свидѣтельству доктора Яновскаго, Ѳ. М. вмѣстѣ съ нимъ говѣлъ въ 1847 и 1849 г.г. и «дѣлалъ это не для формы». Яновскій говоритъ, что онъ «благоговѣлъ передъ твердостью въ православіи» Достоевскаго. По свидѣтельству Спѣшнева, который самъ былъ атеистомъ, Петрашевскій будто бы производилъ отталкивающее впечатлѣніе на Достоевскаго тѣмъ, что не вѣрилъ въ Бога и глумился надъ религіею[2]). По словамъ одного изъ лицъ, встрѣчавшихъ тогда Достоевскаго, онъ былъ молчаливъ и становился разговорчивымъ только одинъ на одинъ; вообще же былъ болѣе скрытенъ, чѣмъ откровененъ. По свидѣтельству Спѣшнева, Ѳ. М. никогда не казался молодымъ, такъ какъ у него былъ болѣзненный видъ[3]). По словамъ Ястржемб-

---

[1]) *Бѣлинскій,* Письма, III, 176, 180; «Петрашевцы», изд. Саблина, стр. 89—90.

[2]) *О. Миллеръ,* 91, 94—95.

[3]) Вотъ какъ описываетъ Достоевскаго его пріятель, докторъ Яновскій въ 1846 г.: «Роста онъ былъ ниже средняго..., широкъ былъ въ плечахъ и въ груди..., лобъ чрезвычайно развитой съ особенно выдававшимися лобными возвышеніями, глаза небольшіе, свѣтло-сѣрые и чрезвычайно живые, губы тонкія и постоянно сжатыя, придававшія всему лицу выраженіе какой-то сосредоточенной доброты и ласки; волосы у него были болѣе чѣмъ свѣтлые, почти бѣловатые... Одѣтъ онъ былъ чисто и можно сказать изящно; на немъ былъ прекрасно сшитый изъ превосходнаго сукна черный сюртукъ, черный казимировый жилетъ, безукоризненной бѣлизны голландское бѣлье и циммермановскій цилиндръ... Держалъ онъ себя

скаго, Достоевскій «былъ тихій, скромный, на видъ очень симпатичный молодой человѣкъ; его лицо обнаруживало болѣзненность. Говорилъ онъ всегда мало и тихо. Всѣ мы всегда видѣли въ немъ человѣка мягкаго, нервнаго, способнаго къ самой нѣжной чувствительности. При интимныхъ бесѣдахъ въ немъ всегда можно было узнать автора «Неточки Незвановой». Достоевскій обладалъ симпатичнымъ голосомъ и былъ «мастеръ читать». Несмотря на сдержанность и молчаливость, по словамъ Ип. М. Дебу, Ѳ. М. могъ доходить въ своихъ рѣчахъ до потрясающаго паѳоса[1]).

На вопросъ объ его знакомствахъ и перепискѣ Ѳ. М. Достоевскій далъ слѣдственной комиссіи такой отвѣтъ: «*Совершенно откровенныхъ* сношеній не имѣлъ ни съ кѣмъ, кромѣ какъ съ братомъ моимъ, отставнымъ инженеръ-подпоручикомъ Михайломъ Достоевскимъ. Пріятельскихъ же знакомствъ имѣлъ нѣсколько; ближе всего съ семействомъ художника Майкова, съ докторомъ медицины Яновскимъ, съ Дуровымъ, съ Пальмомъ, съ Плещеевымъ, съ Головинскимъ и съ Филипповымъ «(послѣдніе пять—петрошевцы)». Частыя сношенія имѣлъ съ моимъ братомъ Михайлою, съ докторомъ Яновскимъ, у котораго лечусь уже два года отъ моей болѣзни, и съ Андреемъ Александровичемъ Краевскимъ по поводу близкаго моего участія въ издаваемомъ имъ журналѣ «Отечественныхъ Запискахъ».—Кромѣ петербургскихъ знакомствъ, сносился съ родственниками моими въ Москвѣ. За границею сношеній не имѣлъ никакихъ».

Изъ показаній Достоевскаго было напечатано, хотя и не совсѣмъ исправно, только его «предварительное», довольно обширное показаніе[2]). Остальныя показанія его до сихъ поръ еще не появлялись въ печати, кромѣ того, что было изъ нихъ приведено въ моихъ статьяхъ о Петрашевскомъ, но тамъ я не имѣлъ возможности подробно остановиться на отношеніяхъ Петрашевскаго къ братьямъ Достоевскимъ[3]).

1 марта 1849 г. Антонелли донесъ Липранди, что Петрашевскій

какъ-то мѣшковато, какъ держатъ себя не воспитанники военно-учебныхъ заведеній, а окончившіе курсъ семинаристы. Легкія при самомъ тщательномъ осмотрѣ и выслушиваніи оказались совершенно здоровыми, но удары сердца были не совершенно равномѣрны, а пульсъ былъ неровный и замѣчательно сжатый, какъ бываетъ у женщинъ и у людей нервнаго темперамента». Достоевскій былъ весьма мнителенъ и «часто жаловался на особенныя головныя дурноты». «Русскій Вѣстникъ», 1885 г. № 4, стр. 797—8, 800.

[1]) *О. Миллеръ*, 94, 95, 100.

[2]) «Космополисъ» 1898 г. № 9; перепечатано въ изд. Саблина «Петрашевцы», стр. 83—95.

[3]) Цитаты изъ напечатаннаго предварительнаго показанія Достоевскаго я буду приводить съ исправленіями на основаніи подлинной рукописи.

заходилъ къ сочинителю Достоевскому, и на вопросъ Антонелли, давно ли онъ знакомъ съ нимъ, Петрашевскій сказалъ, что «знакомство это давнишнее, и что оно очень дружно съ обоими братьями»; напротивъ, Ѳ. М. Достоевскій на слѣдствіи, по весьма понятнымъ причинамъ, старался представить его менѣе близкимъ: «Я никогда», заявилъ онъ, «не былъ въ очень короткихъ отношеніяхъ съ Петрашевскимъ, хотя и ѣздилъ къ нему по пятницамъ, а онъ въ свою очередь отдавалъ мнѣ визиты. Это одно изъ такихъ знакомствъ моихъ, которымъ я не дорожилъ слишкомъ много, не имѣя сходства ни въ характерѣ, ни во многихъ понятіяхъ съ Петрашевскимъ. И потому я поддерживалъ знакомство съ нимъ ровно настолько, насколько того требовала учтивость, т.-е. посѣщалъ его изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, а иногда и рѣже. Оставить же его совсѣмъ я не имѣлъ никакой причины. Да къ тому же мнѣ бывало иногда любопытно ходить на его пятницы».

Въ позднѣйшемъ (неизданномъ) показаніи во время того же слѣдствія Достоевскій такъ описываетъ свое знакомство съ Петрашевскимъ и свои посѣщенія его пятницъ:

«Я знакомъ съ Петрашевскимъ ровно три года. Я увидалъ его въ первый разъ весною 1846 г. Знакомство наше было случайное. Я былъ, если не ошибаюсь, вмѣстѣ съ Плещеевымъ въ кондитерской у Полицейскаго моста и читалъ газету. Я видѣлъ, что Плещеевъ остановился говорить съ Петрашевскимъ, но я не разглядѣлъ лица Петрашевскаго. Минутъ черезъ пять я вышелъ. Не доходя Большой Морской, Петрашевскій поравнялся со мною и вдругъ спросилъ меня: «Какая идея вашей будущей повѣсти, позвольте спросить?» Такъ какъ я не разглядѣлъ Петрашевскаго въ кондитерской, и онъ самъ не сказалъ со мною ни слова, то мнѣ показалось, что Петрашевскій совсѣмъ посторонній человѣкъ, попавшійся мнѣ на улицѣ, а не знакомый Плещеева. Подоспѣвшій Плещеевъ разъяснилъ мое недоумѣніе. Мы сказали два слова и, дошедши до Малой Морской, разстались. Такимъ образомъ Петрашевскій съ перваго раза завлекъ мое любопытство. Эта первая встрѣча съ Петрашевскимъ была наканунѣ моего отъѣзда въ Ревель [1]), и видалъ я его потомъ уже зимою. Мнѣ показался онъ очень оригинальнымъ человѣкомъ, но не пустымъ; я замѣтилъ его начитанность, знанія. Пошелъ я къ нему въ первый разъ уже около поста сорокъ седьмого года.

«Въ первые два года знакомства я бывалъ у Петрашевскаго очень рѣдко; иногда не бывалъ по три, по четыре мѣсяца и болѣе. Въ послѣднюю же зиму я сталъ ходить къ нему чаще. Но тоже

---

[1]) Ѳ. М. Достоевскій ѣздилъ на лѣто 1846 г. въ Ревель, гдѣ жилъ въ то время его братъ Мих. Мих.

изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Впрочемъ, не ровно. Иногда бывалъ два раза сряду; другой разъ пропускалъ цѣлый мѣсяцъ. Такъ напримѣръ въ мартѣ мѣсяцѣ я не былъ ни разу [1]). Сталъ я ходить чаще изъ любопытства; кромѣ того я встрѣчалъ тамъ нѣкоторыхъ знакомыхъ. Наконецъ, самъ принималъ иногда участіе въ разговорѣ, въ спорѣ, который, оставаясь неоконченнымъ въ одинъ вечеръ, невольно позывалъ меня итти въ другой разъ и докончить споръ...

«Изъ знакомыхъ Петрашевскаго я до сихъ поръ не знаю нѣкоторыхъ по фамиліи. Такъ напримѣръ фамилію Ахшарумова, Берестова [2]) я узналъ уже во время ареста; такъ же точно и Кропотова, котораго я видѣлъ, кажется, всего только одинъ разъ у Петрашевскаго. Что же касается до Кашина (т.-е. Кашкина), то я его и въ лицо не знаю и у Петрашевскаго никогда не видалъ. Съ иными я сошелся ближе, чѣмъ съ другими. Впрочемъ, не всякое знакомство было сдѣлано у Петрашевскаго. Изъ ближайшихъ лицъ были: Плещеевъ, Дуровъ, Пальмъ; кромѣ того я зналъ младшаго Десбута (И. М. Дебу), Кайданова, Львова, Момбелли Баласогло, Филиппова. Они бывали у Петрашевскаго довольно часто, но помню, что бывали они не всякій разъ. Кайдановъ былъ раза четыре въ зиму, Кузьминъ одинъ разъ, Плещеевъ раза четыре, не болѣе. Старшаго Десбута я почти не помню. Онъ, братъ его, Кайдановъ, Пальмъ почти никогда не принимали участія въ общемъ разговорѣ. Изъ введенныхъ мною къ Петрашевскому были Головинскій и мой братъ. Головинскій собирался ѣхать въ Казань. Узнавши о томъ отъ меня случайно, Петрашевскій сказалъ, что ему бы хотѣлось послать письмо въ Казань съ Головинскимъ, и я вызвался привести Головинскаго къ нему. Головинскаго же я склонилъ итти потому, что онъ уже зналъ прежде о Петрашевскомъ по слухамъ и разъ объ немъ у меня спрашивалъ. Я повелъ Головинскаго собственно только затѣмъ, чтобъ показать ему Петрашевскаго и его знакомыхъ, зная, что ему придется быть у Петрашевскаго не болѣе двухъ разъ до отъѣзда, т.-е., что я не навяжу скучнаго и непріятнаго знакомства ни тому, ни другому за краткостью срока этого знакомства. Головинскій былъ всего два раза».

Въ своихъ показаніяхъ Достоевскій имѣлъ обыкновеніе давать характеристики тѣхъ лицъ, которыхъ онъ ближе зналъ; характе-

---

[1]) Это невѣрно: изъ донесеній Антонелли видно, что Достоевскій былъ на пятницахъ Петрашевскаго—11, 18 и 25-го марта, 1-го и 15-го апрѣля.

[2]) Художникъ, познакомившійся съ Петрашевскимъ зимою 1848—49 г. Алексѣй Ив. Берестовъ.

ризовалъ онъ и Петрашевскаго въ своемъ предварительномъ показаніи:

«Меня всегда поражало много экцентричности и странности въ характерѣ Петрашевскаго. Даже знакомство наше началось тѣмъ, что онъ съ перваго раза поразилъ мое любопытство своими странностями. Но ѣзжалъ я къ нему не часто. Случалось, что я не бывалъ у него иногда болѣе полугода. Въ послѣднюю же зиму, начиная съ сентября мѣсяца, я былъ у него не болѣе 8 разъ. Мы никогда не были коротки другъ съ другомъ; я думаю, что во все время нашего знакомства мы никогда не оставались вмѣстѣ одни, глазъ на глазъ, болѣе получасу. Я даже замѣтилъ положительно, что онъ, заѣзжая ко мнѣ, какъ будто исполняетъ долгъ учтивости, но что, напримѣръ, вести со мной долгій разговоръ ему тягостно. Да и со мной было то же самое, потому что, повторяю, у насъ мало было пунктовъ соединенія и въ идеяхъ, и въ характерахъ. Мы оба опасались долго заговариваться другъ съ другомъ, потому что съ десятаго слова мы бы оба заспорили, а это намъ обоимъ надоѣло. Мнѣ кажется, что взаимныя впечатлѣнія наши другъ о другѣ одинаковы. По крайней мѣрѣ я знаю, что я очень часто ѣзжалъ къ нему по пятницамъ не столько для него и для самихъ пятницъ, сколько для того, чтобы встрѣтить нѣкоторыхъ людей, съ которыми я хотя и былъ знакомъ, но видѣлся чрезвычайно рѣдко и которые мнѣ нравились. Впрочемъ, я всегда уважалъ Петрашевскаго, какъ человѣка честнаго и благороднаго.

«Объ эксцентричностяхъ и странностяхъ его говорятъ очень многіе, почти всѣ, кто знаютъ или слышали о Петрашевскомъ и даже по нимъ дѣлаютъ свое о немъ заключеніе... Человѣкъ онъ вѣчно суетящійся и движущійся, вѣчно чѣмъ нибудь занятъ. Читаетъ много, уважаетъ систему Фурье и изучилъ ее въ подробности. Кромѣ того особенно занимается законовѣдѣніемъ. Вотъ все, что я знаю о немъ, какъ о частномъ лицѣ по даннымъ, весьма неполнымъ для совершенно точнаго опредѣленія характера, потому что, повторяю еще разъ, въ слишкомъ короткихъ сношеніяхъ съ нимъ я никогда не находился.

«Трудно сказать, чтобы Петрашевскій (наблюдаемый какъ политическій человѣкъ) имѣлъ какую нибудь свою опредѣленную систему въ сужденіи, какой нибудь опредѣленный взглядъ на политическія событія. Я замѣтилъ въ немъ послѣдовательность только одной системѣ; да и та не его, а Фурье. Мнѣ кажется, что именно Фурье и мѣшаетъ ему смотрѣть самобытнымъ взглядомъ на вещи. Впрочемъ, могу утвердительно сказать, что Петрашевскій слишкомъ далекъ отъ идеи возможности немедленнаго примѣненія системы Фурье къ нашему общественному быту. Въ этомъ я былъ увѣренъ».

На вопросъ: «вредный ли человѣкъ Петрашевскій и до какой степени онъ вреденъ для общества», Достоевскій отвѣтилъ съ большими оговорками. Ему извѣстно, что Петрашевскій «уважаетъ систему Фурье», но распространялъ ли онъ его ученіе, онъ не знаетъ.

«Петрашевскій вѣритъ Фурье. Фурьеризмъ—система мирная; она очаровываетъ душу своею изящностью, обольщаетъ сердце тою льбовью къ человѣчеству, которая воодушевляла Фурье, когда онъ создавалъ свою систему, и удивляетъ умъ своею стройностью. Привлекаетъ къ себѣ она не желчными нападками, а воодушевляетъ любовью къ человѣчеству. Въ системѣ этой нѣтъ ненавистей. Реформы политической фурьеризмъ не полагаетъ; его реформа экономическая. Она не посягаетъ ни на правительство, ни на собственность, а въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты Викторъ Консидеранъ, представитель фурьеристовъ, торжественно отказался отъ всякаго посягновенія на фамилію» (т.-е. семейство). «Наконецъ, эта система кабинетная и никогда не будетъ популярною. Фурьеристы во время всего февральскаго переворота ни разу не вышли на улицу, а остались въ редакціи своего журнала[1]), гдѣ они проводятъ свое время

[1]) Однако 12 февр. 1848 г. органъ Консидерана «Démocratie pacifique» прямо призналъ, что «мирный путь для развитія Франціи прегражденъ», что упрямство правительственнаго большинства вызываетъ возстаніе. Въ слѣдующія затѣмъ дни онъ привѣтствуетъ побѣду народа и установленіе всеобщаго избирательнаго права. 25-го февраля, въ 7 ча-

уже слишкомъ двадцать лѣтъ въ мечтахъ о будущей красотѣ фаланстера. Но, безъ сомнѣнія, эта система вредна. Во-первыхъ, уже по одному тому, что она система; во-вторыхъ, какъ ни изящна она, она все-таки утопія самая несбыточная. Но вредъ, производимый этой утопіей, если позволятъ мнѣ такъ выразиться, болѣе *комическій*, чѣмъ приводящій въ ужасъ. Нѣтъ системы соціальной, до такой степени осмѣянной, до такой степени непопулярной, освистанной, какъ система Фурье на западѣ. Она уже давно померла, и предводители ея сами не замѣчаютъ, что они только живые мертвецы, больше ничего. На западѣ во Франціи, въ эту минуту всякая система, всякая теорія вредна для общества; ибо голодные пролетаріи въ отчаяніи хватаются за всѣ средства и изъ всякаго средства готовы сдѣлать себѣ знамя. Тамъ минута крайности. Тамъ голодъ гонитъ на улицу. Но фурьеризмъ забытъ изъ презрѣнія къ нему, и даже *кабетизмъ*, нелѣпѣе котораго ничего не производилось на свѣтѣ, возбуждаетъ гораздо болѣе симпатіи. Что же касается до насъ, до Россіи, до Петербурга, то здѣсь стоитъ сдѣлать двадцать шаговъ по улицѣ, чтобы убѣдиться, что фурьеризмъ на нашей почвѣ можетъ только существовать или въ неразрѣзанныхъ листахъ книги, или въ мягкой, незлобивой, мечтательной душѣ, но не иначе какъ въ формѣ идилліи или подобно поэмѣ... въ стихахъ. Фурьеризмъ вреда нанести не можетъ серьезнаго. Во-первыхъ, если бы и былъ вредъ серьезный, то самое распространеніе его уже утопія, ибо до невѣроятности медленно. Чтобы понять фурьеризмъ вполнѣ, нужно его изучить, а это цѣлая наука. Нужно прочесть до десятка томовъ. Можетъ ли такая система когда либо сдѣлаться популярной. Распространять ее съ каѳедръ черезъ учителей? Но это физически невозможно уже по одному объему фурьеристической науки! Но, повторяю, вреда серьезнаго, по моему мнѣнію, отъ системы Фурье быть не можетъ, и если фурьеристъ нанесетъ кому вредъ, такъ только развѣ себѣ въ общемъ мнѣніи у тѣхъ, въ которыхъ есть здравый смыслъ. Ибо самый высочайшій комизмъ для меня—*это ненужная никому дѣятельность*. А фурьеризмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и всякая западная система, такъ неудобны для нашей почвы, такъ не по обстоятельствамъ нашимъ, такъ не въ характерѣ націи, а съ другой стороны до того порожденіе запада, до того продуктъ тамошняго, западнаго положенія вещей, среди котораго разрѣшается во что бы то ни стало пролетарскій вопросъ, что фурьеризмъ съ своею настойчивою необходимостью въ настоящее время у насъ, между которыми нѣтъ пролетаріевъ, былъ бы уморительно смѣшенъ. Дѣятельность фурьериста была бы самая ненужная, слѣдовательно самая комическая. Вотъ почему по *догадкѣ* моей я полагаю Петрашевскаго умнѣе и никогда не подозрѣвалъ его *серьезно* дальше кабинетнаго уваженія къ Фурье. Все остальное я *по истинѣ* готовъ былъ счесть за шутку. Фурьеристъ—несчастный и невиновный человѣкъ,—вотъ мое мнѣніе... Еслибъ я даже зналъ, что Петрашевскій, не боясь никакой насмѣшки, все еще старался о распространеніи фурьеризма, то я бы все таки удержался сказать, что онъ вреденъ, что онъ приноситъ положительный вредъ. Во-первыхъ, какимъ образомъ могъ быть вреденъ Петрашевскій, какъ пропагаторъ фурьеризма? Свыше моихъ понятій! Смѣшенъ, а не вреденъ! Вотъ мое мнѣніе, и вотъ что я по совѣсти могу отвѣчать на заданный мнѣ вопросъ».

Петрашевскій же въ одной изъ своихъ записокъ, представленныхъ въ слѣдственную комиссію, далъ отзывъ о Достоевскомъ, какъ объ очень талантливомъ человѣкѣ.

Собранія у Петрашевскаго Достоевскій въ своемъ предварительномъ показаніи характеризуетъ такъ:

совъ вечера, онъ присоединяется къ крикамъ: «Да здравствуетъ республика!» прибавляя однако: «соціальная реформа—цѣль, республика—средство». M-me Coignet. Victor Cosidérant. sa vie, son oeuvre. P. 1895, p. 38. Избранный депутатомъ, онъ требовалъ установленія права на трудъ и предоставленія женщинамъ избирательныхъ правъ и затѣмъ лично участвовалъ въ возстаніи 13 іюня и принужденъ былъ покинуть Францію. *Bourgin*, Victor Cosnidérant, son oeuvre. P. 1909, p. 99,107.

«Я сказалъ, что въ обществѣ, которое собиралось у Петрашевскаго, не было ни малѣйшей цѣлости, ни малѣйшаго единства, ни въ мысляхъ, ни въ направленіи мыслей. Казалось, это былъ споръ, который начался одинъ разъ съ тѣмъ, чтобы никогда не кончиться. Во имя этого спора и собиралось общество, чтобы спорить и доспориться; ибо каждый почти разъ расходились съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующій разъ возобновить споръ съ новою силою, чувствуя, что не высказали и десятой части того, что хотѣли сказать. Безъ споровъ у Петрашевскаго было бы чрезвычайно скучно, потому что одни и споры, и противорѣчія и могли соединить этихъ разнохарактерныхъ людей. Говорилось обо всемъ и ни объ чемъ исключительно, и говорилось такъ, какъ говорится въ каждомъ кружкѣ, собравшемся случайно... И если я участвовалъ иногда въ спорахъ у Петрашевскаго, если я ѣздилъ къ нему и не пугался того, когда слышалъ иное горячее слово, то это потому, что совершенно былъ увѣренъ (и увѣренъ въ томъ до сихъ поръ), что тутъ дѣло происходило семейственно, въ кругу общихъ знакомыхъ и пріятелей Петрашевскаго, а не публично... Молва преувеличивала значеніе» вечеровъ Петрашевскаго. «Тѣмъ, что говорилось иногда довольно откровенно (но всегда въ видѣ сомнѣнія, и всегда то, что говорилось, подымалось на споръ), я не смущался, потому что по моей идеѣ, лучше пусть иной горячій парадоксъ, иное сомнѣніе идетъ на судъ другихъ (конечно, не на площадь, а въ пріятельскій кругъ), чѣмъ остается внутри человѣка безъ выхода, черствѣетъ и укореняется въ душѣ его... Истина всегда наверхъ всплываетъ, и здравый смыслъ одержитъ побѣду; такъ я смотрѣлъ на эти собранія, и на основаніи такого взгляда ходилъ иногда къ Петрашевскому».

О своемъ участіи въ спорахъ у Петрашевскаго, Достоевскій въ томъ же предварительномъ показаніи заявилъ, что говорилъ у него «только три раза или, лучше сказать, два раза. Разъ *о литературѣ* по поводу спора съ Петрашевскимъ изъ-за Крылова, и другой разъ *о личности и объ эгоизмѣ*. Вообще я человѣкъ неразговорчивый и не люблю громко говорить тамъ, гдѣ есть мнѣ незнакомые. Образъ мыслей моихъ и я весь извѣстенъ только очень немногимъ моимъ пріятелямъ. Отъ большихъ споровъ я удаляюсь и люблю уступить, только бы меня оставили въ покоѣ. Но я былъ вызванъ на этотъ литературный споръ, темой котораго съ моей стороны было то, что искусство не нуждается въ направленіи, что искусство само себѣ цѣлью, что авторъ долженъ только хлопотать о художественности, а идея пріидетъ сама собою, ибо она необходимое условіе художественности. Однимъ словомъ, извѣстно, что это направленіе діаметрально противоположно газетному и[1]) пожарному (sic). Многимъ тоже извѣстно, что это направленіе мое уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Наконецъ, споръ нашъ слышали всѣ У Петрашевскаго; всѣ могутъ засвидѣтельствовать то, что я говорилъ[2]). Кончилось тѣмъ, что оказалось, что мы не понимали другъ друга. Объ этомъ заключеніи тоже всѣ слышали. И я замѣтилъ, наконецъ, что весь споръ вышелъ отчасти изъ самолюбія, потому что я заподозрилъ разъ Петрашевскаго въ отчетливомъ знаніи по этому предмету. Что же касается до второй темы—о *личности* и *эгоизмѣ*, то въ ней я хотѣлъ доказать, что между нами болѣе *амбиціи*, чѣмъ настоящаго человѣческаго достоинства, что мы сами впадаемъ въ самоумаленіе, въ размельченіе личности отъ мелкаго самолюбія, отъ эгоизма и отъ безцѣльности занятій. Эта тема чисто психологическая».

Весьма естественно, что Достоевскій пріуменьшалъ долю своего участія въ вечерахъ Петрашевскаго. Напротивъ, Ип. Матв. Дебу свидѣтельствуетъ, что страстный темпераментъ Достоевскаго,

---

[1]) Затѣмъ зачеркнуто: «вредно въ».

[2]) Ср. отзывъ Григорьева о томъ, какъ говорилъ Достоевскій: «Петрашевскій говорилъ, что И. А. Крыловъ былъ невеликій художникъ, а Ѳедоръ Достоевскій отлично опровергъ его. Такое увлеченіе..., съ которымъ онъ говорилъ, меня плѣнило, и я потому именно другой разъ и пошелъ къ Петрашевскому».

производившій на его слушателей потрясающее дѣйствіе, представлялся членамъ кружковъ петрашевцевъ наиболѣе подходящимъ для пропаганды. «Какъ теперь,» говоритъ онъ, «вижу я передъ собою Ѳедора Михайловича на одномъ изъ вечеровъ у Петрашевскаго, вижу и слышу его разсказывающимъ о томъ, какъ былъ прогнанъ сквозь строй фельдфебель финляндскаго полка, отмстившій ротному командиру за варварское обращеніе съ его товарищами, или же о томъ, какъ поступаютъ помѣщики со своими крѣпостными. Не менѣе живо помню его разсказывающаго свою «Неточку Незванову» гораздо полнѣе, чѣмъ была она напечатана; помню, съ какимъ живымъ, человѣческимъ чувствомъ относился онъ и тогда къ тому общественному «проценту», олицетвореніемъ котораго явилась у него впослѣдствіи Сонечка Мармеладова [1])».

Докторъ Яновскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Достоевскомъ передаетъ слѣдующій его отзывъ о вечерахъ Петрашевскаго: «Самъ я бываю оттого, что у Петрашевскаго встрѣчаю и хорошихъ людей, которые у другихъ знакомыхъ не бываютъ; а много народу у него собираются потому, что у него тепло и свободно, притомъ же онъ всегда предлагаетъ ужинъ, наконецъ, у него можно полиберальничать, а вѣдь кто изъ насъ смертныхъ не любитъ поиграть въ эту игру, въ особенности, когда выпьетъ рюмочку винца, а его Петрашевскій тоже даетъ... Ну, вотъ къ нему и ходитъ всякій народъ» [2]).

Достоевскій былъ главнымъ образомъ обвиненъ въ томъ, что на собраніяхъ у Петрашевскаго (15 апрѣля 1849 г.) и у Дурова прочелъ знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, доставленное ему изъ Москвы Плещеевымъ. Антонелли отмѣтилъ произведенное его чтеніемъ впечатлѣніе на слушателей, но не говоритъ, высказалъ ли самъ Достоевскій чѣмъ-либо свое отношеніе къ этому письму; однако, уже изъ того, что онъ съ одушевленіемъ, мастерски прочелъ его [3]) и что онъ читалъ его также и у Дурова, нужно заключить, что онъ сочувствовалъ его содержанію, своего же отношенія къ нему онъ не выразилъ на вечерѣ Петрашевскаго, быть мо-

---

[1]) *О. Миллеръ*, 90, 91. Одинъ изъ посѣтителей вечеровъ Петрашевскаго, Латкинъ, запомнилъ еще какое то «слово» Достоевскаго на тему: «почему люди боятся прослыть глупыми»; можетъ быть это и было бесѣда на тему объ «амбиціи».

[2]) Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ Яновскій говоритъ: «Самъ Ѳ. М. сходкамъ у Петрашевскаго не придавалъ никакого значенія»; онъ посѣщалъ ихъ потому, что «его тамъ слушали». Бывая постоянно у Петрашевскаго, онъ неуважительно отзывался о немъ и называлъ его агитаторомъ и интриганомъ («Русскій Вѣстникъ» 1885 г. № 4, стр. 812, 818); послѣднее противорѣчитъ приведенному выше отзыву Достоевскаго о Петрашевскомъ въ предварительномъ показаніи.

[3]) *О. Миллеръ*, 93—94.

жетъ, потому, что посѣтители пятницъ уже стали подозрѣвать присутствіе на нихъ шпіона (такимъ нѣкоторые неосновательно сочли Черносвитова вмѣсто Антонелли) [1]). Да и не было причинъ Достоевскому не восторгаться вмѣстѣ съ другими письмомъ Бѣлинскаго. Рѣзкій протестъ противъ крѣпостного права, требованіе отмѣны тѣлесныхъ наказаній, порицаніе русскаго суда и расправы онъ, конечно, могъ только горячо привѣтствовать; диѳирамбамъ Гоголя «владыкамъ» русскаго народа онъ также не могъ сочувствовать, иначе не вращался бы въ кружкѣ Петрашевскаго [2]). Нѣсколько шокировать Достоевскаго могло рѣзко отрицательное отношеніе Бѣлинскаго къ религіи, но авторъ письма допускалъ, что религіозность (а не суевѣріе) можетъ уживаться съ развитіемъ цивилизаціи и нападалъ не на религію вообще, а на православную церковь и православное духовенство лишь постольку, поскольку онѣ были «опорою кнута» и опорою деспотизма. Столь дорогую Достоевскому личность Христа, который «первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія», Бѣлинскій ставитъ здѣсь очень высоко [3]).

Приведемъ тѣ мѣста изъ письма Бѣлинскаго, на которыхъ остановила свое вниманіе слѣдственная комиссія. «Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю», сказано въ запискѣ слѣдственной комиссіи по дѣлу Петрашевскаго, «обращаетъ на себя вниманіе по весьма преступному содержанію своему. Въ этомъ письмѣ Бѣлинскій по поводу критики, написанной имъ на сочиненія Гоголя, говоритъ между прочимъ: «Нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи

---

[1]) Самъ Достоевскій о своемъ чтеніи письма Бѣлинскаго далъ два показанія: первое см. въ изд. Саблина «Петрашевцы», 89—90, второе, неизданное, болѣе краткое, таково: «Я прочелъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, вызвавшись самъ при свиданіи съ Петрашевскимъ у Дурова. Я далъ обѣщаніе и уже не могъ отказаться отъ него. Петрашевскій напомнилъ мнѣ объ этомъ обѣщаніи уже у себя на вечерѣ. Впрочемъ, онъ не зналъ и не могъ знать содержанія письма. Я его прочелъ, стараясь не выказывать пристрастія ни къ тому, ни къ другому изъ переписывавшихся. По прочтеніи письма я не говорилъ объ немъ ни съ кѣмъ изъ бывшихъ у Петрашевскаго. Мнѣній объ этой перепискѣ тоже не слыхалъ. При чтеніи слышны были иногда отрывочныя восклицанія, иногда смѣхъ, смотря по впечатлѣнію, но изъ этого я не могъ замѣтить чего-нибудь цѣлаго. Къ тому же, бывъ занятъ чтеніемъ, я не могу даже сказать теперь, чьи были восклицанія и смѣхъ, которые были слышны. Сознаюсь, что я поступилъ неосторожно».

[2]) Достоевскій отдалъ письмо Бѣлинскаго Момбелли для снятія копіи. Милюковъ также свидѣтельствуетъ, что Достоевскій давалъ списывать письмо Бѣлинскаго.

[3]) *В. Г. Бѣлинскій* «Письмо къ Гоголю» съ предисловіемъ С. А. Венгерова. СПБ. 1905 г.; *Бѣлинскій* «Письма» подъ ред. Е. А. Ляцкаго, III, стр. 230—239. Съ варіантами по копіи А. А. Краевскаго письмо это напечатано, хотя и менѣе полно по цензурнымъ причинамъ, въ собраніи сочиненій С. А. Венгерова, т. II, СПБ., 1913 г. въ статьѣ «Писатель-гражданинъ-Гоголь», стр. 201—217.

и... [1]) кнута проповѣдуетъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель».

«Россія видитъ свое спасеніе... въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія... Ей нужно не проповѣди... не молитвы..., а пробужденіе въ народѣ чувства и человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и навозѣ, права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью и строгое по возможности ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми..., — страны, гдѣ наконецъ нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей».

«Самые живые современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостнаго права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть; это чувствуетъ даже само правительство..., что доказывается его робкими и безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ *и комическимъ замѣненіемъ однохвостнаго кнута трехъ хвостною плетью»* [2]).

Далѣе, обращаясь къ Гоголю, Бѣлинскій писалъ: «Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и кнутобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ,—что вы дѣлаете. Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною... Что вы подобное ученіе опираете на православную церковь, это я еще понимаю, она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма. Но Христа-то зачѣмъ вы примѣшали тутъ! Что вы нашли общаго между нимъ и какою-нибудь, а тѣмъ болѣе православною церковью! Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства... Церковь же явилась іерархіей, стало быть поборницей неравенства, льстецомъ власти, врагомъ и гонительницею братства между людьми, чѣмъ продолжаетъ быть... до сихъ поръ. Но смыслъ Христова слова открытъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой-нибудь *Вольтеръ*, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма, невѣжества, *конечно, болѣе сынъ Христа и плоть... плоти его и кость отъ кости его, нежели всѣ ваши попы, архіереи, митрополиты и патріархи восточные и западные* [3])...

---

[1]) Цитируя письмо Бѣлинскаго, слѣдственная комиссія пропускаетъ нѣкоторыя слова; обозначаю эти мѣста точками.

[2]) Курсивъ въ запискѣ слѣдственной комиссіи. Кнутъ былъ замѣненъ плетьми Уголовнымъ Уложеніемъ 1845 г.; по инициативѣ мин. вн. дѣлъ Перовскаго двухвостка была замѣнена трехвостною плетью. *Н. Евреиновъ*. «Исторія тѣлесн. наказаній въ Россіи», стр. 103—104.

[3]) Курсивъ въ запискѣ слѣдственной комиссіи.

«Неужели вы искренно, отъ души пропѣли гимнъ *гнусному русскому духовенству*, поставивъ его неимовѣрно выше духовенства католическаго»...

«Характеръ (русской публики) опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія мысли [1]), но сдавленныя тяжелымъ гнетомъ, не находя исхода, производятъ только уныніе, тоску, апатію; только въ одной литературѣ, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе впередъ»...

«*Публика... видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей отъ кулака*[2]) *самодержавія, православія и народности* [3]), и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловредной книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя и [4]) въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго чутья, и это же показываетъ, что у него есть будущность».

Письмо Бѣлинскаго на слушателей въ превосходномъ чтеніи Достоевскаго, конечно, должно было произвести потрясающее впечатлѣніе; такое же впечатлѣніе оно производило и по всей Россіи. Извѣстно свидѣтельство объ этомъ И. С. Аксакова въ письмѣ къ родителямъ въ 1856 г.: «Много я ѣздилъ по Россіи: имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который не зналъ бы наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю» [5]).

По донесенію Антонелли послѣ чтенія письма Бѣлинскаго у Петрашевскаго «положено было распустить», т.-е. распространить, «это письмо въ нѣсколькихъ экземплярахъ» [6]).

Вопросъ объ общественномъ міросозерцаніи Достоевскаго въ это время я разсмотрю далѣе.

Прежде, чѣмъ перейти къ описанію вечеровъ Дурова, слѣдуетъ остановиться на четвертомъ ихъ иниціаторѣ, писателѣ А. Н. Плещеевѣ.

Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ родился въ Костромѣ, гдѣ

---

[1]) У Венгерова: «силы».
[2]) У Венгерова: «русскаго самодержавія».
[3]) Курсивъ въ запискѣ слѣдственной комиссіи.
[4]) У Венгерова: «еще».
[5]) «Письма И. С. Аксакова» т. III, М. 1892 г., стр. 290. Въ это же время И. С. Аксаковъ писалъ брату Константину: «Нѣтъ ни одного учителя гимназіи, ни одного уѣзднаго учителя, который бы не былъ подъ авторитетомъ русскаго запада» (т.-е. западниковъ), «который бы не зналъ наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю». Ibid., стр. 281.
[6]) Поручикъ Григорьевъ, выражая въ своемъ показаніи раскаяніе, говоритъ: «всему виною Петрашевскій и Бѣлинскій».

въ то время находилась проѣздомъ его мать, 22 ноября 1825 г.[1]). Отецъ его служилъ чиновникомъ при архангельскомъ, вологодскомъ и олонецкомъ генералъ-губернаторѣ, два года послѣ того перешелъ на службу въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и умеръ въ 1830-хъ годахъ. Плещеевъ получилъ дома прекрасное первоначальное образованіе. Въ 1839 г. 13-лѣтняго мальчика привезли въ Петербургъ и опредѣлили на свой счетъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, но онъ не чувствовалъ влеченія къ военной службѣ и черезъ полтора года вышелъ изъ этого заведенія, а въ 1843 г. поступилъ на восточный факультетъ петербургскаго университета, но покинулъ и его въ 1845 г., не окончивъ курса. О причинахъ этого Плещеевъ далъ такое показаніе: «Вступивъ въ 1843 г. въ императорскій с.-петербургскій университетъ, я долженъ былъ вскорѣ же оставить его по причинѣ сильной глазной болѣзни, два раза повторявшейся и на нѣсколько мѣсяцевъ оба раза лишавшей меня всякой возможности заниматься. Не явясь къ переводному экзамену въ первый годъ моего поступленія, я однако же, желалъ еще продолжать занятія и для того остался на первомъ курсѣ еще годъ; но къ концу года снова та же болѣзнь едва не повергла меня въ слѣпоту. Положеніе, существующее въ императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ, препятствуетъ студенту два года сряду остававшемуся въ одномъ курсѣ, продолжать ученіе, вслѣдствіе чего я и принужденъ былъ выйти окончательно. Съ того времени я не переставалъ интервалами страдать отъ различныхъ проявленій золотухи, бывшей постоянною причиной всѣхъ моихъ болѣзней. Это обстоятельство и мѣшало мнѣ принять на себя какую бы то ни было обязательную должность, съ которой необходимо должно быть сопряжено аккуратное, дѣятельное выполненіе ея. Не далѣе, какъ нынѣшней осенью, съ конца августа и до октября включительно, я пролежалъ въ глазной лечебницѣ доктора Штрауха и съ тѣхъ поръ не могъ заниматься по вечерамъ. Нужно было предпринять радикальное леченіе. По совѣту медиковъ я намѣревался нынѣшнимъ лѣтомъ ѣхать въ Ревель или въ Одессу для леченія морскими ваннами. Двоюродный братъ мой, проживавшій съ масляницы въ Петербургѣ, но постоянно живущій съ матерью своей въ деревнѣ подъ Москвою, уговорилъ меня отправиться съ нимъ въ Москву, оттуда къ нему въ деревню и, если позволитъ обстоятельства, то, наконецъ, въ Одессу или въ Крымъ, куда онъ сбирался также. Я тѣмъ болѣе согласился на его предложеніе, что давно имѣлъ желаніе повидаться съ теткой, живущей въ Москвѣ..., съ которой

[1]) Онъ числился дворяниномъ Московской губ.

я не видѣлся около десяти лѣтъ. Вотъ причина моей поѣздки въ Москву... Я отправился за нѣсколько дней до праздника Благовѣщенья [1]) (въ концѣ пятой недѣли вел. поста); съ наступленіемъ же весны, т.-е. 2 мая, имѣлъ намѣреніе ѣхать въ деревню».

У матери Плещеева было небольшое имѣніе; другое она продала незадолго до ареста сына своей родной сестрѣ, Пальчиковой. Кромѣ того Плещееву съ матерью досталось послѣ его дяди, д. с. с. Демьянова, имѣніе въ Костромской губерніи, во владѣніе которымъ они еще не были введены [2]). Относительно матеріальнаго своего положенія Плещеевъ показалъ: «Деньги для своихъ расходовъ получалъ отъ матери и также отъ времени до времени зарабатывалъ нѣсколько литературой, участвуя въ нѣкоторыхъ русскихъ журналахъ. Квартиру и столъ имѣлъ постоянно готовые у матери».

«Усердно изучая европейскія литературы», говоритъ біографъ Плещеева, «увлекаясь театромъ, вращаясь въ кружкахъ молодежи и имѣя уже многія литературныя знакомства, между прочимъ посѣщая званые вечера А. А. Краевскаго, юный Плещеевъ не могъ устоять противъ искушенія—повѣрить свои впечатлѣнія, мысли и чувства бумагѣ, и сталъ писать стихи». Нѣсколько стихотвореній онъ послалъ, еще будучи студентомъ перваго курса, П. А. Плетневу, тогда ректору с.-петербургскаго университета. Тотъ нашелъ, что въ авторѣ «видѣнъ талантъ», пригласилъ его къ себѣ, «обласкалъ» его и напечаталъ произведенія юнаго поэта въ «Современникѣ» (1844 г., т. XXXIII) [3]). Плетневъ скоро нѣсколько разочаровался въ Плещеевѣ. Встрѣтивъ его (въ апрѣлѣ 1844 г.) на одномъ вечерѣ, онъ писалъ затѣмъ Гроту: «Какъ эти молодые люди заражены доктриною Краевскаго» (т.-е. Бѣлинскаго): «ужасно подумать! Вообрази, что для нихъ «Москвитянинъ» все равно, что «Маякъ» [4]). Кромѣ «Современника» (1844—45 гг.), Плещеевъ помѣщалъ свои стихотворенія въ «Иллюстраціи» Кукольника 1845 г., въ «Библіотекѣ для чтенія» 1844 и 1846 гг., въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» Межевича (1845—46 гг.), въ «Литературной Газетѣ» Краевскаго 1845 г. и въ двухъ альманахахъ «Вчера и сегодня» (1846 г.) и «Красное яичко» (1848 г.). Какъ напечатанные въ этихъ изданіяхъ, такъ и новыя стихотворенія были собраны имъ въ небольшую книжку въ 1846 г., въ которую

[1]) 25 марта.

[2]) Все же средства Плещеевыхъ были, вѣроятно, не велики, такъ какъ послѣ осужденія сына Елена Плещеева съ сестрами подала прошеніе объ исходатайствованіи пособія въ виду недостаточнаго состоянія.

[3]) «Стихотворенія А. Н. Плещеева», СПБ. 1905 г. подъ ред. П. Быкова, изд. Маркса, стр. IX; «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II, СПБ., 1896 г., стр. 213.

[4]) «Переписка Я. К. Грота», II, 228.

впрочемъ вошло не все, что имъ было до тѣхъ поръ напечатано [1]). Здѣсь, между прочимъ, было помѣщено и знаменитое «Впередъ безъ страха и сомнѣнія!» Этотъ сборникъ стихотвореній Плещеева Бѣлинскій отнесъ къ тѣмъ «эфемернымъ явленіямъ» литературы, «которыя даже и не будучи лишены относительныхъ достоинствъ, перелистываются какъ новость для того, что бы быть потомъ забытыми. Въ наше время стихотворный талантъ нипочемъ—вещь очень обыкновенная; чтобы онъ чего нибудь стоилъ, ему нужно быть не просто талантомъ, но еще большимъ талантомъ, вооруженнымъ самобытною мыслію, горячимъ сочувствіемъ къ жизни, способностію глубоко понимать ее» [2]).

Въ «Литературной Газетѣ» 1847 г., редактируемой тогда В. Р. Зотовымъ, рецензентъ Д. П. Протопоповъ въ весьма одобрительномъ отзывѣ о стихотвореніяхъ Плещеева, между прочимъ, говоритъ: «Сфера сочувствій г. Плещеева, какъ поэта, довольно обширна, онъ умѣлъ . . . увернуться изъ-подъ вреднаго вліянія общественной косности, возвысить свои идеи до того, что ему стало возможно сочувствовать интересамъ общечеловѣческимъ». Рецензентъ отмѣчаетъ стихотворенія «Страдалъ онъ въ жизни много, много» и «Впередъ безъ страха и сомнѣнія» и говоритъ, что «и въ другихъ стихотвореніяхъ Плещеева ясно обнаруживается благо-

---

[1]) Ср. «Библіографію стихотвореній А. Н. Плещеева», составленную *П. В. Быковымъ* въ редактированномъ имъ 4-омъ изд. «Стихотвореній Плещеева», СПБ. 1905 г., стр. 797—800, 816.

[2]) Хотя въ этомъ мѣстѣ своей статьи Бѣлинскій не называетъ имени Плещеева, но во-первыхъ, онъ упоминаетъ о сборникѣ его стихотвореній тремя страницами ранѣе въ числѣ другихъ подобныхъ сборниковъ, а во-вторыхъ, что приведенныя въ текстѣ слова относятся и къ Плещееву, видно изъ того, что затѣмъ слѣдуетъ: «Благодаря толкамъ журналовъ, нѣкоторые маленькіе таланты кое-какъ поняли это по-своему и стали на заглавныхъ листкахъ своихъ книжекъ ставить эпиграфы во свидѣтельство, что ихъ поэзія отличается современнымъ направленіемъ, да еще латинскіе, въ родѣ слѣдующаго: Homo sum, et nihil humani a me alienum puto». (Такой эпиграфъ именно стоитъ на книжкѣ Плещеева). но ни ученость, ни латинскіе эпиграфы, ни даже дѣйствительное знаніе латинскаго языка не дадутъ человѣку того, чего не дала ему природа, и такъ называемое «современное направленіе» поэтовъ извѣстнаго разряда всегда будетъ только «плѣнной мысли раздраженьемъ». (Сочиненія В. Бѣлинскаго», ч. XI, М. 1892 г., изд. 4, статья, появившаяся въ «Современникѣ» 1847 г. «Взглядъ на русс. литературу 1846 г., стр. 52—53). При всей строгости этихъ словъ, все же Бѣлинскій очевидно относитъ Плещеева къ числу «талантовъ», хотя и «маленькихъ», «произведенія которыхъ не лишены относительныхъ достоинствъ». Строгость знаменитаго критика къ сборнику Плещеева быть можетъ была вызвана тѣмъ, что другой критикъ, Вал. Н. Майковъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1846 г. сказалъ, что Плещеевъ: «безспорно первый нашъ поэтъ въ настоящее время», хотя и съ весьма многозначительною оговоркою: «въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится наша поэзія со времени Лермонтова». Къ тому же приведенный отзывъ Бѣлинскаго составляетъ антитезу въ оцѣнкѣ сборника стихотвореній Кольцова, который критикъ считаетъ «капитальнымъ, классическимъ произведеніемъ русской литературы».

родное стремленіе души молодой расторгнуть путы мелкихъ общежитейскихъ интересовъ»; ихъ содержаніе обнаруживаетъ глубину чувствъ и «многосторонность воззрѣнія поэта на міръ и жизнь» и обѣщаетъ, что въ будущемъ «талантъ его не ограничится тѣсной сферой лирическихъ изліяній, а выступитъ на поприще болѣе обширное». Напротивъ, рецензентъ «Финскаго Вѣстника» (1846 г., т. XII, 53—59) упрекнулъ Плещеева за отсутствіе «опредѣленнаго направленія».

Въ публикѣ съ интересомъ читались газетные фельетоны Плещеева. Нѣкто В. Петровъ въ письмѣ къ Александру Михайлову, кандидату петербургскаго университета, изъ Петербурга 1 декабря 1848 г., перечисляя удовольствія столицы (оперу, циркъ, Михайловскій театръ), упоминаетъ въ числѣ этихъ удовольствій проповѣди Нильсена, «пропаганду» Петрашевскаго, публичныя лекціи и, наконецъ, фельетоны Плещеева. Эти фельетоны (безъ подписи автора) стали появляться въ «Русскомъ Инвалидѣ» подъ заглавіемъ «Петербургская хроника» съ 24 сентября 1846 г. [1]). Они представляли въ довольно живой формѣ бесѣды о театрѣ, литературныхъ и художественныхъ новостяхъ, публичныхъ лекціяхъ, Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ и т. п. Въ только что цитированномъ письмѣ Петровъ даетъ такой отзывъ о Плещеевѣ: «Плещеевъ—поэтъ безтолковщины и... отчасти хандры—достигъ до своего апогея и до nec plus ultra своей амбиціи; онъ напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» разсказъ «Енотовая шуба» [2]) и разсказываетъ о немъ вездѣ, даже въ танцклассахъ». Но отзывъ Петрова о самомнѣніи Плещеева несправедливъ: мы увидимъ ниже изъ писемъ къ Достоевскому и Дурову, какъ много симпатичнаго было уже тогда въ этомъ юномъ поэтѣ, который до самой могилы пользовался общею любовью, и съ какою скромностью онъ говорилъ объ одномъ изъ своихъ произведеній. Дурной отзывъ Петрова о Плещеевѣ объясняется вѣроятно тѣмъ, что Плещеевъ неблагопріятно отозвался (см. «Русск. Инвалидъ» 1847 г., № 100) о «Петербургскомъ сборникѣ для дѣтей», изданномъ В. Петровымъ и переведенномъ съ англійскаго его пріятелемъ А. Михайловымъ.

Въ 1847—49 гг. Плещеевъ напечаталъ нѣсколько повѣстей въ прозѣ («Енотовая шуба», «Шалость» и «Дружескіе Совѣты») — въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Папироска»—въ Современникѣ» и «Протекція»—въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». М. М. До-

---

[1]) Принадлежность этихъ фельетоновъ Плещееву устанавливается тѣмъ, что въ № 181-мъ 1847 г. въ составъ фельетона входитъ некрологъ извѣстнаго критика Вал. Н. Майкова, несомнѣнно принадлежащій Плещееву. Ср. «Критическіе опыты» *В. Майкова,* СПБ. 1891 г., стр. 9—11.

[2]) 1847 г., т. 54.

стоевскій помѣстилъ о нихъ замѣтку въ «Пантеонѣ» Ѳ. А. Кони (1848 г., кн. V), гдѣ хвалилъ автора за «легкость и непринужденность разсказа, простоту вымысла и нѣсколько насмѣшливый... взглядъ» на жизнь. Рецензентъ радуется появленію «такого легкаго дарованія».

На вопросъ слѣдственной комиссіи объ его знакомствахъ въ Петербургѣ, Плещеевъ назвалъ тѣхъ лицъ, съ которыми «находился въ наиболѣе короткихъ отношеніяхъ; это были: «Мордвиновъ (Николай, сынъ сенатора А. Н. Мордвинова, мой бывшій товарищъ по университету, кандидатъ и нынѣ служащій), Достоевскіе (Ѳ. М. и М. М., оба отставные инженерные офицеры, писатели), Дуровъ... и живущій съ нимъ Пальмъ...; Веревкинъ (П. В., служащій во Второмъ Отдѣленіи С. Е. В. канцеляріи, нынѣ пользующійся на водахъ за границей) [1]. Кромѣ всѣхъ этихъ... лицъ я имѣлъ и другія знакомства, которыхъ посѣщалъ не столь часто. Къ нимъ отнесу и г. Петрашевскаго-Буташевича. Въ продолженіе трехлѣтняго моего знакомства съ нимъ я, отъ времени до времени, опредѣленно бывалъ у него или по утрамъ до 12 часовъ (время, когда его можно было застать навѣрное), или по вечерамъ въ положенный у него день... Случалось, что я бывалъ у него разъ въ мѣсяцъ, случалось два, а иногда и ни разу». Позднѣе на вопросъ о продолжительности его знакомства съ Петрашевскимъ, Плещеевъ отвѣчалъ, что знакомъ съ нимъ «три года или около этого времени», что познакомился онъ съ нимъ «совершенно случайно» и не можетъ «припомнить, какимъ образомъ», и что посѣщалъ его пятницы «разъ или два въ мѣсяцъ почти постоянно» до самаго отъѣзда въ Москву. Какъ давно Плещеевъ былъ знакомъ съ Петрашевскимъ, видно изъ того, что Ханыковъ познакомился съ нимъ у Плещеева еще въ 1845 году, при самомъ вступленіи своемъ въ университетъ; Плещеевъ былъ одинъ изъ наиболѣе раннихъ посѣтителей пятницъ Петрашевскаго и одинъ изъ первыхъ участниковъ устроен-

---

[1]) Въ маѣ 1849 г. въ Варшавѣ былъ арестованъ возвратившійся изъ-за границы помѣщикъ Орловской губ. Карташевъ, и въ его бумагахъ нашли письма Веревкина, изъ которыхъ оказалось, что онъ «не только вполнѣ раздѣлялъ демократическія идеи» Карташева, «но и сообщалъ ему собственныя разсужденія о системахъ Фурье и соціалистовъ, осуждалъ наше правительство, хвалилъ великихъ, по словамъ его, современниковъ Западной Европы, ожидая отъ нихъ великихъ дѣяній и выражался такъ: «Мы живемъ въ эпоху броженія, разрушенія старыхъ основъ общества; все кругомъ насъ падаетъ, все колеблется; старые боги свергнуты, что для нашихъ дѣдовъ было святымъ, то для насъ дѣлалось простой игрушкой». Эту справку, наведенную старшимъ чиновникомъ III отдѣленія Соб. Е. В. Канц. Грибовскимъ, Дубельтъ сообщилъ Набокову 10 авг. 1849 г. Петрашевскій показалъ, что Петръ Влад. Веревкинъ, «большой музыкантъ», бывалъ у него «рѣдко въ 1847 г.». По докладу шефа жанд. Орлова государю свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ бумагъ Карташева, имп. Николай приказалъ потребовать, чтобы Веревкинъ немедленно возвратился въ Россію.

ной имъ библіотеки въ складчину. Въ началѣ 1849 года Антонелли замѣтилъ частыя свиданія Плещеева съ Петрашевскимъ и то, что Петрашевскій бываетъ у Плещеева: 20 февраля 1849 г. Антонелли донесъ, что Петрашевскій «очень друженъ съ Плещеевымъ и очень часто съ нимъ видится»; Петрашевскій сказалъ Антонелли, что Плещеевъ «помирился съ матерью и живетъ съ нею вмѣстѣ». Антонелли видѣлъ Плещеева на собраніи у Петрашевскаго 25 марта 1849 г. [1]).

Писателю того направленія, которое ясно сказалось въ стихотвореніяхъ Плещеева, трудно было не увлечься соціалистическими ученіями. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ (къ Добролюбову) онъ говоритъ: «системой Фурье я когда-то въ особенности занимался» [2]). Знакомый Плещеева, Н. Я. Данилевскій, извѣстный знатокъ ученія Фурье, въ своемъ показаніи припомнилъ, что Плещеевъ «считалъ формулу распредѣленія богатствъ à chacun selon ses besoins Луи-Блана справедливѣе формулы Фурье à chacun selon son capital, son travail et son talent». Но на вопросъ слѣдственной комиссіи, съ какихъ поръ проявилось въ немъ «либеральное или соціальное направленіе», Плещеевъ отвѣчалъ: «Въ прошедшемъ году случилось мнѣ прочесть нѣсколько книгъ подобнаго рода, дѣйствительно возбудившихъ во мнѣ разные вопросы, но опредѣленнаго, систематическаго направленія я не имѣлъ, т.-е. не почиталъ себя послѣдователемъ той или другой системы» [3]).

Зимою 1848—49 г. у Плещеева бывали собранія не въ опредѣленные дни [4]). Однако Н. П. Григорьевъ, офицеръ гвардейскаго

---

[1]) Кромѣ названныхъ лицъ, Плещеевъ, какъ и Ѳ. М. Достоевскій, посѣщалъ кружокъ трехъ братьевъ Бекетовыхъ, изъ которыхъ старшій, Алексѣй, въ 1844 г., годомъ позже Ѳ. М. Достоевскаго окончилъ курсъ Инженернаго училища (*Максимовскій*. Ист. очеркъ развитія глав. инжен. училища», Спб. 1869 г., стр. 102), а два другихъ, Николай и Андрей, были впослѣдствіи извѣстными профессорами химіи и ботаники. О кружкѣ Бекетовыхъ см. въ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» *Григоровича* («Русск. Мысль» 1893 г. № 1, стр. 14—15).

[2]) «Русская Мысль», 1913 г., № 1, стр. 145.

[3]) Какъ давній участникъ библіотеки въ складчину, онъ бралъ изъ нея сочиненія Консидерана, Cabet Voyage en Icarie, Виллегарделя, Кондорсе, Solidarité (Hip. Renaud, Solidarité, Vue Synthétique sur la Doctrine de Fourier, 1842), Jacques (очевидно, романъ Жоржъ Занда), какое то сочиненіе Оуэна, Amours au Phalanstere, Journaux rouges. При арестѣ Плещеева въ Москвѣ на его петербургской квартирѣ былъ взятъ цѣлый тюкъ книгъ.

[4]) Относительно начала этихъ вечеровъ слѣдуетъ принять во вниманіе показаніе Спѣшнева: «До ноября мѣсяца (1848 г.), сколько мнѣ извѣстно, другихъ сходокъ или такихъ разговорныхъ обществъ, какъ у Петрашевскаго не было. Въ ноябрѣ же, или въ концѣ октября, мысль о такихъ разговорныхъ обществахъ стала нравиться другимъ, которымъ почему-либо не нравилось общество Петрашевскаго, и они вознамѣрились перестать посѣщать его и открыть свой салонъ. Такъ пришли ко мнѣ въ одно время Плещеевъ и Достоевскій и сказали, что

конно-гренадерскаго полка, товарищъ Плещеева въ дѣтствѣ, бывавшій на его вечерахъ, заявилъ въ своемъ показаніи, что они носили «характеръ соціально-политическій» и что «соціалисты завербовали Плещеева въ ученики». По свидѣтельству К. Тимковскаго, посѣтившаго вечера Плещеева два раза въ ноябрѣ 1848 г., у него «болѣе всего говорили о соціализмѣ». Плещеевъ показалъ, что на его вечерахъ бывали братья Достоевскіе, Дуровъ, Спѣшневъ, Головинскій, Милютинъ (вѣроятно, Влад. Алексѣев.), братья Евгеній и Порфирій Ламанскіе, Данилевскій, Мордвиновъ, Безобразовъ, Пальчиковъ [1]). Пальмъ на одномъ вечерѣ у Плещеева встрѣтилъ и Петрашевскаго, который показалъ, что на собраніяхъ у Плещеева только и былъ одинъ разъ въ 1849 г. Дебу 2 назвалъ въ числѣ посѣтителей этихъ вечеровъ Филиппова; бывали еще Момбелли и преподаватель русской словесности въ одной изъ столичныхъ гимназій А. М. Печкинъ. Былъ знакомъ также Плещеевъ и съ служившимъ въ Ревелѣ фурьеристомъ Беклемишевымъ. Спѣшневъ заявилъ въ слѣдственной комиссіи, что «какъ салонъ Кашкина, такъ и Плещеева, имѣли очень эфемерное существованіе: какихъ-нибудь мѣсяца два».

По словамъ Пальма, Плещеевъ на одномъ вечерѣ прочелъ изъ газеты La Presse рѣчь Феликса Піа, а Милюковъ статью Герцена [2]) «Петербургъ и Москва». Изъ показанія Дебу 2 видно, что это произведеніе было прочитано по рукописи [3]). Ѳ. М. Достоевскій заявилъ, что статья эта была прочитана «вовсе не для возмутительныхъ цѣлей и безъ предварительнаго намѣренія, а случайно, кажется, потому, что подъ руку попалась, какъ легкая фельетонная статья, въ которой много остроумія, хотя и бездна парадоксовъ; на нее смотрѣли съ точки зрѣнія чисто литературной». Милюковъ объяснилъ, что содержаніе ея сатирическое: въ ней осмѣиваются «нравы и особенности» Петербурга и Москвы; онъ слышалъ, что авторъ ея Искандеръ (псевдонимъ).

Статья «Москва и Петербургъ» была написана Герценомъ во

имъ хотѣлось бы сходиться съ своими знакомыми въ другомъ мѣстѣ, а не у Петрашевскаго, гдѣ и скучно, и ни объ чемъ не говорятъ, какъ о предметахъ ученыхъ, и люди почти незнакомы, да и страшно сказать слово; что будутъ они приглашать только тѣхъ изъ своихъ знакомыхъ, въ которыхъ увѣрены, что они не шпіоны, и что онъ, Спѣшневъ, можетъ то же дѣлать. Это общество иначе онъ не можетъ назвать, какъ—отъ страха передъ полиціей. Мысль о немъ родилась у людей робкихъ, которые желали просто разговаривать, но боялись , что имъ за каждое слово можетъ достаться. Предположено было, впрочемъ, и читать, когда что будетъ, но все вещи беллетристическія».

[1]) Вѣроятно, двоюродный братъ Плещеева.

[2]) Въ вопросныхъ пунктахъ слѣдственной комиссіи его называли: Гернцъ.

[3]) Дебу 2 ошибочно предполагалъ, что оно было напечатано съ пропусками въ «Отечественныхъ Запискахъ».

время его пребыванія въ Новгородѣ въ 1842 г. Она была напечатана впервые въ «Колоколѣ» 1 августа 1857 г., причемъ авторъ пояснилъ, что во многомъ несогласенъ съ тѣмъ, что въ ней сказано, но оставляетъ ее «такъ, какъ она была, по какому-то чувству добросовѣстности къ прошедшему». Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь текстъ статьи, который былъ прочитанъ въ собраніи у Плещеева; статья эта, по свидѣтельству автора, нравилась многимъ и обошла всю Россію въ рукописныхъ копіяхъ. Герценъ не ограничивается въ ней шутливою, остроумною параллелью между Петербургомъ и Москвой, но дѣлаетъ и весьма глубокія обобщенія какъ напримѣръ: сравненіе «воспитанія» Петербурга и Москвы. Москва, «выросшая подъ татарскимъ игомъ и овладѣвшая Русью не по собственному достоинству, а по недостоинству прочихъ частей», только по слуху знаетъ о новѣйшихъ переворотахъ въ Россіи. «Въ свое время пріѣдетъ курьеръ, привезетъ грамотку,— и Москва вѣритъ печатному,—кто царь и кто не царь, вѣритъ, что Биронъ добрый человѣкъ, а потомъ, что онъ злой человѣкъ, вѣритъ, что самъ Богъ сходилъ на землю, чтобы посадить Анну Іоанновну, а потомъ Анну Леопольдовну, а потомъ Іоанна Антоновича, а потомъ Елисавету Петровну, а потомъ Петра Ѳеодоровича, а потомъ Екатерину Алексѣевну на мѣсто Петра Ѳеодоровича. Петербургъ очень хорошо знаетъ, что Богъ не пойдетъ мѣшаться въ эти темныя дѣла; онъ видѣлъ оргіи Лѣтняго Сада, герцогиню Биронъ, валяющуюся въ снѣгу, и Анну Леопольдовну, спящую съ любовникомъ на балконѣ Зимняго Дворца, а потомъ сосланную; онъ видѣлъ похороны Петра III и похороны Павла I. Онъ много видѣлъ и много знаетъ».

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя черты въ остроумномъ противоположеніи Петербурга и Москвы. «Петербургскіе литераторы вдвое менѣе образованы московскихъ; они удивляются, пріѣзжая въ Москву, умнымъ вечерамъ и бесѣдамъ въ ней. А между тѣмъ вся книжная дѣятельность только и существуетъ въ Петербургѣ... Въ Москвѣ есть люди глубокихъ убѣжденій, но они сидятъ сложа руки; въ Москвѣ есть круги литературные, безкорыстно проводящіе время въ томъ, чтобы всякій день доказывать другъ другу какую-нибудь полезную мысль, напримѣръ, что Западъ гніетъ, а Русь цвѣтетъ. Въ Москвѣ издается одинъ журналъ, да и тотъ «Москвитянинъ»...

Молодые москвичи либеральничаютъ, но этотъ либерализмъ проходитъ у нихъ «тотчасъ, какъ побываетъ въ тайной полиціи... Въ Петербургѣ все дѣлается ужасно скоро. Полевой въ пятый день по пріѣздѣ въ Петербургъ сдѣлался вѣрноподданнымъ; въ Москвѣ ему было бы стыдно, и онъ лѣтъ пять вольнодумство-

валъ бы еще... Бѣлинскій, проповѣдывавшій въ Москвѣ народность и самодержавіе, черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ въ Петербургъ заткнулъ за поясъ самого Анахарсиса Клоца[1]). Петербургъ, какъ всѣ положительные люди, не слушаетъ болтовни, а требуетъ дѣйствій; оттого часто благородные московскіе говорители становятся подлѣйшими дѣйствователями. Въ Петербургѣ вообще либераловъ нѣтъ, а коли заведется, такъ въ Москву не попадаетъ; они отправляются отсюда прямо въ каторжную работу или на Кавказъ» [2]).

На вечерахъ Плещеева, какъ и у Петрашевскаго, Н. Я. Данилевскій излагалъ ученіе Фурье. Данилевскій зналъ Плещеева, когда былъ еще въ лицеѣ, такъ какъ одинъ родственникъ Плещеева (вѣроятно, Н. В. Пальчиковъ) былъ его товарищемъ. Пальмъ слышалъ на первомъ вечерѣ у Плещеева споръ Головинскаго съ Толемъ объ отношеніяхъ подрядчика и работниковъ и о взаимныхъ ихъ правахъ.

Данилевскій заявилъ, что на вечерѣ у Плещеева, на которомъ были онъ и Спѣшневъ, шла рѣчь о печатаніи книгъ за границей. «Эта мысль увлекла» Данилевскаго, такъ какъ онъ надѣялся напечатать такимъ образомъ «подробное и общепонятное изложеніе системы Фурье на русскомъ языкѣ». Но это «осталось однимъ намѣреніемъ». Спѣшневъ также показалъ, что на одномъ вечерѣ Плещеева онъ вспомнилъ свою прежнюю мысль о возможности печатать книги за границей. Такъ какъ въ Россію доставляется и доставлялось много запрещенныхъ книгъ, то, если бы были подходящія сочиненія, можно было бы печатать ихъ внѣ Россіи. Онъ передалъ эту мысль сначала одному Плещееву, а затѣмъ повторилъ ее въ присутствіи Плещеева и другихъ: двухъ Достоевскихъ [3]), Данилевскаго и беллетриста Буткова. Всѣ они были извѣстны ему, «какъ бѣдные литераторы» [4]), и его намѣреніе

---

[1]) Анархасисъ Клоотсъ произнесъ во время французской революціи (въ 1790 г.) рѣчь о всемірной республикѣ, казненъ въ 1794 г.

[2]) «Сочиненія А. И. Герцена». Женева, 1878 г., т. III, 277—289; перепечатано въ неполномъ видѣ въ изд. Павленкова, т. IV, 1905 г., стр. 52—59. Въ 1846 г. Герценъ написалъ для «Московскаго Городского Листка», редактируемаго Драшусовымъ, въ которомъ участвовали Хомяковъ, С. М. Соловьевъ, Аполлонъ Григорьевъ, Грановскій и начиналъ печататься Островскій, статью подъ заглавіемъ «Станція Едрово», въ которой также провелъ параллель между Петербургомъ и Москвой, но, при нѣкоторомъ общемъ сходствѣ, это совершенно различныя статьи, почти безъ текстуальныхъ повтореній. См. «Московской Городской Листокъ» 1847 г. №№ 57—58; перепечатано въ изд. Павленкова, т. IV, стр. 376—390 и въ женев. изд. т. VIII, 155—177; *Алексѣй Н. Веселовскій*. «Герценъ-писатель», М. 1909, стр. 76.

[3]) Мих. Мих. Достоевскій, старшій братъ Ѳеодора Михайловича (1820—1864).

[4]) Изъ названныхъ писателей особеннымъ бѣднякомъ былъ Я. Петр. Бутковъ (умеръ въ 1856 г.), авторъ разсказовъ, собранныхъ подъ общимъ

было вызвано постоянными жалобами ихъ на строгость цензуры. Онъ сказалъ имъ, что пусть только они пишутъ и прямо присылаютъ ему рукописи, даже анонимно, и онъ возьмется ихъ напечатать. Мих. Достоевскій сейчасъ же отказался, а другіе были какъ будто очень смущены и отвѣчали, что «посмотрятъ, и если до осени ничего не пришлютъ, то значитъ не хотятъ». Никто ничего ему не прислалъ. Напротивъ того, Данилевскій далъ показаніе, что рѣшили стараться исполнить предложеніе Спѣшнева и написать нѣсколько статей, но самъ онъ, Данилевскій, ничего не написалъ, какъ, вѣроятно, и другіе [1]).

В. Семевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

заглавіемъ «Петербургскія вершины» (2 т., 1845—46 г.) и нѣсколькихъ повѣстей, появившихся въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1846—49 г.г. А. А. Краевскій выкупилъ Буткова (мѣщанина) отъ рекрутчины, конечно, не безкорыстно (по словамъ Бѣлинского въ письмѣ къ Анненкову, «на деньги Общества Посѣщенія Бѣдныхъ, и за такое благодѣяніе запрегъ Буткова въ свою работу»). Его сочиненія пользовались нѣкоторою извѣстностью. Лучшею изъ повѣстей Буткова Бѣлинскій считаетъ «Сто рублей» («Петербургскія Вершины», т. I.). См. о немъ воспоминанія А. П. Милюкова въ «Ист. Вѣстникѣ» 1881 г. № 2 (перепечатаны въ книгѣ Милюкова «Литературныя встрѣчи и знакомства». СПБ. 1890 г.).

[1]) По словамъ Спѣшнева, въ декабрѣ 1848 г., «Кашкинъ и Плещеевъ перестали принимать у себя»; но у Кашкина были собранія и въ 1849 г.; а Пальмъ, показалъ, что Петрашевскій былъ на собраніи у Плещеева также въ 1849 г. Но въ началѣ двадцатыхъ чиселъ марта 1849 г. Плещеевъ былъ уже въ Москвѣ.

Мечты о Царьградѣ [1]).

II. Константинъ Леонтьевъ.

I.

Восточный вопросъ занимаетъ центральное мѣсто въ писаніяхъ и міросозерцаніи К. Леонтьева. Для него еще въ большей степени, чѣмъ для Достоевскаго, восточный вопросъ *не—одинъ изъ важнѣйшихъ* политическихъ вопросовъ, а *единственно важный*, основной вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ рѣшеніе и всѣхъ другихъ проблемъ, волнующихъ человѣчество, не только политическихъ, но и соціальныхъ, культурныхъ, религіозныхъ и философскихъ.

Восточный вопросъ въ статьяхъ Леонтьева изъ вопроса о судьбѣ Константинополя и проливовъ, раздѣлѣ Турціи и устройствѣ Балканскаго полуострова превращается въ вопросъ о возможности побѣды Востока надъ Западомъ. Въ конечномъ счетѣ это вопросъ о возможности коренного измѣненія того пути, которымъ идетъ современное человѣчество, о замѣнѣ западныхъ идеаловъ свободы и равенства византійскимъ идеаломъ жизни. Съ будущностью Царьграда связана будущность не только Россіи, но и всего человѣчества. И Царьградъ стоитъ въ центрѣ заколдованнаго круга, въ которомъ вращается мысль романтика-реакціонера, мечтающаго повернуть вспять не только исторію Россіи, но и всего человѣчества, или, если не повернуть, то, по крайней мѣрѣ, остановить теченіе жизни, увлекающее современный міръ въ ложномъ направленіи.

Главный трудъ Леонтьева это—написанная въ 1875 г. въ Константинополѣ небольшая работа «Византизмъ и славянство», въ которой въ сжатомъ видѣ изложены и его философскія идеи, и его политическіе идеалы. Появившіяся до и послѣ этой работы статьи по восточному вопросу: «Панславизмъ и Греки» (1873), «Панславизмъ на Аѳонѣ» (1873), «Русскіе греки и югославяне»

---

[1]) См. «Гол. Мин.» № 2.

(1878), «Мои воспоминанія о Ѳракіи» (1879), «Письма отшельника» (1879), «Письма о Восточныхъ дѣлахъ» (1882—83), «Плоды національныхъ движеній на православномъ Востокѣ» (1888—1889), а также произведенія общаго характера—«Средній европеецъ, какъ идеалъ и орудіе всемірнаго разрушенія» (1872—1884), «Племенная политика, какъ орудіе всемірной революціи» (1888), «Письма къ Вл. Соловьеву (о націонализмѣ политическомъ и культурномъ) (1890),—всѣ они представляютъ собою лишь развитіе, поясненіе, повтореніе или обоснованіе мыслей, высказанныхъ въ «Византизмѣ и славянствѣ» [1]). Въ статьяхъ, писавшихся на протяженіи двадцати лѣтъ, есть, конечно, разногласія и противорѣчія по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, но въ основномъ взгляды Леонтьева остаются неизмѣнными, образуя на рѣдкость цѣльный, замкнутый, непроницаемый кругъ реакціонной мысли.

Во всей русской литературѣ нѣтъ другого примѣра столь страстной и безстрашной, ни передъ чѣмъ не останавливающейся, послѣдовательной, искренней, открытой и яркой защиты реакціонныхъ идеаловъ. У автора «Дневника писателя» нѣтъ послѣдовательности Леонтьева, онъ полонъ противорѣчій, Катковъ не былъ мыслителемъ, онъ—только практическій политикъ, Данилевскій, Побѣдоносцевъ, не говоря уже объ идеологахъ реакціи меньшаго калибра, не обладали ни литературнымъ блескомъ, ни полетомъ фантазіи Леонтьева. Славянофилы, отстаивавшіе національные самобытные устои русской жизни, здѣсь не идутъ въ счетъ, въ сравненіи съ Леонтьевымъ они не то что либералы, а прямо революціонеры. Леонтьевъ, котораго кн. Евг. Трубецкой назвалъ «разочарованнымъ славянофиломъ», смотрѣлъ на славянофиловъ глазами имп. Николая I, который подозрѣвалъ въ нихъ переодѣтыхъ радикаловъ и демагоговъ.

Въ отличіе отъ славянофиловъ, поэтизировавшихъ русскій бытъ, Леонтьевъ былъ теоретикомъ и пѣвцомъ *формы* русской государственности, той формы, въ которой застыла Россія Николая I. Преклоняясь предъ политикою Николая I, въ которой онъ видѣлъ величайшую государственную мудрость, Леонтьевъ, какъ и другіе реакціонеры 80-хъ годовъ, хотѣлъ бы влить обратно русскую жизнь въ николаевскую форму, и его политическое міровоззрѣніе представляетъ собою, какъ и политическая идеоло-

---

[1]) Статьи К. Леонтьева печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ» «Гражданинѣ» и «Варшавскомъ Дневникѣ». Въ 1885 г. авторъ издалъ часть ихъ въ двухтомномъ сборникѣ подъ заглавіемъ «Востокъ, Россія и славянство». Въ собраніи сочиненій Леонтьева, вышедшемъ въ Москвѣ въ 1912—1913 г. подъ редакціей друга Леонтьева, свящ. Фуделя, статьи по восточному вопросу собраны въ 5-мъ и 6-мъ томахъ. Всѣ приведенныя ниже цитаты сдѣланы по этому изданію.

гія Достоевскаго, не славяпофильство, а дальнѣйшее развитіе такъ называемой «теоріи офиціальной народности», господствовавшей въ эпоху Николая I.

Та самая политическая мудрость, которую упорно разрабатывалъ мало талантливый Погодинъ, которая нашла свое выраженіе въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями» Гоголя, и въ политическихъ стихахъ и статьяхъ Тютчева, та же самая мудрость расцвѣла въ философіи Леонтьева.

«Was unsterblich in Gesang soll leben,
«Muss in Leben untergehen».

Николаевскій режимъ уже умеръ окончательно для жизни, когда нашелъ такое законченное и яркое выраженіе въ писаніяхъ романтика-философа, публициста-поэта Леонтьева. Леонтьевъ сталъ теоретикомъ, пѣвцомъ, безкорыстнымъ служителемъ, рыцаремъ отжившей системы. Печать безкорыстія и искренности лежитъ на его самыхъ изувѣрскихъ тирадахъ. Весь свой умъ, весь свой талантъ, весь жаръ, тлѣвшій подъ пепломъ охлажденной души, вложилъ онъ въ идейную защиту крѣпостническихъ формъ жизни. Та страсть, съ какой онъ велъ эту защиту, ясно говоритъ о томъ, что онъ защищалъ нѣчто лично ему дорогое и нужное. Но это «личное» было не въ какихъ-либо выгодахъ, не въ положеніи, не въ карьерѣ (карьеры Леонтьевъ не сдѣлалъ), а въ служеніи своей душѣ. Дѣло личнаго спасенія у Леонтьева связывалось съ дѣломъ спасенія русской государственности.

«Я понялъ почти сразу,—говоритъ Леонтьевъ,—и *то*, что я самъ лично *внѣ* православія спасенъ *за гробомъ* быть не могу, и *то*, что государственная Россія безъ строжайшаго охраненія православной дисциплины разрушится еще скорѣе многихъ другихъ державъ, и *то* наконецъ, что культурной самобытности нашей мы должны попрежнему искать въ *греко-россійскихъ* древнихъ *корняхъ* нашихъ». (Соч. т. 6 стр. 337)

На Аѳонѣ Леонтьевъ, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своихъ письмахъ къ священ. Фуделю [1]), онъ понялъ, что

---

[1]) «Я до 1871 г., до моей поѣздки на Аѳонъ, очень любилъ и сердцемъ и воображеніемъ Православіе, его богослуженіе, его исторію, его обрядность; любилъ и Христа; чтеніе Евангелія изрѣдка и тогда, при всемъ глубокомъ развратѣ моихъ мыслей, меня сильно трогало. Любилъ и любовь къ ближнимъ, въ смыслѣ состраданія, снисхожденія, благотворительности, но зато и въ смыслѣ сочувствія всякимъ страстямъ: честолюбію, сладострастію, во многихъ случаяхъ даже и личной жестокости. Любилъ *своевольно*, безъ *закона* и страха; а когда въ 1869,70 и 71 годахъ меня поразили одинъ за однимъ ударъ за ударомъ, и здоровье само вдругъ пошатнулось (и все это въ такое время, когда я часто говорилъ: «Надо *умѣть* быть счастливымъ. Я счастливъ, потому что *умѣю* наслаждаться жизнью; а дураки не умѣютъ!»), тогда я испыталъ вдругъ чувство безпомощности

основа религіи и источникъ спасенія чувство *страха*, и этотъ же спасительный *страхъ* онъ хотѣлъ видѣть и въ основѣ общественной организаціи, и онъ не могъ не преклоняться передъ такимъ политическимъ режимомъ, который весь былъ основанъ на *страхѣ* и *дисциплинѣ*, держался страхомъ, постоянно внушалъ страхъ.

П. Б. Струве назвалъ Леонтьева самымъ оригинальнымъ русскимъ мыслителемъ. Вполнѣ оригинальнымъ его считать нельзя, ибо въ основѣ его идеи имѣютъ очень много общаго съ католическими писателями—идеологами реакціи (напр. съ Жозефомъ де-Мэстромъ), подобно тому, какъ и система Николая I, апологетомъ которой явился Леонтьевъ, основана, въ сущности, на тѣхъ же принципахъ, что и западный абсолютизмъ эпохи Священнаго Союза.

Но Леонтьевъ является, несомнѣнно, оригинальнымъ русскимъ мыслителемъ въ томъ смыслѣ, что его идеологія коренится въ русской дѣйствительности. Это—философскій апоѳеозъ царствованія имп. Николая I, созданный въ эпоху русской реставраціи въ пору реакціонныхъ попытокъ конца 70-хъ и 80-хъ годовъ, когда въ правящихъ сферахъ возникло сильное теченіе назадъ къ до-реформенной Россіи. Корнями своими міровоззрѣніе Леонтьева уходитъ въ ту же почву крѣпостной дворянской Россіи, изъ которой вышли и великіе и свободолюбивые русскіе умы, страстные отрицатели насилія—Герценъ, Бакунинъ, Толстой.

Тѣ строили свои идеалы отъ противнаго, въ своихъ настроеніяхъ уходили какъ можно дальше отъ крѣпостной, казенной Россіи, рвались къ будущему, къ новой землѣ; Леонтьевъ строилъ свои идеалы, отправляясь отъ казенной крѣпостной Россіи, какъ отъ положительнаго, и видя, что въ жизни дорогіе ему принципы колеблются, уходилъ въ мечтахъ къ прошлому, къ Византіи, въ Царьградъ, при помощи Царьградской Руси надѣялся освѣжить и укрѣпить Русь Московскую.

Какъ самое яркое и послѣдовательное выраженіе русской реакціонной мысли, произведенія Леонтьева всегда сохранятъ историко-литературный интересъ, сейчасъ они представляютъ для насъ еще и другой интересъ злободневнаго характера, благодаря тому, что, какъ я уже говорилъ, центральное мѣсто въ этихъ произведеніяхъ занимаетъ восточный вопросъ.

моей передъ невидимыми и карающими силами и ужаснулся до простого животнаго страха, *тогда только я почувствовалъ себя въ своихъ глазахъ* въ самомъ дѣлѣ униженнымъ и нуждающимся не въ человѣческой, а въ Божеской помощи» (письма К. Леонтьева къ свящ. Фуделю «Богословскій Вѣстникъ» 1914 кн. III).

II.

«Какъ страшно подумать, что нѣчто *самое существенное для насъ* ускользнетъ опять изъ нашихъ рукъ! Самое существенное—это Царьградъ и проливы», писалъ Леонтьевъ въ 1878 г. въ «Гражданинѣ» въ статьѣ «Храмъ и Церковь».

Въ 1878 г. мечта о Царьградѣ, казавшаяся «столь близкой», столь возможной, стала вновь уплывать въ далекое и неопредѣленное будущее. Но Леонтьевъ съ этой мечтой не прощался на долгія времена, какъ Достоевскій, звавшій уйти въ Азію и забыть пока о Царьградѣ. Въ 1881—82 годахъ въ «Письмахъ о восточныхъ дѣлахъ» Леонтьевъ пишетъ уже о необходимости овладѣть Царьградомъ не какъ о далекой цѣли, а какъ о конкретной задачѣ недалекаго будущаго. Говоря о послѣдней войнѣ и Берлинскомъ конгрессѣ, онъ замѣчаетъ: «занавѣсъ опустился не надолго, и главныя дѣйствующія лица готовятся снова занять свои мѣста».

Занавѣсъ, скрывающій отъ Россіи Царьградъ и проливы, оставался опущеннымъ гораздо дольше, чѣмъ думалъ Леонтьевъ, и когда онъ поднялся въ наше время, то оказалось, что главныя дѣйствующія лица заняли совсѣмъ не свои прежнія мѣста. Во времена Леонтьева главнымъ препятствіемъ на пути Россіи къ Царьграду была Англія, и Леонтьевъ считалъ самымъ полезнымъ результатомъ Берлинскаго конгресса то, что Англія должна была раскрыть свои карты. «Намъ разъ навсегда *ясно*, что не столько мусульманство, сколько Англія намъ *естественный и вѣчный врагъ на Востокѣ*» (т. V. стр. 446).

Силу же дружественную Россіи Леонтьевъ, какъ и Достоевскій, видѣлъ въ Германіи. Политическіе расчеты Леонтьева здѣсь совпадали и съ его личными симпатіями. Имперія «желѣза и крови» внушала ему уваженіе, онъ искренно радовался разгрому Франціи, какъ передовой демократической страны, и желалъ ей еще второго разгрома. Онъ относится отрицательно ко всей «германо-романской цивилизаціи», ко всему европейскому западу, но въ Германіи, въ ея государственности еще сохранились дорогіе романтику-реакціонеру принципы: «Германское современное *общество*,—пишетъ Леонтьевъ,—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, быть можетъ, еще буржуазнѣе и хуже французскаго; но германское *государство*—монархія; и нѣмецкое общество *еще выноситъ* это государство, какъ старый воинственный императоръ, Бисмаркъ, Мольтке...» (т. V. стр. 414).

Передъ Бисмаркомъ преклонялся и Достоевскій, какъ мы видѣли, а симпатіи къ Германіи вообще были сильны въ то время въ правомъ лагерѣ русскаго общества.

«Въ Москвѣ многіе основательно думаютъ,—писалъ Леонтьевъ въ 1878 г.,—что во всей Европѣ есть только одинъ голосъ, долженствующій имѣть для насъ вѣсъ и внушать намъ уваженіе—это голосъ Германіи».

Леонтьевъ въ своихъ симпатіяхъ къ Германіи шелъ лишь дальше своихъ единомышленниковъ и возлагалъ на нее большія надежды въ своихъ мечтахъ о Царьградѣ. Отношеніе Леонтьева къ Германіи находится въ тѣснѣйшей связи съ его проектами относительно Востока, а именно, онъ считалъ, что путемъ уступокъ Германіи на сѣверо-западѣ, т.-е. въ Польшѣ и въ Прибалтійскомъ краѣ, Россія можетъ заручиться поддержкой ея въ восточной политикѣ, въ которой она сталкивается съ Австріей и Англіей:

«И нѣтъ разумной жертвы (такъ думаютъ у насъ здѣсь въ Москвѣ многіе), которой нельзя было бы принести Германіи на безполезномъ и отвратительномъ сѣверо-западѣ нашемъ, лишь бы этой цѣной купить себѣ спокойное господство на юго-востокѣ, полномъ будущности и неистощимости какъ вещественныхъ, такъ и духовныхъ богатствъ. Балтійское море все равно погибло для насъ. Выходъ изъ него—въ рукахъ Германіи, и ей ничего не стоитъ въ удобную минуту создать два Гибралтара на двухъ скандинавскихъ оконечностяхъ. И чѣмъ больше мы дорожимъ долговѣчной дружбой, столь выгодной для обѣихъ сторонъ, тѣмъ серьезнѣе мы должны съ нашей стороны заблаговременно позаботиться о другомъ для насъ исходѣ, о другомъ направленіи интересовъ нашихъ, чтобы избѣгнуть всякого повода къ столкновенію даже и въ далекомъ будущемъ» (т. 5, стр. 341—342).

Оріентировка Леонтьева во внѣшней политикѣ, этотъ планъ пріобрѣсти Босфоръ цѣною Финскаго залива, совпадала и съ его личными вкусами, съ его тоской по теплымъ южнымъ берегамъ, на которыхъ онъ прожилъ десять лѣтъ, и съ его реакціонными стремленіями во внутренной политикѣ. Онъ хотѣлъ задѣлать «окно въ Европу», чрезъ которое проникала въ Россію западная либеральная зараза. Война за Царьградъ была въ его глазахъ и войной за укрѣпленіе устоевъ русской государственности.

«Скорая и несомнѣнно удачная война (съ Турціей, Австріей и Англіей), долженствующая разрѣшить восточный вопросъ и утвердить Россію на Босфорѣ, дастъ намъ сразу *тотъ выходъ* изъ нашего нравственнаго и экономическаго разстройства, который мы напрасно будемъ искать въ однѣхъ внутреннихъ перемѣнахъ. Разъ вѣковой сословно-корпоративный строй жизни

разрушенъ эмансипаціоннымъ процессомъ,—*новая прочная организація на старой почвѣ и изъ однихъ старыхъ элементовъ становится невозможною.* Нуженъ крутой поворотъ, нужна новая почва, новыя перспективы и совершенно непривычныя сочетанія, а главное необходимъ новый центръ, новая культурная столица» (т. 5, стр. 421).

Леонтьевъ потерялъ вѣру въ почву русскую, и требовалъ новой почвы для насажденія истинно русской культуры:

«На старой, почти 1000-лѣтней, великорусской почвѣ, въ старыхъ предѣлахъ и особливо при старыхъ столицахъ, при слишкомъ въѣвшихся въ нашу кровь петровскихъ преданіяхъ, на $^3/_4$ европейскихъ, *нельзя* осуществить эту реальную, вполнѣ возможную (по прежнимъ историческимъ примѣрамъ) мечту (созданія новой культуры). Для этой высшей цѣли необходимо, чтобы то движеніе русскихъ умовъ, которое зовутъ обыкновенно «реакціей», своевременно совпало бы съ передвиженіемъ русской жизни на юго-востокъ, *на берега Босфора.*

«На почвѣ новой и *гораздо болѣе намъ сродной,* чѣмъ жалкая почва Балтійскихъ береговъ, русскому уму откроется новый просторъ, новые кругозоры... Тусклое «окно въ Европу», которое, къ сожалѣнію, такъ хорошо воспѣлъ Пушкинъ (потому, что ему самому смолоду жилось хорошо и весело у этого окна), тогда потемнѣетъ и обратится въ простой торговый «васисдасъ», когда мы, такъ или иначе, завладѣемъ *тѣмъ, что* бѣдные турки зовутъ до сихъ поръ «Вратами Блаженства» или «Вратами счастья» (т. IV, стр. 87—88).

«Сѣверный исполинъ заболѣлъ либеральной горячкой; онъ заразился «бактеріями» западной демократіи. Припадки неясны, непостоянны, запутаны, перемѣнчивы. Это какая то febris versatilis, какъ выражалась старинная медицина.

«Организмъ его еще очень силенъ. Врачи у него нашлись твердые, спокойные, опытные; сами, видимо, безъ дальнихъ мечтаній, но къ *ободряющимъ* мечтамъ у другихъ достаточно благосклонные. Они успѣли уже пробудить въ больномъ гигантѣ первые признаки крутой и сильной реакціи.

«Ни торопливости въ ихъ борьбѣ незамѣтно, ни излишнихъ восторговъ, всегда влекущихъ за собой скорое пресыщеніе.

«Будемъ надѣяться!

«Будемъ тѣмъ еще болѣе надѣяться на успѣхъ, что окружающій воздухъ наэлектризованъ уже «грозой военной непогоды», и есть слишкомъ много шансовъ на то, что пробужденная реакція совпадетъ, быть можетъ, съ перенесеніемъ всѣхъ силъ великаго пацiента

на другіе, болѣе теплые, здоровые и прекрасные берега» (т. VI, стр. 233).

Пришелъ моментъ исправить историческую ошибку Петра: «Конецъ петровской Руси близокъ... И слава Богу. Ей надо воздвигнуть рукотворный памятникъ и еще скорѣе отойти отъ него, отрясая романо-германскій прахъ съ нашихъ подошвъ! Надо, чтобы памятникъ «нерукотворный» въ сердцахъ нашихъ, т.-е. идеалы петербургскаго періода, поскорѣе въ насъ вымерли» (т. VI, стр. 79).

III.

Достоевскій, а еще раньше него поэтъ Жуковскій задавались вопросомъ, что было бы, если бы Петръ Великій вмѣсто того, чтобы пробиваться къ сѣверному морю и строить гранитную столицу среди чухонскихъ болотъ, направилъ бы усилія на южное море и основалъ бы столицу на чудныхъ берегахъ Босфора. Достоевскій, мечтавшій о Царьградѣ, но въ то же время преклонявшійся передъ геніемъ Петра, находилъ, что Петръ В. правильно поступилъ, ибо *тогда* Россія еще не была подготовлена къ овладѣнію Царьградомъ:

«Если бы Петру и пришла тогда мысль захватить Константинополь вмѣсто основанія Петербурга, то, мнѣ кажется,—говоритъ Достоевскій,—онъ, по нѣкоторымъ размышленіямъ, оставилъ бы эту мысль тогда же, если бъ даже и имѣлъ настолько силы, чтобы сокрушить султана, именно потому, что тогда дѣло это было несвоевременно и могло бы принести даже гибель Россіи. Ужъ когда въ чухонскомъ Петербургѣ мы не избѣгли вліянія сосѣднихъ нѣмцевъ, хотя и бывшихъ полезными, но зато и весьма парализовавшихъ русское развитіе прежде, чѣмъ выяснилась его настоящая дорога, то какъ въ Константинополѣ, огромномъ и своеобразномъ, съ остатками могущественной и древнѣйшей цивилизаціи, могли бы мы избѣжать вліянія грековъ, людей несравненно болѣе тонкихъ, чѣмъ грубые нѣмцы, людей, имѣющихъ несравненно болѣе общихъ точекъ соприкосновенія съ нами, чѣмъ совершенно непохожіе на нихъ нѣмцы, людей многочисленныхъ и царедворныхъ, которые тотчасъ же бы окружили тронъ и прежде русскихъ стали бы учены и образованы, которые и Петра самого очаровали бы въ его слабой струнѣ уже однимъ своимъ знаніемъ и умѣніемъ въ мореходствѣ, а не только его ближайшихъ преемниковъ? Однимъ словомъ, они овладѣли бы Россіей политически... Ея русская сила, ея національность были бы остановлены въ своемъ ходѣ. Мощный великоруссъ остался бы въ отдаленіи на своемъ мрачномъ снѣжномъ Сѣверѣ,

служа не болѣе, какъ матеріаломъ для обновленнаго Царьграда, и, можетъ быть, подъ конецъ совсѣмъ не призналъ бы нужнымъ итти за нимъ. Югъ же Россіи весь бы подпалъ захвату грековъ»...

Боялся Царьграда и Жуковскій. Уже Петербургъ оттѣснилъ Москву, и Россія стала «одною огромною пристройкою, полугерманской торговой пристани». Что же было бы, «если бы Петръ, вмѣсто того, что бы съ великимъ напряженіемъ созидать на болотѣ гранитный Петербургъ, овладѣлъ на Босфорѣ великолѣпнымъ Царьградомъ? Куда бы дѣвалась тогда русская Москва? Въ Царьградѣ, который по своему чудесному положенію между двухъ знаменитыхъ морей, по всѣмъ окружающимъ его очарованіямъ природы, искусства и воспоминаній историческихъ (намъ чуждыхъ) имѣетъ полное право быть столицею великой имперіи,—православные русскіе цари погибнули бы для Россіи, за стѣнами султанскаго сераля, вновь обращеннаго во дворецъ Византійскихъ властителей. Нѣтъ, избави Богъ насъ, отъ превращенія Русскаго царства въ имперію Византійскую!...»

Константинъ Леонтьевъ страстно желалъ именно того, чего боялся Жуковскій, желалъ превращенія Русскаго царства въ Византійскую имперію. Онъ не раздѣляетъ опасеній Жуковскаго и Достоевскаго насчетъ византійскаго вліянія, которое могло бы быть пагубнымъ для самобытнаго національнаго русскаго развитія. «Царьградская Русь лишь освѣжитъ Московскую, ибо Московская Русь вышла изъ Царьграда». Возвращеніе къ Царьграду будетъ лишь возвращеніемъ къ истиннымъ національнымъ русскимъ началамъ, ибо начала эти византійскія. Все оригинально русское—только хорошо усвоенное, заимствованное изъ Византіи.

Леонтьевъ доходитъ до полнаго отрицанія творческой способности русскаго народа: «въ исторіи не было народа менѣе творческаго, чѣмъ русскій».

«Оригиналенъ нашъ русскій психическій строй, между прочимъ и тѣмъ, что до сихъ поръ, кажется, въ исторіи не было еще народа *менѣе творческаго, чѣмъ мы*. Развѣ турки. Мы *сами*, люди русскіе, дѣйствительно весьма оригинальны психическимъ темпераментомъ нашимъ, но никогда ничего дѣйствительно оригинальнаго, *поразительно примѣрнаго внѣ себя создать до сихъ поръ* не могли.

«Правда, мы создали *великое государство*; но въ этомъ царствѣ почти нѣтъ *своей государственности*; нѣтъ такихъ своеобразныхъ и на *другихъ вліяющихъ* своимъ примѣромъ внутреннихъ политическихъ отношеній, какія были въ языческомъ Римѣ, въ Византіи, въ старой монархической (и даже наполеоновской) Франціи и Великобританіи.

«Была римская государственность; было римское право; было византійское право, т.-е. римское, видоизмѣненное христіанствомъ; было и есть право французское; было и есть англо-саксонское.

«Но гдѣ же своеобразное *русское* право?»

«Національно» въ Россіи лишь то, что Россія усвоила такъ, что оно стало русскимъ.

«Для греческой націи восточное христіанство (т.-е. религіозная сторона византизма) было національно, какъ *продуктъ*, и осталось таковымъ для нея и до сихъ поръ, какъ глубокое *усвоеніе*. Для русской націи эта самая религіозная сторона византійской культуры *не была національна, какъ продуктъ*, но стала *въ высшей степени національна, какъ усвоеніе*. Вотъ и вся разница.

Что же касается до другихъ сторонъ византійской культуры, до государственныхъ отношеній и до вліянія на искусство и мысль, то тутъ уже современная намъ русская нація при всемъ европеизмѣ своемъ является несравненно болѣе *византійской*, чѣмъ современная же намъ ново-эллинская нація. Въ Византіи было безусловное самодержавіе; и въ Россіи тоже. Въ Элладѣ же XIX вѣка господствуетъ и въѣлась въ кровь народа одна изъ самыхъ эгалитарныхъ конституцій въ мірѣ. И если бы завтра Турція пала, то всѣ 4—5 милліоновъ грековъ, соединясь въ одно Эллинское королевство, ничего и не пожелали бы иного для себя, какъ ту же аѳинскую европейскую конституцію» (т. VI, стр. 345).

Россія и теперь, по Леонтьеву, несмотря на проникшія въ нее западныя вліянія, остается византійской. Многое, кажущееся европейскимъ, въ основѣ своей является византійскимъ:

«Конечно, при видѣ нашей *гвардіи* (la garde), *обмундированной* и *марширующей* (marschieren) по Марсову полю (Champ de Mars) въ *Санктпетербургѣ*, не подумаешь сейчасъ же о византійскихъ легіонахъ.

«При взглядѣ на нашихъ адъютантовъ и камергеровъ не найдешь въ нихъ много сходства съ крещеными преторіанцами, палатинами и евнухами Ѳеодосія или Іоанна Цимисхія. Однако это войско, эти придворные (занимающіе при этомъ почти всѣ политическія и административныя должности) покоряются и служатъ одной идеѣ царизма, укрѣпившейся у насъ со временъ Іоанновъ, подъ византійскимъ вліяніемъ» (т. V, стр. 119).

Въ Россіи оказалась самая благопріятная почва для развитія византійскихъ началъ государственности.

«Римскій кесаризмъ, оживленный христіанствомъ, далъ возможность новому Риму (Византія) пережить старый Италійскій

Римъ на цѣлую государственную *нормальную* жизнь, *на цѣлое тысячелѣтіе.*

«Условія русскаго православнаго царизма были еще выгоднѣе. Перенесенный на русскую почву византизмъ встрѣтилъ не то, что онъ находилъ на берегахъ Средиземнаго моря, не племена, усталыя отъ долгой образованности, не страны, стѣсненныя у моря и открытыя всякимъ враждебнымъ набѣгамъ... нѣтъ, онъ нашелъ страну дикую, новую, едва доступную, обширную, онъ встрѣтилъ народъ простой, свѣжій, ничего почти не испытавшій, простодушный, прямой въ своихъ вѣрованіяхъ.

«Вмѣсто избирательнаго, подвижного, пожизненнаго диктатора, византизмъ нашелъ у насъ Великаго князя Московскаго, патріархально и наслѣдственно управлявшаго Русью.

«Въ византизмѣ царила одна отвлеченная юридическая идея; на Руси эта идея обрѣла себѣ плоть и кровь въ царскихъ родахъ, священныхъ для народа.

«Родовое монархическое чувство, этотъ великорусскій легитизмъ, былъ сперва обращенъ на домъ Рюрика, а потомъ и на домъ Романовыхъ» (т. V, стр. 126—127).

Что Русь заимствовала религію изъ Византіи, это всѣмъ извѣстно и очевидно, но Леонтьевъ полагаетъ, что въ Россіи не достаточно сознается византійскій характеръ русскаго православія и онъ не устаетъ подчеркивать этотъ характеръ.

«Я попрошу обратить вниманіе»,—писалъ Леонтьевъ въ «Письмахъ къ Владиміру Соловьеву»,—«не только на подавляющее количество греко-византійскихъ святыхъ, но и на качество ихъ, на *выразительность* ихъ характеровъ, на ихъ *религіозно-психическое творчество* и сравнить ихъ съ этой стороны съ русскими святыми; мы увидимъ тогда, что византійской религіозной культурѣ вообще принадлежатъ всѣ главные *типы* той святости, которой образцами впослѣдствіи пользовались русскіе люди»... «Византійскіе греки создавали, русскіе только учились у нихъ»...

...«Ни святость, такъ сказать, особенно русскаго православія, ни его великое значеніе не уменьшатся отъ того, что мы будемъ помнить и сознавать, что *наше* православіе есть православіе греко-россійское (византійское). Уменьшатся только наши лже-славянскія претензіи; наше культурно-національное сознаніе приметъ только съ этой стороны болѣе правильное и добросовѣстное направленіе»...

«Православіе *создано* не русскими, а византійцами, но оно до того *усвоено* нами, что мы и какъ нація, и какъ государство безъ него жить не можемъ...

«Насъ крестятъ по-византійски; насъ хоронятъ и отпѣваютъ

по византійскому уставу. Въ церковь ли мы идемъ; лобъ ли мы дома крестимъ; царю ли на вѣрность по правиламъ присягаемъ—мы продолжаемъ византійскія преданія; мы являемся чадами византійской культуры» (т. VI, стр. 333—335).

Ошибкой было бы,—думаетъ Леонтьевъ,—усматривать въ семейственности русскаго быта какую-то, національную специфически русскую черту. Это—славянофильское заблужденіе. Русскій бытъ держится государствомъ, а не семьей. Семейственность не только не характерна для русскаго быта, но, наоборотъ, нѣтъ народа менѣе семейственнаго, чѣмъ русскій.

«Государство у насъ всегда было сильнѣе, глубже, выработаннѣе не только аристократіи, но и самой семьи. Я, признаюсь, не понимаю тѣхъ, которые говорятъ о семейственности нашего народа. Я видѣлъ довольно много разныхъ народовъ на свѣтѣ и читалъ, конечно, какъ читаютъ многіе. Въ Крыму, въ Малороссіи, въ Турціи, въ Австріи, въ Германіи, вездѣ я встрѣтилъ то же. Я нашелъ, что всѣ почти иностранные народы, не только нѣмцы и англичане (это уже слишкомъ извѣстно), но и столькіе другіе: малороссы, греки, болгары, сербы, вѣроятно (если вѣрить множеству книгъ и рзасказовъ) и сельскіе или вообще провинціальные французы, даже турки, гораздо семейственнѣе насъ, великороссовъ» (т. V, стр. 127).

«Если мы найдемъ старинную чисто великорусскую семью (т.-е., въ которой ни отецъ, ни мать не нѣмецкой крови, не греческой, ни даже польской или малороссійской), крѣпкую и нравственную, то мы увидимъ, во-первыхъ, что она держится больше всего православіемъ, церковью, религіей, византизмомъ, заповѣдью, понятіемъ грѣха, а не внѣ религіи стоящимъ и даже переживающимъ ее этическимъ чувствомъ, принципомъ отвлеченнаго долга, однимъ словомъ, чувствомъ, не признающимъ грѣха и заповѣди, съ одной стороны, но не допускающимъ и либеральнаго или эстетическаго эвдемонизма—съ другой, не допускающимъ той согласной взаимной терпимости, которую такъ любило дворянство романскихъ странъ XVII и XVIII вв.» (т. V, стр. 129—130).

Государственностью и религіей держится русскій бытъ, а такъ какъ и первая и вторая—чисто византійскія, то въ «византизмѣ» сила русской націи, въ византизмѣ ея спасеніе.

«Царизмъ нашъ, столь для насъ плодотворный и спасительный, окрѣпъ подъ вліяніемъ православія, подъ вліяніемъ византійскихъ идей, византійской культуры.

«Византійскія идеи и чувства сплотили въ одно тѣло полудикую Русь. Византизмъ далъ намъ силу перенести татарскій по-

громъ и долгое данничество. Византійскій образъ Спаса осѣнялъ на великокняжескомъ знамени вѣрующія войска Димитрія на томъ бранномъ полѣ, гдѣ мы впервые показали татарамъ, что Русь Московская уже не прежняя раздробленная, растерзанная Русь!

«Византизмъ далъ намъ всю силу нашу въ борьбѣ съ Польшей, со шведами, съ Франціей и съ Турціей. Подъ его знаменемъ, если мы будемъ ему вѣрны, мы, конечно, будемъ въ силахъ выдержать натискъ и цѣлой интернаціональной Европы, если бы она, разрушивши у себя все благородное, осмѣлилась когда-нибудь и намъ предписать гниль и смрадъ своихъ новыхъ законовъ о мелкомъ земномъ всеблаженствѣ, о земной радикальной всепошлости» (т. V, стр. 137).

«Однимъ словомъ, съ какой бы стороны мы ни взглянули на великорусскую жизнь и государство, мы увидимъ, что византизмъ, т.-е. церковь и царь, прямо или косвенно, но во всякомъ случаѣ глубоко проникаютъ въ самыя нѣдра нашего общественнаго организма.

«Сила наша, дисциплина, исторія, просвѣщеніе, поэзія, однимъ словомъ, все живое у насъ сопряжено органически съ родовой монархіей нашей, освященной православіемъ, котораго мы естественные наслѣдники и представители во вселенной.

«Византизмъ организовалъ насъ, система византійскихъ идей создала величіе наше, сопрягаясь съ нашими патріархальными простыми началами, съ нашимъ еще старымъ и грубымъ вначалѣ славянскимъ матеріаломъ.

«Измѣняя, *даже въ тайныхъ помыслахъ нашихъ*, этому византизму, мы погубимъ Россію. Ибо тайные помыслы, рано или поздно, могутъ найти себѣ случай для практическаго выраженія» (т. V, стр. 145).

Ясно потому, что съ точки зрѣнія Леонтьева Царьградъ никакой опасностью самобытной русской культурѣ не угрожаетъ. Русское національное дѣло связано неразрывно съ «византизмомъ».

«Всякая защита русскаго націонализма,—заявляетъ Леонтьевъ,—всякое правильное служеніе ему, хотя бы и на почвѣ чисто философской, есть въ моихъ глазахъ служеніе моему же идеалу, моему греко-россіянству, моему «Византизму» (т. VI, стр. 347).

IV.

Терминъ «Византизмъ», какъ разсказываетъ самъ Леонтьевъ, сослужилъ ему плохую службу въ русской литературѣ; на него

нападали почти всѣ, даже и весьма благопріятно о немъ писавшіе. Нѣкоторымъ близкимъ Леонтьеву писателямъ слово «Византизмъ» внушало прямо отвращеніе. Онъ однако упорно держался за этотъ терминъ и не находилъ другого, который такъ точно передавалъ бы суть его идеала. Терминомъ этимъ онъ хотѣлъ не только подчеркнуть родословную своего идеала, но и особый оттѣнокъ его, который отсутствовалъ въ сознаніи другихъ идеологовъ «православія, самодержавія и народности».

«Византизмъ» заключаетъ нѣчто бóльшее, чѣмъ формула «самодержаніе, православіе и народность».

«Византизмъ есть прежде всего особаго рода образованность или культура, имѣющая свои отличительные признаки, свои общія, ясныя, рѣзкія, понятныя начала и свои опредѣленныя въ исторіи послѣдствія... Представляя себѣ мысленно византизмъ, мы видимъ передъ собой какъ бы строгій, ясный планъ обширнаго и помѣстительнаго зданія. Мы знаемъ, напримѣръ, что византизмъ въ государствѣ значитъ—самодержавіе. Въ религіи онъ значитъ христіанство съ опредѣленными чертами, отличающими его отъ западныхъ церквей, отъ ересей и расколовъ. Въ нравственномъ мірѣ мы знаемъ, что византійскій идеалъ не имѣетъ того высокаго и во многихъ отношеніяхъ крайне преувеличеннаго понятія о земной личности человѣческой, которое внесено въ исторію германскимъ феодализмомъ; знаемъ наклонность византійскаго нравственнаго идеала къ разочарованію во всемъ земномъ, въ счастьѣ, въ устойчивости нашей собственной чистоты, въ способности нашей къ полному нравственному совершенству здѣсь, долу. Знаемъ, что византизмъ (какъ и вообще христіанство) отвергаетъ всякую надежду на всеобщее благоденствіе народовъ; что онъ есть сильнѣйшая антитеза идеѣ всечеловѣчества въ смыслѣ земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства» (т. V, стр. 113—114).

Византійскій идеалъ, другими словами, полное отрицаніе тѣхъ идеаловъ, къ которымъ стремится западное человѣчество,—отрицаніе всѣхъ тѣхъ цѣнностей, которыя обычно связываются съ представленіемъ о «прогрессѣ». На идею прогресса и обрушивается Леонтьевъ въ своей статьѣ «Византизмъ и славянство». То, что обычно понимается подъ прогрессомъ, «эгалитарно-либеральный прóгрессъ», процессъ уравненія и освобожденія есть въ глазахъ Леонтьева *не развитіе*, а *разложеніе*.

Онъ строитъ свою теорію развитія, которая должна охватить какъ явленія растительной и животной жизни, такъ и факты исторіи,—все существующее: и жизнь общества, и государства и цѣлые культурные міры.

Процессъ развитія это—«постепенное восхожденіе отъ простѣйшаго къ сложнѣйшему, обособленіе съ одной стороны отъ окружающаго міра, а съ другой—отъ сходныхъ и родственныхъ организмовъ, отъ всѣхъ сходныхъ и родственныхъ явленій. Постепенный ходъ отъ безцвѣтности, отъ простоты къ оригинальности и сложности. Постепенное осложненіе элементовъ составныхъ, увеличеніе богатства внутренняго и въ то же время постепенное укрѣпленіе единства. Такъ что *высшая точка развитія* не только въ органическихъ тѣлахъ, но и вообще въ органическихъ явленіяхъ, есть *высшая степень сложности, объединенная нѣкіимъ внутреннимъ деспотическимъ единствомъ*».

Примѣняя эту формулу къ жизни общества, мы приходимъ къ выводу, что высшимъ типомъ общественной организаціи является сословно-монархическій строй: въ кастахъ или сословіяхъ, на которые онъ распадается—его сложность и разнообразіе, въ монархической власти его единство. Средневѣковый феодальный строй съ обособленными сословіями, цехами и корпораціями представляетъ собой высшую степень развитія въ сравненіи съ современнымъ буржуазнымъ строемъ, гдѣ всѣ уравнены въ правахъ и одѣты въ одинаковые пиджаки.

Средневѣковый феодальный міръ—міръ красоты, сложный, богатый оригинальными явленіями, современный—бѣденъ, сѣръ, безцвѣтенъ. Современный либерально-эгалитарный строй есть результатъ не развитія, а разложенія, западно-европейское общество находится въ стадіи вторичнаго упрощенія, обратнаго процесса отъ сложнаго къ простому. «Прогрессъ, борющійся противъ всякаго деспотизма—сословій, цеховъ, монастырей, даже богатства и т. п. есть не что иное, какъ процессъ разложенія, процессъ вторичнаго упрощенія цѣлаго и смѣшенія составныхъ частей, процессъ сглаживанія морфологическихъ очертаній, процессъ уничтоженія тѣхъ особенностей, которыя были органически (т.-е. деспотически) свойственны общественному тѣлу. Явленія эгалитарно-либеральнаго прогресса схожи съ явленіями горѣнія, гніенія, таянія льда (менѣе воды свободнаго, ограниченнаго кристаллизаціей); они сходны съ явленіями, напр., холернаго процесса, который постепенно обращаетъ весьма различныхъ людей сперва въ болѣе однообразные трупы (равенство), потомъ въ совершенно почти схожіе остовы (равенство) и, наконецъ, въ свободныхъ (относительно конечно): азотъ, водородъ, кислородъ и т. д. (т. V, стр. 198—199).

Анархія, т.-е. полное *распаденіе* общества на образующіе его свободные атомы, смерть общественнаго организма,—вотъ конечная стадія, къ которой идетъ западно-европейская жизнь.

При мысли о *свободѣ* мрачный идеологъ реакціи думаетъ не о жизни, а о смерти. Жизнь не въ свободѣ, а въ подчиненіи. Не свободное творчество, а насиліе—творческое начало жизни.

Подобно чеховскому учителю, утверждавшему, что самое главное въ жизни это—форма и что то, что теряетъ свою форму, перестаетъ существовать, Леонтьевъ тоже учитъ, что суть жизни въ формѣ, а форма есть деспотизмъ внутренней идеи.

«Форма есть деспотизмъ внутренней идеи, не дающей матеріи разбѣжаться. Разрывая узы этого естественнаго деспотизма, явленіе гибнетъ. Шарообразная или эллиптическая форма, которую принимаетъ жидкость при нѣкоторыхъ условіяхъ, есть форма, есть деспотизмъ внутренней идеи. Кристаллизація есть деспотизмъ внутренней идеи. Одно вещество должно, при извѣстныхъ условіяхъ, оставаясь само собою, кристаллизоваться призмами, другое октаэдрами и т. п. Иначе они не смѣютъ, иначе они гибнутъ, разлагаются. Растительная и животная морфологія есть такъ же ни что иное, какъ наука о томъ, какъ оливка *не смѣетъ* стать дубомъ, какъ дубъ не *смѣетъ* стать пальмой и т. д., имъ съ зерна предуставлено имѣть такіе, а не другіе листья,—такіе, а не другіе цвѣты и плоды» (т. VI, стр. 197—98).

Въ этой своеобразной натурфилософіи нельзя не увидѣть отраженія николаевской системы, поклонникомъ которой былъ Леонтьевъ: это—строй николаевской Россіи, распространенный на вселенную. Грозный начальственный окрикъ «не смѣть» сталъ верховнымъ голосомъ жизни, и все живетъ, повинуясь ему, затянутое въ форму, вытянутое въ шеренгу, подчиненное строгой дисциплинѣ. Ничто не дышетъ свободно, не развивается, согласно внутреннему порыву; «оливка не смѣетъ стать дубомъ, дубъ не смѣетъ стать пальмой». Если бы не эта строгая дисциплина, во вселенной наступила бы анархія, дубъ захотѣлъ бы быть пальмой, оливка—дубомъ: исчезла бы законосообразность явленій природы, міръ распался бы на несвязанные свободные атомы, лишенные организующей спасительной силы.

Либо деспотизмъ, либо анархія, *tertium non datur*, и Леонтьевъ выбираетъ деспотизмъ и въ природѣ, и въ человѣческомъ мірѣ. И его трактатъ «Византизмъ и славянство»—настоящій гимнъ деспотизму. Но не передъ всякимъ деспотизмомъ преклоняется Леонтьевъ: прославляемый имъ деспотизмъ это—*абсолютизмъ*, облеченный въ *легальную* форму, освященный религіей и традиціями. Другими словами, руководящая идея Леонтьева, это—*идея легитимизма*, во имя которой боролась съ освободительными національными движеніями западно-европейская реакція первой половины XIX вѣка и вѣрнымъ рыцаремъ которой былъ имп. Ни-

колай I. «Византизмъ Леонтьева оказывается выкрашеннымъ въ восточный цвѣтъ *легитимизмомъ*. Этотъ характеръ его міросозерцанія ярко обнаруживается въ его взглядахъ на національныя движенія вообще, въ частности на освободительное движеніе балканскихъ христіанъ. Отношеніе Леонтьева къ Турціи и къ балканскимъ славянамъ можетъ быть понято только съ точки зрѣнія идеи легитимизма, которою направлялась и политика Николая I въ восточномъ вопросѣ.

V.

«Государь Николай I былъ истинный и великій «легитимистъ»,—говоритъ Леонтьевъ.—Онъ не любилъ, чтобы даже и православные «райя» позволяли себѣ бунтовать противъ султана, онъ *самому лишь себѣ* основательно предоставлялъ законное право побѣждать и подчинять султана, какъ царь царя» (т. VI, стр. 217). То, что кажется другимъ изслѣдователямъ ошибками во внѣшней политикѣ Николая I, въ глазахъ Леонтьева съ точки зрѣнія охранительной идеи легитимизма получаетъ высшій смыслъ.

По Леонтьеву выходитъ, что Николай I и на практикѣ проводилъ эти идеи, которымъ впослѣдствіи далъ теоретическое основаніе самъ Леонтьевъ: Николай I былъ противникомъ всякой *эмансипаціи*, всякаго *уравненія*, всякаго *смѣшенія* и у себя и у другихъ. Онъ былъ, по смотрѣнію свыше, призванъ задержать на время то всеобщее разложеніе, которое еще до сихъ поръ никто не знаетъ, чѣмъ и какъ остановить. И онъ, съ истиннымъ величіемъ *генія-охранителя*, исполнялъ свое суровое и высокое назначеніе!

«Государь Николай Павловичъ, не доживши до конца XIX в., когда «реакція» начинаетъ мало-по-малу пріобрѣтать себѣ теоретическія оправданія и основы, чувствовалъ, однако, политическимъ инстинктомъ своимъ не только то, что Западъ на пути къ заразительному и для насъ разложенію, но что и сама Россія наша при немъ именно *достигла той культурно-государственной вершины, послѣ которой оканчивается живое государственное созиданіе и на которой надо пріостановиться по возможности надолго, не опасаясь даже и нѣкотораго застоя*. И этимъ геніальнымъ инстинктомъ охраненія объясняются всѣ его главныя политическія дѣйствія и сочувствія: отвращеніе отъ либеральной монархіи Людовика Филиппа; защита «коварной», но необходимой еще надолго, быть можетъ, Австріи; венгерская война; заступничество за султана противъ Мехмедъ-Али; расположеніе его къ весьма еще въ то время аристократической и охранительной Англіи; нежеланіе его, чтобы восточные христіане самовольно

возставали противъ законнаго и самодержавнаго турецкаго правительства, и, наконецъ, то разочарованіе въ освобожденной Элладѣ, которое выразилось въ словахъ его (легендарныхъ или историческихъ, все равно): «Этому демагогическому народу я не дамъ ни пяди земли» (т. VI, стр. 224).

Но оказывается, что еще раньше другой дѣятель, рыцарь идеи легитимизма на Западѣ, понялъ истинный духъ греческаго движенія: это—знаменитый вдохновитель реакціи Меттернихъ.

«Изо всѣхъ видныхъ и вліятельныхъ дѣятелей 20-хъ годовъ только одинъ Меттернихъ понялъ истинный историческій духъ греческаго возстанія. Онъ одинъ только «чуялъ», что въ сущности это движеніе—все та же всемірная *эгалитарная* революція, несмотря на религіозно-національное знамя, которымъ оно красовалось».

Мудрость Меттерниха, боровшагося съ національной идеей, лежитъ въ основѣ и византійскаго отношенія Леонтьева къ идеѣ народности, революціонной въ его глазахъ.

«Группировка государствъ *по чистымъ народностямъ* ведетъ быстрыми шагами европейское человѣчество къ господству *международности*. По окончаніи всѣхъ этихъ племенныхъ, народныхъ счетовъ и разграниченій во всей силѣ своей поднимется *всенародный* соціальный вопросъ. Чистые прогрессисты, демократы, соціалисты, нигилисты имѣютъ право радоваться этому. Это понятно. Но какимъ образомъ,—недоумѣваетъ Леонтьевъ,—могутъ отрицать этотъ фактъ или мириться съ нимъ хотя бы многіе изъ славянофиловъ нашихъ, не понимаю» (т. VI, стр. 308—309).

Въ отношеніи къ идеѣ народности—одно изъ существенныхъ отличій Леонтьева отъ славянофиловъ. Въ этомъ отношеніи онъ расходился не только со славянофилами либеральнаго оттѣнка, но даже и съ панславистами реакціоннаго лагеря.

Леонтьева иногда называютъ «славянофиломъ», но увлеченіе его славянофильскими идеями было столь же мимолетно, какъ и увлеченіе либеральными вѣяніями. Можно сказать, что онъ былъ славянофиломъ лишь до тѣхъ поръ, пока не сталъ Леонтьевымъ, пока не нашелъ себя и не выработалъ своего міровоззрѣнія. Въ наиболѣе яркихъ своихъ произведеніяхъ онъ не *славянофилъ*, а *славянофобъ*. «Я очень скоро понялъ,—говоритъ Леонтьевъ,—что всѣ славяне южные и западные именно въ этомъ, столь дорогомъ для меня, *культурно-оригинальномъ смыслѣ* суть для насъ русскихъ ни что иное, какъ *неизбѣжное политическое зло*, ибо народы эти до сихъ поръ въ лицѣ интеллигенціи своей ничего, кромѣ самой пошлой и обыкновенной *современной буржуазіи*, міру не даютъ» (т. V, стр. 108). Болгаръ Леонтьевъ,

какъ мы увидимъ ниже, прямо ненавидѣлъ, чеховъ страстно хотѣлъ отдать «на съѣденіе» нѣмцамъ, поляковъ—обрусить, а къ остальнымъ славянамъ относился съ недовѣріемъ и пренебреженіемъ.

Въ отношеніи къ балканскимъ славянамъ Леонтьевъ остался вѣренъ принципамъ восточной политики Николая I, который защищалъ православіе на Востокѣ, но не славянскіе народы. Вѣрный духу этой политики и, какъ всегда, послѣдовательный и безстрашный въ выводахъ, Леонтьевъ защищаетъ даже турецкую опеку надъ славянами. Современемъ эту опеку замѣнитъ русская власть, но «пока пусть стоитъ Турція!»

«Живя въ Турціи,—разсказываетъ Леонтьевъ въ «Письмахъ отшельника»,—я скоро понялъ истинно ужасающую вещь; я понялъ съ ужасомъ и горемъ, что *благодаря только туркамъ* и держится еще многое истинно православное и славянское на Востокѣ...

«Я сталъ подозрѣвать, что отрицательное дѣйствіе мусульманскаго давленія, *за неимѣніемъ лучшаго*, спасительно для нашихъ славянскихъ особенностей и что безъ турецкаго презервативнаго колпака разрушительное вліяніе либеральнаго европеизма станетъ сильнѣе (т. V стр. 362). Отрицая оригинальное творчество даже въ русскомъ народѣ, сводя все національно-русское къ византійскому, Леонтьевъ, тѣмъ менѣе, склоненъ былъ усматривать оригинальное въ другихъ славянскихъ народахъ.

Всѣ писанія Леонтьева проникнуты глубокимъ недовѣріемъ къ славянамъ. Болгаръ, какъ я уже говорилъ, онъ прямо ненавидитъ и боится:

«Опасенъ не чужеземный врагъ, на котораго мы всегда глядимъ пристально исподлобья; страшенъ не сильный и буйный соперникъ, бросающій намъ въ лицо окровавленную перчатку старой злобы. Не нѣмецъ, не французъ, не полякъ, полубратъ, полуоткрытый соперникъ. Страшнѣе всѣхъ ихъ братъ близкій, братъ младшій и какъ будто бы беззащитный, если онъ *зараженъ* чѣмъ-либо такимъ, что при неосторожности можетъ быть и для насъ смертоноснымъ. Нечаянная, ненамѣренная зараза отъ близкаго и безсильнаго, котораго мы согрѣваемъ на груди нашей, опаснѣе явной вражды отважнаго соперника. Ни въ исторіи ученаго чешскаго возрожденія, ни въ движеніяхъ воинственныхъ сербовъ, ни въ бунтахъ поляковъ противъ насъ мы не встрѣчаемъ того загадочнаго и опаснаго явленія, которое мы видимъ въ мирномъ и лжебогомольномъ движеніи болгаръ...»

Болгарофильскія симпатіи въ русскомъ обществѣ глубоко

огорчали Леонтьева: по его выраженію, это какое-то «болгаробѣсіе».

«Въ чисто славянскихъ сочувствіяхъ нашихъ я чуялъ все тотъ же *всесмѣсительный*, радикальный европеизмъ, котораго еще давнымъ давно и Хомяковъ, и Ив. С. Аксаковъ и даже самъ Катковъ учили меня бояться и чуждаться.

«А почему Катковъ и Аксаковъ *не узнавали* того же европейскаго радикализма въ этомъ частномъ болгарскомъ случаѣ, это ихъ дѣло. Я не знаю навѣрное почему, но, вспоминая при этомъ русскую пословицу: «на всякаго мудреца довольно простоты», думаю такъ: Аксаковъ былъ пламенный поклонникъ славянства во что бы то ни стало; онъ *слѣпо вѣрилъ* въ его *залоги*, а Катковъ былъ геніальный оппортунистъ, но дѣйствительной дальновидностью не отличался, по крайней мѣрѣ въ *явныхъ*, писаныхъ взглядахъ своихъ.

«Какъ лично вѣрующій христіанинъ, какъ ученикъ и послушникъ аѳонскихъ монаховъ, я считалъ тогдашнія политическія дѣйствія Горчакова и графа Игнатьева прямо ихъ *личнымъ грѣхомъ*.

«Точно такимъ же грѣховнымъ дерзновеніемъ я считалъ статьи Каткова и Аксакова въ защиту болгаръ.

«Какъ человѣкъ, уже привычный самъ и къ мелкой политической практикѣ и къ пониманію общегосударственныхъ вопросовъ, я находилъ опаснымъ *двигать* нашу восточную политику съ привычнаго, *вѣкового пути греко-русскаго единенія*.

«Какъ русскій гражданинъ, какъ патріотъ, я возмущался тѣмъ, что мощные представители императорской Россіи, графы и князья наши, тянутся боязливо по слѣдамъ какихъ-то славянскихъ халуевъ-демагоговъ.

«Бога дипломаты наши не *боятся* оскорбить (думалъ я), потворствуя нарушенію древнихъ, весьма существенныхъ каноновъ; а боятся раздражить какихъ-то паршивыхъ болгаръ, которыхъ, какъ мухъ, Россія можетъ задавить одной лишь ступней своей» (т. VI, стр. 338—339).

Для того, чтобы ненавидѣть болгаръ у Леонтьева была спеціальная причина: это греко-болгарская церковная распря, въ которой всѣ симпатіи Леонтьева были на сторонѣ грековъ.

Къ сербамъ Леонтьевъ относился лучше, у него не было причинъ ихъ ненавидѣть, но и къ нимъ онъ относится съ недовѣріемъ: они утратили славянскія особенности, они охотно и быстро идутъ по пути европеизма, они—демократы. «Сербы—всѣ демократы; и у нихъ эпическая патріархальность переходитъ, какъ нельзя лучше, въ самую простую буржуазную утилитарность.

Чиновники и военные нигдѣ не составляютъ родового сословія, которое воспитывало бы своихъ членовъ въ опредѣленныхъ впечатлѣніяхъ; они набираются гдѣ попало и между ними могутъ быть люди всякаго образа мыслей. Вчерашній чиновникъ или военный—завтра свободный гражданинъ и членъ оппозиціи или даже явный предводитель бунта. Какъ воспитана вся интеллигенція сербская, такъ воспитаны и служащіе правительству люди. Залоговъ для неограниченной монархіи мы въ Сербіи не видимъ. Сербы не сумѣли вытерпѣть даже и того самовластія, съ которымъ патріархально хотѣлъ управлять ими ихъ освободитель и національный герой, старый Милошъ» (т. V стр., 177). Словомъ, на сербовъ плохая надежда.

Перебравъ всѣхъ славянъ Леонтьевъ приходитъ къ выводу, безотрадному для него, что и всѣ они безъ исключенія «демократы и конституціоналисты».

«Черта, общая всѣмъ, при всей ихъ кажущейся блѣдной разнородности, это—расположеніе къ равенству и свободѣ, т.-е къ идеаламъ или американскому, или французскому, но никакъ не византійскому» (т. V, стр. 179).

Къ грекамъ Леонтьевъ относился лучше, чѣмъ къ славянамъ балканскимъ, но и греки современные въ его глазахъ были безнадежны, они пошли по пути европеизма. «Эллада обогнала въ демагогіи многія страны Европы; школъ вездѣ множество; учителя почти безконтрольно говорятъ въ селахъ, что хотятъ. И вотъ это чисто торговое, практическое, промышленное, поверхностно обученное греческое общество остыло гораздо болѣе нашего къ религіи, несмотря на всю церковность воспитанія».

Всѣ христіанскіе народы Балканъ лишены тѣхъ устоевъ, которые могли бы предохранить ихъ отъ разлагающаго западнаго вліянія.

«У всѣхъ этихъ народовъ: у болгаръ, у грековъ, у сербовъ, у черногорцевъ, у армянъ—дворянства нѣтъ; нѣтъ *серьезныхъ* очень давнихъ династій, пустившихъ въ странѣ глубокіе корни долгой и славной исторіи. Духовенство мало вліятельно на высшій слой, поверхностный и подвижной, который весь вышелъ изъ низшаго класса и не имѣетъ никакихъ такихъ *особыхъ* преданій и привычекъ, на которыя можно было бы возлагать охранительныя надежды въ случаѣ несостоятельности низшихъ классовъ. Члены христіанской интеллигенціи живутъ отчасти послѣднимъ словомъ европейскаго прогресса, отчасти тѣми слабыми охранительными вліяніями, которыя доставляютъ имъ невѣжественность или, если хотите, наивность не дошедшей еще до европеизма остальной массы народонаселенія» (т. V, стр. 464).

При такомъ критическомъ отношеніи къ балканскимъ христіанамъ, Леонтьевъ не допускалъ и мысли, чтобы кому-нибудь изъ нихъ могъ принадлежать Царьградъ послѣ изгнанія турокъ изъ Европы. По географическому положенію естественными претендентами на Царьградъ являются болгары и греки. Но ни тѣ, ни другіе недостойны его. «Дѣтскія мечтанія грековъ о «Великой идеѣ», т.-е. о возстановленіи греческой Византіи до Балканъ и далѣе, и мелочный патріотизмъ болгаръ, которые, не умѣя возвыситься до славяно-вселенскихъ интересовъ, готовы постоянно разстраивать и сокрушать нетерпѣливыми раздорами православную церковь (единственное, серьезно охранительное начало въ славизмѣ), въ равной мѣрѣ дѣлаютъ оба эти народа недостойными владычествовать на Босфорѣ...

«И грекамъ и болгарамъ одинаково необходима дружеская, но твердая рука; рука справедливая и къ тѣмъ, и къ другимъ во имя обще-православныхъ интересовъ. Имъ нужны въ одно и то же время—елей любви для ихъ разверстыхъ язвъ и бичъ отеческій для обузданія ихъ претензій».

Такой державой, несущей въ одной рукѣ елей любви, а въ другой отеческій бичъ, можетъ быть въ Царьградѣ только Россія. Царьградъ долженъ принадлежать Россіи. Это не только въ интересахъ послѣдней, но и въ интересахъ восточныхъ христіанъ, всего славянства, въ интересахъ всего человѣчества, наконецъ, ибо только подъ русской властью Царьградъ можетъ стать центромъ новой духовной культуры—возрожденнаго византійства, призваннаго спасти міръ.

«Если племена и государства Востока имѣютъ смыслъ и залоги жизни самобытной, то Востокъ станетъ весь *заодно*, встанетъ весь оплотомъ противъ безбожія и анархіи», но сами эти племена Востока, какъ мы видѣли выше, пошли уже по пути западнаго либерализма, ведущаго къ безбожію и анархіи, и только турецкій режимъ еще и поддерживалъ въ нихъ религіозный духъ; освободить ихъ изъ-подъ власти турокъ, и, давъ имъ Царьградъ, предоставить ихъ самимъ себѣ, это значило бы погубить будущность человѣчества. Царьградъ, съ которымъ связана эта будущность, долженъ рано или поздно стать русскимъ, а пока онъ долженъ оставаться турецкимъ.

VII.

«У насъ нѣтъ средины между Царьградомъ турецкимъ и Царьградомъ русскимъ. Если нельзя сейчасъ сдѣлать Царьградъ русскимъ, то пусть будетъ Царьградъ султанскимъ городомъ, лишь бы намъ сохранить его для самихъ себя»... Этотъ тезисъ реальной

русской политики на Ближнемъ Востокѣ (для Россіи конечно выгоднѣе, чтобы Константинополь принадлежалъ слабой, разлагающейся Турціи, а не какому нибудь сильному народу, и имѣющему будущее) у Леонтьева получаетъ идеологическое оправданіе: пусть лучше Турція пока владѣетъ Царьградомъ, ибо турецкій режимъ сохраняетъ его неиспорченнымъ, предохраняетъ отъ западныхъ вліяній. Самое ужасное, что можетъ себѣ представить Леонтьевъ, это—Константинополь ничей, нейтральный. Казалось бы, что для Россіи выгоднѣе Константинополь нейтральный, чѣмъ принадлежащій другой какой-нибудь державѣ. Но Леонтьева эта мысль пугаетъ больше всего, ибо нейтральный Константинополь станетъ новымъ центромъ всемірной революціи и даже затмитъ старый центръ—революціонный Парижъ.

Выходцы всесвѣтной революціи, политическіе преступники, эмигранты, нигилисты со всѣхъ концовъ Европы устремятся въ нейтральный Царьградъ.

«Они не только ринутся туда немедля толпами, но даже очень скоро должны будутъ стать во главѣ мѣстнаго населенія, менѣе зрѣлаго политически и зараженнаго своими, такъ сказать, *приходскими* ненавистями и страстями.

«И при туркахъ европейцы нерѣдко господствовали и хозяйничали въ странѣ, что же будетъ безъ того единства власти, которой располагалъ султанъ?

«При туркахъ было и тѣмъ еще лучше, что на турецкую службу, мѣняя или не мѣняя религію, поступали большею частью вовсе не фанатики политическіе, а люди ловкіе, разные искатели приключеній, которые вовсе ничего не желали разрушать, а только хотѣли себѣ самимъ пріобрѣсти выгоды и блестящее положеніе. Безъ турокъ туда пойдутъ новые Лассали, Нечаевы ...чтобы на вновь распаханной переворотами и разрыхленной кровью почвѣ сѣять сѣмена своего отрицанія.

«И эти сѣмена, произрастая, эта проповѣдь, разливаясь, эти ядовитые плоды, созрѣвая, неужели они ограничатся Царьградомъ? Не отзовется ли все это тотчасъ же въ сосѣдней и нами такъ отечески созданной Болгаріи? Не отзовется ли все это въ Греціи и безъ того демагогической? Или въ Сербіи, гдѣ нѣтъ почти средины между свинопасомъ и нигилистомъ?» (т. V, стр. 462).

«*Царьградъ нейтрализованный* станетъ очень скоро столицей всесвѣтнаго нигилизма. Революція, которая не могла себѣ до сихъ поръ найти живого центра во всѣхъ этихъ старыхъ и характерныхъ національныхъ столицахъ, въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ—обрѣтетъ, наконецъ, юридически утвержденную и политически оправданную резиденцію въ этомъ городѣ, чуждомъ

всему національному, всему священному для каждой націи у себя дома...

«Вотъ что такое «нейтрализованный» Царьградъ!» (т. V, стр. 468).

Эти мысли Леонтьевъ повторялъ вслѣдъ за Н. Я. Данилевскимъ, который тоже опасался космополитическаго Константинополя, какъ центра всемірной революціи. Въ общемъ, однако, взгляды Данилевскаго и Леонтьева на судьбу Царьграда расходятся.

Авторъ «Россіи и Европы» полагалъ, что при всѣхъ тѣхъ выводахъ, какія даетъ Россіи обладаніе Константинополемъ и проливами, въ особенности въ цѣляхъ занятія черноморскаго побережья, все же присоединеніе къ Россіи Царьграда нежелательно.

Въ виду своего царственнаго значенія Царьградъ, присоединенный къ Россіи, создалъ бы опасную конкуренцію «не только Петербургу, но даже и самой Москвѣ.» Онъ долженъ былъ бы стать столицею Россіи. И Данилевскій опасается, какъ бы Константинополь, сдѣлавшись столицею Россіи, «не привлекъ къ себѣ въ слишкомъ значительной степени нравственныхъ, умственныхъ и матеріальныхъ силъ Россіи и тѣмъ не нарушилъ въ ней жизненнаго равновѣсія»... «Столица, лежащая не только не въ центрѣ, но даже внѣ территоріи государства, не можетъ не произвести замѣшательства въ отправленіяхъ государственной и народной жизни, не произвести уродства неправильнымъ отклоненіемъ жизненныхъ, физическихъ и духовныхъ соковъ въ политическомъ организмѣ».

Итакъ, Царьградъ, по Данилевскому, не долженъ входить въ составъ Россіи, онъ долженъ стать столицею всего славянскаго союза. Леонтьевъ, относившійся критически къ идеѣ славянскаго союза и мечтавшій именно о новой столицѣ для Россіи, о перенесеніи на югъ ея культурнаго центра, смотритъ иначе. Правда, и онъ дѣлаетъ разныя оговорки, говоря о присоединеніи Царьграда къ Россіи:

«Само собой разумѣется, что Царьградъ не можетъ стать административной столицей для Россійской имперіи, подобно Петербургу. Онъ не долженъ даже быть связанъ съ Россіей въ той формѣ, которая зовется въ руководствахъ международнаго права «union réelle», т.-е. онъ не долженъ быть частью или провинціей Россійской Имперіи» (т. V, ст. 421—422).

Онъ предвидитъ какую-то особую форму связи Царьграда съ Россіей.

«Поставленный, съ одной стороны, съ Россіей только въ *личное*, а не въ *реальное* соединеніе, призванный съ другой—стать

не административной только столицей одного государства, а культурнымъ центромъ цѣлаго греко-славянскаго союза или новаго восточнаго *міра*, Царьградъ не легко подвергается опасности, что въ него цѣликомъ и спроста перенесутся устарѣвшія привычки демократизированнаго за послѣднее время Петербурга, а напротивъ того, самъ этотъ, столь вредный, цивилизованный, но не *культурный* (не культурный, значитъ, по моему *несвоеобразный*) Петербургъ начнетъ быстро падать и терять значеніе, и въ самой Россіи административная столица почти невольно перенесется южнѣе,—вѣроятно не въ Москву, а въ Кіевъ.

Итакъ, будутъ тогда *двѣ* Россіи, неразрывно сплоченныя въ лицѣ государя: *Россія—имперія*, съ новой административной столицей (въ Кіевѣ), и *Россія—глава Великаго Восточнаго Союза*, съ новой культурной столицей на Босфорѣ». (т. V, стр. 422).

Съ этой идеей мы уже встрѣчались у Тютчева, который предсказывалъ, что Польша съ Русью примирятся не въ *Петербургѣ и Москвѣ, а въ Кіевѣ и Царьградѣ*, указывалъ на Кіевъ и Царьградъ, какъ на будущіе центры новой жизни Россіи, при чемъ Кіеву все же отводилась второстепенная роль, а истинная столица будущаго царства русскаго это—Константинъ-градъ:

«Москва и градъ Петровъ, и Константинъ-градъ—
Вотъ царства русскаго завѣтныя столицы».

Такъ же и у Леонтьева, о Кіевѣ упоминается мимоходомъ, а все вниманіе отдается Царьграду, который, несмотря на всѣ оговорки, дѣлаемыя Леонтьевымъ, рисуется ему именно какъ столица, призванная замѣнить Петербургъ. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. «Чѣмъ скорѣе станетъ Петербургъ чѣмъ-то въ родѣ балтійскаго Севастополя или балтійской Одессы, тѣмъ лучше не только для Россіи, но и для такъ называемаго человѣчества»—говоритъ Леонтьевъ.

Лучше для человѣчества, ибо Царьградъ русскій станетъ духовнымъ центромъ новой культуры, призванной обновить человѣчество. Царьградъ будетъ противопоставленъ Парижу—этому главному очагу разлагающей человѣчество, безбожной демократической культуры. Леонтьеву грезится даже разрушеніе Парижа. «При нынѣшнихъ средствахъ разрушенія обратить большую часть Парижа въ развалины и груды пепла гораздо легче, чѣмъ было во времена древнія разрушать другіе великіе культурные центры: Вавилонъ, Ниневію, старый Римъ и т. д. *А этого и нужно желать тому, кто жаждетъ новыхъ формъ цивилизаціи на берегахъ Босфора. Разрушеніе Парижа сразу облегчитъ намъ дѣло культуры даже и внѣшней въ Царьградѣ»*. (Курсивъ Леонтьева, т. V, стр. 435—436).

Подобная мечта, повидимому, смутила даже безстрашнаго автора ея, ибо, высказавъ ее, онъ прибавляетъ, словно оправдываясь: «*И неужели это только безсильное желаніе варварской зависти? Не думаю!* Не думаю! Не вѣрнѣе ли, что это нѣчто въ родѣ пророчества, если не совсѣмъ ужъ научнаго, то полунаучнаго, гипотетическаго, *по индуктивному способу изъ примѣровъ историческихъ выведеннаго*» (тамъ же стр. 436).

Теперь, когда исторія такъ зло посмѣялась надъ «пророчествами» и «индукціями» Леонтьева, теперь, когда Россія стремится къ Константинополю, въ союзѣ съ Англіей и Франціей, и ждетъ открытія проливовъ усиліями англійскихъ и французскихъ войскъ; теперь когда реальный Константинополь сталъ ближе къ Россіи, чѣмъ когда бы то ни было, а фантастическая мечта о немъ, какъ о центрѣ борьбы съ западной культурой, развѣялась навсегда даже для самыхъ реакціонныхъ умовъ,—теперь заниматься критикой плановъ Леонтьева относительно Царьграда было бы слишкомъ безплодной и неблагодарной задачей.

Но намъ нужно еще остановиться на роли Царьграда въ политическомъ міросозерцаніи Леонтьева для того, чтобы лучше уяснить себѣ истинную природу этого міросозерцанія.

VIII.

Я говорилъ уже, что Царьградъ стоитъ въ центрѣ того заколдованнаго круга, въ которомъ вращается мысль Леонтьева. Это дѣйствительно—*заколдованный кругъ*, изъ котораго нѣтъ выхода.

Въ самомъ дѣлѣ, по Леонтьеву выходитъ, какъ мы видѣли выше, что Россія только въ Царьградѣ можетъ создать ту восточную «византійскую» культуру, которая призвана противостоять западной, романо-германской, эгалитарно-либеральной. Ей нужны новая почва и новая столица, потому что при старыхъ столицахъ, зараженныхъ уже западнымъ либерализмомъ на старой почти тысячелѣтней великорусской почвѣ, при въѣвшихся въ кровь петровскихъ преданіяхъ, эта мечта неосуществима, «сѣверный исполинъ заболѣлъ либеральной лихорадкой» и ему нужно переселиться «на другіе, болѣе теплые и здоровые, прекрасные берега» для того, чтобы вернуть свои силы. Эти теплые берега для заболѣвшаго сѣвернаго исполина важны не потому, что ему нужно южное солнце, а потому, что здѣсь источникъ тѣхъ идеаловъ, тѣхъ нравственныхъ силъ, которыми онъ держался въ своей тысячелѣтней исторіи. «Царьградская Русь освѣжитъ Московскую Русь».

Итакъ Россія для того, чтобы воскресить византійскій идеалъ,

должна вернуться къ источнику его, должна очутиться въ благопріятной атмосферѣ, найти подходящую среду и отъ нея получить внѣшній толчокъ, ибо сама изъ себя она уже не можетъ этого сдѣлать. Но что же представляетъ собою эта царьградская среда, какое она можетъ оказать вліяніе *теперь* на Русь? Сохранилось ли въ ней хоть что-нибудь отъ византійскаго идеала?

На это Леонтьевъ самъ даетъ точный и ясный отрицательный отвѣтъ: въ Царьградѣ современномъ ничего не сохранилось отъ византійства, въ немъ нѣтъ не только византійскихъ, но вообще никакихъ традицій, никакихъ устоевъ, поэтому-то нейтральный, предоставленный самому себѣ Царьградъ и станетъ космополитическимъ центромъ революціи, предоставленное самому себѣ «царьградское населеніе или будетъ находиться въ постоянной анархіи, доходящей безпрестанно даже до уличной драки между греками, славянами, евреями, армянами и мусульманами, ибо въ средѣ этого населенія нѣтъ ни одной національности, которая была бы въ силахъ подавить остальныя и подчинить ихъ какой бы то ни было дисциплинѣ; или же всѣ эти національные клочки и вѣроисповѣдныя партіи должны будутъ примириться на чемъ-то среднемъ, на чемъ-то индифферентномъ, стоящемъ совершенно внѣ православія и внѣ іудаизма, внѣ ислама и внѣ христіанства; внѣ племенныхъ наклонностей славянства и грецизма, внѣ армянской или болгарской церковности, словомъ на чемъ то, стоящемъ внѣ племени и внѣ связаннаго съ этимъ племенемъ вѣроисповѣданія. Но чѣмъ же можетъ быть это среднее, это индиферентное, какъ не *космополитическимъ радикализмомъ?*». (т. 5, стр. 460). Ясно, что такая атмосфера вовсе не исцѣлитъ «заболѣвшаго либеральной лихорадкой сѣвернаго исполина». Либеральная лихорадка, наоборотъ, найдетъ здѣсь самую благопріятную для себя почву, и для того, чтобы побороть ее консервативными идеалами, Россіи придется *принести ихъ съ собой* въ Царьградъ, а не искать ихъ послѣ.

Самъ Леонтьевъ признаетъ, что нужно, чтобы Россія пришла въ Царьградъ уже съ національными идеалами. Вспоминая въ 1884 г. неудачу съ Константинополемъ 1878 г., онъ замѣчаетъ: «И это прекрасно, что насъ туда и не допустили, враги ли наши, наши ли собственныя соображенія—все равно. Ибо тогда мы вступили бы въ Царьградъ этотъ (во французскомъ кепи) *съ общеевропейской эгалитарностью* въ сердцѣ и умѣ; а теперь мы вступимъ въ него именно въ той *шапко-мурмолкѣ*, надъ которой такъ глупо смѣялись наши западники, въ сердцѣ же и умѣ съ кровавой памятью объ ужасномъ днѣ 1-го марта» (т. 6, стр. 77).

Такимъ образомъ, съ одной стороны нужно побѣдить въ сердцѣ

и умѣ своемъ обще-европейскую эгалитарность для того, чтобы вступленіе въ Царьградъ имѣло смыслъ и дало желанные результаты, а съ другой—вступленіе въ Царьградъ нужно для того, чтобы побѣдить эту либерально-эгалитарную болѣзнь, уже заразившую Россію.

Можно заранѣе сказать, что человѣкъ, попавшій со своимъ идеаломъ въ такой заколдованный кругъ, не можетъ имѣть увѣренности въ торжествѣ этого идеала. Не могъ въ самомъ дѣлѣ Леонтьевъ, при его остромъ критическомъ умѣ, не видѣть того внутренняго противорѣчія, на которомъ построены его разсужденія о будущности Царьграда и Россіи.

И онъ видѣлъ это противорѣчіе, и порой у него вырываются признанія, что онъ самъ не вѣритъ въ свою мечту, а только тѣшитъ себя ею.

«Иное дѣло *вѣрить* въ идеалъ и *надѣяться* на его осуществленіе, иное дѣло *любить* этотъ самый идеалъ. Можно любить и *безнадежно* больную мать; можно, даже и весьма страстно желая культурнаго выздоровленія Россіи,—устранить, наконецъ, вѣру въ это выздоровленіе» (т. VI стр. 296).

Міросозерцаніе Леонтьева, какъ это отмѣтилъ въ статьѣ о Леонтьевѣ Н. А. Бердяевъ, отравлено глубокимъ пессимизмомъ. Онъ самъ не вѣритъ въ свой идеалъ. Съ точки зрѣнія автора «Византизма и Славянства» Россія въ царствованіе Николая I достигла высшей ступени развитія, и послѣ этого ей осталось или разлагаться или застыть въ должномъ положеніи. «Николай Павловичъ... засталъ Россію *именно въ томъ законченномъ и высшемъ сословно-монархическомъ строѣ*, въ которомъ она сохранилась безъ перемѣнъ со временъ Екатерины.

«Екатерина могла еще *созидать;* ибо созиданіе и утвержденіе государствъ есть всегда *разслоеніе* («дифференцированіе», какъ говоритъ Спенсеръ); разслоеніе же это, это «дифференцированіе», т.-е. усиленіе разницы или разнообразія въ положеніяхъ, само собой подразумѣваетъ неравноправность лицъ, классовъ, областей, вѣроисповѣданій, половъ и т. д. Николаю Павловичу оставалось послѣ нея только одно изъ двухъ: или приступить къ уничтоженію этого разслоенія, къ *смѣшенію того, что было рѣзко дифференцировано* (раздѣлено) вѣковымъ историческимъ процессомъ, или удержать все по возможности in statu quo, предохранить все, полученное имъ въ наслѣдство, отъ этого смѣстительнаго всерасторженія. Онъ предпочелъ послѣднее. Охраненіе существующаго, даже и со всѣми неотвратимыми недостатками его,—было его идеей, и эта идея выражена была тогдашнимъ петербургскимъ правительствомъ и во внутреннихъ дѣлахъ, и во

внѣшнихъ съ необычайною силою и послѣдовательностью (т. VI, стр. 229).

Царствованіе Александра II съ его реформами внесло разложеніе въ этотъ законченный строй, какой представляла собой Россія при Николаѣ I, и Леонтьевъ вмѣстѣ съ другими реакціонерами мечтаетъ о томъ, чтобы по возможности вернуться къ дореформенной эпохѣ, и изъ-подъ его византійскаго идеала совершенно ясно выступаетъ сословная дворянская тенденція.

Въ началѣ 60-хъ годовъ Леонтьевъ увлекся освободительнымъ идеями, но, какъ онъ самъ разсказываетъ, освобожденіе крестьянъ рисовалось ему въ совершенно иныхъ формахъ, чѣмъ тѣ, въ которыя оно вылилось.

«Въ началѣ этихъ годовъ (60 г.г.) я былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которымъ уже не нравилось западное равенство и бездушное однообразіе демократическаго идеала; но я, подобно людямъ славянофильскаго оттѣнка, воображалъ почему-то, что наша эмансипація *совсѣмъ не то, что западная;* я не мечталъ, а *непоколебимо* почему то *вѣрилъ*, что она сдѣлаетъ насъ сейчасъ же или вскорѣ *болѣе національными, гораздо болѣе русскими, чѣмъ мы были при Николаѣ Павловичѣ.* Я думалъ, что мужики и мѣщане наши теперь болѣе свободные научатъ насъ жить хорошо *по-русски*, укажутъ намъ, *какими господами* намъ быть слѣдуетъ,—представятъ намъ живые образцы русскихъ идей, русскихъ вкусовъ, русскихъ модъ даже, русскаго хорошаго хозяйства, наконецъ! Особенно въ хозяйство ихъ мы всѣ сначала слѣпо вѣрили! Вѣрили, кромѣ того, въ знаменитый, какой-то *особливый* «здравый смыслъ», въ могучую религіозность ихъ, въ благоразумное и почти дружеское отношеніе къ землевладѣльцамъ и т. д.

«О томъ же, что пришлось во всемъ этомъ скоро разочароваться, я не нахожу даже и нужнымъ подробно говорить. Это случилось со столькими русскими патріотами, съ одними раньше, съ другими позднѣе,—все это до того, наконецъ, извѣстно, что распространяться объ этомъ не нужно; достаточно напомнить.

«Русскій простолюдинъ нашъ, освобожденный, хотя и не во всемъ, но во многомъ съ нами юридически уравненный, вмѣсто того, чтобы стать намъ *примѣромъ*, какъ мы, «націоналисты», когда-то смиренно и добросердечно надѣялись, сталъ все болѣе и болѣе проявлять наклонность быть нашей *карикатурой*—наклонность замѣнить *почти* европейскаго русскаго барина *почти* европейскою же сволочью съ мѣстнымъ оттѣнкомъ безсмысленнаго пьянства и беззаботности въ дѣлахъ своихъ. Кари-

катура эта при малѣйшемъ потворствѣ властей, можетъ стать къ тому же и крайне опасной, ибо нѣтъ ничего вреднѣе для общественной жизни, какъ демократизація пороковъ или распространеніе въ массѣ народа такихъ слабостей и дурныхъ вкусовъ, которые были прежде удѣломъ класса избраннаго и малочисленнаго (т. 6 стр. 246).

Интересы этого избраннаго и малочисленнаго класса, который въ числѣ другихъ вольностей можетъ себѣ позволить и роскошь слабостей и дурныхъ вкусовъ, и защищалъ Леонтьевъ подъ знаменемъ «византійскаго» идеала. Дворянскія тенденціи Леонтьева, достаточно ярко выраженныя въ его міровоззрѣніи, въ его отвращеніи къ демократіи, выступаютъ еще болѣе открыто въ его статьяхъ, посвященныхъ внутреннимъ вопросамъ русской жизни. Онъ является защитникомъ всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя направлялись на укрѣпленіе въ Россіи силы дворянства, поколебленной освобожденіемъ крестьянъ.

Какъ и западно-европейскіе легитимисты—идеологи абсолютизма и реакціи, легитимистъ въ восточномъ византійскомъ нарядѣ, Леонтьевъ былъ защитникомъ сословныхъ дворянскихъ привилегій. И такъ какъ онъ сознавалъ, что въ Россіи почва уже уходитъ изъ-подъ ногъ дворянства, то онъ и сталъ относиться съ такимъ недовѣріемъ къ этой старой великорусской почвѣ и къ старымъ столицамъ. Онъ хотѣлъ оторвать Россію отъ почвы ея и перенести на берегъ Босфора.

Та новая жизнь, которая расцвѣтала на русской почвѣ, была чужда и несимпатичная ему; въ Россіи ему дорога была та сословно—монархическая форма, изъ которой она выросла уже. Защищая эту форму, онъ и развивалъ свою идеологію, поражающую сухимъ формализмомъ, рѣдкимъ отрицаніемъ всѣхъ источниковъ жизни.

Незадолго передъ смертью Леонтьевъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Приближаясь все болѣе и болѣе къ послѣднему дню разсчета со всѣмъ земнымъ, хотѣлось знать наконецъ, стоютъ ли чего нибудь твои труды и твои мысли или ничего не стоютъ! Такое упоминаніе моего имени, какое теперь за послѣдніе двa-три года стало все чаще и чаще случаться, ни самому автору, ни читателямъ ничего не объясняетъ. «Великая заслуга указать на болгаръ» и т. д.; «блестящее изложеніе»; «самобытный умъ»; «оригинальный публицистъ» и т. д. (и сумасшедшіе очень оригинальны, и всѣ уроды). А я бы желалъ, чтобы мнѣ самому люди умные объяснили, въ чемъ я дѣйствительно полезенъ и въ чемъ только даровитъ, не заблуждаясь... Мнѣ *самому для себя* нужна честная и строгая критика» («Богословскій Вѣстн.», Январь 1915 г.)

Отвѣчая на этотъ, мучившій Леонтьева, вопросъ, въ чемъ онъ «дѣйствительно полезенъ», можно сказать, что онъ *дѣйствительно полезенъ* тѣмъ, что въ сухой ясности его міросозерцанія доведена послѣдовательно до логическаго конца реакціонная идеологія, и на примѣрѣ его мы ясно видимъ, насколько безпочвенна мысль тѣхъ, кто, считая себя носителями «почвенныхъ» идеаловъ, въ безпочвенности упрекаетъ сторонниковъ движенія жизни по пути общечеловѣческаго демократическаго идеала.

Л. Козловскій.

Черты редакторской дѣятельности Н. А. Некрасова въ связи съ исторіей его журналовъ [1]).

VI.

Обзоръ редакціонной дѣятельности Некрасова будетъ неполнымъ, если не остановиться на той сторонѣ ея, которая обнимаетъ редактированіе въ узкомъ значеніи этого слова. Я отношу сюда, съ одной стороны, распредѣленіе матеріала, съ другой, редакторскую корректуру статей. Распредѣленіе матеріала имѣетъ огромное значеніе въ журнальномъ дѣлѣ, въ которомъ есть свои коммерческіе расчеты; въ силу этихъ послѣднихъ статьи, находящіяся въ портфелѣ редакціи, распредѣляются не только сообразно разнымъ сезонамъ въ году, но даже сообразно извѣстнымъ мѣсяцамъ въ этихъ сезонахъ. Критеріемъ здѣсь служитъ, само собой разумѣется, оцѣнка статьи: является ли она важнѣйшей, или талантливой, или средняго достоинства?

Елисеевъ, бывшій соредакторомъ Некрасова въ двухъ журналахъ, проработавшій съ нимъ рука объ руку свыше 15-ти лѣтъ, утверждаетъ, что въ искусствѣ такого распредѣленія статей по сезонамъ и мѣсяцамъ Некрасовъ былъ «самымъ опытнымъ изъ редакторовъ». Этого же мнѣнія держится и Ковалевскій. «Отношеніе къ календарю», говоритъ онъ, «было у Некрасова самое холодное; ему не было никакого дѣла до перваго числа, если тридцатаго попадалась живая статья или матеріалъ для нея,—первое число могло случиться хотя бы пятнадцатаго». «Книжка должна свѣжимъ человѣкомъ выйти въ свѣтъ,—говаривалъ онъ. И жаркое то хорошо, которое съ пылу; зажаренное за полчаса не годится».

«Зато при немъ книжки журнала въ самомъ дѣлѣ были живыми. Не тѣмъ, такъ другимъ способомъ, а онъ вдыхалъ въ нихъ жизнь. Когда воздвигались строгости цензурныя, онъ находилъ средство «не кормить сѣномъ», какъ выражался, и пускалъ въ

---

[1]) См. «Гол. Мин.» №№ 9 и 10.

ходъ прибереженныя про черный день связи съ писателями эстетиками, или прибѣгалъ къ тѣмъ скучнымъ, но цензурно невиннымъ повѣстямъ, которыя «читатель любитъ», какъ глубокомысленныя, и къ ученымъ статьямъ «повеселѣе». Это всетаки было не сѣномъ и могло сходить за посредственный овесъ, впредь до возможности всыпать хорошій».

О томъ, какое значеніе придавалъ Некрасовъ вопросамъ о распредѣленіи матеріала и основанномъ на немъ составѣ журнальныхъ книжекъ, можно судить хотя бы по перепискѣ его съ Чернышевскимъ (ст. Ляцкаго, «Совр. Міръ», 1911 г. № 9), сплошь заполненной относящимися сюда фактами и соображеніями.

Такъ обстояло дѣло въ эпоху «Современника», но и съ переходомъ въ «Отеч. Записки» Некрасовъ не сталъ относиться инертнѣе къ этимъ своимъ обязанностямъ, несмотря на то, что въ 70-хъ годахъ и здоровье его замѣтно сдало и, кромѣ того, не могло не чувствоваться утомленія отъ многолѣтнихъ журнально-цензурныхъ мытарствъ. Какой интересъ, какое вниманіе ко всѣмъ подробностямъ руководимаго имъ дѣла, не исключая даже самыхъ мелочныхъ, проявлялъ Некрасовъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее неизданное письмо къ Скабичевскому[1]), исполнявшему въ то время обязанности редактора, писанное лѣтомъ 1874 г., повидимому, незадолго до выхода іюньской книжки «Отеч. Записокъ».

«Александръ Михайловичъ, у меня здѣсь только тотъ списокъ № 7-го, который составлялся еще при отъѣздѣ Салтыкова, потомъ мы съ Елисеевымъ составили другой, и этотъ-то другой, списокъ, собственно вамъ нужный, остался въ городѣ. Я думалъ что вы съ Елисеевымъ разыщите его у меня на письменномъ столѣ. Впрочемъ, сколько я помню, вотъ содержаніе 7-го №.

I отд. Окончаніе *Акушерки.*—Мазепа,[2]) др.—Записки *Адвоката.*—Стихи[3]).—Продолженіе *Бернгарди.*—Продолженіе *Мишур. Вѣка.*

II отд. Успѣхи народнаго кредита, Странное противорѣчіе—Обѣ приготовлены къ печати Елис. и мной.—Иностранная литер. (что дѣлаетъ Плещеевъ?),—а затѣмъ: *Вашъ фельетонъ,* да *фельетонъ Плещеева,* да если придетъ во время *статейка Шассена о Парижской жизни.* Но она едва ли поспѣетъ.

---

[1]) Пользуюсь случаемъ принести благодарность А. И. Топоровой за разрѣшеніе использовать какъ это письмо Некрасова къ Скабичевскому, такъ и помѣщенное выше.

[2]) На оборотѣ приписано: «Наблюдайте, чтобъ мои поправки въ Мазепѣ были исполнены. Этотъ переводъ мѣстами очень хорошъ, а мѣстами плохъ—до уродства стиха и безграмотности».

[3]) Сбоку приписано: «Посылаю нѣсколько, изъ коихъ можно выбрать для № 7-го».

«При семъ записка, по коей можете получить деньги отъ Горскаго.

«При семъ стихи, вдохновенные новѣйшими событіями. Хорошо бы ихъ напечатать, а еще лучше не печатать. Прочтите ихъ и передайте Плещееву. Не надо ихъ списывать и распространять. Я ихъ современемъ вклею въ свою книгу, а если они походятъ по рукамъ, какъ опасный товаръ, тогда пропадутъ.

«Хорошо бы представить № 7 въ цензуру не позже 20-го. Всѣ корректуры, бывшія у меня, я послалъ Чижову. Теперь у меня еще не было: вашего фельетона, фельетона Плещеева и окончанія его статьи о Золя.—Вотъ и все. Эти статьи, получивъ, тотчасъ возвращу—съ нарочнымъ. На № 8, не теряя времени, можно набирать: окончаніе *Мишурнаго вѣка*, продолженіе *Бернгарди* и начало романа *Хроника села Смурина* (лежитъ въ шкафу). Къ выходу 7-го № пріѣду въ Петербургъ и увижусь съ вами.

Пред. Вамъ *Н. Некрасовъ*.

«Русской Старины» у меня не нашлось. Пошлите за ней отъ моего имени къ Семевскому или къ Краевскому».

Приведенное письмо говоритъ само за себя. Развѣ не характерно, въ самомъ дѣлѣ, для Некрасова, какъ для редактора, напримѣръ, то обстоятельство, что онъ смогъ по памяти возстановить содержаніе цѣлаго номера? А просьба наблюдать за выполненіемъ поправокъ, а желаніе прочесть всѣ корректуры, а обѣщаніе возвратить ихъ съ нарочнымъ—не является ли это, въ свою очередь, яркимъ показателемъ необычайно заботливаго и внимательнаго отношенія Некрасова къ своимъ редакторскимъ обязанностямъ? Даже мѣсто, гдѣ хранится рукопись новаго романа, онъ прекрасно помнитъ и точно указываетъ своему помощнику. При этомъ нельзя не отмѣтить, что номеръ, о которомъ такъ печаловался Некрасовъ, былъ, съ редакторско-издательской точки зрѣнія, однимъ изъ наименѣе важныхъ, такъ какъ выходъ его падалъ на іюль мѣсяцъ, а кто же изъ прикосновенныхъ къ журнальному дѣлу не знаетъ, что лѣтніе мѣсяцы—это наиболѣе глухое время въ журналистикѣ, сопровождающееся обычно и разъѣздомъ сотрудниковъ и ослабленіемъ интереса со стороны читающей публики. Отсюда выводъ: если ужъ Некрасовъ столько заботливости и вниманія обнаруживалъ въ отношеніи іюльскаго номера, то при составленіи «сезонныхъ» номеровъ эти заботливость и вниманіе, безъ сомнѣнія, удесятерялись. Прямымъ подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить нижеслѣдующее, опять-таки неизданное, письмо Некрасова къ Полонскому, написанное годомъ ранѣе письма къ Скабичевскому.

«Милый другъ Полонскій!

«По истинѣ говорю Вамъ, что раздѣленіе Вашей поэмы не только не повредитъ ей, но послужитъ къ усугубленію ея успѣха, такъ какъ ее будутъ имѣть передъ глазами не одинъ, а два мѣсяца—и самые сезонные.

«Гдѣ же это видано, чтобы шесть листовъ стиховъ (рифмованныхъ), шесть листовъ журнальныхъ, что собственно значитъ: 10-ть обыкновенныхъ, подносилось публикѣ разомъ; какъ будто и авторъ и журналистъ тѣмъ самымъ говорятъ ей: лупи это какъ прозу!

«Хотя въ Вашей поэмѣ и содержаніе интересно, но все-таки главное въ ней вовсе не содержаніе, а стихъ и поэзія подробностей; раздѣленіе же опасно только для вещей, въ которыхъ мало чего, кромѣ содержанія, и печальная была бы эта поэма, которая бы отъ этого пострадала. Повѣрьте моему такту и опытности: ее слѣдуетъ раздѣлить для ея собственной выгоды.

«Но если Вы рѣшительно этого не хотите, то я могу пустить и всю. Только буду объ этомъ жалѣть, и это меня искренно огорчитъ, какъ любящаго Васъ человѣка и поэта.

«Увѣдомьте меня, если можете заѣзжайте послѣ Вашего комитета, но (неразб.) только сегодня, ибо я къ вечеру уѣду въ Чудово.

«Посылаю корректуры, прочитавъ ихъ, пришлите *подписанныя* въ типографію.

Весь Вашъ *Н. Некрасовъ.*

P. S. Обѣ части равны по объему, и вторая нисколько не слабѣе 1-ой, а сильнѣе; повторяю: раздѣлите... Самое содержаніе такъ устроено, что раздѣленіе не повредитъ, а между тѣмъ дастъ время читателю насладиться самими стихами. И притомъ въ октябрѣ всѣ уже съѣдутся, и вы будете имѣть возможность осязательнѣе увидѣть въ Петербургѣ впечатлѣніе поэмы.

«Если случится, что не увидимся, то дайте корректуры въ типографію съ отмѣткою: печатать всю или половину въ 9-мъ №. 22 авг. 1873. Я пробуду въ Чудовѣ съ недѣлю».

Доводы, приведенные въ этомъ письмѣ Некрасова, подѣйствовали, и поэма «Мими», о которой шла рѣчь, появилась въ двухъ №№ «Отеч. Записокъ», 9-омъ и 10-омъ. И они, разумѣется, должны были подѣйствовать, такъ какъ Полонскій едва ли могъ оспаривать ихъ справедливость. Первые два довода—издательскаго, такъ сказать, характера: для журнала выгоднѣе растянуть печатаніе хорошей вещи, принадлежащей, къ тому же,

писателю съ именемъ на два сезонныхъ мѣсяца; съ другой стороны, журналъ поступитъ весьма неосмотрительно, если предложитъ читателямъ около 100 страницъ рифмованныхъ стиховъ, являющихся все-таки чтеніемъ для любителя. Этихъ соображеній Некрасову показалось мало, и вотъ на помощь журналисту приходитъ поэтъ, который анализомъ самой поэмы доказываетъ, что она не пострадаетъ отъ раздѣленія. Внимательно прочитывая «Мими», приходишь къ убѣжденію, что и въ этомъ случаѣ Некрасовъ былъ правъ: содержаніе поэмы, на самомъ дѣлѣ, лишено захватывающаго интереса, красотами же формы, мѣстами, дѣйствительно, достигающей большого художественнаго совершенства, можно наслаждаться и въ два пріема.

Въ этомъ эпизодѣ съ достаточной яркостью проявились критическій умъ и эстетическое чутье Некрасова, о которыхъ неоднократно упоминалось при изложеніи вопросовъ и объ умѣломъ выборѣ имъ сотрудниковъ, и о вліяніи его на нихъ; эти черты редакторской физіономіи Некрасова были, по словамъ Елисеева (см. его письмо къ X—ву), настолько сильно развиты, что «никто лучше его не могъ оцѣнить значенія каждой новой мысли, являвшейся въ литературѣ», и что «онъ былъ лучшимъ критикомъ для всѣхъ статей, которыя помѣщались въ его журналѣ». И если, несмотря на это, Некрасовъ избѣгалъ критиковать статьи главныхъ сотрудниковъ журнала, а тѣмъ болѣе категорически настаивать на ихъ передѣлкахъ и измѣненіяхъ, то онъ дѣлалъ это по соображеніямъ глубоко принципіальнымъ: ему не хотѣлось создавать какихъ-либо треній въ отношеніяхъ съ людьми, которымъ онъ довѣрялъ, съ которыми былъ солидаренъ въ главномъ и существенномъ, которые шли съ нимъ рука объ руку къ одной и той же цѣли, тѣмъ болѣе, что редакціонный кружокъ его журналовъ былъ настолько тѣснымъ и спѣвшимся, что случаи представленія кѣмъ-либо изъ его сочленовъ статей, способныхъ вызвать болѣе или менѣе существенныя возраженія, являлись большою рѣдкостью. Это не мѣшало Некрасову въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ считалъ это нужнымъ, высказывать критическія сужденія о статьяхъ даже наиболѣе вліятельныхъ сотрудниковъ журнала. Интересенъ въ этомъ отношеніи эпизодъ, разсказанный и документально подтвержденный Антоновичемъ. Въ своей статьѣ «Въ изъявленіе признательности письмо къ г. З—ну», Чернышевскій, оспаривая мнѣніе З---на, утверждавшаго, что онъ, Чернышевскій, во всѣхъ отношеніяхъ выше Добролюбова, высказалъ нѣсколько мнѣній, съ которыми Некрасовъ не могъ согласиться. И вотъ, по прочтеніи корректуры этой статьи, Некрасовъ на ея поляхъ дѣлаетъ рядъ

помѣтокъ, въ которыхъ его умъ и критическое чутье сказались во всемъ блескѣ. Хотя помѣтки эти и были уже напечатаны Антоновичемъ, однако, читатель не посѣтуетъ на меня за воспроизведеніе ихъ еще разъ, настолько ихъ текстъ говоритъ самъ за себя.

«1. Н. Г. Въ замѣченныхъ мѣстахъ есть фразы, которыя можно истолковать тѣмъ, что мы васъ стѣсняли, при вашемъ вступленіи въ нашъ журналъ, изъ почтенія къ авторитетамъ. Если это и такъ, то на Панаева рано и неумѣстно бросать подобную тѣнь, да и мнѣ, признаюсь вамъ, лично это не нравится. По крайней мѣрѣ *Добролюбова я никогда не стѣснялъ* (курсивъ въ оригиналѣ).

2. Дальше имена Тургенева, Толстого, Анненкова, Боткина производятъ въ этой статьѣ такое впечатлѣніе, какъ будто вы кадите мертвому съ намѣреніемъ задѣть кадиломъ живыхъ.— Ругайте ихъ въ какихъ угодно другихъ статьяхъ, я ни слова не скажу.—Вы имѣли добрую цѣль; но, во 1-хъ, вы преувеличили опасность, предстоящую памяти Добролюбова оттого, что Заринъ поставилъ васъ выше его, во 2-хъ, ужасно будетъ обидно если пойдутъ трепать газетчики имя Добролюбова по поводу этой статейки. Повѣрьте мнѣ, тонъ «Полемическихъ красотъ» нейдетъ къ строкамъ, гдѣ мы имѣемъ цѣлью защитить любимаго и высоко цѣнимаго человѣка. Скажу вамъ мое впечатлѣніе отъ этой статьи: въ ней героемъ являетесь вы, а не Добролюбовъ. Я ничуть не противъ откровенности, не противъ заявленія личнаго высокаго или низкаго мнѣнія о самомъ себѣ, когда человѣку пришла къ тому охота; но охота-то пришла не во время, когда мы взялись защищать другого. И вдругъ боязнь, чтобы кто не подумалъ, что «мы цѣнимъ себя низко», и на эту тему все заключеніе. Словомъ, эти прекрасныя двѣ страницы, посвященныя вами себѣ, лучше бы помѣстить въ другую статью.— Однако, я долженъ сказать: что началъ говорить только съ цѣлью сказать то, что у меня отмѣчено цифрою 1».

И подобное обращеніе Некрасова къ Чернышевскому, безспорно дѣлающее честь и его уму, и его сердцу, не является, по словамъ Антоновича чѣмъ-либо исключительнымъ; въ немъ Антоновичъ видитъ «*типичнѣйшій* и яркій *образецъ* редакторской самостоятельности, мужества и редакторской тактики Некрасова». Правила высказывать свое мнѣніе прямо и откровенно, предоставляя въ то же время сотрудникамъ поступать по-своему, Некрасовъ, какъ утверждаетъ тотъ же писатель, «держался всегда».

Характерно, что какъ ни твердъ и ни самостоятеленъ былъ

вообще говоря Чернышевскій, однако онъ пошелъ въ данномъ случаѣ на уступки: мѣсто подъ № 1 было имъ измѣнено, въ другихъ мѣстахъ сдѣланы значительныя сокращенія, но осудительная рѣчь о себѣ самомъ оставлена. Еще ярче умъ, критическое чутье и литературный вкусъ Некрасова проявлялись въ области оцѣнки художественныхъ произведеній, которыя ему, какъ поэту, были всего ближе. Изслѣдователямъ, и, къ сожалѣнію, въ виду отсутствія полнаго собранія сочиненій Некрасова, только изслѣдователямъ, извѣстны критическія статьи Некрасова, напр., о воспоминаніяхъ Булгарина («Отеч. Записки», т. 46-й), о русскихъ второстепенныхъ поэтахъ, главнымъ образомъ о Тютчевѣ («Современникъ», 1850 г., № 4) и др. Бѣлинскій, будучи знакомъ лишь съ первой изъ отмѣченныхъ статей и съ цѣлымъ рядомъ мелкихъ рецензій Некрасова, составилъ себѣ, какъ мы знаемъ, довольно высокое мнѣніе объ его критическихъ дарованіяхъ; тотъ, напримѣръ, фактъ, что Некрасовъ пренебрегалъ писаніемъ разборовъ и рецензій, выводилъ его изъ себя. Письма Некрасова къ Толстому, Авдѣеву и, особенно, къ Тургеневу такъ и пестрятъ мѣткими и цѣнными отзывами какъ о произведеніяхъ этихъ авторовъ, такъ и другихъ русскихъ писателей, начиная чуть ли не съ Жуковскаго.

Неудивительно при такихъ условіяхъ, что приговоръ Некрасова для очень многихъ изъ поэтовъ и беллетристовъ, сотрудничавшихъ въ его журналѣ, былъ въ высшей степени интересенъ и цѣненъ. Выше я приводилъ письма Рѣшетникова и Шеллера, въ которыхъ эти, тогда еще молодые авторы, почти что литературные дебютанты, всецѣло предавали свои произведенія на усмотрѣніе Некрасова. Однако, и въ глазахъ писателей съ болѣе установившейся репутаціей критическій авторитетъ Некрасова стоялъ чрезвычайно высоко. Въ подтвержденіе приведу письма такихъ крупныхъ поэтовъ, какъ Полонскій и Жемчужниковъ. Первый изъ нихъ, отвѣчая на полученное отъ Некрасова приглашеніе принять участіе въ новыхъ «Отеч. Зап.», отъ 22 декабря 1867 года писалъ:

«Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ. Откликаюсь на благосклонный призывъ вашъ, какъ умѣю...

«Громкаго голоса Богъ не далъ,—но смѣю думать, что пою своимъ собственнымъ голосомъ и по мѣрѣ силъ моихъ стараюсь его обрабатывать.—Дорого цѣню ваше вниманіе, какъ поэта, и также дорого оцѣню вашу откровенность—какъ редактора. Прочтите стихи мои—и если они годятся для вашего журнала, то распорядитесь ими, какъ знаете. Если не годятся, воротите мнѣ.—Не забудьте, что я еще вашъ должникъ и что эти стихотво-

ренія будутъ служить началомъ расплаты. Воротивши мнѣ эти стихотворенія, вы только заставите меня усумниться въ ихъ достоинствѣ, но въ матеріальномъ отношеніи вы мнѣ не повредите— ибо я продамъ ихъ и напишу для васъ что-нибудь другое. Вы знаете, что я не самолюбивъ и что стало быть вамъ нечего церемониться.

«Пишу эту записку на случай если...(неразб.) не застану васъ.— Прощайте, до свиданія и если можно—заѣзжайте ко мнѣ на той недѣлѣ во вторникъ—т.-е. на другой день Рождества—между 9 и 11 часами вечера на чашку чая.—Я имянинникъ. Вы найдете у меня знакомое общество.

Остаюсь Вамъ душевно преданный *Я. Полонскій*».

Еще болѣе дорожилъ оцѣнкою своихъ стиховъ Некрасовымъ А. М. Жемчужниковъ. Въ 1868 г. въ бытность свою за границей Жемчужниковъ дѣятельно работалъ надъ сочиненіемъ сатирической поэмы противъ Каткова. Къ концу марта мѣсяца часть ея, содержащая въ себѣ два отрывка, была уже готова и отослана Некрасову. Жемчужниковъ, повидимому, вполнѣ былъ ею доволенъ, такъ какъ въ письмѣ къ Некрасову отъ $\frac{\text{29 марта}}{\text{10 апрѣля}}$ 1868 г. высказывался въ томъ смыслѣ, что эти его стихи «лучше и интереснѣе поэмы «Сны», наканунѣ напечатанной въ «Отеч. Зап.», и настаивалъ на уплатѣ ему за нихъ повышеннаго гонорара. Однако, Некрасовъ взглянулъ на вопросъ иначе. Въ письмѣ отъ 5 мая 1868 года (напеч. въ «Русской Мысли» 1913 г. № 2) онъ заявилъ напрямикъ, что начало поэмы произвело на него впечатлѣніе «далеко неудовлетворяющее», что присланный отрывокъ отнюдь не принадлежитъ къ «особенно удачнымъ произведеніямъ» Жемчужникова, такъ какъ всѣ тѣ мотивы, на которыхъ построена его характеристика Каткова, многократно и прозой и стихами были уже трактованы не безъ удачи въ мелкой либеральной прессѣ, вслѣдствіе чего большая часть строфъ поэмы «не имѣетъ ни новости, ни силы». Печатать отрывки въ «Отеч. Зап.» Некрасовъ рѣшительно отказывался. Это довольно-таки суровая отповѣдь, которую Некрасовъ называлъ не только своимъ мнѣніемъ, но и мнѣніемъ двухъ-трехъ ближайшихъ сотрудниковъ журнала, не обезкуражила Жемчужникова, хотя и заставила его отнестись болѣе критически къ своему творчеству; онъ продолжалъ работать надъ поэмой и, отправивъ весною 1869 г. ее всю къ Некрасову, находившемуся тогда въ Парижѣ, въ препроводительномъ письмѣ отъ $\frac{\text{24 марта}}{\text{5 апрѣля}}$ писалъ: «Теперь я съ вами совершенно согласенъ, что отрывки (поэмы) прошлаго года печа-

тать не слѣдовало. Но что вы скажете теперь о цѣломъ?.. Если мое стихотвореніе вамъ въ какомъ-либо отношеніи не понравится, а между тѣмъ Вы найдете въ немъ другія стороны, которыя понравятся вамъ и ради которыхъ вы пожелали бы напечатать его, то сообщите мнѣ пожалуйста ваше мнѣніе. Я непремѣнно приму его въ соображеніе и буду вамъ отвѣчать». Некрасовъ въ своемъ отвѣтѣ отъ 4 мая 1869 г. (см. «Русскую Мысль») въ общемъ хвалилъ поэму, въ особенности ея вторую половину, въ исполненномъ негодованія тонѣ которой находилъ «много искренности» и «силы», однако печатать ее все же не соглашался въ виду ея «полемическаго характера». 8-го мая 1869 г. Жемчужниковъ уже отвѣчалъ Некрасову, при чемъ изъ его письма видно, что ободреніе Николая Алексѣевича его обрадовало болѣе, чѣмъ огорчилъ отказъ взять поэму для «Отеч. Зап.» «Хотя и весьма сожалѣю, писалъ здѣсь Жемчужниковъ, что стихи мои не могутъ быть напечатаны въ Отеч. Запискахъ, но зато очень утѣшенъ вашимъ объ нихъ отзывомъ... Мнѣ самому казалось, что они удались, но такъ какъ авторъ, по большей части, плохой судья собственныхъ произведеній, я ждалъ Вашего отзыва, и вотъ оказывается, что Вы ихъ одобряете въ выраженіяхъ очень для меня пріятныхъ... Еще просьба: въ главѣ о центаврѣ не лучше ли сказать: какъ гордо онъ вздымаетъ хвостъ, *все задней мыслію тревожимъ*. Мое намѣреніе будетъ яснѣе. Но не будетъ ли это цинично: скажите Ваше мнѣніе. Простите, если я Вамъ надоѣдаю». Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 14 мая 1869 г. Некрасовъ повторяетъ свой уже ранѣе высказанный совѣтъ напечатать поэму въ собраніи стихотвореній, не боясь того, что уйдетъ время, «такъ какъ ея цѣль—характеристика извѣстнаго періода, во всякомъ случаѣ ставшаго уже до нѣкоторой степени прошедшимъ, а не нападеніе на Каткова, за каковое она была бы принята многими, если бы явилась въ журналѣ или даже отдѣльной брошюрой», и даетъ обѣщаніе найти средство для напечатанія собранія стихотвореній Жемчужникова «безъ затраты денегъ и безъ всякаго ущерба относительно того, что изданіе можетъ ему принести». Далѣе Некрасовъ одобряетъ стихъ «Все задней мыслію тревожимъ»; «въ стихѣ, говоритъ онъ, иногда невозможно безъ грубаго слова, надо только, чтобы оно оправдывалось необходимостью, да чтобъ не было это часто».

Два заключительныя письма изъ переписки обоихъ поэтовъ относятся уже къ 1870 г. Въ письмѣ отъ 26 февраля 1870 г. Некрасовъ даетъ очень благопріятный отзывъ о послѣднихъ стихахъ Жемчужникова, напечатанныхъ частью въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», частью въ «Отеч. Запискахъ», и убѣждаетъ его не складывать рукъ. Отвѣтное письмо Жемчужникова отъ

25-го марта 1870 г. въ значительной своей части занято восторженнѣйшими похвалами новыхъ главъ поэмы «Кому на Руси жить хорошо», и лишь на послѣднихъ страницахъ авторъ переходитъ къ своимъ стихамъ. «Очень радъ, пишетъ онъ, что они наконецъ напечатаны и спасибо Вамъ, что безъ пропусковъ, и что въ одномъ мѣстѣ пропущенный стихъ замѣненъ строчкою точекъ... Очень мнѣ жаль, что стихотвореніе о нашемъ литературно-полицейскомъ направленіи не пошло въ «От. Запискахъ». Вы однако вѣдь довольны этою пьесой? А четверостишія: *въ альбомъ портретовъ* понравились Вамъ или нѣтъ? Пожалуйста напишите мнѣ объ этомъ, а равно и о томъ: понравились ли мои *Современныя пѣсни* порядочнымъ, т.-е. какъ художественно, такъ и граждански развитымъ людямъ? Да будьте откровенны. Мнѣ нужна и полезна только полная откровенность. Тѣмъ болѣе, что если мои стихи не затронули ни въ комъ чуткихъ струнъ, то это еще не значитъ, чтобы они были совершенно никуда негодными. Они все-таки не хуже тѣхъ, которые во время оно заслуживали нѣкоторое одобреніе.—Напишите мнѣ: какъ они Вамъ самимъ показались *уже по напечатаніи*? Произвели ли они какое-нибудь впечатлѣніе? Сказалъ ли кто-нибудь доброе слово относительно ихъ содержанія? Похвалилъ ли кто-нибудь стихъ? и проч. Еслибъ Вы знали, какъ мнѣ хочется это знать, *Вы навѣрно не полѣнились бы отвѣтить мнѣ*... Я долженъ Вамъ сказать, что *Старикъ* написанъ мною, такъ сказать, въ невинности душевной. Какую Вы нашли въ немъ *современную жилку*?»...

Нѣтъ надобности распространяться, что въ этихъ отрывкахъ, равно какъ и въ вышеприведенномъ письмѣ Полонскаго чувствуется положительный піэтетъ въ отношеніи критическихъ сужденій и отзывовъ Некрасова. Это не столько обмѣнъ мнѣній между равноправными сотоварищами по профессіи, сколько почтительная бесѣда младшихъ со старшимъ, даже учениковъ со своимъ учителемъ. Едва ли, конечно, Полонскій и даже Жемчужниковъ согласились бы признать Некрасова своимъ maître'омъ, едва ли это было бы справедливо и по существу, но, во всякомъ случаѣ, тонъ ихъ переписки съ нимъ свидѣтельствуетъ, какимъ авторитетомъ являлся онъ въ ихъ глазахъ. Не забудемъ при этомъ, что оба названные поэты были убѣжденными и страстными поклонниками поэтическаго таланта Некрасова, что и высказывали въ своихъ письмахъ къ нему; Жемчужниковъ въ этомъ отношеніи шелъ такъ далеко, что перерывъ въ своемъ поэтическомъ творчествѣ, совпавшій съ «эпохой новыхъ вѣяній», объяснялъ невозможностью выступать въ роли пѣвца гражданскихъ пѣсенъ на ряду съ Некрасовымъ. «Онѣ (т.-е. гражданскія пѣсни

Некрасова), читаемъ мы въ предисловіи къ его «Собранію стихотвореній», были такъ сильны и оригинальны, что тягаться съ ними я, конечно, не могъ, а вторить имъ, хотя бы и не фальшивя, было бы излишне».

Справедливость требуетъ отмѣтить, что не всегда авторитетъ Некрасова, особенно, въ глазахъ молодыхъ и мало знакомыхъ съ журнальными порядками сотрудниковъ, былъ столь безусловнымъ. У меня въ рукахъ рядъ довольно-таки любопытныхъ писемъ къ Некрасову одного изъ второстепенныхъ беллетристовъ 60—80 гг.—Дм. Конст. Гирса. Въ началѣ февраля 1868 г. онъ представилъ въ редакцію «Отеч. Зап.» нѣсколько отрывковъ, объединенныхъ заглавіемъ «Старая и юная Россія» и изображавшихъ представителей двухъ поколѣній. Гирсъ, хотя и не успѣвшій къ тому времени составить себѣ прочной литературной репутаціи (имъ было лишь напечатано подъ псевдонимомъ Константиновича десять разсказовъ изъ «Записокъ военнаго» въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), держался довольно высокаго мнѣнія о литературно-общественномъ значеніи своего новаго произведенія. По крайней мѣрѣ, въ первомъ же препроводительномъ письмѣ къ Некрасову отъ 1 февраля 1868 г. онъ говоритъ о «Старой и юной Россіи», какъ о части «большого соціальнаго романа», надъ которымъ онъ трудился цѣлые четыре года, который писалъ въ цѣляхъ объективной оцѣнки недавняго прошлаго; а потому, утверждалъ Гирсъ, даже отдѣльныя его главы таковы, что могутъ быть прочтены публикой «съ большимъ интересомъ». Некрасовъ согласился на напечатаніе «Старой и юной Россіи» въ «Отеч. Запискахъ», но, принужденный быть весьма и весьма осторожнымъ въ цензурномъ отношеніи, такъ какъ его журналъ еще не успѣлъ, какъ слѣдуетъ, укрѣпиться, а реакціонное повѣтріе, страшно усилившееся послѣ 4 апрѣля 1866 г., все еще не проходило, позволилъ себѣ внести въ текстъ IV главы, въ довольно-таки неприглядномъ видѣ изображавшей пьянчугу священника, нѣсколько измѣненій. Узнавъ объ этихъ послѣднихъ, Гирсъ прислалъ Некрасову длинное и довольно-таки рѣзкое письмо. Признавая, что «дѣло—неважное», онъ все же заявлялъ о своемъ желаніи «серьезно объясниться», «такъ какъ подобныя недоразумѣнія могутъ случиться и впередъ, и мы, изъ пустыхъ страховъ, будемъ сами себѣ, мнѣ кажется, вредить». Не утомляя вниманія читателя всѣми подробностями этого объясненія, посвященными доказательству того, почему онъ не можетъ согласиться на некрасовскія помарки, приведу его заключительныя строки:

«Поэтому я буду просить перенести въ новую корректуру

порельефнѣе мѣста, соглашаясь смягчить нѣкоторыя выраженія. Если же цензура потребуетъ потомъ перепечатать одну-двѣ страницы, то мы такъ и сдѣлаемъ—и я охотно приму это на свой счетъ. А то теперь—выходитъ, что мы дѣлаемъ такія *имъ* уступки, какихъ и самъ цензоръ не потребовалъ бы.

«Вообще, я просилъ и прошу еще разъ одного—свободы и свободы... Только при этомъ условіи я могу принять на себя нѣкоторую нравственную обязанность отвѣчать—болѣе или менѣе конечно—за то, что весь романъ выйдетъ сколько нибудь рельефнѣе другихъ, теперь появляющихся. Только при этомъ—и нравственно передъ всѣми честными людьми и матеріально—онъ будетъ намъ всѣмъ выгоденъ. Только свободы я просилъ и въ началѣ и, неужели, при незначительности всѣхъ другихъ моихъ условій,—я и на это не могу разсчитывать?

«Переговорите въ этомъ же смыслѣ и съ А. А. Краевскимъ, если сочтете нужнымъ.—Я, право, не ломлю напропалую и знаю, что нужно изгибаться съ нашими порядками—но вѣдь есть предѣлы же. Несправедливо же будетъ, если мнѣ станетъ ломать потомъ критика бока не по моей винѣ. Если же нельзя будетъ сдѣлать вставокъ... то я буду просить въ мѣстахъ выкидокъ поставить точки. Пусть критика видитъ, что тутъ что-то не договорено, да и передъ публикою—я слишкомъ серьезно смотрю на цѣли моего романа—передъ публикою я не хотѣлъ бы двуличничать. Если у насъ нельзя говорить всего—если нѣтъ свободы, то и пусть публика знаетъ. Это послѣдняя уступка, которую я могу сдѣлать».

Однако Некрасовъ все же настоялъ на своемъ. Какіе доводы онъ приводилъ Гирсу, въ точности неизвѣстно, такъ какъ его письма къ нему не опубликованы, но, по всей вѣроятности, эти доводы были въ достаточной степени убѣдительны, разъ авторъ «Старой и юной Россіи» въ своемъ послѣдующемъ письмѣ къ Некрасову счелъ возможнымъ заявить: «Пусть будетъ по вашему... Прикажите печатать, какъ Вы желаете... Можетъ я и не опытенъ въ дѣлахъ съ цензурою»,—присовокупляя, правда, при этомъ, что все-таки онъ остается при своемъ прежнемъ мнѣніи. Едва ли можно сомнѣваться, что упорство, обнаруженное Гирсомъ, проистекало отъ недостаточнаго знанія реальныхъ условій русской дѣйствительности. Послѣдняя не замедлила ему о себѣ напомнить и напомнить въ самой ощутительной формѣ. Рѣчь, сказанная Гирсомъ въ исходѣ лѣта 1868 г. на похоронахъ Писарева, всполошила петербургскихъ жандармовъ, и молодой писатель, безъ суда и слѣдствія, былъ отправленъ въ «мѣста не столь отдаленныя»... Изъ имѣющагося у меня письма Гирса къ

Некрасову отъ 10 ноября 1868 г. изъ Вологды явствуетъ, въ какое невыносимо тяжелое матеріальное положеніе онъ былъ поставленъ этою высылкой, изъ котораго ему удалось выйти, лишь благодаря матеріальной поддержкѣ редактора «Отеч. Записокъ». Хотя Гирсъ и имѣлъ намѣреніе использовать время вынужденнаго пребыванія въ провинціальной глуши для дальнѣйшей работы надъ своимъ романомъ, но, очевидно, въ силу какихъ-то причинъ не могъ его осуществить: романъ такъ и остался неоконченнымъ, будучи представленъ лишь отрывками, напечатанными весной 1868 г. въ «Отеч. Зап.»

Къ концу 1871 г., уже по возвращеніи Гирса въ Петербургъ, имъ было написано другое произведеніе: «Калифорнскій рудникъ», которое онъ и отослалъ Некрасову при нижеслѣдующемъ письмѣ (отъ 19-го декабря 1871 г.):

«Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ!

Препровождая Вамъ рукопись подъ заглавіемъ «Калифорнскій рудникъ» *вполнѣ оконченную*, прошу Васъ, буде возможно, напечатать ее въ «Отеч. Зап». По предмету, о которомъ трактуетъ это сочиненіе, ничего не было и нѣтъ въ нашей литературѣ, и самый этотъ вопросъ извѣстенъ публикѣ понаслышкѣ о грандіозности существовавшаго еще недавно и отчасти существующаго и нынѣ безобразія на этотъ счетъ. Думаю, что Вашъ опытный взглядъ усмотритъ, что статья эта можетъ быть прочитана публикою съ тѣмъ же интересомъ, съ какимъ въ свое время были замѣчены въ *Современ.* «Откупное дѣло» и «Дворянскіе выборы». Я бы только просилъ Васъ просмотрѣть рукопись самому и до конца. Тѣ, кому я прочитывалъ мѣста изъ этого сочиненія, одобрили вполнѣ, но замѣтили, что нѣкоторыя мѣста необходимо смягчить: можетъ это и правда, и я прошу Васъ такія мѣста отмѣчать на поляхъ: я довѣряю Вашему знанію цензурнаго такта и готовъ смягчить, по Вашему указанію. Несмотря на объемистость рукописи—думаю, что болѣе 20 п. листовъ не выйдетъ, и №№ въ трехъ она можетъ быть окончена. Объ условіяхъ умалчиваю—предоставляя этотъ вопросъ Вашему усмотрѣнію. Само собою, что состоящій за мною долгъ Вамъ, по счетамъ за мой романъ *Ст. и Юн. Россія*,—буде желаете, можете поставить въ счетъ гонорара за настоящую статью.

«Я бы просилъ доставить отвѣтъ хоть по городской почтѣ въ возможно *скоромъ* времени.

«Прошу Васъ вѣрить всегдашнему моему уваженію и доброму чувству къ Вамъ Готовый къ услугамъ *Д. Гирсъ*».

«Если бы эта статья могла быть напечатана только съ оговоркой редакціи—то препятствій съ моей стороны не имѣется. *Д. Г.*

«Еще разъ позволяю себѣ просить—просмотрѣть поскорѣе: мнѣ хотѣлось бы имѣть Вашъ отвѣтъ до наступленія праздниковъ. Ваша опытность позволитъ Вамъ оцѣнить эту статью въ отношеніи того—пригодна ли она для *От. Зап.*—по нѣсколькимъ прочитаннымъ выдержкамъ изъ нея. А для меня время до праздниковъ страшно дорого. Еще разъ прошу Васъ вѣрить моему уваженію къ Вамъ и желанію сохранить добрыя отношенія къ редакціи *От. Зап.*—Вашъ *Д. Г.*»

Въ письмѣ Гирса есть одна фраза, которая можетъ подать поводъ къ предположенію, что онъ-де, будучи заинтересованъ въ помѣщеніи его статьи, позволилъ себѣ прибѣгнуть къ лести; это фраза о томъ, что для редакторской опытности Некрасова достаточно прочтенія нѣсколькихъ выдержекъ, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, годится ли написанное имъ для «Отеч. Зап.». Въ дѣйствительности, ни о какой лести здѣсь рѣчи быть не можетъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ свойствѣ Некрасова, являвшемся слѣдствіемъ огромнаго редакторскаго опыта, колоссальной редакторской наматорѣлости, М. И. Писаревъ («Петербургская газета»,—1902 г. 16-го дек.): «Я не забуду той сцены, которой былъ свидѣтелемъ, сидя однажды въ его кабинетѣ. Передъ Некрасовымъ лежала гора рукописей. Возьметъ одну рукопись, посмотритъ начало, заглянетъ, минуя нѣсколько листовъ, въ середину, пробѣжитъ конецъ, и рукопись летитъ въ сторону. Ту же самую процедуру онъ продѣлалъ со второй рукописью, съ третьей и т. д.

— Что это вы дѣлаете?—спросилъ я.

— Прочитываю присылаемый матеріалъ—отвѣтилъ Некрасовъ.

— Да развѣ можно судить о произведеніи при такомъ отрывочномъ чтеніи?

— А вотъ прочтите-ка сами и скажите: хорошо это или плохо.

Я прочелъ одну изъ брошеныхъ въ сторону рукописей, и дѣйствительно: содержаніе было плоховато».

Совокупность фактическихъ данныхъ, изложенныхъ выше, приводитъ къ неопровержимому убѣжденію, что искусство редактированія было вдоль и поперекъ превзойдено Некрасовымъ. Это, само собой разумѣется, не значитъ, что онъ былъ всегда на высотѣ, какъ редакторъ. Промахи у него, несомнѣнно, бывали, не могли не быть при условіи, что ему приходилось имѣть дѣло со многими тысячами рукописей. Одинъ изъ такихъ промаховъ, едва ли не самый обидный, указанъ Ковалевскимъ. Извѣстно, съ какимъ энтузіазмомъ былъ встрѣченъ Некрасовымъ литературный дебютъ Достоевскаго—повѣсть «Бѣдные Люди».

Но послѣдующія произведенія Достоевскаго его, какъ и Бѣлинскаго, не удовлетворяли. Не понравилось ему, какъ утверждаетъ Ковалевскій, и «Село Степанчиково», которое привезъ Достоевскій изъ ссылки, и онъ отказался его напечатать, будучи убѣжденъ, что Достоевскій уже «вышелъ весь». Является, конечно, большимъ вопросомъ, насколько этотъ разсказъ можетъ считаться достовѣрнымъ, но даже, принимая его, приходится признать, что произведенія Достоевскаго, созданныя въ періодъ отъ «Бѣдныхъ Людей» до «Записокъ изъ Мертваго Дома», не вписываютъ особенно блестящихъ страницъ въ исторію его творчества, такъ что если чутье измѣнило въ данномъ случаѣ Некрасову, то это еще не столь большая вина съ его стороны. Иногда редакторскіе промахи Некрасова не являлись результатомъ безсознательнаго заблужденія, какъ въ эпизодѣ съ «Селомъ Степанчиковымъ», а проистекали отъ другихъ причинъ, напримѣръ, отъ страстнаго желанія, внушаемаго усталостью, а, можетъ быть, и лѣнью, покончить съ неимовѣрно скучной, страшно надоѣвшей работой. Такъ Фетъ въ своихъ воспоминаніяхъ (т. I, 308) передаетъ, что Некрасовъ, громко зѣвая надъ корректурой длинной повѣсти одного своего пріятеля, вдругъ на самомъ патетическомъ мѣстѣ, не предупредивъ ни однимъ словомъ автора, подписалъ: «она умерла» и сдалъ въ печать. Возникаетъ опять таки вопросъ, насколько справедливъ фактъ, сообщенный Фетомъ, который не отличался безпристрастіемъ особенно въ отношеніи тѣхъ, съ кѣмъ у него были личные счеты (одинъ изъ его навѣтовъ на Салтыкова изъ тѣхъ же «Воспоминаній» былъ изобличенъ въ свое время Н. К. Михайловскимъ). Весьма возможно, что Фетъ исказилъ или же преувеличилъ дѣйствительность, но и при абсолютной достовѣрности имъ переданнаго можно лишь говорить объ единичномъ упущеніи Некрасова, психологическая основа котораго совершенно понятна. Спору нѣтъ, что упущенія были, но какъ исключенія только подтверждаютъ правило, такъ и они ни мало не противорѣчатъ представленію о Некрасовѣ, какъ объ образцовомъ редакторѣ, которое основывается на многочисленныхъ свидѣтельствахъ и фактическихъ данныхъ.

Чтобы дорисовать картину отношеній, слагавшихся между Некрасовымъ и сотрудниками его по редакторскимъ дѣламъ, использую находящіяся у меня письма къ нему извѣстнаго библіографа П. А. Ефремова, который помогалъ поэту въ редактированіи вышедшаго въ 1874 году сборника «Складчина». Изъ письма отъ 17 марта 1874 г. видно, что участіе Некрасова не ограничивалось лишь подготовкою къ печати присылаемаго

матеріала[1]), но и распространялось на техническую сторону дѣла, не исключая наблюденія за мелочными и второстепенными подробностями.

Совмѣстная и въ высшей степени дружная работа по редактированію «Складчины» въ такой мѣрѣ сблизила Некрасова и Ефремова, что первый подарилъ второму свой портретъ со слѣдующимъ стихотворнымъ автографомъ (въ «Собраніе стихотвореній» Некрасова не вошло):

«П. А. Ефремову.

Взглянувъ черезъ много, много лѣтъ
На неудачный сей портретъ,
Скажи: изрядный былъ поэтъ,
Не хуже Фета и Щербины,
И вспомни времена «Складчины».

Н. Некрасовъ.

19 марта 1874 г.»

Яркимъ же доказательствомъ теплаго и дружескаго отношенія Ефремова къ Некрасову можетъ служить одно изъ неизданныхъ писемъ библіографа, относящееся, вѣроятно (оно безъ даты), къ тому же 1874 году. Начавъ его съ извиненій, что дѣла помѣшали ему, «несмотря на всѣ усилія..., дойти» до Некрасова, Ефремовъ продолжаетъ: «Если завтра не удастся, то хоть утромъ въ четвергъ заверну къ вамъ. Не хочется уѣхать въ Москву, не видѣвъ Васъ. Скоро очень я къ Вамъ «привыкъ», чтобъ не сказать болѣе, такъ что трудно будетъ дожидаться вторыхъ временъ «Складчины». Объ нихъ и объ Васъ я дѣйствительно сохраню самое доброе воспоминаніе... Надѣюсь эти строки не вызовутъ Вашей улыбки, какъ ни смѣшны разныя «изліянія», но я не привыкъ не говорить того, что думаю».

Взаимная пріязнь Некрасова и Ефремова была настолько велика, что выдержала въ концѣ 1875 г. серьезное испытаніе: между поэтомъ и библіографомъ, повидимому, произошло рѣзкое столкновеніе, въ которомъ послѣдній проявилъ значительную агрессивность. Объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее письмо Ефремова къ Некрасову (отъ 24 ноября 1874 г.):

«Чтобы кончить разъ навсегда съ недоразумѣніемъ и избавиться услужливыхъ передачъ въ обѣ стороны преувеличенныхъ толкованій, скажу Вамъ, Николай Алексѣевичъ, что у меня

[1]) Насколько ревностно выполнялъ Некрасовъ эти чисто редакціонныя функціи, позволяетъ судить сообщаемая Ч. Вѣтринскимъ («День» 31 дек. 1913 г.; статья въ приложеніи: «Крохи Н. А. Некрасова») надпись Ефремова на корректурномъ листкѣ изъ «Складчины» со стихотвореніемъ В-ра Орлова «Panem et laborem», изъ которой видно, что это стихотвореніе было «до неузнаваемости» исправлено Некрасовымъ.

есть, къ сожалѣнію, очень немного такихъ дорогихъ личностей, къ которымъ я не могу относиться равнодушно, именно потому, что люблю ихъ и уважаю. Высоко ставя ихъ, я отношусь къ нимъ съ какой-то ревнивой раздражительностью и волненіемъ человѣка, у котораго затрагиваются его лучшія привязанности. Много тяжелаго раздумья предшествуетъ моимъ безумнымъ выходкамъ, но поставивъ себя въ положеніе «виноватаго», я тѣмъ самымъ даю себѣ право стать въ прежнее отношеніе, если будетъ понято чувство, мною руководившее. Повѣрьте, что я ни съ какой рѣчью не обращусь къ человѣку, котораго не цѣню высоко стоящимъ въ нравственномъ отношеніи. Можетъ, я не передалъ того, что желалъ Вамъ сказать, но увѣренъ, что Вы сами разберете, въ чемъ дѣло. Вашъ всегда

П. Ефремовъ.

Мой поклонъ Зинаидѣ Николаевнѣ».

Не входя въ подробный анализъ этого письма, о фактической причинѣ котораго можно только строить предположенія, отмѣчу, что заявленныя въ немъ чувства любви и уваженія къ адресату не вызываютъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Имъ удалось, очевидно, превозмочь горькій осадокъ въ душѣ Некрасова, если таковой и ощущался непосредственно послѣ конфликта; прежнія отношенія не только возстановились, но къ концу жизни Некрасова приняли интимно-близкій характеръ, о чемъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ записка Некрасова къ Ефремову 1877 г. (впервые опубликована В. Якушкинымъ въ «Рус. Вѣд», 1897 г. №№ 357 и 358), въ которой Некрасовъ выражаетъ полное удовлетвореніе отъ того, что въ бесѣдѣ съ Ефремовымъ ему удалось преодолѣть свою скрытность и «отступить на этотъ разъ отъ своей привычки молчать»; «словно что-то дорогое, потерянное нашелъ я, поговоривъ съ Вами»...—читаемъ мы здѣсь. Вообще, надо имѣть въ виду, что короткое знакомство и хорошія отношенія съ Некрасовымъ имѣли въ глазахъ его друзей безспорную и весьма значительную цѣнность. Когда выходили недоразумѣнія, то съ ихъ стороны нерѣдко обнаруживалось желаніе ихъ ликвидировать, которому Некрасовъ обычно шелъ всегда навстрѣчу съ полною охотою. Такъ, послѣ одного охотничьяго столкновенія, возникшаго по пустяковому поводу, но принявшаго, повидимому, довольно острый характеръ, В. Л.....й отъ 6-го сентября 1874 г. писалъ Некрасову: «Мы расходимся,—но мнѣ было бы крайне тяжело оставаться въ памяти Вашей человѣкомъ, способнымъ оскорбить Васъ умышленно. Вы меня столько разъ обязывали, что уже по одному этому дико было бы предпола-

гать это.—Просто я дурно выразился...» и т. д. Некрасовъ, въ свою очередь, отвѣчалъ Л.......му отъ 14 сентября: «Я не могу не выразить моего искренняго сожалѣнія, теряя въ Васъ добраго товарища по охотѣ. Каковы бы ни были причины, побуждающія Васъ распорядиться такимъ образомъ, истинно говорю Вамъ: я не знаю за собой вольно-намѣреннаго прегрѣшенія противъ Васъ, а за невольное, буде таковое было, отъ души прошу Васъ простить меня».

VII.

Послѣднее, на чемъ мнѣ надо остановиться для полноты характеристики редакторской дѣятельности Некрасова, это на его знаніи подписчика, на его тонкомъ проникновеніи въ его психологію. Довольно значительный опытъ въ этомъ отношеніи былъ пріобрѣтенъ Некрасовымъ уже въ первый періодъ пребыванія его въ Петербургѣ (1838—1845 гг.), когда имъ предпринимались многочисленныя, но далеко не всегда удачныя попытки выступать въ роли издателя всевозможныхъ сборниковъ и альманаховъ. По крайней мѣрѣ, ко времени перехода «Современника» въ его и Панаева руки онъ лучше кого бы то ни было изъ своихъ друзей зналъ, чего жаждетъ, на что идетъ подписчикъ. Вотъ весьма характерный примѣръ въ этомъ отношеніи. Въ письмѣ къ Боткину отъ 29 января 1847 г. Бѣлинскій возмущается отсутствіемъ такта у Некрасова, которое выразилось-де въ томъ, что онъ не только не понялъ, но и позволилъ себѣ въ неподобающемъ тонѣ отозваться о повѣсти П. Н. Кудрявцева «Безъ разсвѣта», напечатанной въ январской книжкѣ «Современника». Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ Бѣлинскому пришлось констатировать, что «повѣсть Кудрявцева никому не нравится», что она «не имѣла никакого успѣха, откуда ни посмотришь—не то, что бранятъ, а холодно отзываются» (письма къ Боткину отъ 17 февраля и къ Тургеневу отъ 19-го февраля 1847 г.). Такимъ образомъ Некрасовъ, заботившійся, понятно, о томъ, чтобы первый № «Современника» новой редакціи былъ наиболѣе выигрышнымъ, обнаружилъ въ данномъ случаѣ бóльшую проницательность, чѣмъ Бѣлинскій.

Съ теченіемъ времени, знаніе имъ читательской психологіи должно было все возрастать и возрастать, и онъ мало-по-малу пріобрѣлъ необыкновенное умѣніе популяризировать свой журналъ въ широкихъ кругахъ читающей публики. Объ употреблявшихся имъ съ этою цѣлью пріемахъ даютъ представленіе воспоминанія Колбасина и Ковалевскаго, изъ которыхъ первый, имѣ-

етъ, главнымъ образомъ, въ виду «Современникъ» 50-хъ годовъ, а второй 60-хъ. По словамъ Колбасина, Некрасовъ отнюдь не пренебрегалъ внѣшними, такъ сказать, способами воздѣйствія на читателей: онъ былъ «большимъ мастеромъ на объявленія объ изданіи журнала», книжки «Современника» выходили въ свѣтъ «въ изящной обложкѣ сиреневаго цвѣта съ картинкой «Парижскихъ модъ» и искусно подстриженными повѣстями, стихотвореніями, переводными статьями. Эта модная картинка очень характерна. Когда какой-нибудь близкій знакомый Некрасова подшучивалъ надъ такимъ страннымъ прибавленіемъ къ серьезному журналу, поэтъ говорилъ: «Нельзя, отецъ, иначе. Вѣдь я знаю, что только мнѣ вздумается исключить изъ моего журнала эту чушь, то «Современникъ» сразу лишится половины своихъ подписчиковъ. Не я виноватъ, что у русской публики такіе вкусы, вотъ подождите, «Современникъ» пуститъ корни поглубже, тогда мы и выбросимъ этотъ соръ». Это обѣщаніе было впослѣдствіи исполнено».

Но главную причину успѣха, сопровождавшаго изданіе «Современника», слѣдуетъ видѣть не въ этихъ внѣшнихъ пріемахъ воздѣйствія на публику, а въ томъ, что Некрасовъ, по словамъ Колбасина, постоянно считался съ ея мнѣніемъ, дорожилъ имъ подчасъ «гораздо болѣе, чѣмъ сужденіями записныхъ и признанныхъ знатоковъ поэзіи и изящныхъ искусствъ», и, наконецъ, чутко прислушивался къ новымъ вѣяніямъ, такъ какъ «по своей прогрессивной натурѣ не могъ держаться рутины и обветшалыхъ традицій». Ковалевскій, съ своей стороны, отмѣчаетъ «знаніе Некрасовымъ вкусовъ читателей», благодаря которому «никогда онъ не ошибался въ выборѣ рукописей: «читаться будетъ»—скажетъ и напечатаетъ. Смотришь, читаютъ точно». Въ результатѣ редакторскіе таланты Некрасова, въ связи съ сочувственнымъ отношеніемъ общества къ той программѣ, которую отстаивалъ «Современникъ», способствовали безпримѣрному успѣху журнала. «Только звонъ «Колокола» изъ Лондона, говоритъ Ковалевскій, въ силахъ былъ покрывать собою «Свистокъ» «Современника», а руководящими статьями критическими, внутренняго обозрѣнія и иностранной политики руководствовалось чуть не все, отъ мала до велика, читающее общество».

Въ какой мѣрѣ «Современникъ» былъ идейно дорогъ самымъ различнымъ слоямъ русской интеллигенціи, объ этомъ можно судить по тому взрыву общественныхъ симпатій къ нему, которыя проявились въ дни его закрытія.

Знаменательный въ этомъ отношеніи фактъ сообщается бывшимъ сотрудникомъ «Отеч. Зап.» (см. «Всемірный Вѣстникъ»,

№ I, 1903 г. «Воспоминанія о Некрасовѣ»). «Послѣ прекращенія въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1866 г. «Современника», разсказываетъ онъ, Н. А. Некрасовъ объявленіемъ предложилъ подписчикамъ, внесшимъ деньги впередъ за весь годъ,—получить ихъ обратно по расчету за 7—8 книгъ, но сочувствіе къ постигшей его бѣдѣ было столь сильно, что въ одной, напр., канцеляріи было счетомъ сорокъ подписчиковъ, а деньги пожелалъ получить только одинъ, да и на него такъ напали сослуживцы за его желаніе,—что и онъ отказался»[1]).

Вѣрнѣйшимъ показателемъ успѣха и степени интереса, вызываемаго тѣмъ или инымъ періодическимъ органомъ печати, является его тиражъ, находящійся, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ числа подписчиковъ. Вотъ почему я считаю не лишнимъ предложить вниманію читателей нѣкоторыя свѣдѣнія, болѣе или менѣе опредѣляющія число подписчиковъ «Современника» съ 1847 по 1865 г., т.-е. почти за двадцать лѣтъ. Данныя, относящіяся къ періоду 1847—1854 гг., извлечены мною изъ писемъ Бѣлинскаго, Некрасова и др.; данныя же по годамъ 1854—1865 г. взяты изъ найденныхъ въ архивѣ конторы «Современника» типографскихъ счетовъ; такъ какъ эти счета указываютъ лишь количество напечатанныхъ экземпляровъ, то дѣйствительное число подписчиковъ надо считать нѣсколько ниже (примѣрно на 200—300 экз.).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда противъ извѣстнаго года стоитъ нѣсколько цифръ, это значитъ, что журналъ не во всѣ мѣсяцы печатался въ одномъ и томъ же количествѣ экземпляровъ: первая цифра соотвѣтствуютъ первой группѣ номеровъ, обозначенныхъ въ скобкахъ, вторая второй и т. д.

Въ 1847 году подписчиковъ было—2000.
» 1848 » » » —3100.
» 1849 » » » —2400
» 1850 »
» 1851 »
» 1852 » » » —2000—3000[2]).
» 1853 »

[1]) Изъ данныхъ архива «Современника» явствуетъ, что и при пріостановкѣ журнала въ 1862 г. контора практиковала обратную выдачу подписныхъ денегъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда объ этомъ поступали требованія.

[2]) Относительно числа подписчиковъ въ это четырехлѣтіе точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Я опредѣляю его въ предѣлахъ отъ 2000 до 3000 на основаніи содержащихся въ письмахъ Некрасова къ Тургеневу общихъ указаній на положеніе дѣлъ «Современника» (такъ въ письмѣ отъ 9 янв. 1850 г. Некрасовъ говоритъ: «въ прошломъ году мы понесли огромный убытокъ; нынѣ у насъ подписка идетъ лучше»; въ письмѣ 1851 г. назы-

Въ 1854 году журналъ печатался въ—3200 (№ 12).
» 1855 » » » » —3500 — 3200 — 3000 (№№ 1—3; №№ 4—5; №№ 6—12).
» 1856 » » » » —3400 (№ 1—7).
» 1857 » » » » —4000—4500—4300 (№ 1; №№ 2—3; №№ 4—12).
» 1858 » » » » —4500—4900—4700 (№ 1; №№ 2—6; №№ 7—12).
» 1859 » » » » —5500—5520 (№№ 1—7; №№ 8—12).
» 1860 » » » » —6600—6625 (№№ 1—9; №№ 10—12).
» 1861 » » » » —7125—6825 (№№ 1—4; №№ 5—12).
» 1862 » » » » —6300 — 6000 — 5700 — 5600 (№№ 1—2; № 3; № 4; № 5).
» 1863 » » » » —6500 (№№ 1—12).
» 1864 » » » » —6110 — 5610 — 5660 (№№ 1—3; №№ 4—6; №№ 7—12).
» 1865 » » » » —6000 — 5000 — 4600 — 4250 (№ 1; № 2; №№ 3—4; №№ 5—12).

Не будучи пригоднымъ для опредѣленія числа подписчиковъ съ абсолютной точностью по причинамъ, указаннымъ выше, эти цифры даютъ вполнѣ вѣскія основанія для установленія ихъ числа съ точностью приблизительной. Во всякомъ случаѣ, не будетъ ошибки, если мы скажемъ, что количество подписчиковъ «Современника» отъ 1847 до 1854 года въ общемъ не превышало 3000, спускаясь иногда и ниже; въ слѣдующее двухлѣтіе (1854—1855 гг.) оно исчислялось въ 3000 съ небольшимъ; въ 1857 году «Современникъ» пріобрѣлъ цѣлую тысячу новыхъ подписчиковъ; приростъ подписчиковъ продолжался и въ 1858 году, доведя общее количество ихъ примѣрно, до 4500; 1859 и 1860 годы принесли почти по тысячѣ каждый; своего же зенита успѣхъ «Современника» достигъ въ 1861 году, когда у него было около 7000 подписчиковъ. Въ 1862 году положеніе «Современника» поколебалось, и онъ потерялъ свыше тысячи подписчиковъ; въ 1863 году журналъ вновь имѣлъ успѣхъ, и число его подписчиковъ значительно превысило прошлогоднее, лишь двумя, тремя стами не доходя до 6500; но съ 1864 года популярность «Современника»

ваетъ «Совр.» единственной, хотя и непрочной опорой своего существованія и т. д.), подтверждаемыхъ и другими источниками, напр., воспоминаніями Чернышевскаго («Совр. Міръ» 1911 г. № 9).

явно слабѣетъ: если въ этомъ году онъ теряетъ 700—800 подписчиковъ, то въ слѣдующемъ году подписка уже совсѣмъ не оправдываетъ расчетовъ редакціи: январскій номеръ печатается въ 6000 экземпляр., февральскій уже въ 5000, мартовскій и апрѣльскій въ 4600, а остальные №№ въ 4250 экз. Это обозначаетъ, что число подписчиковъ опредѣлялось лишь въ 4000 съ небольшимъ. На тѣхъ причинахъ спеціальнаго характера, которыя вызвали упадокъ «Современника» въ серединѣ 60-хъ годовъ, я подробно останавливаюсь въ статьѣ «Редакція «Современника» въ 1866 г.», а потому, не касаясь ихъ теперь, скажу нѣсколько словъ объ общихъ условіяхъ, опредѣлявшихъ собою какъ усиленіе, такъ и ослабленіе популярности журнала. Эти условія находятся въ самой тѣсной связи съ исторіей нашей общественности. Во второй половинѣ 40-хъ годовъ реакціонное настроеніе правящихъ сферъ стало какъ будто нѣсколько ослабѣвать; въ обществѣ, въ свою очередь, началъ наблюдаться повышенный интересъ къ вопросамъ литературнымъ и соціально-политическимъ. Вотъ почему въ 1848 г., т.-е. всего лишь на второй годъ существованія журнала при новой редакціи, число его подписчиковъ достигало почти 3000. Реакція 1848 г. и послѣдующихъ лѣтъ вызываетъ значительную убыль подписчиковъ; журналу, чтобы свести концы съ концами, приходится прибѣгать къ займамъ, которые въ общемъ были настолько значительны, что, по свидѣтельству Чернышевскаго, достигли къ концу 1853 года внушительной цифры въ 25.000 руб. Въ 1854, а особенно въ 1855 и 1856 гг. подписка увеличивается, такъ какъ крымская кампанія, начало новаго царствованія, возбудившее столько надеждъ,—способствуютъ подъему общественнаго самосознанія и какъ бы сдвигаютъ русскую жизнь съ той мертвой точки, на которой она стояла при Николаѣ I. По мѣрѣ того, какъ входитъ въ свои права «эпоха великихъ реформъ», на ряду съ ростомъ общественнаго возбужденія, растетъ и популярность некрасовскаго журнала; годъ осуществленія величайшей соціальной реформы, освобожденія крестьянъ, былъ въ то же самое время годомъ наибольшаго успѣха «Современника». Слѣдующій, 1862 годъ, въ который появились первыя ласточки надвигающейся реакціи, принесъ «Современнику» не только значительное уменьшеніе числа подписчиковъ, но и суровую кару—пріостановку на 8 мѣсяцевъ и арестъ одного изъ главныхъ руководителей, Чернышевскаго. 1863 годъ, годъ польскаго возстанія, доказалъ, что передовыя общественныя группы попрежнему сочувствуютъ «Современнику», и что правительственныя репрессіи скорѣе обостряютъ это сочувствіе, чѣмъ колеблютъ его. Однако, ошибка

въ веденіи «Современника» въ этомъ и слѣдующихъ годахъ, выразившаяся въ усвоеніи имъ грубо-полемическаго тона въ отношеніи другихъ журналовъ, а также молчаніе его по весьма существеннымъ вопросамъ современности, въ которомъ не столько была виновата самая редакція журнала, сколько все усиливающаяся реакціонность правительственныхъ сферъ, создавшая въ обществѣ и вокругъ журнала необычайно душную и тяжелую атмосферу, самымъ рѣшительнымъ образомъ вліяютъ на успѣхъ журнала: съ 1861 по 1865 годъ онъ теряетъ цѣлыхъ 3000 подписчиковъ. Трудно сказать, сумѣлъ ли бы «Современникъ», измѣнивъ нѣсколько свой курсъ (конечно, не объ измѣнѣ знамени идетъ рѣчь), выйти на истинную дорогу и вновь завоевать симпатіи широкихъ прогрессивныхъ круговъ,—въ дѣло вмѣшалась власть предержащая, которая устами комиссіи кн. Гагарина произнесла смертный приговоръ журналу...

Точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о подписныхъ дѣлахъ второго некрасовскаго органа «Отеч. Зап.» у меня нѣтъ, да они и не представляютъ такого интереса, потому что «Отеч. Зап.» при жизни Некрасова постепенно шли въ гору; пертурбаціи, вызвавшія упадокъ подписки, относятся уже къ 80-мъ годамъ.

Заканчивая настоящій обзоръ редакторской дѣятельности Некрасова, не лишнее подвести нѣкоторые итоги. Это былъ редакторъ, *во-первыхъ*, умный, тактичный, проницательный и терпимый къ чужимъ мнѣніямъ, что ярче всего сказывалось какъ въ подборѣ сотрудниковъ, такъ и въ умѣніи создать благопріятныя условія для ихъ работы; *во-вторыхъ*, обладавшій огромнымъ авторитетомъ и въ области чисто-литературныхъ и въ области прочихъ вопросовъ, умѣвшій этотъ авторитетъ использовать въ цѣляхъ преуспѣянія журнала и моральнаго объединенія его сотрудниковъ; *въ-третьихъ*, энергичный и трудоспособный, стремившійся, насколько это отъ него зависѣло, заражать этою энергіею и трудоспособностью окружающихъ; *въ-четвертыхъ*, выполнявшій своей журнальной дѣятельностью опредѣленную соціально-политическую программу, вѣрный ей до послѣдняго издыханія, несмотря на нѣкоторые компромиссы; *въ-пятыхъ*, изощрившійся по части лавированія между цензурными скалами и мелями, готовый не только на моральныя, но и на неморальныя жертвы, когда дѣло шло о спасеніи журнала отъ цензурныхъ скорпіоновъ; *въ-шестыхъ*, необыкновенно опытный въ распредѣленіи матеріала и вообще въ томъ, что дѣлаетъ книжки журнала живыми; *въ-седьмыхъ*, надѣленный большимъ литературнымъ вкусомъ, а потому незамѣнимый въ дѣлѣ собственно редактированія сотрудническихъ статей и особенно художественныхъ произведеній; *въ-восьмыхъ*, входившій, не-

смотря на всю свою занятость, во всѣ мелочныя, техническія подробности своихъ редакторскихъ функцій; *въ-девятыхъ*, обладавшій прекраснымъ знаніемъ психологіи и вкуса подписчиковъ, умѣвшій не только примѣняться къ этому вкусу, но и воспитывать его; *въ-десятыхъ*, неизмѣнно обнаруживавшій въ то же время удивительную чуткость къ современнымъ ему общественнымъ вѣяніямъ и вознагражденный за то невиданнымъ еще успѣхомъ своихъ журналовъ, безспорно самыхъ вліятельныхъ въ періодъ 50—70 гг.

Продолжительная редакторская дѣятельность Некрасова, охватывавшая три десятилѣтія и какихъ десятилѣтія! именно тѣ, когда создавалась исторія Новой Россіи,—помимо своей непосредственной роли, которая состояла въ огромномъ вліяніи руководимыхъ имъ журналовъ, съ явной соціалистической окраской, на міросозерцаніе русской интеллигенціи, можетъ быть разсматриваема еще и въ другомъ отношеніи, какъ немаловажный факторъ нашего общественнаго развитія. Отъ Некрасова болѣе, чѣмъ отъ кого бы то ни было другого, повелась та честная журнальная традиція, яркими представителями которой явились: М. Е. Салтыковъ, Гр. З. Елисеевъ, Н. К. Михайловскій, С. Н. Кривенко, Н. Ф. Анненскій и др. Свою живучесть она доказала на дѣлѣ, и если ей и приходилось временами ослабѣвать, то впослѣдствіи она возрождалась съ новой силой. Пока существуетъ эта традиція, русская журналистика не перестанетъ служить народнымъ интересамъ, какъ служилъ имъ одинъ изъ величайшихъ ея дѣятелей Н. А. Некрасовъ.

В. Евгеньевъ.

Современная фламандская литература [1].

Бельгія, имѣетъ великое прошлое.

Небольшое число ея сыновъ, около семи милліоновъ, геройски защищающихъ свою родину, имѣетъ великихъ предковъ, народныхъ героевъ, первоклассныхъ художниковъ.

Современная Бельгія, ставшая самостоятельнымъ, нейтральнымъ государствомъ только въ 1830 г., въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ переходившая изъ рукъ въ руки, отъ одного владычества къ другому, принуждена была въ своемъ прошломъ постоянно бороться за свою независимость, желая сбросить съ себя чужестранное иго, то Испаніи, то Австріи, то Франціи, то Голландіи, которыя обильно проливали кровь храбрыхъ жителей этой земли, безжалостно уничтожали цѣлыя поколѣнія. Ни одна страна не испытывала стольких превратностей, и ея прошлое представляется сплошнымъ кровопролитіемъ. Естественно поэтому, что жители современной Бельгіи, пока принуждены были бороться за свою независимость или прилагать всѣ силы, чтобы побороть природныя бѣдствія, сыпавшіяся на нихъ, могучее море, постоянно угрожавшее имъ,—не находили времени подумать о литературѣ. И Ипполитъ Тэнъ, въ своей *Философіи Искусства* справедливо говоритъ (въ 1868 г.) о бельгійцахъ, что «въ настоящее время ихъ литература, можно сказать, ничтожна. Они не могутъ указать въ своей средѣ творческихъ геніевъ, открывающихъ великія и самобытныя воззрѣнія на міръ или оправляющихъ свои замыслы въ прекрасныя, для всѣхъ обаятельныя формы». Тогда его мнѣніе было вполнѣ правильнымъ. Но будущее заставило притти къ совершенно инымъ заключеніямъ.

Послѣ революціи 1830 г., принесшей бельгійцамъ независимость и свободу, и послѣ почти полувѣковаго затѣмъ труда, затраченнаго на устройство страны, на созданіе нѣкоторой матеріальной обезпеченности и извѣстнаго покоя въ государствѣ, бельгійцы

---

[1] Однимъ изъ пособій для этой статьи послужила книга *P. Hamelius*: Histoire poétique et littéraire du mouvement flamand.

получили возможность осуществлять свои мечты, придавать имъ красивую форму, словомъ, творить.

Въ наши дни, до той ужасной минуты, когда нѣмецкая армія вторглась въ эту мирную страну, когда Вильгельмъ II съ своимъ войскомъ разрушилъ и разорилъ ее всю, можно было видѣть, что бельгійская литература въ короткій срокъ сдѣлала такіе большіе шаги, что могла насчитывать нѣсколько своихъ представителей, пользующихся большой славой за предѣлами родины. И если Тэнъ въ 1868 г. говорилъ, что «ни одно ихъ произведеніе не перешло границы Бельгіи», то теперь можно назвать трехъ-четырехъ писателей, которыхъ другія европейскія страны называютъ первоклассными: М. Метерлинка, Э. Верхарна, Ж. Роденбаха, С. Стревелиса.

Вплоть до минуты объявленія войны, когда эта страна пользовалась полнымъ спокойствіемъ и, если и раздавались отдѣльные голоса о томъ, что Бельгіи грозитъ «нѣмецкая опасность», то масса населенія не вѣрила этому, возлагая надежду на гарантіи великихъ державъ относительно нейтралитета государства, въ области литературы можно было наблюдать два различныхъ теченія: французское и фламандское. Какъ извѣстно, населеніе Бельгіи раздѣляется на валлоновъ, приверженцевъ французской культуры, говорящихъ на своемъ нарѣчіи, но пользующихся и французскимъ языкомъ, и фламандцевъ, собственно германскаго происхожденія, близкихъ и къ голландцамъ по языку. И тѣ, и другіе пользуются одинаковыми правами, подчинены однороднымъ законамъ, но до послѣдней минуты, когда война сплотила ихъ въ единое цѣлое для защиты родины, они вели ожесточенную борьбу за преимущественныя права того или другого языка въ странѣ. Въ фламандской жизни образовалось довольно сильное фламандское движеніе, защитники котораго (flamingants) употребляли всѣ силы на борьбу съ французскимъ разговорнымъ языкомъ, гдѣ только возможно: въ палатѣ, театрѣ, школахъ, литературѣ; они старались о возстановленіи правъ фламандскаго языка, старыхъ народныхъ традицій и культа Фландріи, о распространеніи фламандской исторіи, легендъ и пр. Это движеніе, отчасти поддерживаемое Германіей, вызвало рѣзкій отпоръ среди сторонниковъ французской культуры, даже иногда и въ средѣ фламандцевъ, изъ которыхъ большинство воспитывается во французскихъ школахъ и привыкаетъ къ французскому языку. Бельгійскіе писатели, группировавшіеся возлѣ журнала *Молодая Бельгія*, положили начало современной литературѣ въ странѣ, добились большого успѣха за границей, писали по-французски, хотя и являлись чисто фламандскими писателями. Но на ряду съ

М. Метерлинкомъ, Э. Верхарномъ, Ж. Роденбахомъ во Фландріи начинали какъ бы параллельно работать фламандскіе писатели, которые писали на чистомъ голландскомъ языкѣ или на фламандскихъ нарѣчіяхъ, были лишены узкаго шовинистскаго чувства и, не презирая французской литературы, выставили изъ своей среды многихъ настоящихъ романистовъ и поэтовъ.

Однимъ изъ родоначальниковъ современной фламандской литературы былъ Жанъ-Франсуа Виллемсъ (1793—1846). Съ ранняго дѣтства онъ ощутилъ сильную любовь къ голландскому языку и голландской литературѣ, и, впослѣдствіи, занявъ мѣсто архиваріуса въ Антверпенѣ, Ф. Виллемсъ много работалъ и писалъ на пользу фламандской литературы. Въ своихъ произведеніяхъ онъ стремился прежде всего къ возбужденію у читателей любви къ родинѣ, къ созданію національнаго чувства и, возстановляя славное прошлое Фландріи, желалъ добиваться будущаго величія народа. Онъ окружилъ себя другими писателями, преданными тому же дѣлу, и всѣ они занимались капитальными вопросами объ исторіи языка, національности, объ орѳографіи. Они печатали произведенія средневѣковыхъ фламандскихъ писателей, иногда не вполнѣ точно, реформировали и обогощали фламандскій языкъ; они возстановляли и популяризировали старинныя легенды, предприняли окончательное изданіе поэмы *Reinart de Vos*, стариннаго народнаго шедевра. Ихъ писательская дѣятельность сводилась скорѣе къ пропагандѣ, политикѣ, а не къ чистой литературѣ. Въ 1837 г. Виллемсъ основалъ журналъ *Belgich Museum*, который редактировалъ до самой смерти и который насчитывалъ въ средѣ своихъ сотрудниковъ всѣ лучшія литературныя фламандскія силы той поры. Журналъ, естественно, не сводился только къ чисто эстетическимъ задачамъ; сотрудники добивались возстановленія фламандскаго языка, какъ государственнаго, въ странѣ, составляли фламандскіе грамматики и словари, подавали въ палату петиціи о введеніи фламандскаго языка въ провинціальныхъ школахъ, призывали вниманіе читателей къ родному языку и родной литературѣ. Значеніе Виллемса огромно для фламандской литературы, и впослѣдствіи (1899 г.) ему былъ поставленъ памятникъ въ городѣ Гентѣ, на площади передъ Фламандскимъ театромъ.

На этой почвѣ фламандской пропаганды выросъ чудесный цвѣтокъ истинной поэзіи; съ именемъ К. Ледеганка (Karel Ledeganck, 1805—1847 г.) связано начало фламандской поэзіи. Ледеганкъ началъ съ риторическихъ стиховъ, отличавшихся намѣренною простотою и большею естественностью, чѣмъ предшествовавшая его поэзія, но вскорѣ онъ перешелъ къ настоящей лирикѣ.

Въ своей поэтической дѣятельности онъ старался пропагандировать иностранныхъ поэтовъ, такъ какъ, изучивъ нѣсколько языковъ, былъ страстнымъ поклонникомъ французской поэзіи, а также Шиллера, Байрона; подъ вліяніемъ Виллемса онъ занялся самообразованіемъ, выдержалъ экзаменъ въ университетъ уже въ 35 лѣтъ, посѣщалъ лекціи, состоя на службѣ, и затѣмъ рѣшилъ отдать свои силы на пользу фламандскаго дѣла. Въ сборникѣ его стиховъ *Bloemen mijner lente* (Цвѣты моей весны) чувствуется вліяніе романтизма; картины природы, нѣжность отцовской любви, неожиданная кончина юной дѣвушки проникнуты сильнымъ чувствомъ настоящаго поэта. На ряду съ извѣстной элегіей на смерть матери изъ произведеній Ледеганка выдѣляется трилогія о трехъ фламандскихъ городахъ-сестрахъ (De drie Zustersteden), въ которой прославляется Гентъ, какъ очагъ промышленности, Брюгге по своимъ историческимъ воспоминаніямъ, Антверпенъ по торговлѣ.

Ледеганкъ пользовался при жизни большой славой; его заслуга въ области литературы состоитъ не только въ томъ, что онъ ввелъ въ фламандскую словесность оттѣнокъ настоящей лирики, но и въ томъ, что онъ первый внушилъ заботу о формѣ стиха, о выраженіи искреннихъ чувствъ и переживаній автора. Но еще большую услугу фламандской литературѣ оказалъ самый популярный романистъ, Консьянсъ (Henry Conscience 1812—1883 г.). Онъ пріучилъ фламандскую широкую публику къ чтенію романовъ изъ родной обстановки; на его памятникѣ въ Антверпенѣ написано, что «онъ научилъ читать нашъ народъ». Консьянсъ написалъ до сотни романовъ, въ которыхъ большею частью касался жизни простыхъ людей, униженныхъ, обездоленныхъ, крестьянъ изъ Кампины,—мѣстности, расположенной вблизи Антверпена,—стараясь передавать ихъ нужды, печали, наивныя радости на доступномъ для массы языкѣ, но нѣсколько идеализируя бытъ и нравы. Онъ не разъ говоритъ, что старался прежде всего «создавать такую литературу, которую могъ бы понять и полюбить фламандскій народъ». А онъ самъ прекрасно зналъ этотъ народъ. Консьянсъ выросталъ въ Антверпенѣ, гдѣ его отецъ-французъ былъ морякомъ, кормчимъ на французской канонерской лодкѣ. Избѣгнувъ англійскаго плѣна, спасаясь бѣгствомъ нѣсколько разъ, отецъ Консьянса, послѣ скитальческой жизни, устроился въ Антверпенѣ, гдѣ и женился; послѣ паденія французской Имперіи, онъ лишился мѣста и занялся торговлею. Будущій писатель былъ слабымъ ребенкомъ, до семи лѣтъ не могъ ходить, но затѣмъ поправился. Болѣзненный ребенокъ, катаясь въ креслѣ, имѣлъ единственное утѣшеніе въ сказкахъ любящей

матери, которыя оказали огромное вліяніе на его душу. Въ восемь лѣтъ онъ обратился въ здороваго, но мечтательнаго мальчика, мать его скончалась, и отецъ женился на другой. Мальчикъ зачитывался старыми повѣстями, которыя находилъ въ лавочкѣ отца, и это тоже сильно повліяло на его душу. Въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, которыя Консьянсъ написалъ впослѣдствіи, онъ разсказываетъ, что, когда вспыхнула бельгійская революція 1830 г., онъ, восемнадцатилѣтній юноша, захватилъ изъ дома старый пистолетъ и записался въ ряды волонтеровъ, желая показать, что и онъ мужчина, что онъ можетъ участвовать въ освобожденіи родины отъ голландскаго ига. Будущій романистъ пробудился въ немъ, когда онъ вмѣстѣ съ бельгійскими солдатами осаждалъ Антверпенъ; вслѣдствіе переходовъ въ дождь и вѣтеръ и частыхъ голодовокъ онъ схватилъ лихорадку, расхворался и временно покинулъ полкъ. Но никто не хотѣлъ пріютить его: всѣ двери закрывались передъ несчастнымъ волонтеромъ. Наконецъ, онъ нашелъ бѣдную хижину, гдѣ его обогрѣли и накормили. Въ теченіе десяти дней онъ пользовался гостепріимствомъ бѣдняковъ, ласковымъ вниманіемъ нѣжной дѣвушки, которая съ грустью прощалась съ нимъ; черезъ шестнадцать лѣтъ Консьянсъ захотѣлъ найти эту хижину и этихъ людей, но слѣдъ ихъ пропалъ; талантливый романистъ написалъ объ этомъ трогательную повѣсть. Вначалѣ Консьянсъ писалъ по-французски, но затѣмъ, изучивъ фламандскую исторію и подъ вліяніемъ воспоминаній о военной жизни, когда онъ переносилъ всѣ невзгоды вмѣстѣ съ фламандскими крестьянами, онъ сталъ писать по-фламандски, что дало ему огромную популярность и за что его собственный отецъ называлъ его измѣнникомъ. Его романы нѣсколько въ духѣ Вальтеръ-Скотта: все въ нихъ прилично, доступно для самаго неподготовленнаго читателя, но все нѣсколько намѣренно идеализировано, чрезмѣрно наивно и поэтому однообразно. Теперь всѣ эти сентиментальныя идилліи, историческія и романтическія повѣсти имѣютъ только историческое значеніе, но при жизни Консьянса пользовались огромной популярностью. Подобно Мистралю, онъ еще при жизни увидѣлъ на площади свою статую. Когда былъ устроенъ праздникъ въ честь его *сотаго* произведенія, городъ Антверпенъ напечаталъ въ знаменитой исторической типографіи Плантэна, современника Рубенса, дипломъ и офиціальное постановленіе о постановкѣ ему статуи при его жизни, и когда Консьянсъ, уже почти восьмидесятилѣтній старецъ, былъ окруженъ многочисленными почитателями и спросилъ: «не правда ли, фламандцы, мужчины и женщины, жизнь которыхъ я описывалъ, не правда ли, вы любите меня?» Всѣ съ криками

и слезами умиленія отвѣчали: «да, да, мы любимъ васъ!» Эта сцена поразила всѣхъ очевидцевъ своей наивной трогательностью.

Похороны Консьянса съ безчисленнымъ количествомъ вѣнковъ, съ цѣлымъ рядомъ трогательныхъ рѣчей, показали еще разъ, что онъ былъ очень любимъ и что онъ не ошибся, когда рѣшилъ, что фламандскій писатель долженъ искать свои сюжеты въ родной ему обстановкѣ...

Полною противоположностью Консьянсу былъ его современникъ, D. Sleeckx, родоначальникъ фламандскаго реализма. Онъ былъ прекраснымъ разсказчикомъ, недопускавшимъ никакой идеализаціи. По его романамъ и пьесамъ можно изучать нравы той эпохи, жизнь рыбаковъ, лодочниковъ, портовыхъ рабочихъ въ Антверпенѣ. Одновременно съ чисто реалистическимъ изображеніемъ бельгійской жизни, Слексъ увлекался и историческими сюжетами, возвеличивая славное прошлое Фландріи.

Религіозныя войны, историческіе эпизоды привлекали вниманіе и другого романиста, болѣе талантливаго, чѣмъ Слексъ, оригинальнаго по своему юмору—Снидерса (Snieders). Послѣдній былъ по профессіи журналистомъ, и часто его статьи болѣе интересны, чѣмъ романы, но во всякомъ случаѣ популярность Консьянса мѣшала имъ обоимъ.

Одновременно съ этими тенденціозными романистами въ фламандской литературѣ выдѣлялись нѣкоторые поэты, какъ братья Ванъ-Рисвикъ (Van Rijsvick), лирическій поэтъ Ванъ-Берсъ (Van Beers), которые усвоили идеи Виллемса. Они всѣ были охвачены идеей націонализма, любовью къ простому народу, желали популяризаціи фламандской исторіи, занимались обогащеніемъ родного языка... Всѣ они начинали съ романтизма, затѣмъ выказывали себя ярыми сторонниками голландскаго языка и народа, писали длинныя баллады, желая вызвать у читателей сочувствіе къ обездоленнымъ и несчастнымъ людямъ. Послѣ настоящихъ лирическихъ вещей, мечтаній о женской любви, они бросились въ политику и заявляли, вмѣстѣ съ Ванъ-Берсомъ, «что прежде собственное сердце имъ казалось божествомъ, но теперь они поняли, что поэтъ долженъ жить для человѣчества, а не для себя, проповѣдывать всюду свободу, равенство и братство»...

Самымъ оригинальнымъ и талантливымъ поэтомъ во фламандской литературѣ является Гвидо Гезелле (1830—1908 г.). Это настоящій огромный талантъ, пользующійся большой славой не только въ Голландіи, но и во всей Европѣ. Гезелле лирикъ, нѣжный, тонкій лирикъ! Гезелле родился въ семьѣ садовника, ревностнаго католика, и мальчика съ дѣтства предназначили въ

священники. Послѣ окончанія курса въ 1854 г. Гезелле былъ посвященъ въ священники, сдѣлался профессоромъ въ небольшой семинаріи въ городѣ Рулерсѣ. Въ 1858 г. вышелъ первый сборникъ его стиховъ, доставившій ему широкую извѣстность. Съ первыхъ же строкъ сборника становилось ясно, что Гезелле чуждъ всякой пропаганды, что его стихи являются тонкими переживаніями его собственной души, источникомъ его радостей и отдохновенія, неизбѣжнымъ проявленіемъ его страдающаго *я*. Стихи Гезелле близки къ молитвамъ; много разъ миссіонеры употребляли ихъ во время поѣздки по Монголіи и Африкѣ; нерѣдко священники читали ихъ въ видѣ псалмовъ, обращенныхъ къ Богу. Творчество Гезелле, которому посвящены многія критическія изслѣдованія, сравниваютъ часто со стихами Верлена, Лафора и Римбо; но у Верлена ярко чувствуется раскаивающійся поэтъ изъ богемы, у Гезелле на душѣ не было никакихъ проступковъ: онъ велъ примѣрную, одинокую жизнь, большой промежутокъ времени, около 30 лѣтъ, ничего не писалъ, и умеръ въ глубокой старости и неизвѣстности. Его жизнь была связана съ профессорскими занятіями; изъ Рулерса ему пришлось вслѣдствіе интригъ, направленныхъ противъ него, переѣхать въ Куртрэ, затѣмъ въ Брюгге.

Мотивами поэзіи Гезелле служили часто переживанія священниковъ, монаховъ, настроенія, связанныя съ посвященіемъ, судьба миссіонеровъ въ чужихъ краяхъ. Состраданіе чистыхъ, дѣвственныхъ душъ монахинь къ больнымъ и несчастнымъ. Картины природы, непремѣнно фламандской, часто встрѣчаются въ стихахъ Гезелле: звѣзды въ теплую, лѣтнюю ночь, быстрый вѣтерокъ, пробѣгающій по листьямъ, блуждающія облака при заходѣ солнца, все это вызываетъ у Гезелле молитвенные экстазы или горькую печаль. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что въ его стихахъ-молитвахъ нѣтъ ни намека на догматъ, культъ, нѣтъ восхваленія величія Бога; всѣ его стихи проникнуты покорностью, сознаніемъ своего ничтожества, грѣховъ, властью жизни надъ человѣческой душой, которая нигдѣ не можетъ найти себѣ покоя. Его сборникъ, *Gedichten, Gezangen en Gebeden*, проникнутъ субъективными, мелкими вещицами, связанными съ тонкими переживаніями; поэтъ иногда нѣжно обращается къ цвѣтку, который встрѣтилъ на пути, или же восторгается дѣтьми—цвѣтами жизни, ихъ наивностью и правдивостью.

Творчество Гезелле очень извѣстно въ Голландіи; оно не можетъ найти большой славы за предѣлами родины, такъ какъ языкъ, на которомъ Гезелле писалъ, неизвѣстенъ въ другихъ странахъ, а въ переводахъ его мелодическіе и красивые стихи очень много теряютъ.

У Гезелле были ученики-поэты, изъ которыхъ выдѣлился Верріестъ (Hugo Verriest, род. въ 1840 г.), бывшій профессоромъ въ Рулерсѣ, авторъ многихъ лирическихъ произведеній, какъ Avondrust и др. Верріестъ воспиталъ и пробудилъ талантъ юнаго своего ученика, Альбрехта Роденбаха, пользующагося почти одинаковой славой съ Гезелле во фламандской литературѣ. Личность Альбрехта Роденбаха, двоюроднаго брата Жоржа Роденбаха, бельгійскаго писателя, добившагося громкой извѣстности за предѣлами родины, настолько яркая, съ узко-національными чертами, что всѣ замѣтки, статьи и воспоминанія, написанныя о немъ, грѣшатъ пристрастіемъ. Жоржъ и Альбрехтъ (1856—1880 г.) въ юные годы были связаны узами тѣсной дружбы, но все, что Жоржъ, обожавшій французскую культуру, отвоевывалъ и за что стоялъ на столбцахъ журнала *Молодая Бельгія*, находило рѣзкій отпоръ и порицаніе со стороны Альбрехта, стоявшаго во главѣ узко-національныхъ фламандскихъ органовъ *De Vlaamsche Vlagge* и *Het Pennoen*. При однородной задачѣ служить родной литературѣ, поднимать въ читателяхъ интересъ къ родной исторіи, пробуждать національное чувство, все же ощущалось большая отчужденность въ планахъ и дѣятельности двухъ талантливыхъ братьевъ. Бельгійскіе писатели, пользующіеся французскимъ языкомъ, и многіе французскіе критики почти не могутъ отрѣшиться отъ узко-національныхъ идей Альбрехта Роденбаха, не могутъ забыть его открытой ненависти ко всему французскому и стараются поставить его въ ряды самыхъ ревнивыхъ агентовъ фламандскаго движенія, считая его творчество ординарнымъ и посредственнымъ. Съ другой стороны, фламандскіе писатели, въ особенности представители flamingants, участниковъ фламандскаго національнаго движенія, считаютъ его огромнымъ поэтическимъ талантомъ, къ сожалѣнію слишкомъ рано угасшимъ, но все же давшимъ много для своего двадцатичетырехлѣтняго возраста. Еще въ коллежѣ Альбрехтъ Роденбахъ начинаетъ увлекаться литературой, изучаетъ греческихъ классиковъ, владѣетъ въ совершенствѣ многими языками, чтобы прочесть въ подлинникѣ интересовавшихъ его авторовъ. Онъ пытается писать самъ, попутно занимается живописью; его учителя и товарищи чувствуютъ въ немъ огромную волю и духовную силу, несмотря на его хрупкое сложеніе.

Въ 1876 г. А. Роденбахъ поступаетъ въ клерикальный Лувенскій университетъ, гдѣ, среди юнаго студенчества, онъ является какъ бы продолжателемъ Виллемса, основывая молодое фламандское движеніе. Онъ пишетъ стихи, пьесы, вызывая къ себѣ нѣчто въ родѣ культа со стороны товарищей, для которыхъ онъ

дѣлается «свѣтомъ, семьей, силой, надеждой и будущимъ». Въ его натурѣ чувствовалось что-то необыкновенное; онъ страстно стремился къ красотѣ и гармоніи, ощущалъ сильный интересъ ко всему человѣчеству. Всесторонне образованный, большой знатокъ чужихъ литературъ, А. Роденбахъ въ совершенствѣ владѣлъ фламандскимъ языкомъ, страдалъ за его унизительное положеніе въ странѣ, поставилъ себѣ задачею внушить соотечественникамъ огромное значеніе національнаго сознанія; своими произведеніями, рѣчами онъ хотѣлъ поднять уровень развитія народа. Его стихи отличаются красотою, мелодичностью, очаровательной простотой и искренностью. Иногда его мотивы очень несложны: журчащій ручей, плавающій по каналу бѣлоснѣжный лебедь, работающій въ полѣ крестьянинъ. Иногда же онъ выбираетъ историческіе сюжеты для своихъ произведеній, напр., народныхъ героевъ, какъ Брейдель и Конинкъ, одержавшіе побѣду надъ французскимъ войскомъ, со своей арміей ткачей и другихъ ремесленниковъ, при Филиппѣ Красивомъ. Но наибольшую популярность А. Роденбахъ пріобрѣлъ студенческими пѣснями, въ которыхъ онъ воспѣвалъ тревоги, печали, надежды молодежи, стоявшей, какъ и онъ, за возрожденіе фламандской литературы. Посвящая себя этому дѣлу, онъ придавалъ огромное значеніе театральнымъ представленіямъ, и написалъ для студенческихъ кружковъ нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ самыми извѣстными считаются *Karelde Goede* (Карлъ Добрый) и *Гудруна*.

Пьеса *Гудруна* выдержала нѣсколько изданій; впервые она была поставлена въ 1896 г. въ Антверпенѣ по случаю конгресса въ Голландіи, затѣмъ въ Брюсселѣ въ 1908 г. въ день открытія фламандскаго театра, и, несмотря на длинноты и неотдѣланность пьесы, такъ какъ авторъ не успѣлъ самъ передѣлать ее, она считается однимъ изъ самыхъ выдающихся произведеній въ фламандской литературѣ. Авторъ предпослалъ пьесѣ очень характерное предисловіе, въ которомъ высказалъ свой взглядъ на значеніе фламандскаго движенія, на его задачи и цѣли, на необходимость возстановить прежнее значеніе Фландріи. Пьеса написана красивыми, звучными стихами. Дѣйствіе происходитъ въ третій вѣкъ нашей эры, въ эпоху, когда сѣверныя варварскія племена, покоренныя Римомъ, возмущаются и ведутъ ожесточенную борьбу, часто съ большимъ успѣхомъ, выбирая изъ своей среды предводителей. Отецъ героини пьесы, Гудруны, предводитель войскъ, вступаетъ въ союзъ съ Римомъ и соглашается выдать дочь за римскаго легата, но сама Гудруна, олицетворяющая въ пьесѣ униженную Фландрію, не соглашается на это. Она любитъ викинга Хервига, короля морей, храбраго воина, обо-

жающаго родину и готоваго жертвовать всѣмъ ради спасенія родины. Чтобы избѣгнуть ненавистнаго брака, Гудруна спасается бѣгствомъ на кораблѣ викинга, но онъ не можетъ оставить тамъ женщину, по своимъ законамъ, и они должны разстаться. Гудруна попадаетъ въ плѣнъ къ римскому легату и, если бъ не вмѣшательство викинга, ей пришлось бы стать его женой и рабой. Несмотря на нѣкоторую ходульность многихъ сценъ и нѣсколько вводныхъ лицъ, въ родѣ стараго потомка королей, Watte, мечтающаго только объ одномъ, какъ бы прогнать римлянъ, Гудруна живое лицо въ пьесѣ: она страдаетъ, любитъ; она и викингъ Хервигъ надѣлены авторомъ всѣми достоинствами и являются носителями идей юнаго автора. Римскій легатъ, напротивъ, порочень, умѣетъ лгать, выдавать, измѣнять. Правда, нельзя забывать, что *Гудруна* написана авторомъ, когда ему было 20—21 годъ, и онъ самъ хотѣлъ многое передѣлать въ пьесѣ.

Въ 1899 г., спустя шесть лѣтъ, послѣ того, какъ въ Гентѣ былъ поставленъ памятникъ Жоржу Роденбаху, въ Рулерсѣ была открыта статуя Альбрехту Роденбаху, работы фламандскаго скульптора Легэ. Открытіе памятника носило торжественный характеръ; было устроено историческое шествіе, представлявшее Фландрію въ теченіе многихъ вѣковъ, говорились рѣчи, исполнялись музыкальные отрывки, написанные въ честь Альбрехта Роденбаха. Тридцать тысячъ фламандцевъ, съѣхавшихся тогда со всѣхъ уголковъ Фландріи, принадлежавшихъ къ различнымъ политическимъ партіямъ, слились въ одинъ общій порывъ, прославляя юнаго поэта, гордость ихъ расы, восторгаясь его творчествомъ, которое, подобно развернутому знамени, словно рѣяло надъ ихъ обнаженными головами.

Послѣ Альбрехта Роденбаха фламандская поэзія вступаетъ въ новый фазисъ въ лицѣ ея представителей: Елены Свартъ (Svarth), П. Ванъ Лангенданка (V. Langendanck) и К. Ванъ Вустейна (Van Woystyne). Тенденція уступаетъ мѣсто лирикѣ, индивидуальному оттѣнку и даже символамъ. Елена Свартъ, писавшая сначала по-французски, затѣмъ перешедшая на фламандскій, скорѣе голландскій языкъ, въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ очень напоминаетъ французскую поэтессу Марселину Дебордъ-Вальморъ. Въ стихахъ Е. Свартъ тѣ же нотки нераздѣленной любви, тѣ же страданія глубокаго, непонятаго чувства и покорность судьбѣ, какъ и у Д. Вальморъ.

Стихи П. Лангенданка, какъ и его критическія статьи, проникнуты глубокимъ анализомъ человѣческой личности, утонченной чувствительностью. П. Ванъ Лангенданкъ возставалъ противъ тенденціознаго направленія родной поэзіи, противъ однихъ и

тѣхъ же сюжетовъ, связанныхъ или съ прошлымъ Фландріи, или съ тѣмъ будущимъ, которое завоюетъ себѣ настойчивый народъ;онъ призывалъ своихъ собратьевъ къ новымъ выраженіямъ, новымъ формамъ языка, новой эстетикѣ. Его главный принципъ состоялъ въ томъ,чтобы поэтъ былъпрежде всего индивидуальнымъ въ своихъ стихахъ; онъ не разрабатывалъ детали пейзажей, которые вызвали у него то или другое настроеніе, онъ старался только внушить читателю свои переживанія; онъ поклонялся печали, въ которой видѣлъ смыслъ жизни и мотивы для истиннаго вдохновенія.

Молодой поэтъ Ванъ де Вустейнъ, очень популярный въ настоящее время среди фламандской молодежи, въ своихъ произведеніяхъ очень близокъ къ французскимъ символистамъ. Въ его стихахъ на ряду съ музыкальностью ритма, роскошными образами и сравненіями, мы находимъ аристократическую утонченность, изящество, разнообразіе вдохновенія, глубину идей и скептицизмъ. Поэзія, по мнѣнію Ванъ де Вустейна, должна быть символическимъ отраженіемъ того, что переживаетъ самъ поэтъ. Критика восторженно встрѣчаетъ каждое новое произведеніе Вустейна.

Необходимо отмѣтить еще интереснаго поэта—Вермёлена (Vermeylen), который, въ противоположность Альбрехту Роденбаху, усиленно пропагандировалъ на фламандскомъ языкѣ французскихъ современныхъ поэтовъ: Верлена, Малларме. Его книга о вѣчномъ жидѣ (De Wandelende Jood) составила эпоху въ современной фламандской литературѣ, такъ какъ до тѣхъ поръ не было ни одного столь глубоко философскаго произведенія по-фламандски.

Въ современномъ фламандскомъ романѣ тоже не такъ давно произошла огромная перемѣна. Разсказы, повѣсти, подписанные Стинъ Стревельсомъ (Styn Streuvels—псевдонимъ F. Lataure), переводятся на французскій, англійскій, нѣмецкій, итальянскій языки сейчасъ же, послѣ ихъ выхода въ свѣтъ. Авторъ едва не былъ удостоенъ Нобелевской преміи; бельгійская академія ввела его въ свою семью. Ему посвящено много критическихъ изслѣдованій, двѣ антологіи, его сочиненія выдерживаютъ большое количество изданій. С. Стревельсъ родился въ 1872 г. въ окрестностяхъ Куртрэ, въ семьѣ простого булочника. Въ ранней молодости онъ самъ долгое время былъ булочникомъ.

Въ 1899 г. появился первый сборникъ его разсказовъ *Sente leven* (Деревенская жизнь); за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ его произведеній. Авторъ никогда не высказалъ никакой про-

граммы, не написалъ ни одной критической статьи, не придерживался никакой предвзятой идеи, но его произведенія носятъ всегда ультро-натуралистическій характеръ. Онъ изображаетъ примитивную жизнь фламандскихъ крестьянъ, подолгу останавливается надъ картинами фламандской природы, которую считаетъ центромъ всего. Отдѣльный человѣкъ, по мнѣнію автора, всегда находится во власти *фатума* и постоянно борется между необходимостью покориться и желаніемъ возмутиться. Культурный, образованный человѣкъ еще можетъ одержать побѣду надъ этимъ рокомъ, первобытному же человѣку это не по силамъ. С. Стревельсъ старается всегда центромъ своихъ произведеній сдѣлать природу, такъ какъ человѣкъ занимаетъ второстепенное мѣсто, какъ необходимая деталь. «Я создаю самъ своихъ героевъ», пишетъ онъ, «они принадлежитъ мнѣ, они дѣйствуютъ, страдаютъ, возмущаются, словомъ, живутъ и умираютъ, всегда сообразно неумолимому закону. Пейзажъ, окружающій ихъ, горизонтъ, ограничивающій ихъ поступки и стремленія, среда, въ которой они живутъ, борятся, созданы лично мною!» А между тѣмъ его герои—истинные фламандскіе крестьяне со всѣми пороками и хорошими сторонами.

С. Стревельсъ никогда не добивался всемірной извѣстности; онъ живетъ въ одинокомъ, тихомъ уголкѣ Фландріи и творитъ такъ, какъ ему хочется, не сообразуясь ни съ какими школами, ни съ какой критикой. Зато онъ создалъ въ своихъ произведеніяхъ чудесный, яркій языкъ, пріобрѣлъ себѣ цѣлый рядъ послѣдователей въ средѣ молодыхъ фламандскихъ писателей.

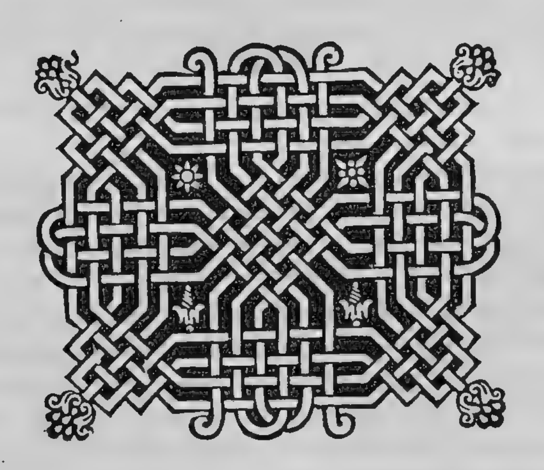
К. Бейсъ (Buysse), тоже натуралистъ, написалъ цѣлую серію романовъ, въ которыхъ выработалъ собственный стиль. Тейрлинкъ (Teirlinck), если и не обладаетъ такимъ большимъ талантомъ, какъ С. Стревельсъ, но зато отличается большею оригинальностью своихъ произведеній. Въ началѣ своей дѣятельности онъ еще былъ подъ вліяніемъ Стревельса, а затѣмъ пошелъ по собственному пути въ своихъ наполовину реальныхъ, наполовину психологическихъ, философскихъ и сатирическихъ разсказахъ.

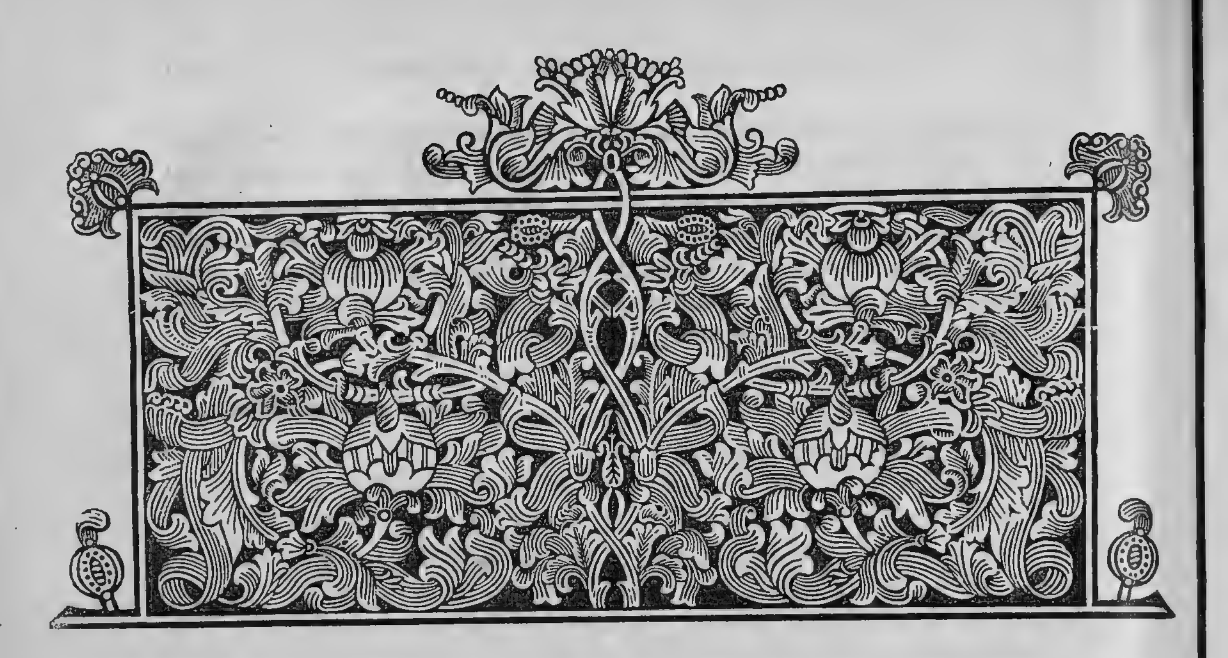
Всѣ эти имена еще не исчерпываютъ всего, что представляетъ изъ себя современная фламандская литература, на ряду съ реалистами есть мистики; вмѣстѣ съ чисто деревенскимъ творчествомъ или описаніемъ быта матросовъ рыбаковъ, есть чистое искусство, даже символизмъ.

Фламандская и французская литература въ Бельгіи развивались, если и рядомъ, то все же въ постоянной борьбѣ и съ рѣзкимъ антагонизмомъ; настоящая война сблизила, естественно,

валлоновъ и фламандцевъ въ одинъ героическій народъ,—теперь они всѣ бельгійцы, и только бельгійцы! Очень возможно, что когда, наконецъ, весь этотъ ужасъ пройдетъ, и Бельгія снова станетъ мирной и прекрасной страной, валлоны и фламандцы забудутъ свои распри, обѣ литературы будутъ продолжать развиваться и крѣпнуть, и страшная катастрофа, быть можетъ, только посодѣйствуетъ ихъ высшему расцвѣту!

Марія Веселовская.





Старое.

«Быстры, какъ волны дни нашей жизни» и такъ же, какъ волны—они бурны и разнообразны!

Перебираю мгновенія, часы, дни, годы пережитаго и не вѣрю себѣ: ужели можно было переплыть эти волны и, какъ-никакъ, оказаться опять на берегу, хотя уныломъ, хотя печальномъ, но все же на «берегу».

А вдали мерещится свѣтлая полоска, гдѣ-то на самомъ краешкѣ покрытаго тучами горизонта, полоска манящая, притягивающая... И спрашиваешь себя: доживешь-ли? увидишь ли свѣтъ истинный?

Послѣ 1905 года, нанесшаго столь многимъ неизлѣчимыя раны, я рѣшила ликвидировать прошлое и покинуть Варшаву. Жизнь въ ней была слишкомъ тягостна: каждый шагъ напоминалъ что-нибудь горькое. Сама обстановка города въ ту пору была трагическая. Я уѣхала въ моментъ надвигавшейся всеобщей забастовки: газъ и электричество уже не горѣли, магазины и лавки были заперты, дворники отсутствовали, ворота день и ночь стояли настежь, и страшная жуть наполняла атмосферу...

Личное и общее перемѣшалось... Съ одной стороны давали себя чувствовать естественныя неудобства подобнаго существованія, съ другой—сочувствіе къ глухому воплю народной массы.

Въ вечеръ послѣ похоронъ мужа я осталась въ опустѣлой квартирѣ одна. Никого изъ близкихъ уже не было, только старая няня да маленькій другъ-собачка раздѣляли мое одиночество. Долго сидѣла я неподвижно, раздумывая надъ будущимъ: разъ

все пережилось, надо жить... но какъ? но гдѣ? Я съ отчаяніемъ оглянулась вокругъ: въ каждомъ углу вставали призраки... Все было растоптано, уничтожено и унесено вихремъ!..

Я рѣшилась вырвать съ корнемъ остатки прошлаго.

Съ помощью друзей, предупредившихъ меня, что скоро забастуютъ и желѣзныя дороги и надо спѣшить, я уѣхала съ дѣйствительно послѣднимъ поѣздомъ—за границу къ брату, съ добротой звавшему меня къ себѣ—отдохнуть отъ пережитаго.

Ясно помню благодатное чувство свободы, какое охватило меня въ Вѣнѣ: городъ жилъ полной жизнью, народъ весело двигался по своимъ дѣламъ, напѣвая и посвистывая... Лица были свѣтлы, улицы оживлены! Не ходили патрули, не мелькали казачьи нагайки...

И бездонная грусть охватила меня при мысли о покинутой родинѣ: тамъ былъ мракъ и безнадежное отчаяніе...

Зима прошла незамѣтно. Окруженная теплымъ участіемъ родныхъ, обогрѣтая лучами южнаго солнца, я къ веснѣ стала немного оживать. Съ родины приходили бодрящія вѣсти: какъ-никакъ, жизнь тамъ потеряла острую горечь... Были надежды, упованія... Я рѣшилась переѣхать въ Петербургъ.

Чтобы жить, надо было забыться. Не забыть—нѣтъ! Для нѣкоторыхъ переживаній—нѣтъ забвенія... Но уйти съ головой въ дѣло, заставить себя дѣйствовать — было необходимо. На людяхъ хочется быть твердой... Возбуждать состраданіе—обидно... Я стала думать—на чемъ остановиться?

Память о сынѣ, добровольно разставшемся съ жизнью въ далекой ссылкѣ, заставила меня рѣшиться: меня привлекали тюрьмы, каторга и ссылка... Несчастныя жертвы политики были нераздѣльно связаны съ дорогимъ ушедшимъ!.. Помогать имъ значило—чтить его память. Я остановилась на этой дѣятельности и, какъ могла, какъ умѣла, но энергично, я стала себѣ прокладывать дорогу къ этой, почти недосягаемой, области.

Трудное это было, на видъ простое, дѣло...

Казалось бы, что могло быть естественнѣе желанія помогать тѣмъ, кто въ кандалахъ и лишенъ свободы? Само ученіе Христа учитъ посѣщать тюрьмы и облегчать узниковъ... А между тѣмъ, чтобы помочь политическому заключенному, приходилось прибѣгать къ хитрости и преодолѣвать всевозможныя препятствія. Дѣйствовать открыто было невозможно. Заключеніе было обставлено очень сурово: только отецъ и мать имѣли право посылать арестанту деньги. Чтобы помочь ему, приходилось съ трудомъ узнавать имена, фамиліи и тюрьмы, гдѣ находились наиболѣе нуждающіеся; затѣмъ надо было еще разыскать мѣстожительство

родныхъ и ихъ адреса и посылать деньги въ обходъ, то-есть родителямъ, съ письменной просьбой переслать уже отъ себя сыну или дочери.

Если взять во вниманіе, что родные были большей частью крестьяне или ремесленники, сами почти всегда бѣдные, то иногда деньги не доходили по назначенію, приходя часто въ минуты острой, домашней нужды, и волей-неволей обращались на личныя потребности.

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, пришлось не разъ получать письма съ горькимъ признаніемъ. Вотъ одно изъ нихъ, сохранившееся у меня. Я опускаю грамматическія ошибки.

«Милостивая госпожа! Ваше добродѣтельное письмо мы получили съ деньгами для сына нашего, Якова, который въ тюрьмѣ. Милостивая госпожа! Мы не могли послать ихъ сыну нашему, Якову. Мы въ большой нуждѣ и молимъ васъ дозволить эти деньги потребить на себя, ибо горе наше великое—младшій впалъ отъ болѣзни въ безпамятство, а денегъ на лѣкарства у насъ не имѣется. И рады бы мы послать эти деньги сыну нашему Якову, что въ тюрьмѣ, да уже ихъ истратили, о чемъ милостивая госпожа вамъ докладываемъ, въ надеждѣ на милость вашу. Отецъ сына нашего Якова, Семенъ такой-то».

Такихъ безыскусственныхъ признаній я получала довольно много.

Дѣло было плохо. Я видѣла, что почти ничего не достигаю. Цѣлыя ночи продумывала я, какъ бы проникнуть за неприступныя стѣны каторжныхъ тюремъ. Особенно интересовала меня Шлиссельбургская тюрьма. Въ ней были заключены, на долгое число лѣтъ, избѣгнувшіе смертной казни, и объ ней въ обществѣ ходили смутные, но жуткіе слухи: заключенныхъ называли заживо-погребенными.., разсказывали, что никому, даже родной матери, не разрѣшается доставлять какое-либо продовольствіе.., говорили о цѣпяхъ, кандалахъ..., о сырости, о повальныхъ болѣзняхъ.., разсказывали, что въ тюрьмѣ нѣтъ даже больницы, нѣтъ аптеки...

Такіе разсказы сильно дѣйствовали на меня: точно кто-то близкій по крови, словно сынъ мой, томился, страдалъ и бился въ безвыходной тоскѣ, въ мрачномъ заключеніи!..

Мысль объ этой тюрьмѣ гвоздемъ засѣла въ мою голову. Чтобы проникнуть въ нее, я рѣшилась дѣйствовать открыто.

Я стала стороной собирать свѣдѣнія о начальствѣ. Въ то время во главѣ тюремнаго вѣдомства стоялъ Александръ Михайловичъ Максимовскій. Мнѣ удалось узнать, что раньше онъ служилъ въ министерствѣ финансовъ, что уже имѣло для

меня свое значеніе: значитъ онъ не былъ тюремнымъ старожиломъ...

Тѣ, кто всю свою карьеру дѣлаютъ на этомъ поприщѣ, такъ привыкаютъ къ тюремнымъ ужасамъ, что для нихъ они естественны, какъ вода и воздухъ, и дойти до ихъ сердца невозможно: оно перестаетъ реагировать на страданіе. Это я знаю по опыту. Когда силою вещей приходилось сталкиваться съ тюремной администраціей, я вынесла твердое правило: къ тѣмъ, кто началъ и продолжаетъ службу исключительно въ тюремномъ вѣдомствѣ, никогда съ просьбами не обращаться. Безполезно! Къ нимъ можно примѣнить, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, извѣстный стихъ Данте: «Оставь надежду просящій!»

Узнала я также и о томъ, что Максимовскій былъ пашковцемъ; что онъ зачастую посѣщалъ чердаки и подвалы, разыскивая бѣдняковъ, что любилъ подавать нищимъ и такъ далѣе... Эти свѣдѣнія заставили меня надѣяться: «стучите и отверзится», сказала я себѣ и рѣшила ѣхать въ тюремное управленіе.

Оно тогда помѣщалось на Пескахъ, на углу Греческаго проспекта и 8-ой Рождественской,—въ частномъ домѣ и ничего мрачнаго изъ себя не представляло. Передавъ курьеру мою карточку, съ надписью:

«Прошу принять меня по личному дѣлу»

я осталась ждать въ пріемной.

Посѣтителей было немного. Я волновалась: что скажу? Какой будетъ результатъ?

Но увы! Мое сердце колотилось напрасно: съ моей карточкой въ рукахъ, въ пріемную вошелъ какой-то бритый, съ типичнымъ чиновничьимъ лицомъ, ничего не выражающимъ ликомъ господинъ, и безстрастно меня спросилъ:

— Вы, госпожа Савинкова?

— Да, я!

— Господинъ начальникъ тюремнаго управленія поручилъ мнѣ узнать, по какому дѣлу вы желаете его видѣть и черезъ меня передать ему.

Это было неожиданно и непріятно.

Тѣмъ не менѣе я, въ возможно простой формѣ, изложила мою просьбу о допущеніи меня посѣщать Шлиссельбургскую каторжную тюрьму для оказанія матеріальной помощи политическимъ заключеннымъ.

Бритый ликъ ничѣмъ не выразилъ своихъ ощущеній... Только сѣрые стальные глаза на мгновеніе остановились на мнѣ:

— Хорошо-съ. Я передамъ.

Онъ повернулся и вышелъ.

Очень скоро онъ опять стоялъ передо мной:

— Начальникъ тюремнаго управленія передаетъ вамъ, что принять васъ не можетъ, и что просьба ваша невозможна къ исполненію.

Обезкураженная спускалась я по лѣстницѣ. Дѣло казалось безнадежнымъ.

Но, какъ проигравшійся игрокъ ставитъ ребромъ единственную монету, такъ и я рѣшилась пустить въ ходъ послѣднее средство.

Онъ—пашковецъ, думала я, должны же у него звучать какія-нибудь струны!

Вернувшись домой, я написала Максимовскому слѣдующее письмо:

«Милостивый государь!

Имѣя къ вамъ личное дѣло, я не была допущена васъ видѣть. Однако я продолжаю настаивать на свиданіи съ вами. Какъ бы ни была въ вашихъ глазахъ абсурдна переданная вамъ вашимъ чиновникомъ моя просьба о посѣщеніи Шлиссельбургской тюрьмы, я надѣюсь, что Вы не откажетесь прочесть прилагаемыя при этомъ мои воспоминанія: «Годы скорби», изъ которыхъ вы, быть можетъ, поймете мотивы, руководящіе мною. Въ этихъ мотивахъ нѣтъ ничего, кромѣ душевныхъ побужденій, и я желала бы, чтобы вы лично выслушали меня. Готовая къ услугамъ и т. д.»

На другой же день утромъ, курьеръ принесъ мнѣ слѣдующее письмо:

«Милостивая государыня Софья Александровна! Я прочелъ ваши Записки. Я глубоко взволнованъ прочтеннымъ. Если вамъ угодно, я прійму васъ у себя, на моей квартирѣ, сегодня же въ девять часовъ вечера. Готовый къ услугамъ *А. Максимовскій*».

Съ огромнымъ подъемомъ ѣхала я на это, всезначущее для меня, свиданіе. Значитъ, я не ошиблась. Въ этомъ чиновникѣ заключается не только тюремный администраторъ: мои трагедіи—тронули его сердце...

Со смутной надеждой вошла я въ его кабинетъ, куда меня провелъ слуга и гдѣ никого еще не было. Быть иль не быть? На планѣ посѣщенія Шлиссельбургской тюрьмы я строила всю свою будущность: какую отраду моей израненной душѣ могла принесть благотворная дѣятельность на помощь забытымъ въ живой могилѣ узникамъ! Воображеніе уносило меня въ сырыя, темныя камеры, гдѣ изо дня въ день, изъ часа въ часъ, томятся одинокіе, закованные люди!..

Рисовался тотъ лучъ свѣта, какой можетъ ворваться въ существованіе несчастныхъ... И среди нихъ носилась незримая тѣнь покойнаго сына, и какъ сынъ, былъ мнѣ близокъ и дорогъ, каждый заключенный.

Послышались шаги, и я подняла голову. Передо мной стоялъ невысокій господинъ, въ домашнемъ пиджачкѣ, пріятной наружности, съ добрымъ выраженіемъ глазъ. Онъ такъ мало соотвѣтствовалъ представленію о грозномъ начальникѣ тюремнаго управленія, что я не представила себѣ, что это онъ.

— Госпожа Савинкова? Я Максимовскій!—представился онъ.

Мы пожали другъ другу руки и сѣли. Было неловко: ужъ очень необычно было наше свиданіе и ни въ какія рамки не укладывалось.

Максимовскій прервалъ молчаніе.

— Я прочелъ ваши записки... Я до глубины души ими былъ взволнованъ. Мы не единомышленники—нѣтъ! Каждая фраза этихъ записокъ на то указываетъ. Но полагаю, что можно разно думать и оставаться честными людьми. Не такъ-ли?

— Я и не думаю скрываться передъ вами, генералъ...

Онъ быстро прервалъ меня.

— Пожалуйста не называйте меня генераломъ. Это мнѣ ненавистно. Чинъ, конечно, чинъ, но довольно и подчиненныхъ, подчеркивающихъ его значеніе!...

— Я назвала васъ такъ, потому, что не знаю еще вашего имени.

— Александръ Михайловичъ, а вы, если не ошибаюсь, Софья Александровна?

— Да.

— Ну вотъ мы и познакомились... Такъ вотъ, Софья Александровна, много я думалъ надъ вашей просьбой сегодня, и, послѣ долгихъ размышленій «за» и «противъ», пришелъ къ заключенію, что она не такъ ужъ неисполнима. Но только вы должны равно помогать какъ политическимъ, такъ и уголовнымъ.

— Это невозможно! У меня никогда не найдется на это средствъ Въ Шлиссельбургской тюрьмѣ 400 человѣкъ уголовныхъ, и согласитесь, что огромная разница помогать пятидесяти восьми политическимъ или всей тюрьмѣ.

— Ну хорошо. Допустимъ, что я разрѣшу это...

— Ахъ, благодарю васъ, обрадовалась я.

— Погодите радоваться... Надо еще многое, очень многое обсудить.., столковаться... Будутъ и постороннія препятствія... Оттого-то я и попросилъ васъ къ себѣ, а не въ управленіе, чтобы имѣть досугъ побесѣдовать съ вами, не привлекая нежелательнаго любопытства. Мнѣ, начальнику тюремнаго управленія, надо быть

особенно сторожнымъ. Не скрою отъ васъ, что не пришлите вы мнѣ для прочтенія ваши записки, я никогда бы васъ лично не принялъ. Слишкомъ многое стоитъ между нами... Но, какъ человѣкъ, я понялъ васъ... Понялъ ваше стремленіе именно къ такого рода дѣятельности... И лично я не нахожу въ этомъ ничего противозаконнаго. Но дѣлаю тутъ же оговорку: если вы разсчитываете быть допущенной въ камеры, вы ошибаетесь: это абсолютно невозможно!

— Но вѣдь были примѣры: княжна Дундукова...

— Что вы, что вы!—Замахалъ руками Максимовскій.—Вы и княжна Дундукова! Та имѣла личное разрѣшеніе Государя Императора, и на нее возлагались надежды, что она сумѣетъ заставить раскаяться, отказаться отъ заблужденій... Наконецъ, тутъ были и вопросы религіи... вопросъ православія... обращеніе въ вѣру.., а вы же не имѣете такихъ цѣлей?

— Нѣтъ. У меня одно желаніе: скрасить и облегчить жизнь заключенныхъ въ матеріальномъ отношеніи, доставляя имъ деньги и продовольствіе, и въ умственномъ—доставляя книги для чтенія. Сколько я слышала, Шлиссельбургская тюрьма находится въ исключительно бѣдственномъ положеніи?

— Что вы хотите! Вѣдь она подлежала уничтоженію... Все, что было заведено раньше для заключенныхъ, послѣ ихъ освобожденія,—вывезено, или уничтожено, а кое-что возвращено имъ по принадлежности. Заводить все вновь наскоро—и неудобно, да и средствъ нѣтъ. Исподволь, конечно, мы постараемся поставить тюрьму на надлежащую ногу, но сейчасъ...

— Вотъ поэтому я и прошу васъ позволенія помочь.

— Вы имѣете средства?

— Нѣтъ... Я разсчитываю на общественную отзывчивость.

Максимовскій задумался.

— Да... Вотъ ужъ первое препятствіе. Я ни въ какомъ случаѣ не могу допустить упоминанія гдѣ-либо, особенно въ печати, о посѣщеніи вами Шлиссельбургской тюрьмы. Первая, появившаяся замѣтка объ этомъ, прекратитъ ваше дѣло. Я напередъ предупреждаю васъ...

— Но, позвольте, Александръ Михайловичъ! Какъ же я буду дѣйствовать? Для помощи—нужны деньги, и не малыя, слѣдовательно, я должна буду устраивать вечера и концерты, должна буду дѣлать сборы...

— Какъ вы будете доставать деньги, меня не касается. Это ваше личное дѣло. Но въ вашихъ же интересахъ устроить такъ, чтобы въ печати объ вашей дѣятельности не упоминалось. Принимаете это условіе?

— Принимаю.

— Значитъ можно говорить далѣе. Я соглашаюсь допустить васъ въ тюрьму исключительно въ цѣляхъ филантропіи. Соглашаюсь, чтобы вы два раза въ мѣсяцъ, скажемъ перваго и пятнадцатаго числа, могли привозить въ тюрьму припасы и денежную помощь, но ни въ какомъ случаѣ не потерплю ни малѣйшаго сношенія съ заключенными. Каждый шагъ въ этомъ направленіи повлечетъ за собой ваше устраненіе. Я впередъ оговариваю всѣ возможности. Допущеніе васъ въ тюремное вѣдомство несомнѣнно вызоветъ толки среди администраціи: ваше имя наводитъ на сомнѣнія. Мнѣ придется преодолѣть многія трудности. Даете ли вы слово, что не подведете меня?

— Въ какомъ смыслѣ?

— Что не поддадитесь искушенію передавать записки, подкупать служащихъ... Притомъ же эти попытки будутъ безполезны, и пострадаете вы же. У насъ такъ дѣло поставлено, что все немедленно откроется.

— Я не собираюсь васъ обманывать, Александръ Михайловичъ, и могу спокойно дать требуемое слово. Я потому и обратилась къ вамъ, что помощь заключеннымъ такъ затруднена, что приходится прибѣгать къ уловкамъ. Конечно, если бы вы меня не допустили къ открытой дѣятельности, то не скрою, что тогда я вынуждена была бы обманывать васъ, какъ обманывала до сихъ поръ, и все равно, такъ или иначе, я этой дѣятельности бы не оставила. Въ настоящее время она составляетъ всю суть моего существованія. Но разъ вы позволяете мнѣ дѣйствовать открыто,—не зачѣмъ и обманывать. Такъ лучше и для васъ, и для меня...

— Предупреждаю васъ, что и помимо меня, за вами будетъ строгій надзоръ. Слѣдить за вами будутъ сотни глазъ. Въ тюремномъ вѣдомствѣ у васъ не можетъ быть друзей: всѣ будутъ негодовать на меня за допущеніе васъ въ тюрьму. Но я сказалъ, и сдѣлаю это. Знаю—меня будутъ осуждать... Вообще и ваше, и мое положеніе будетъ и сложнымъ, и труднымъ. Поэтому я спрашиваю васъ, пока еще есть время, обдумали ли вы хорошо ваше рѣшеніе?

— Да. Вполнѣ. И благодарю васъ. Ваше разрѣшеніе первый лучъ радости для меня—за нѣсколько лѣтъ!

— Очень радъ,—искренно сказалъ Максимовскій.—Дальнѣйшее мы обсудимъ послѣ. Разрѣшеніе вы получите на-дняхъ. Вы понимаете, что въ этомъ дѣлѣ, я не могу дѣйствовать единолично. Но гдѣ прійдется васъ отстаивать, я отстою!

Я встала и мы распрощались.

Въ бодромъ настроеніи ѣхала я къ себѣ. Вотъ ужъ истинно: «стучите и отверзится!»

Въ эту ночь мнѣ рисовались такія перспективы свѣтлой дѣятельности, что я не могла спать отъ волненія. Но уже утро принесло разочарованіе. Мнѣ подали письмо:

«Милостивая государыня, Софья Александровна! Боюсь огорчить васъ, но я огорченъ самъ. Давъ вамъ категорическое обѣщаніе на посѣщеніе Шлиссельбургской тюрьмы, я только по отъѣздѣ вашемъ сообразилъ, что она находится въ непосредственномъ вѣдѣніи петербургскаго губернатора. Поэтому прежде всего необходимо его согласіе. Я самъ лично буду у него и представлю всѣ мои соображенія, почему считаю возможнымъ допустить васъ къ посѣщенію тюрьмы. Конечно я горячо буду отстаивать свое обѣщаніе, но довожу до вашего свѣдѣнія, что согласіе губернатора необходимо, и если я его не добьюсь, то убѣдительно прошу васъ не считать меня за это отвѣтственнымъ. Еслибы въ тюрьмѣ былъ заключенъ кто-либо близкій вамъ, напримѣръ, сынъ, то легче было бы допустить васъ. Но вы лицо совершенно постороннее, съ крайне опасной фамиліей и боюсь, что ваше желаніе будетъ неблагопріятно комментировано. Я счелъ долгомъ предупредить васъ объ этомъ. Что касается меня, то мое согласіе остается непоколебимымъ. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи *А. Максимовскій*».

Письмо огорчило меня: не было вѣры въ согласіе губернатора. Но первая, самая трудная, ступень была пройдена: согласіе Максимовскаго.

Въ случаѣ отказа губернатора, я могла просить другую тюрьму...

Дня черезъ три, я получила письмо и отъ петербургскаго губернатора съ приглашеніемъ пожаловать къ нему въ пять часовъ дня.

Я опять подбодрилась: если бы дѣло мое было безнадежно, не зачѣмъ было и звать меня: мнѣ прислали бы просто отказъ. Звали—значитъ не все еще было потеряно.

Я явилась аккуратно въ назначенное время. На столѣ комнаты, куда меня провелъ курьеръ, и гдѣ еще никого не было, я увидѣла знакомую мнѣ по службѣ мужа дѣловую синюю обложку и успѣла на ней прочесть:

«Дѣло о допущеніи въ Шлиссельбургскую тюрьму вдовы мирового судьи Савинкова».

Рядомъ съ обложкой лежала маленькая книжечка: «Годы скорби».

Сердце забилось: уже дѣло? «Годы скорби»? Значитъ губернаторъ читалъ, значитъ А. М. Максимовскій—дѣйствовалъ...

Вошелъ губернаторъ А. Д. Зиновьевъ.

Вѣжливо поздоровавшись со мной, онъ попросилъ меня сѣсть и заговорилъ радушнымъ тономъ.

— Мы много съ Александромъ Михайловичемъ толковали о вашей просьбѣ. Онъ убѣдилъ меня. Если цѣль ваша—только помощь, то и я, какъ онъ,—не имѣю ничего противъ. Я радъ облегчить положеніе заключенныхъ. Средства наши такъ невелики, что приходится отказываться отъ многихъ желательныхъ улучшеній. Я прочелъ ваши воспоминанія, данныя мнѣ Максимовскимъ. Я вѣрю въ ваши побужденія и въ вашу искренность. Вѣрю, что обмана тутъ нѣтъ! Самое трудное то, что вы хотите помогать только политическимъ.

— Но это потому, что на это нужно черезчуръ большія средства. Къ тому же для уголовныхъ существуетъ дамскій патронатъ,—имъ уже оказывается помощь, тогда какъ политики—совершенно забыты.

— Хорошо, дѣйствуйте съ Божьей помощью. Но помните: чтобы не было гласности... Объ этомъ васъ предупредилъ и Максимовскій. Дня черезъ два вы получите офиціальную бумагу. Затѣмъ—буду радъ, если эта дѣятельность принесетъ вашей душѣ столь необходимое вамъ облегченіе.

Я уѣхала съ радостью въ сердцѣ.

Губернаторъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе: я никакъ не ожидала найти въ немъ такую отзывчивость.

На другой день я объѣхала нѣкоторыя редакціи газетъ, прося войти въ мое положеніе. Мнѣ обѣщали безусловное молчаніе и впослѣдствіи сдержали его. Въ этомъ отношеніи со мной не случилось никакой непріятности. Черезъ нѣсколько дней я получила офиціальное извѣщеніе о томъ, что мнѣ разрѣшается два раза въ мѣсяцъ посѣщать Шлиссельбургскую тюрьму для улучшенія матеріальнаго положенія политическихъ заключенныхъ.

Я поѣхала въ тюремное управленіе.

На этотъ разъ я была немедленно принята А. М. Максимовскимъ. Онъ встрѣтилъ меня съ сіяющимъ лицомъ:

— Довольны вы?—была его первая фраза.

— Очень довольна и благодарна. Я пріѣхала, чтобы уговориться о деталяхъ. Я желала бы, чтобы вы указали мнѣ, въ какихъ предѣлахъ я должна дѣйствовать? Могу ли я въ тюрьмѣ пробовать пищу арестантовъ, могу ли осматривать кладовыя и

требовать чистоты? Могу ли спрашивать начальника тюрьмы поименно о нуждахъ каждаго узника?

— Можете!

— Тогда прошу васъ выдать мнѣ списокъ политическихъ заключенныхъ.

— Охъ!—поморщился Максимовскій.—Вотъ ужъ и нежелательное осложненіе... Это совершенно противъ правилъ... Списки о политическихъ арестантахъ—административная тайна!

— Помилуйте, какая же это тайна? Вѣдь знаютъ же родные, гдѣ находятся ихъ близкіе? И если у васъ наводятъ справки, развѣ вы въ правѣ скрыть, въ какой кто тюрьмѣ?

— Нѣтъ. Мы указываемъ...

— А въ такомъ случаѣ согласитесь, что совершенно непонятно, зачѣмъ вы дѣлаете изъ этого тайну? И какъ же я буду знать безъ фамилій, кто въ чемъ нуждается?

Максимовскій задумался.

— Вотъ что!—сказалъ онъ наконецъ.—Я пришлю вамъ списокъ политическихъ заключенныхъ Шлиссельбургской крѣпости, но это останется между нами. Вы не скажете объ этомъ никому. Согласны?

— Конечно. Теперь вопросъ: когда вы разрѣшаете мнѣ начать мои посѣщенія?

— Да вотъ черезъ десять дней Пасха. Свезите вы имъ къ этому дню, что у васъ найдется. Я разрѣшаю все. Что хотите, то и везите изъ продуктовъ: пусть и имъ будетъ свѣтелъ этотъ Великій день.

— Но не для тѣхъ, кто въ кандалахъ,—не вытерпѣла я.

Лицо Максимовскаго омрачилось.

— Они сами себя лишили свободы. Сами на это шли... Пусть несутъ бремя того, что заслужили... Не надо было нарушать законы... Они не у бабушки въ гостяхъ: это каторга, и вполнѣ заслуженная. Никто не виноватъ, если они въ кандалахъ.

— Виноваты непереносимыя соціальныя условія..., виноваты тяжкіе устои... Виновата ненормальность русскаго быта,—заволновалась я.

Максимовскій всталъ.

— Простите, я прекращаю этотъ разговоръ. Мы люди разные, и положеніе наше разное. Я васъ понимаю: можетъ быть на вашемъ мѣстѣ, мѣстѣ матери революціонеровъ—я бы говорилъ такъ, какъ вы; но на своемъ мѣстѣ я не могу такъ разговаривать.

Я тоже встала, чтобы уйти. Лицо Максимовскаго смягчилось.

— Мы снимемъ на три дня кандалы,—сказалъ онъ, подавая мнѣ руку.—Никто въ этотъ день не будетъ въ кандалахъ.

Я уѣхала, сѣтуя на свою несдержанность. Я боялась, что съ первыхъ же шаговъ вооружила противъ себя начальника тюремнаго управленія. Но будущее показало мнѣ, что это былъ человѣкъ, съ которымъ можно было говорить рѣшительно обо всемъ, чего не сталъ бы слушать любой зачерствѣлый администраторъ. Впослѣдствіи мы пререкались, спорили, каждый стоялъ на своемъ, но онъ всегда умѣлъ найти извѣстную грань, и отношенія не нарушались.

А между тѣмъ я всегда была искренней и не скрывала своихъ воззрѣній. Притомъ я горячо протестовала противъ разныхъ проявленій жестокаго тюремнаго режима.

Онъ не сердился и выслушивалъ.

Оговариваюсь здѣсь: я не панегирикъ пишу покойному А. М. Максимовскому... Я излагаю факты... Излагаю ихъ правдиво, искренно... И эти факты будутъ сами говорить за себя...

Послѣ смерти Максимовскаго положеніе политическихъ узниковъ сильно ухудшилось. Именно послѣ его кончины введено было уравненіе политическихъ съ уголовными, что составляетъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ положеній каторги и тюремъ...

Максимовскій исполнилъ свое обѣщаніе: курьеръ доставилъ мнѣ, въ тщательно запечатанномъ печатью Максимовскаго конвертѣ, списокъ политическихъ заключенныхъ Шлиссельбургской тюрьмы.

Я принялась дѣйствовать.

Не имѣя права упомянуть въ печати о цѣли, я послала въ нѣкоторыя газеты слѣдующія строки:

«Памятуя древне-русскій обычай помощи узникамъ къ Свѣтлому празднику, Софья Александровна Савинкова обращается къ обществу съ просьбой о помощи и содѣйствіи ей продуктами и деньгами».

Затѣмъ слѣдовалъ мой адресъ.

Это короткое заявленіе дало неожиданный и блестящій результатъ.

Повѣрили ли люди моему имени, разнеслась ли стороной вѣсть о полученномъ мною разрѣшеніи, но доброта людская превзошла всѣ мои ожиданія!

Съ ранняго утра и до поздняго вечера въ моей квартирѣ раздавались звонки, и появлялись милые, хорошіе люди съ добровольными дарами: яйца, куличи, пасхи, апельсины, лимоны, творогъ—всего было въ изобиліи! Несли и деньги, кто сколько могъ!

Нашлись также и добровольцы, помогавшіе все это укладывать и запаковывать.

Я съѣздила въ нѣкоторыя съѣстныя лавки. Откликнулись и тамъ: прислали окорока, колбасы... Одинъ фабрикантъ прислалъ табакъ. Въ концѣ концовъ, въ страстную пятницу, я отправилась въ Шлиссельбургъ, съ ликованіемъ въ душѣ, такъ какъ везла большой обильный транспортъ припасовъ, имѣя на рукахъ также и достаточную сумму денегъ.

Въ томъ году весна была поздняя. Пароходы еще не ходили. Былъ ледоходъ.

Пришлось ѣхать по желѣзной дорогѣ. Со мной ѣхала также мать одного заключеннаго, получившая разрѣшеніе на свиданіе съ сыномъ, приговореннымъ къ пятнадцатилѣтней каторгѣ. Бѣдная женщина жила только мыслью о немъ. Она все бросила: родную сторону, семью, домъ и поселилась въ Петербургѣ, чтобы быть ближе къ сыну.

Это былъ настоящій типъ самоотверженной матери, и довольно было взглянуть на страдальческое выраженіе ея прекрасныхъ черныхъ глазъ, чтобы преисполниться къ ней глубокаго уваженія и сочувствія: въ ней сказывалось безграничное, бездонное, вложенное природой чувство матери къ дѣтямъ—то, чѣмъ сильно материнство.

Конечно она радовалась тому, что я добилась возможности посѣщать Шлиссельбургскую тюрьму, гдѣ томился ея юный сынъ, и отъ души помогала мнѣ во всѣхъ начинаніяхъ.

Когда мы пріѣхали въ городъ, насъ ждала пріятная неожиданность: одинъ изъ обывателей, какимъ-то образомъ уже знавшій о моемъ предпріятіи, встрѣтилъ насъ на станціи и предложилъ свой домъ для ночлега послѣ посѣщенія тюрьмы.

Это было очень кстати, такъ какъ трудно было успѣть въ тотъ же день вернуться. Онъ также помогъ въ хлопотахъ по полученію багажа и переноскѣ ящиковъ на берегъ.

У пристани меня ждалъ казенный катеръ съ шестью гребцами изъ тюремнаго персонала. Это было тонкое вниманіе Максимовскаго, телеграммой объ этомъ распорядившагося. Безъ этого катера было бы трудно добраться до тюрьмы, помѣщавшейся на островѣ. Маленькія мѣстныя лодки не выдерживали напора быстро несшагося, хотя уже таявшаго льда...

Теченіе Невы около острова, и всегда очень сильное, на этотъ разъ было особенно буйно отъ напора льдинъ изъ Ладожскаго озера.

Переѣздъ длился сорокъ минутъ.

Я вообще боюсь воды, и было жутко слышать постоянный легкій трескъ катера при треніи о льдины...

Но страха я не ощущала: напряженіе души было такъ велико, казалось такъ невѣроятнымъ, что я, именно я, ѣду въ неприступную Шлиссельбургскую темницу, ѣду въ казенномъ катерѣ, ѣду съ помощью, съ облегченіемъ несчастнымъ заключеннымъ! Радость, а не страхъ наполняла сердце!

Когда катеръ ужъ очень сильно трещалъ, мы только молча переглядывались съ моей спутницей, какъ бы испытуя:

«Страшно-ли?»

Но не боялась и она.

Я посмотрѣла на гребцовъ. Ихъ лица были угрюмы, непривѣтливы, враждебны!

Прежде чѣмъ войти въ катеръ, я обратилась къ нимъ съ привѣтствіемъ: они молча сняли шапки—видимо, имъ было запрещено со мною разговаривать...

Между тѣмъ островъ приближался.

Тюрьма мрачно вырисовывалась и выступала своей высокой оградой и башнями.

По валу ходилъ часовой. Онъ остановился и что-то закричалъ... Хотя я ѣхала въ казенномъ катерѣ и съ казенными гребцами, онъ продолжалъ что-то выкрикивать.

Я достала разрѣшеніе и, высоко поднявъ руку, помахала бѣлой бумагой по воздуху.

Это подѣйствовало: онъ сталъ ходить попрежнему. Мы причалили.

Молча гребцы помогли намъ выйти, молча вынули изъ катера ящики съ провизіей.

Когда я хотѣла дать на чай, они отрицательно покачали головой...

Первое впечатлѣніе не было ободряющимъ... Съ бьющимся сердцемъ подошла я къ сѣрому зданію, на фронтонѣ котораго красовалась краткая надпись:

«Государево».

Шлиссельбургская тюрьма была мнѣ уже немного знакома.

Въ дни свободъ, когда всѣ узники были изъ нея выпущены, доступъ къ ней былъ открытъ для публики. Петербуржцы тогда массами посѣщали ее. Поѣхала и я съ знакомымъ офицеромъ. Показывавшій тюрьму фельдфебель, вѣроятно изъ уваженія къ мундиру и въ надеждѣ на приличный «на чай», былъ очень сообщителенъ. Оказалось, что онъ прожилъ при тюрьмѣ надзирателемъ болѣе двадцати лѣтъ.

Своеобразны были его понятія. Изъ разговора съ нимъ ясно сказывалось, какъ на свѣтѣ все относительно, какъ различны пониманія и чувства—все, что волновало меня и моего спутника, было какъ разъ противоположно тому, что волновало отставного надзирателя: мы были счастливы, что тюрьма выпустила изъ своихъ когтей заживо погребенныхъ людей,—онъ горевалъ объ этомъ.

— Вотъ, послѣ двадцати двухлѣтней вѣрой и правдой службы,—жаловался онъ,—остался я ни при чемъ. Повыпускали всѣхъ, и вотъ теперь я только тѣмъ и живу, что показываю господамъ тюрьму за что кто дастъ! А у меня семья... Опять же: узникамъ честь и восхваленіе, а намъ, которые вмѣстѣ съ ними жили да за ними смотрѣли,—хула и поношеніе. Читаемъ въ газетахъ, какъ ихъ чествуютъ да насъ, кто за ними смотрѣлъ, поносятъ, такъ просто диву даешься! А на дѣлѣ что? Они преступники, они крамольники, шли противъ царя и отечества, а мы служили вѣрой и правдой и исполняли приказы. Имъ что? Казенная квартира, казенная пища,—живи себѣ! А мы такъ же, какъ и они въ тюрьмѣ, только на своемъ иждивеніи и продовольствіи, на маленькомъ жалованіи, да съ денной и нощной заботой, какъ бы кто не убѣгъ... А теперь ихъ повыпускали, а мы изъ за этого мѣстъ лишились.

Я попробовала просвѣтить хоть сколько-нибудь его помраченное сознаніе:

— А то, что они были лишены свободы, семьи, удобствъ?.. То, что они ничего не знали, что на свѣтѣ дѣлается—живы ли родные? Благополучно ли дома? То, что одежда и пища грубая, что приходится терпѣть лишенія, униженія, а главное, что потеряна свобода,—вы ни во что не ставите?

— Какъ-такъ? Такъ вѣдь они же были преступники! Ужели было имъ дать гулять по бѣлу свѣту да разносить крамолу? А что они терпѣли лишенія, такъ вы, сударыня, невѣрно судите: обѣдъ былъ, ужинъ былъ, кипятокъ тоже,—чего еще? И одежа, какая ни на есть,—казенная! Вѣдь если бы они были на свободѣ, сколько бы за тѣ годы, что они просидѣли на казенномъ иждивеніи, пришлось бы имъ работать, чтобы одежду, квартиру и столъ имѣть? Вотъ я, къ примѣру, чтобы себя и семью прокормить эти двадцать два года, ни отдыху, ни покою не зналъ: слѣди, чтобы не стучали, не пѣли, не разговаривали... Слѣди, чтобы чего незаконнаго не произошло... Слѣди, чтобы побѣга не затѣяли, чтобы чего на волю не передали... Да что за ними? Другъ за дружкой слѣдить приходилось, чтобы кто съ ними въ сношенія не входилъ... И все начальству доложить надо. Такъ вы и рас-

киньте умомъ, кому было тяжелѣе—имъ или службѣ, намъ? Имъ что? Встанутъ,—кипятокъ имъ несутъ; гулять пойдутъ,—имъ камеры освѣжатъ; а тамъ имъ обѣдъ подаютъ. Смотришь въ глазокъ, а они себѣ сидятъ, кто какъ хочетъ: кто въ уголку на табуретѣ, кто шагаетъ себѣ, да шагаетъ... А мы и не преступники, да тѣ же у насъ стѣны, та же пища, только на свой счетъ. Опять же: они къ намъ съ презрѣнiемъ, а мы къ нимъ съ заботой: какъ бы не повѣсился, какъ бы рукъ на себя не наложилъ!

— Господи!—вскипѣла я,—вы не понимаете, что говорите! Если въ тюрьмѣ хорошо, такъ зачѣмъ же было бы вѣшаться? Зачѣмъ руки на себя накладывать?

— А чтобы начальству повредить. А вы какъ думаете? Вотъ арестантка Гинбургъ была... Ужъ на что за ней надзоръ былъ, а и то ухитрилась порѣзаться... Она жить не желаетъ, а въ отвѣтѣ мы, служба! Такъ-то!

Я съ безнадежной грустью посмотрѣла на моего спутника,—тотъ сокрушенно покачалъ головой. Было ясно, что передъ нами глухой и слѣпой! Унтеръ наши взгляды уловилъ и понялъ ихъ по-своему.

— А то какъ же? Все, какъ я говорю. Вотъ къ примѣру Вѣра Николаевна Фигнеръ. Какъ сюда привезли,—была тощая, худая, въ чемъ душа держится!... А какъ уходила—такъ вотъ какая.

Онъ выправилъ плечи, желая показать, какова была Фигнеръ.

— Изъ себя стала бѣлая, да розовая. Такъ если бы худо ей было, ужели бы она раздобрѣла?

Было досадно и забавно его слушать.

— Опять-таки, которые сумасшедшiе потомъ стали... Почему? Какъ? А потому что не хотѣлъ человѣкъ смирно сидѣть. Вмѣсто того, чтобы сидѣть по-благородному, какъ къ примѣру Н. А. Морозовъ, который какъ мышка—не слыхать его. Заглянешь въ глазокъ, а онъ либо пишетъ, либо такъ себѣ спокойно думаетъ... А которые сами себя не покоятъ: стучатъ, кричатъ, неистовствуютъ,—ну на себя и пеняй! Доведутъ таки себя до того, что ума рѣшатся!

— Бѣдные, несчастные,—сказала я.

Унтеръ обидѣлся.

— Не понимаете вы, извините, ничего, сударыня! Не несчастные, а характера непокойнаго—вотъ что! Такой и на волѣ съ ума сойдетъ!

Я безнадежно махнула рукой и попросила показать камеры.

Въ ту пору Шлиссельбургская тюрьма была заново внутри отремонтирована и ужасающаго впечатлѣнiя не производила.

Всѣ камеры были одинаковы, но когда назывались имена

четверть-вѣковыхъ обитателей, невольно переносилась я мыслью въ ихъ чувства и страданія, и мнѣ было жутко.

Думала ли я тогда, что пройдетъ немного времени и эти камеры опять наполнятся и опять въ нихъ будутъ тоскливо шагать человѣческія существа?

Думала ли, что именно мнѣ придется вновь переступить этотъ порогъ, но уже при иныхъ условіяхъ?

Все это вспомнилось мнѣ, пока я шла отъ берега къ унылому зданію.

Желѣзныя ворота были наглухо заперты.

Я дернула ручку звонка.

Медленно отворилось маленькое, незамѣтное на сѣромъ фонѣ окошечко.

— Что нужно?—спросилъ грубый голосъ.

— Мнѣ дано разрѣшеніе на посѣщеніе тюрьмы. Отворите.

— Доложу начальству.

Окошечко захлопнулось. Мы были однѣ съ моей спутницей. Только одинъ изъ гребцовъ сопровождалъ насъ.

Я оглядѣлась: сѣрый горизонтъ, бурная темная вода вокругъ и голые, земляные бугры... Все—мрачно, сѣро, однотонно...

Но загремѣлъ засовъ, заскрипѣла калитка.

— Пожалуйте!

Боже мой, какъ билось сердце! Какія чувства нахлынули въ душу!

Но разбираться въ нихъ было некогда: по дорожкѣ, невдалекѣ—ко мнѣ шла навстрѣчу небольшая кучка людей. То былъ служебный персоналъ.

Я взяла себя въ руки и призвала на помощь, какія только могли быть въ наличности, дипломатическія способности. Я понимала, что отъ первыхъ шаговъ зависитъ все дальнѣйшее: на какую ногу стану, на такой и удержусь. Пріѣзжать въ тюрьму только затѣмъ, чтобы сдать на руки смотрителю продукты и деньги не входило въ мои планы.

Я хотѣла быть, хотя незримой, но матерью узниковъ: помогать, облегчать и заботиться... Для этого надо было завоевать надлежащее положеніе. Понимала я, что это нелегко. Но труднѣйшее все же было назади: доступъ достигнутъ, а остальное, я надѣялась, пойдетъ само собой.

Съ привѣтливой улыбкой пошла я навстрѣчу къ подходившимъ мужчинамъ. Ихъ было трое. Одинъ изъ нихъ, небольшого роста, очень плотный, одѣтый въ форменное платье, отдѣлился и подошелъ ко мнѣ:

— Позвольте представиться—начальникъ тюрьмы.

— Очень, очень рада познакомиться,—протянула я ему руку.

Онъ представилъ двухъ остальныхъ:

— Мой помощникъ... Докторъ...

Мы поздоровались. Я чувствовала на себѣ любопытные взгляды. Но и сама я пытливо вглядывалась въ ихъ лица, стараясь уловить характеристику каждаго.

— Надѣюсь, господа, мы будемъ друзьями и совмѣстно будемъ облегчать тяжелое положеніе узниковъ. Я привезла продукты и деньги.

— Генералъ Максимовскій извѣстилъ, что имъ дано разрѣшеніе привозить два раза въ мѣсяцъ продовольствіе. Угодно вамъ передать мнѣ его?—сказалъ смотритель.

— Мнѣ разрѣшено посѣщать тюрьму и узнавать ея нужды, а не только передавать продукты,—твердо сказала я.—Не пройдемъ ли мы съ вами въ контору для денежныхъ расчетовъ?

— Если угодно,—сухо сказалъ начальникъ тюрьмы.

Мы молча двинулись.

Я украдкой оглядывалась. Въ то время тюрьма еще не была перестроена, и дворъ не имѣлъ угрюмаго вида. Онъ представлялъ собой большое пространство, засаженное группами деревьевъ, теперь, конечно, еще голыхъ. Во всѣ стороны шли дорожки. Зданіе тюрьмы было въ глубинѣ двора, налѣво. Справа находился домъ для служащихъ, окрашенный въ свѣтлую краску. Въ этомъ же домѣ была и контора.

Мы поднялись наверхъ и, пройдя небольшую комнату, вошли въ свѣтлую, просторную. Здѣсь помѣщался письменный столъ смотрителя. Сѣли.

— Прежде всего, господинъ смотритель, я попрошу васъ прочесть мнѣ списокъ политическихъ заключенныхъ и указать, сколько каждый изъ нихъ имѣетъ денегъ?

Онъ изумленно воззрился на меня.

— Списокъ? Политическихъ? Ни въ какомъ случаѣ... Не угодно ли передать мнѣ деньги, я самъ распредѣлю между ними...

— Полноте, какая же это тайна?. Вотъ списокъ—Я вынула бумагу, присланную Максимовскимъ. Круглые глаза смотрителя выразили изумленіе.

— Сударыня! Откуда онъ у васъ?

— Это все равно—откуда. Но разъ онъ у меня въ рукахъ, я думаю нечего объ этомъ и разговаривать. Будьте добры, когда я буду называть фамиліи, сообщать мнѣ о наличности денегъ у каждаго.

Неохотно, но книги съ записями смотритель досталъ: мой рѣшительный тонъ подѣйствовалъ.

Началась провѣрка. Я называла имя,—онъ говорилъ цифру денегъ, имѣвшихся у арестанта. Въ большинствѣ, то были жалкіе гроши: семьдесятъ, пятьдесятъ, тридцать копѣекъ. У нѣкоторыхъ и вовсе ничего не было. У одного числилась копѣйка.

— Этотъ никакъ свой капиталъ истратить не можетъ,—хотѣлъ пошутить смотритель.

Мое сердце сжалось...

Больше трёхъ рублей узнику имѣть не полагалось. Изъ нихъ онъ могъ тратить ежедневно на себя по десяти копѣекъ. Но если не тратилъ, то изъ сбереженій разрѣшалось время отъ времени покупать табакъ и кое-что изъ съѣстного.

Я внесла недостающую до трёхъ рублей сумму на каждаго. Попутно я старалась узнавать о семейномъ положеніи, о здоровьи, получаетъ ли письма? При этихъ вопросахъ и смотритель, и его помощникъ смущенно переглядывались, видимо они страшились какой-то отвѣтственности.

Докторъ уже давно ушелъ.

Скажу теперь же о немъ нѣсколько словъ, чтобы болѣе къ нему не возвращаться.

Бываютъ же такія личности!

Казалось бы кому, какъ не доктору, имѣющему непосредственное сообщеніе съ заключенными, дана возможность облегчать хотя бы физическія ихъ страданія? И кто же изъ хорошихъ людей— не ухватится за эту возможность?

Въ данномъ случаѣ было какъ разъ наоборотъ.

Впослѣдствіи этого доктора я никогда не видѣла, хотя, при желаніи, онъ очень могъ бы помочь мнѣ. Повидимому онъ избѣгалъ меня.

Но его незримое противодѣйствіе я чувствовала всегда. Что бы ни затѣвалось мною для здоровья или улучшенія питанія обитателей тюрьмы, всегда натыкалось на неизбѣжное:

— Докторъ не находитъ этого нужнымъ!

Такъ, напримѣръ, одна изъ матерей получила отъ сына въ письмѣ просьбу—устроить черезъ меня присылку санатогена для малокровныхъ.

Я съѣздила къ Максимовскому и губернатору, получила ихъ согласіе, достала массу коробокъ санатогена и отвезла его.

Каково же было мое негодованіе, когда въ слѣдующій пріѣздъ я нашла въ конторѣ на окнѣ весь санатогенъ въ нетронутомъ видѣ, и смотритель мнѣ кратко сообщилъ:

— Докторъ не нашелъ въ тюрьмѣ малокровныхъ!

Когда я разсказала объ этомъ фактѣ Максимовскому, тотъ развелъ руками и замѣтилъ:

— Il est vraiment plus royaliste, que le roi, и лично распорядился о выдачѣ санатогена всѣмъ, желающимъ имъ пользоваться.

Отъ него я узнала прошлое доктора: онъ болѣе семи лѣтъ былъ врачомъ при каторжныхъ тюрьмахъ на Сахалинѣ и очевидно тамъ привыкъ къ человѣческимъ страданіямъ.

Такъ было впослѣдствіи и съ молокомъ, и съ усиленными порціями для слабыхъ. Докторъ все находилъ ненужнымъ и отрицалъ какія бы то ни было болѣзни. А между тѣмъ родные изъ писемъ знали, что въ тюрьмѣ малокровіе, ревматизмъ, цынга...

Больницы и аптеки въ ту пору не было. За лѣкарствами приходилось посылать лодку въ городъ. Наконецъ цынга приняла угрожающіе размѣры, и только тогда докторъ не возразилъ ничего противъ привоза лимоновъ и лимонной кислоты...

Такое равнодушіе къ человѣческимъ страданіямъ непростительно каждому, тѣмъ болѣе доктору. У меня о немъ осталось отвратительное воспоминаніе.

Однако вернусь къ смотрителю.

Мы, наконецъ, покончили денежный расчетъ. Я поднялась.

— Позвольте мнѣ пройти теперь въ кухню и кладовыя.

— Пожалуйте,—не совсѣмъ любезно произнесъ онъ.

Прошли на кухню, бывшую въ серединѣ двора, въ особомъ флигелѣ.

Можетъ быть, ради праздника, но все блестѣло и было вылощено. Чистота кухни была примѣрная. Я похвалила.

— У насъ всегда такъ,—похвастался начальникъ.

— Позвольте попробовать пищу.

Поваръ изъ уголовныхъ, въ чистомъ передникѣ и колпакѣ, подалъ на подносѣ, приготовленную пробу.

— Спасибо,—сказала я ласково.—Но я люблю прямо изъ котла. Зачерпните, пожалуйста!

Молча поваръ помѣшалъ въ котлѣ и налилъ въ тарелку мутную жидкость.

— Сегодня супъ съ вермишелью,—предупредилъ смотритель.

Я попробовала бурую воду, въ которой плавали какія-то нити.

— Какая бурда! Никакого навара! А гдѣ же мясо?

— Помилуйте, сударыня. Отпускается по одиннадцать копѣекъ на цѣлодневное питаніе... Мясо вынуто, чтобы подать отдѣльно.

— Покажите.

Въ отдѣльномъ небольшомъ котелкѣ было накрошено очень небольшое количество мяса.

— Это на всю тюрьму? Вмѣстѣ съ уголовными?

— Такъ точно.

— На четыреста человѣкъ? Да тутъ и десять не станутъ сытыми.

Смотритель посмотрѣлъ на меня исподлобья:

— Вамъ, сударыня, разрѣшено улучшеніе питанія и если угодно доставлять мясо для котла, мы будемъ очень рады.

— Непремѣнно. Эту бурду, по совѣсти, невозможно считать мяснымъ супомъ.

Смотритель нахмурился.

Пошли въ кладовыя. Хлѣбъ оказался хорошимъ.

— Теперь пожалуйста дайте мнѣ людей въ помощь, чтобы распредѣлить привезенные мною продукты по пакетамъ, а ихъ прошу разнести по камерамъ въ моемъ присутствіи.

Пришло шесть человѣкъ уголовныхъ.

— И вамъ каждому за помощь также будетъ данъ пакетъ съ провизіей.

Угрюмыя, сѣрыя лица немного посвѣтлѣли.

Работали мы усердно, но долго: пришлось рѣзать колбасы, разрубать окорока, отсчитывать яйца, куличи, чтобы составить шестьдесятъ четыре одинаковыхъ пакета, считая и шесть уголовныхъ. Я привезла съ собой цѣлую кипу сѣрой оберточной бумаги, нѣсколько бунтиковъ веревки-бечевки, и сама все обвязывала. Начальникъ тюрьмы и его помощникъ зорко за мной слѣдили. Но они напрасно боялись: я твердо рѣшилась не итти противъ дозволеннаго; я слишкомъ дорожила достигнутымъ, чтобы изъ-за какой-нибудь записочки или листика газеты выпустить его изъ рукъ.

Впослѣдствіи не разъ пришлось наталкиваться на желанія родственниковъ передать что-либо въ тюрьму, черезъ меня. Я упорно отклоняла эти просьбы, и въ концѣ-концовъ мнѣ удавалось убѣдить просящихъ, что мой доступъ въ тюрьму куда важнѣе мимолетнаго удовольствія, какое можетъ доставить не просмотрѣнная записка.

Къ тому же за мной былъ тщательный надзоръ.

Впослѣдствіи не разъ возникали конфликты на почвѣ подозрительности, о которыхъ разскажу ниже, кончавшіеся для меня благополучно только благодаря Максимовскому.

Однако вернусь къ разсказу.

Надзиратели понесли пакеты по камерамъ. Со спискомъ въ рукахъ отмѣчала я крестиками имена, кому доставлено.

Наконецъ все было кончено. Наступилъ вечеръ и возвращаться пришлось въ темнотѣ, среди несущихся льдинъ.

На душѣ стало грустно: сознавалось, что привезенныя лакомства не дадутъ несчастнымъ существеннаго облегченія.

При моемъ слѣдующемъ посѣщеніи смотритель съ насмѣшкой сказалъ мнѣ:

— Вы думаете, что они остались довольны?

— А что?

— Да я читалъ ихъ письма къ роднымъ; пишутъ: «На пасхѣ было у насъ все, какъ слѣдуетъ!»

— Да чего же больше?—обрадовалась я.

Въ городѣ я переночевала у милыхъ новыхъ знакомыхъ и навсегда сохранила память объ ихъ исключительномъ гостепріимствѣ, длившемся все время, пока я посѣщала Шлиссельбургъ.

У нихъ въ домѣ изъ разговоровъ я узнала многое, очень мнѣ полезное, объ условіяхъ жизни каторжной тюрьмы и взаимоотношеніи служащихъ.

Черезъ нихъ же, я организовала, еженедѣльно два раза, передачу мяса въ тюрьму для улучшенія котла. Но впослѣдствіи пришлось это прекратить, такъ какъ изъ писемъ заключенныхъ къ роднымъ я убѣдилась въ безполезности этого расхода. Узники писали, что не замѣчали никакого улучшенія пищи. Контроль же былъ невозможенъ.

На другой день я вернулась въ Петербургъ.

И вотъ въ мою жизнь ворвался вихрь заботъ и хлопотъ, заставлявшій забывать о себѣ, о времени, о пережитомъ... вихрь, доставлявшій огромное нравственное удовлетвореніе!

Каждый день моей жизни сталъ на счету...

Не успѣвала я вернуться изъ тюрьмы, какъ уже надо было готовиться къ новому посѣщенію черезъ двѣ недѣли: надо было достать денегъ, продуктовъ, книгъ... Надо было найти добрыхъ людей...

Приходилось рыскать по городу съ утра до вечера.

Я составила собственную систему добыванія средствъ и вела списки добрыхъ людей, стараясь по возможности не обременять ихъ. Такъ, обращаясь въ одинъ разъ къ однимъ, я въ слѣдующіе два раза, обращалась къ другимъ и третьимъ.

Вообще эксплуатація чужаго кармана, хотя бы и съ доброй цѣлью,—тяжела и непріятна. Малѣйшее измѣненіе въ голосѣ и лицѣ жертвователей дѣйствовало на нервы. Просить нелегко, хотя просить не для себя! Отказъ—оскорбителенъ...

Но въ этомъ отношеніи мнѣ счастливилось: отказы случались рѣдко, и каждыя двѣ недѣли я привозила въ тюрьму все необходимое и деньги.

Охотнѣе и больше всѣхъ жертвовали евреи. Знающіе хорошо, что такое страданіе,—они съ большой добротой откликались на просьбу о помощи.

Случалось лѣтомъ, когда Петербургъ пустъ приходилось ломать голову, гдѣ достать необходимыя средства? Тогда я намѣчала себѣ какой-нибудь огромный, многоэтажный домъ и съ утра начинала свое странствіе: обходила всѣ этажи. Если встрѣчалась на двери еврейская фамилія, звонила безъ страха и посылала свою карточку: и сердца, и кошельки добрыхъ людей отворялись...

Право, за всю мою дѣятельность на этой почвѣ, я не помню ни одного отказа—отъ еврея.

Отъ своихъ случалось слышать: «да вѣдь я давалъ уже!» Приходилось объяснять, что помощь нужна постоянная.

Вообще, какъ ни было трудно, а я шла таки, да шла избраннымъ путемъ.

Самой тяжелой стороной этой дѣятельности было море слёзъ и людскихъ страданій, въ которое силою вещей пришлось окунуться.

Едва разнеслась вѣсть о томъ, что я посѣщаю тюрьму,—естественно, что ко мнѣ хлынули всѣ близкіе заключенныхъ: ко мнѣ шли, чтобы узнать какую-нибудь вѣсточку о дорогихъ сердцу: здоровъ ли? тоскуетъ? какъ переноситъ заключеніе? Пріѣзжали и изъ дальнихъ мѣстъ.

Кто просилъ хлопотать о переводѣ въ другую тюрьму, кто желалъ свиданія, кто просилъ о снятіи кандаловъ... У иного адвоката не было такихъ пріемовъ по утрамъ, отъ 11-ти до 1 часу, какой можно было найти въ моихъ небольшихъ комнаткахъ.

Въ другіе часы я отсутствовала, занятая бѣготней по городу для изысканія средствъ.

И Боже мой, сколько я видѣла слёзъ! И какъ дороги, какъ близки были мнѣ эти люди! Какъ откликалось мое сердце, познавшее на самомъ себѣ всю неизмѣримость людского горя,—на эти страданія! Мнѣ были они такъ понятны. Я отдала бы душу, чтобы облегчить ихъ! И я плакала съ каждымъ!

Вотъ когда необходима мнѣ была помощь Максимовскаго! Я широко пользовалась добротой, какая жила въ глубинѣ его души, несмотря на всю отрицательную внѣшнюю видимость.

Въ жизни часто встрѣчается противорѣчіе съ индивидуальными свойствами человѣка: Максимовскій былъ явно не на своемъ мѣстѣ. Онъ и самъ говорилъ это:

— Ахъ, зачѣмъ я ушелъ изъ министерства финансовъ!

Его должность держала его въ тискахъ: воспитаніе, привычки, убѣжденія говорили одно, а природная доброта и сердце—тянули въ другую сторону... Пока онъ держался формальной стороны службы, пока руководился принципомъ: за преступленіе—

кара, онъ могъ быть и строгимъ, и стойкимъ... Но его легко было сбить съ этой позиціи! Вмѣстѣ со мной, къ нему ворвалась другая сторона жизни и внесла смуту въ его понятія.

Допустивъ меня въ тюрьму, онъ поневолѣ узнавалъ и выслушивалъ то, чего, быть можетъ, и не хотѣлъ знать.

По службѣ ему докладывали:

— Арестантъ такой-то нарушилъ порядокъ, кричалъ и буйствовалъ.

А отъ меня о томъ же происшествіи онъ слышалъ.

— Да какъ же ему не буйствовать? Надо же войти въ его положеніе: молодой, интеллигентный, отдавшій жизнь за идею, потерявъ свободу и все, что ему дорого, онъ естественно колотится головой объ стѣну. Жалѣть его надо, а не карать за нервный припадокъ!

— А зачѣмъ шелъ противъ закона? Самъ виноватъ!—говорилъ Максимовскій.

— Всѣ мы въ чемъ-нибудь виноваты, Александръ Михайловичъ! Кто знаетъ, въ какихъ условіяхъ ему пришлось жить? Что видѣлъ, что слышалъ, что на него дѣйствовало? Хорошо, что вамъ жилось сладко, что между вами и той жизнью—стѣна. А кто знаетъ, при иныхъ условіяхъ, не возмутились ли бы вы сами?

Максимовскій хмурился.

— Разъ человѣкъ зналъ, на что шелъ, онъ долженъ безропотно переносить послѣдствія!

— Не всѣ герои, Александръ Михайловичъ. Духъ одно, а плоть—другое. Иной жилъ въ довольствѣ, въ культурныхъ условіяхъ,—легко ли дается ему переносить кандалы, сырость, холодъ, а главное—жестокое обращеніе?

— У меня въ вѣдомствѣ нѣтъ и не можетъ быть жестокаго обращенія. Все по закону.

— Полноте, Александръ Михайловичъ! Что вы объ этомъ знаете? Кто скажетъ вамъ правду? Вотъ я пришлю вамъ газету, гдѣ вы прочтете именно объ этой жестокости.

И я посылала... Читалъ ли онъ?

Но я по фактамъ знала, что самъ онъ, гдѣ могъ, боролся съ тюремной жестокостью.

Такъ, напримѣръ, ко мнѣ обратилась сестра одного арестованнаго въ Псковѣ студента, по подозрѣнію, что именно онъ стрѣлялъ въ одного администратора. Несчастье было въ томъ, что онъ случайно въ это время шелъ по противуположной сторонѣ улицы, и агентъ указалъ на него. Онъ былъ ни въ чемъ неповиненъ, а ему грозила смертная казнь! Довольно было того, что онъ еврей, чтобы не было дано вѣры никакимъ видимостямъ.

Сестра въ ужасѣ разсказывала,—какъ онъ былъ избитъ въ тюрьмѣ и тотчасъ же закованъ.

Я поѣхала къ Максимовскому.

Онъ слушалъ мой разсказъ и кусалъ губы.

— Если арестованъ, значитъ виноватъ!

Я горячо доказывала, что это не всегда такъ! Что показаніе агента—не доказательство. Что для полученія награды онъ на все пойдетъ, такъ какъ агенты невѣжественны и грубы душой. Да и само занятіе—предательство—не можетъ не отнимать совѣсть.

— Но вѣдь не только агентъ...—говорилъ Максимовскій.— Если держатъ въ заключеніи, значитъ есть основаніе къ подозрѣнію.

Я возражала, что если одно подозрѣніе, то за что же онъ уже закованъ? И избитъ? Законъ не указываетъ, что въ тюрьмахъ арестанты неминуемо должны подвергаться избіенію. Это беззаконіе!

— Я провѣрю!—угрюмо сказалъ Максимовскій.

Черезъ три дня сестра З. пріѣхала ко мнѣ и съ радостью сообщила, что по телеграммѣ Максимовскаго ея братъ раскованъ, и обращеніе съ нимъ измѣнилось...

И, дѣйствительно, судъ впослѣдствіи оправдалъ его.

Я съ увѣренностью привожу разговоры съ Максимовскимъ, такъ какъ вела дневникъ и записывала ихъ. Для экстренныхъ случаевъ онъ разрѣшилъ мнѣ пользоваться его личнымъ телефономъ, и это очень упрощало мои съ нимъ сношенія и сохраняло цѣнное для меня время: не надо было по каждому поводу ѣздить въ управленіе.

По пятницамъ, когда роднымъ давались свиданія съ заключенными въ пересыльной тюрьмѣ, у меня бывало особенно много посѣтителей. Жаловались на неудобство свиданій: приходилось по морозу простаивать часы, пока отворятъ ворота... Жаловались на грубость надзирателей, на ненужную жестокость служебнаго персонала. Особенно горьки были слёзы матерей при отправленіи дѣтей на каторгу: все было такъ ужасно, такъ непонятно жестоко въ сравненіи съ привычной жизненной обстановкой!—Помилуйте!—вся въ слезахъ говорила мнѣ мать молоденькой, состоятельной каторжанки.—Помилуйте, дочь моя кромѣ батистоваго бѣлья ничего не носила, кромѣ винограда и цыплёнка ничего не ѣла, а теперь ей не позволяютъ ни своего бѣлья, ни своихъ самыхъ простыхъ ботинокъ. Какъ я увидѣла казенные коты на моей дѣвочкѣ, такъ едва чувствъ не лишилась! Умоляю васъ, попросите, чтобы разрѣшили хоть фланелевую рубашку и башмаки...—Я подошла къ телефону:

— Кто у телефона?—послышался голосъ Максимовскаго, когда я вызвала его личный номеръ.

— Александръ Михайловичъ! Прошу васъ,выслушайте. У меня сейчасъ мать молоденькой дѣвушки—каторжанки. Она плачетъ, страдаетъ! Она умоляетъ облегчить сколько-нибудь участь ея дочери. Она изнѣженная... Мать ее баловала, кормила цыплятами и виноградомъ, и теперь ей приходится особенно тяжело. Разрѣшите ей хоть свое бѣлье и обувь!

— А-а-а—слышалось въ телефонъ.—Небойсь эта самая изнѣженная барышня сумѣла своими бѣленькими ручками бомбу бросить, а теперь, какъ наказаніе, такъ ей тяжело! Подѣломъ вору и мука!

— Ради Бога, не говорите такъ, Александръ Михайловичъ! Нельзя такъ. Я не спрашивала мать, что сдѣлала дѣвушка... Но лежачаго не бьютъ! Страдаетъ не только она, но и мать! Развѣ вамъ не будетъ отрадно облегчить ея мученія?

— А зачѣмъ такъ воспитала дочь? Зачѣмъ не удержала?

— Что вы, что вы Александръ Михайловичъ! Развѣ дѣти говорятъ объ этихъ дѣлахъ, родителямъ? Развѣ во власти родителей удержать ихъ? Это стихійно! Но вы бы сжалились, если бы послушали, какъ плачетъ и убивается мать!.. Это крестъ матерей... Помогите ей, Александръ Михайловичъ!

— Ну, пусть ко мнѣ пріѣдетъ. Я посмотрю!

И мать вернулась съ разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ льготъ и хоть немного утѣшенная.

Но бывали случаи, требовавшіе личнаго свиданія, и тогда я ѣхала въ тюремное управленіе.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній я наткнулась на траги-комическій эпизодъ, возможный только въ Россіи, и который очень бы походилъ на анекдотъ, если бы я сама не была его свидѣтельницей.

Въ пріемной, гдѣ въ этотъ разъ пришлось довольно долго ждать, такъ какъ у начальника тюремнаго управленія былъ посѣтитель, я застала юношу студента, нервно ходившаго изъ угла въ уголъ и кусавшаго свои маленькіе усики.

На каждаго проходившаго чиновника онъ глядѣлъ съ вожделѣніемъ, и его взглядъ загорался надеждой. Но никто не обращалъ на него вниманія.

Наконецъ дежурный чиновникъ подошелъ къ нему. —Молодой человѣкъ, отчего же вы не уходите? Я вѣдь сказалъ вамъ, что сдѣлать ничего нельзя. Поймите вы—невозможно! Ничего!

Студентикъ принялся усердно кланяться.

— Очень васъ прошу, г. чиновникъ! Очень прошу. Ради Бога! Пожалуйста!

Дежурный нетерпѣливо пожималъ плечами:—Какими же словами убѣдить васъ, что немыслимо? Прямо таки—немыслимо!

Въ это время въ пріемной показался крупный толстякъ въ формѣ тюремнаго вѣдомства.

— А! Да вотъ одинъ изъ начальниковъ тюрьмы. Пусть онъ вамъ самъ скажетъ. Г-нъ М.—пожалуйте сюда!

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ толстякъ подойдя.

— Да вотъ никакъ не могу убѣдить молодого человѣка, чтобы подождалъ. Онъ приговоренъ на мѣсяцъ въ тюрьму и хочетъ, чтобы его сейчасъ взяли, а мѣста нѣтъ. Сами знаете, что въ одиночныхъ по десяти человѣкъ сидятъ. Яблоку упасть негдѣ. А онъ третій день ходитъ: посади, да посади его сейчасъ!

Студентикъ заволновался.

— Да помилуйте, да какъ же такъ! Приговорили, такъ должны посадить. Сейчасъ мнѣ это ничего—удобно,—я еще даже лучше подготовлюсь. А послѣ экзамены. Если я буду во время экзаменовъ сидѣть, такъ это мнѣ зарѣзъ! У меня тогда годъ пропалъ. Войдите же въ мое положеніе!

— Но и вы—войдите въ наше! Говорятъ вамъ—сотни ждутъ очереди. Не хватаетъ мѣста... Что тутъ подѣлаешь?

Студентъ замахалъ руками отъ волненія.

— А мнѣ какое дѣло? Присудили—такъ сажайте. Для меня, если пропадетъ годъ—зарѣзъ! Я не могу ждать. Требую—сажайте! Вотъ и все!

— Постойте, постойте, молодой человѣкъ! Не кипятитесь!—добродушно сказалъ толстякъ.—Въ счастливый день для васъ, я сюда пришелъ. Кажется, я могу вашему горю помочь. У меня какъ разъ завтра вечеромъ будетъ свободное мѣсто.

— Господи, да неужели?—радостно возопилъ студентъ.

— Да, будетъ! Только предупреждаю: отнюдь не позже восьми часовъ. Если опоздаете, вините сами себя: кандидатовъ много, сейчасъ займутъ. Ужъ больно вы проситесь... Такъ знайте: завтра, въ восемь часовъ вечера, я пущу васъ въ свою тюрьму. Не опоздаете?

— Ни за что. Съ семи буду у воротъ. Очень, очень вамъ благодаренъ. Вотъ, право, счастье, удача! Хорошо, что я раньше не ушелъ. А вы еще настаивали!—упрекнулъ студентикъ чиновника.

— Ваше счастье! Я самъ радъ, что все устроилось.

И оба чиновника добродушно посмѣивались вслѣдъ радостно уходившему юношѣ. Я тоже невольно улыбалась этому забавному

благополучію. А потомъ—грустно призадумалась: не хватаетъ тюремъ для приговоренныхъ, и сами просятся, чтобы скорѣе сажали!... Ужасъ и безуміе!

Въ этотъ разъ, войдя къ Максимовскому, я была поражена перемѣной въ немъ: онъ очень холодно меня принялъ.

— Чѣмъ могу служить?

Я не растерялась. Я всегда была готова къ какой-нибудь неожиданности: я была освѣдомлена, что противъ меня шла сильная интрига и что его увѣряли, что я не спроста посѣщаю Шлиссельбургскую тюрьму... Что онъ пустилъ «козла въ огородъ».

Я сейчасъ же попросила его сказать мнѣ откровенно, что онъ противъ меня имѣетъ, и обѣщала, что отвѣчу на любой вопросъ—безъ лжи.

Онъ хмуро потупился.

— Да вотъ, сообщили мнѣ, будто вы меня обманываете... Будто входите въ сношенія съ заключенными.

Я поразилась. Какъ я могла входить съ ними въ сношенія, если меня въ камеры не пускали? Кромѣ того я никогда не была одна, за мной ходили по пятамъ. Зачѣмъ вѣрить такому вздору?

— Но мнѣ завѣдомо извѣстно, что вамъ машутъ платками изъ верхнихъ оконъ.

Я вспомнила. Такой случай былъ. Когда я шла изъ конторы въ кухню, изъ одного окна, а не изъ оконъ, кто-то въ видѣ привѣтствія помахалъ чѣмъ-то бѣлымъ.

— Если такой пустякъ,—сказала я,—въ вашихъ глазахъ уже преступленіе, то почему не приказано обойти всѣ камеры и запретить меня привѣтствовать? Я лично не могу быть отвѣтственной за то, что происходитъ внутри тюрьмы.

— Но мнѣ доложено, что ваши посѣщенія волнуютъ тюрьму, что когда вы пріѣзжаете, арестанты бросаются къ окнамъ.

— Александръ Михайловичъ, это естественно! Среди безвыходной тоски заключенія, когда вокругъ только враждебныя лица, развѣ не отрадно знать, что сейчасъ здѣсь, въ районѣ тюрьмы, любящая мать, сочувствующая, понимающая? Можетъ быть, это ихъ единый лучъ свѣта! Не удивляюсь, что надзиратели этого не понимаютъ. Но странно, что и вы смотрите на такое невинное выраженіе радости, какъ на преступленіе. Сама я очень осторожна: вѣдь я знаю, какъ шатко мое положеніе! Вотъ и въ данномъ случаѣ: не скрою, что, видя этотъ привѣтъ, мнѣ очень хотѣлось отвѣтить на него. И въ сущности, какая была бы бѣда, если бы я тоже помахала платкомъ? Стѣны бы отъ этого не рухнули, и арестанты не разбѣжались бы. Но, помня свое вамъ обѣщаніе,

я сдѣлала видъ, что ничего не замѣчаю и спокойно прошла мимо. Чего же вы отъ меня еще хотѣли бы?

Лицо Максимовскаго смягчилось.

— Ахъ, какъ трудно, какъ трудно быть на моемъ мѣстѣ! Слышу васъ и вѣрю, что вы правдивы и искренни. Но столько мнѣ наговариваютъ!—онъ махнулъ рукой.—Поговоримъ о дѣлѣ.

Я передала, что по моимъ свѣдѣніямъ политическому заключенному К. два мѣсяца уже какъ вышелъ срокъ ношенія кандаловъ, а ему ихъ не снимаютъ. Я просила обратить вниманіе на это беззаконіе.

Онъ огорченно вздохнулъ.

— Бѣда въ томъ, что эта процедура требуетъ длинной переписки. Тюрьма въ вѣдѣніи губернатора, и тюремное начальство само не можетъ распорядиться, а обязано дѣйствовать черезъ Губернское Правленіе. Пока получится отвѣтъ, арестантъ поневолѣ носитъ ихъ лишнее время.

— Уже два мѣсяца, какъ прошелъ срокъ, Александръ Михайловичъ!

— Что дѣлать! Это не первый случай... Канцелярщина!

Я стала доказывать, что начальникъ тюрьмы, зная эту процедуру, могъ бы заранѣе начинать переписку съ Правленіемъ, хотя бы за два мѣсяца до срока.

— Ну, ужъ вы многаго хотите... У начальника тюрьмы и такъ много обязанностей... А откуда вы узнали о срокѣ снятія кандаловъ этого арестанта? Развѣ они вамъ пишутъ? —вдругъ подозрительно спросилъ Максимовскій.

Я покривила здѣсь душой, сказавъ, что узнала отъ матери заключеннаго.

Узнала я объ этомъ не отъ нея.

Не разъ удивляла я начальника тюремнаго управленія моими свѣдѣніями по его вѣдомству. Не разъ удивляла и родственниковъ узниковъ возможностью оказывать разнообразную помощь: переводъ въ другую тюрьму, облегченіе участи административныхъ, разрѣшеніе мѣстожительства и прочее... Инымъ воображалось, что стоитъ обратиться ко мнѣ, чтобы устроить желаемое. Увы! Я тутъ была не при чемъ. Я была только передаточной пружиной, а за мной дѣйствовалъ теперь уже покойный профессоръ и въ то же время юрисконсультъ тюремнаго управленія—незабвенный Д. Андр. Дриль.

Сколько добраго и благороднаго сдѣлалъ этотъ человѣкъ!

Д. А. Дриль воистину дѣлалъ добро такъ, что его лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая. Мое знакомство съ нимъ было случайно. Задумавъ посѣщать Шлиссельбургскую тюрьму,

я по одному совѣту, раньше посѣщенія Максимовскаго, направилась за содѣйствіемъ къ Д. А. Дрилю.

Къ моей попыткѣ онъ тогда отнесся отрицательно. Симпатизируя ей, онъ не видѣлъ возможности ее осуществить.

— Жаль мнѣ разочаровывать васъ,—но это бредни! Я хорошо знаю тюремную администрацію и считаю вашу попытку—безплодной. Васъ, именно васъ—не допустятъ никогда.

Но какъ только я получила разрѣшеніе, Д. А. Дриль посѣтилъ меня. Онъ горячо меня поздравилъ и не могъ надивиться этому успѣху. Тутъ же онъ предложилъ мнѣ свое содѣйствіе.

— Разсчитывайте на мою помощь. Обращайтесь въ затруднительныхъ случаяхъ ко мнѣ. Считайте меня другомъ... Но соблюдайте одно условіе свято: нигдѣ не произносите моего имени... Никто не долженъ знать, что мы знакомы... Не бывайте у меня, и я не буду бывать у васъ. Такъ мнѣ удобнѣе будетъ дѣйствовать... Если буду нуженъ,—пишите на имя такого-то. Видѣться мы будемъ у третьихъ лицъ... Такъ, я буду вамъ полезнѣе.

И Боже мой, сколько онъ помогъ мнѣ! Никогда не спрашивая, за что на каторгѣ, въ чемъ вина, но узнавая, отъ меня о какомъ-либо горѣ, несчастіи, страданіи, онъ широко помогалъ облегчить ихъ. Гдѣ онъ хлопоталъ, кого просилъ? не знаю... Но почти всѣ мои къ нему обращенія были удовлетворены.

Онъ также предупреждалъ меня о грозящихъ тюремныхъ репрессіяхъ, о запрещеніи льготъ... Предупредилъ меня и о существующей противъ меня интригѣ. Его смерть была истиннымъ горемъ не только для меня, но и для всѣхъ несчастныхъ и угнетенныхъ. Память о немъ всегда живетъ въ моей душѣ. Какое счастье знать такихъ людей!

Неудивительно, что Максимовскій часто былъ изумленъ:

— Откуда вы знаете? Кто сообщилъ вамъ это?—Но и самъ Максимовскій исправлялъ, когда могъ, причиненное въ его вѣдомствѣ зло.

Такъ зимой мнѣ случилось быть въ Москвѣ для проводовъ партіи, отправлявшейся на каторгу. Въ этой партіи шла туда же и очень близкая мнѣ молодая женщина.

При свиданіи, я узнала отъ нея о возмутительномъ обращеніи помощника начальника пересыльной тюрьмы. При входѣ въ женскую камеру, онъ требовалъ, чтобы вставали и привѣтствовали его:

— Здравія желаю вашему высокоблагородію!

Когда этого не дѣлали, онъ грубо ругался и даже приставлялъ револьверъ къ груди арестантокъ.

Вернувшись, я разсказала объ этомъ Максимовскому. Онъ не повѣрилъ.

— Это невозможно. Онъ не могъ этого требовать. Эта инструкція къ женщинамъ не примѣняется...

— Однако требовалъ. Это фактъ! Вообще это злой, грубый человѣкъ, не сознающій своихъ поступковъ!

Максимовскій ничего не отвѣтилъ, и я уѣхала, негодуя, что онъ не обратилъ вниманія на такой фактъ.

Оказалось не то.

Когда недѣли черезъ двѣ я опять пріѣхала къ нему по дѣлу, онъ досталъ изъ стола какую-то бумагу и протянулъ мнѣ ее.

— Вотъ отчисленіе помощника московской пересыльной тюрьмы и переводъ его на низшій окладъ во Владимірскую. Я провѣрилъ ваше сообщеніе. Оно оказалось вѣрнымъ.

Я поблагодарила, но выразила сомнѣніе, чтобы во Владимірской тюрьмѣ онъ прекратилъ свои издѣвательства, и замѣтила, что это полумѣра.

— Я знаю свой служебный персоналъ,—сказалъ Максимовскій,—это подѣйствуетъ, тѣмъ болѣе при внушеніи, что, при повтореніи такихъ выходокъ, ему грозитъ отчисленіе отъ должности. Да и что вы хотите? Гдѣ набирать намъ понимающихъ значеніе кары людей? Къ намъ большей частью идутъ военные въ отставкѣ, а для нихъ дисциплина—все! Они и примѣняютъ ее къ заключеннымъ. Къ тому же тюрьма—тюрьма! Надо впередъ знать, что ждетъ за нарушеніе законовъ. Я своего взгляда никогда не измѣню: заключенные—преступники! Они должны нести свою кару! Дѣло суда разбираться, кто въ чемъ виновенъ и назначать наказаніе. Наше дѣло—исполнять распоряженіе суда и не допускать смягченій. Каторга и должна быть каторгой, т.-е. самымъ тяжкимъ изъ наказаній. Кто идетъ на заслуженную имъ каторгу,—не долженъ разсчитывать на нѣжное обращеніе и деликатность. Иначе, гдѣ же была бы кара?

Я возражала: политики переносятъ бодро и гордо свою участь. Они не требуютъ нѣжностей. Но отъ нѣжностей до грубаго насилія—огромная дистанція. Въ тюрьмахъ царитъ грубый произволъ. Заключеннымъ приходится терпѣть то, чего законъ не предписываетъ: избіеніе, лишеніе пищи, брань—обыденныя явленія... Законъ усматриваетъ кару въ лишеніи свободы и тяжеломъ трудѣ.. А гдѣ же этотъ трудъ? Напротивъ, заключенные обречены на полное бездѣлье, что составляетъ тяжкое условіе тюремнаго заключенія. Чѣмъ заключенные заняты? Почему не введены мастерства? Работы на воздухѣ? Какой бы то ни было физическій трудъ или общая гимнастика?

Максимовскій отговаривался неимѣніемъ средствъ. Я воспользовалась этимъ заявленіемъ и попросила разрѣшенія доставить въ тюрьму сапожные, переплетные и столярные инструменты. Онъ тотчасъ же охотно согласился.

— Конечно, конечно. Разъ вы берете на себя этотъ расходъ, я очень радъ. Я самъ давно объ этомъ думалъ, но къ несчастью суммы тюремнаго вѣдомства очень ограничены. А въ принципѣ— я всегда считалъ, что физическій трудъ и поддерживаетъ здоровье заключенныхъ, и даетъ смыслъ ихъ существованію.

Такимъ образомъ я получила разрѣшеніе на введеніе въ тюрьму разнаго мастерства и тотчасъ же принялась за его осуществленіе.

Въ тюрьмѣ, между тѣмъ, ко мнѣ привыкали. Надзиратели звали меня уже по имени и отчеству, сторожъ у воротъ открывалъ ихъ уже безъ всякой процедуры, и я свободно шла въ контору. Работавшіе во дворѣ уголовные снимали при видѣ меня шапки, и я чувствовала, что стала въ тюремной оградѣ своимъ человѣкомъ.

С. А. Савинкова.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Соляное дѣло.

(По документамъ и личнымъ воспоминаніямъ).

Мой отецъ былъ начальникомъ отдѣленія въ нижегородской казенной палатѣ, а я учился въ нижегородской гимназіи въ ту пору, когда весь Нижній, можно сказать, сверху до низу, былъ глубоко взволнованъ громкимъ, на всю Россію нашумѣвшимъ, «солянымъ» дѣломъ. Суть этого дѣла, бывшаго неистощимою темою повсюдныхъ разговоровъ и толковъ, заключалась въ слѣдующемъ.

Въ Нижнемъ съ давняго времени существовали обширные склады казенной соли, изъ которыхъ она и продавалась всѣмъ желающимъ, съ разрѣшенія министерства финансовъ, по установленной цѣнѣ. Для завѣдыванія этимъ дѣломъ сначала было учреждено особое, подчиненное казенной палатѣ, соляное правленіе, преобразованное затѣмъ въ соляное отдѣленіе той же палаты, а ближайшій надзоръ за складами былъ возложенъ на «пристава соляныхъ запасовъ». Запасы эти хранились въ весьма обширныхъ амбарахъ, весьма предусмотрительно построенныхъ на самомъ берегу Оки: предусмотрительно—потому, что Ока и Волга каждый годъ весною широко разливаются, нерѣдко затопляя весь Нижній базаръ, а слѣдовательно—и эти самые амбары, а соль, какъ извѣстно, очень легко растворяется въ водѣ; такимъ образомъ, самое мѣстоположеніе соляныхъ амбаровъ давало полную возможность ежегодно, послѣ открытія навигаціи, списывать со счета болѣе или менѣе значительныя количества соли, якобы утраченной вслѣдствіе «подмокнутія» или «потопія», на самомъ же дѣлѣ заблаговременно вывезенной изъ амбаровъ и проданной купцамъ по сходной цѣнѣ. Такъ и шло это дѣло, Богъ знаетъ, сколько лѣтъ, обильно питая прикосновенныхъ къ нему чиновниковъ и купцовъ, славившихъ память «геніальнаго» строителя амбаровъ. Никакихъ непріятныхъ «осложненій» никогда не бывало,—и вдругъ, въ февралѣ 1867 г., неожиданно все раскрылось и разыгрался всероссійскій скандалъ.

Въ это время нижегородскою казенною палатою управлялъ

(уже много лѣтъ) Вас. Евграф. Вердеревскій, занимавшій въ мѣстномъ обществѣ положеніе авторитетнаго «столпа», человѣкъ съ крупнымъ состояніемъ и не менѣе крупными связями въ высокихъ бюрократическихъ сферахъ. Въ молодости—поэтъ, переводчикъ байроновской «Паризины» (1827) и другихъ стихотвореній, изъ которыхъ одно («Новый Нарциссъ», пер. изъ Панара) приписывалось даже Пушкину, затѣмъ—чиновникъ, быстро достигшій виднаго положенія, умный, ловкій, замѣчательно хорошо образованный, Вердеревскій, по свидѣтельству одного современника, былъ «наилучшимъ образцомъ изящества добраго стараго времени». «Представьте себѣ», говоритъ упомянутый современникъ,—«воплощенную солидность, убѣленную почтенными сѣдинами, громаднѣйшее сознаніе чувства собственнаго достоинства, непоколебимое убѣжденіе въ своей силѣ, вѣскости, умѣ и житейской ловкости, благодушно-снисходительный и въ то же время надменный взглядъ губернскаго сановника; прибавьте къ этому мастерское умѣнье владѣть рѣчью, изящнѣйшія манеры и неодолимое желаніе ловеласовски нравиться и плѣнять собою,—и вы получите приблизительное понятіе о томъ, что такое Василій Евграфовичъ. Домъ его преисполненъ предметами роскоши, изящнаго мастерства и искусства; его поваръ—истинный артистъ; его погребъ полонъ тонкихъ, рѣдкихъ винъ и напитковъ; его гостепріимство, посвященное однимъ только избраннымъ, носитъ на себѣ яркую печать привѣтливаго барства. Каждый день, утромъ и вечеромъ, онъ беретъ ароматическую ванну для укрѣпленія своего старческаго, но изящнаго тѣла; каждый день по четыре раза мѣняетъ свое раздушенное бѣлье и костюмы. Онъ мастерски умѣетъ жить, умѣетъ мастерски пользоваться жизнью и всѣми ея благами и хорошо знаетъ себѣ цѣну»...

Къ этой характеристикѣ современника я могу еще добавить, что Вердеревскій былъ большимъ любителемъ и знатокомъ изящной литературы, въ особенности — французскихъ писателей XVIII вѣка и Вольтера, сочиненія которыхъ, въ превосходныхъ изданіяхъ и не менѣе превосходныхъ переплетахъ, красовались на полкахъ его библіотеки рядомъ съ многочисленными произведеніями старинной эротики. Впослѣдствіи, когда эти книги, волею судьбы, попали въ другія руки, я имѣлъ случай разсматривать нѣкоторыя изъ нихъ. Кромѣ изящной литературы, Вердеревскій живо интересовался и современной публицистикой, особенно статьями по финансовымъ вопросамъ. Ежедневно отмѣчая въ газетахъ разныя статьи и замѣтки, онъ буквально морилъ переписчиковъ казенной палаты, имѣвшихъ несчастіе обладать красивымъ почеркомъ, приказывая имъ приходить по вечерамъ и

сидѣть нерѣдко до поздней ночи за перепиской отмѣченнаго, и притомъ—безъ всякаго за это вознагражденія: мелкіе, безмолвные людишки должны были считать за особенную честь, что удостоивались работать для его превосходительства. Одинъ изъ этихъ подневольныхъ тружениковъ доработался до чахотки, отъ которой вскорѣ и умеръ.

Ранѣе своего назначенія въ Нижній Вердеревскій нѣсколько лѣтъ управлялъ казанскою казенною палатою. Тамъ, по примѣру Чичикова, онъ открылъ себѣ источникъ обильныхъ доходовъ въ «мертвыхъ душахъ», получая изъ государственнаго казначейства пенсіи на имя лицъ, уже давно умершихъ. Въ огромномъ сенатскомъ дѣлѣ о нижегородскомъ хищеніи, съ которымъ я имѣлъ возможность ознакомиться, есть указаніе, что въ пользу этихъ мертвыхъ душъ было перебрано изъ казны за семь или восемь лѣтъ болѣе 82 тысячъ рублей. Но такъ какъ эти переборы начались еще при предшественникѣ Вердеревскаго и такъ какъ, по тогдашнимъ нашимъ порядкамъ, возникшее о нихъ разслѣдованіе затянулось на безконечные годы и къ 1869 году контроль въ своей повѣркѣ документовъ не успѣлъ еще дойти и до 1853 г., то Вердеревскій вышелъ, какъ говорится, сухимъ изъ воды, и даже получилъ отъ министра финансовъ благодарность за образцовое управленіе палатою. Виновниками же обнаруженныхъ злоупотребленій оказались какіе-то мелкіе чинушки губернскаго казначейства, изъ которыхъ большая часть успѣла уже отправиться на тотъ свѣтъ.

Переселившись въ Нижній, Василій Евграфовичъ, какъ опытный администраторъ, уже успѣвшій вполнѣ освоиться съ пріемами объединенія личнаго своего хозяйства съ казеннымъ, сразу оцѣнилъ всѣ выгоды постановки соляного дѣла. Онъ не могъ не знать, что его предшественникъ, вышедшій въ отставку и вкушавшій otium cum dignitate, пріѣхалъ на Волгу человѣкомъ далеко недостаточнымъ, а послѣ 26-лѣтняго управленія казенною палатою купилъ 4.000 душъ крестьянъ. Не могъ онъ также не обратить вниманія и на пристава соляныхъ запасовъ Терскаго, человѣка въ высшей степени услужливаго и всегда готоваго, что называется, въ нитку вытянуться, лишь бы угодить начальству. Этотъ маленькій чиновничекъ, получавшій всего 400 руб. въ годъ жалованья, имѣлъ прекрасный собственный домикъ, держалъ цѣлый штатъ прислуги и отличался большимъ хлѣбосольствомъ, а также необыкновенною любезностью и предупредительностью. Онъ съ утра до вечера бѣгалъ по всему городу, а нерѣдко уѣзжалъ и въ разные уѣзды, исполняя всевозможныя порученія. У купцовъ онъ былъ любимымъ гостемъ и собутыльникомъ, а «чиновные и должност-

ные» были ему «всѣ друзья и всѣ родные», и всѣ, кто больше, кто меньше, отъ него зависѣли и въ немъ нуждались. Понадобится ли кому достать денегъ взаймы, купить или промѣнять лошадей, найти квартиру, прислугу и т. д.,—всѣ знали, что стоитъ только попросить Владиміра Герасимовича, и все будетъ устроено и хорошо, и дешево, а иногда и совсѣмъ задаромъ. Часто Терскій даже и не дожидался, пока его попросятъ, а самъ предупреждалъ просьбу предложеніемъ. «А что, матушка Огрофена Васильевна, не пора ли дернуть вамъ пятеричекъ дровецъ?» справлялся онъ, напримѣръ, у моей матери,—и «дергалъ», и денегъ не бралъ: «Ну, что тамъ о пустякахъ разговаривать? Сочтемся». А у чиновника онъ освѣдомлялся, на своемъ выразительномъ нарѣчіи, нѣтъ ли какихъ прорѣхъ, которыя надо залѣпить пластыремъ? И когда на вопросъ отвѣчали утвердительно, добывалъ подходящій «пластырь», т.-е. деньги. Дрова, разумѣется, были казенныя, да и «пластырь», въ сущности, тоже. Понятно, что такой «Ванька-фактотумъ», притомъ въ совершенствѣ знавшій всѣ тонкости соляного дѣла, оказался находкой для своего новаго начальника, которому сталъ служить съ такимъ же усердіемъ, какъ и его предшественнику,—не забывая, конечно, и самого себя,

Съ помощью Владиміра Герасимовича Вердеревскій быстро освоился съ практикою пріобрѣтенія «соляныхъ» капиталовъ и широко развилъ свои коммерческія операціи. Въ Балахнѣ у него оказался лѣсопильный заводъ и мукомольная мельница подъ фирмою его родственника, генерала Анненкова; на Волгѣ онъ заарендовалъ два или три буксирныхъ парохода; въ самомъ Нижнемъ купилъ, на одной изъ лучшихъ улицъ, отличный домъ Шереметева, который заново и великолѣпно отдѣлалъ; для своей любовницы, Машеньки Бурцовой, купилъ за 10.000 руб. хорошій домъ на краю города, а когда она ему надоѣла, потому что была почти всегда пьяна, то отставилъ ее, далъ ей отступного и сошелся съ своей прачкой Варварой, для которой купилъ мѣсто и выстроилъ домъ уже ближе къ центру города, стоившій 15.000 руб. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ Вердеревскаго Терскій являлся неизмѣннымъ его повѣреннымъ и, такъ сказать, старшимъ приказчикомъ: постоянно ѣздилъ съ его порученіями то въ Балахну, то въ Москву, то еще куда-нибудь, присматривалъ за домами, расплачивался съ кредиторами и т. д. Въ домѣ Вердеревскаго обязанности швейцара, дворниковъ и другой домашней прислуги исполнялись палатскими сторожами; они же оклеивали обоями квартиры Машеньки и Вареньки, и все это—не столько за плату, сколько «изъ чести» служить генералу и изъ страха быть выгнанными изъ палаты. Пароходное дѣло Вердеревскій передалъ въ

завѣдываніе своего младшаго брата Алексѣя, человѣка тоже въ своемъ родѣ замѣчательнаго. Онъ служилъ въ интендантствѣ и во время Крымской кампаніи проворовался на хлѣбѣ (что впослѣдствіи, когда старшій братъ проворовался на соли, дало поводъ нижегородскимъ острякамъ называть обоихъ Вердеревскихъ «хлѣбосолами»). За свои операціи съ казеннымъ хлѣбомъ Алексѣй Вердеревскій былъ разжалованъ по суду въ солдаты, но успѣлъ сохранить пріобрѣтенный капиталъ, а затѣмъ, по ходатайству брата и во вниманіе къ заслугамъ послѣдняго, былъ переведенъ рядовымъ въ инвалидную команду ближайшаго къ Нижнему уѣзднаго городишка. Въ городишкѣ этомъ онъ, однако, вовсе и не показывался, а жилъ постоянно въ Нижнемъ и носилъ не солдатскій мундиръ, а изящнѣйшіе шармеровскіе фраки, катался въ собственной вѣнской коляскѣ, былъ принятъ въ «лучшихъ» домахъ и даже состоялъ членомъ коммерческаго клуба, куда былъ предложенъ самимъ полицмейстеромъ и выбранъ почти единогласно, велъ крупную игру и вообще держалъ себя, какъ ни въ чемъ не бывало.

Для характеристики обоихъ братьевъ, да и вообще—нравовъ и понятій того времени, очень любопытно письмо Вердеревскаго старшаго къ одному пріятелю въ Екатеринбургъ, найденное при обыскѣ и пріобщенное къ «соляному» дѣлу. Выписываю его дословно:

«Обращаюсь къ вамъ, любезнѣйшій Николай Андреевичъ, съ убѣдительнѣйшей просьбой не отказать моему брату въ вашемъ добромъ расположеніи. У васъ, вѣроятно, случается игра въ Екатеринбургѣ. Возьмите брата къ себѣ въ долю и помогите ему въ крайней его нуждѣ. Для перваго начала посылаю вамъ на его пай 300 руб. Распорядитесь этою небольшою суммою по вашему усмотрѣнію, включивъ ее въ число 1.000 руб., которые предназначите для игры. Я увѣренъ, что Богъ пошлетъ вамъ успѣхъ и удачу, потому что Онъ всегда благословляетъ доброе дѣло».

Когда въ слѣдственной комиссіи Вердеревскому предъявили это письмо и спросили, не занимался ли онъ, между прочимъ, и картежнымъ шулерствомъ, а также—почему онъ призывалъ благословеніе Божіе на карточную игру, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ называться богоугоднымъ дѣломъ, почтенный старецъ пришелъ въ негодованіе и сказалъ, что комиссія можетъ его судить, но не смѣетъ оскорблять такими позорными вопросами.

А въ Нижнемъ ни для кого не было тайной, что высокоуважаемый Василій Евграфовичъ, вмѣстѣ съ полицмейстеромъ, въ одну счастливую для нихъ ночь выиграли у нѣкоего интендантскаго офицера 40.000 руб. казенныхъ денегъ.

Офицеръ былъ отданъ подъ судъ, а удачливые игроки, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжали свою высокополезную дѣятельность, и представители губернской аристократіи считали не только за большое удовольствіе, но и за большую честь водить съ ними хлѣбъ-соль,—совсѣмъ такъ же, какъ носились и съ Чичиковымъ, пока онъ не очутился въ острогѣ.

Дочь В. Е. Вердеревскаго была замужемъ за милліонеромъ Шиловскимъ (отцомъ извѣстнаго впослѣдствіи артиста Московскаго Малаго театра). Получивъ, по смерти мужа, крупное наслѣдство, она вторично вышла замужъ—за Бѣгичева и вскорѣ опять овдовѣла. У нея были, между прочимъ, соляныя варницы въ Балахнѣ, и Вердеревскій пользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы продавать казенную соль подъ видомъ балахнинской. Впрочемъ, случаи такой продажи бывали сравнительно не часто; обыкновенно же дѣло устраивалось проще: желающіе купить соль обращались къ Терскому, онъ назначалъ, по соглашенію съ своимъ патрономъ, цѣну нѣсколькими копѣйками съ пуда ниже казенной, торговался и затѣмъ, сладивъ сдѣлку, приказывалъ амбарнымъ сторожамъ отпустить такому-то столько-то тысячъ пудовъ. Эти приказы давались не въ предписанной закономъ формѣ и не на бланкахъ палаты, а простыми записочками на клочкахъ бумаги, иногда даже карандашемъ, а нерѣдко—и на словахъ. Сторожа, разумѣется, не смѣли не послушаться своего начальника, который ссылался еще и на приказаніе самого управляющаго палатою, да притомъ получали отъ покупателей еще нѣкоторыя даянія и угощеніе натурой, послѣднее всегда очень щедро, «до ризоположенія», чтобы они не въ состояніи были повѣрять, то ли именно количество соли вывезено изъ амбаровъ, какое было разрѣшено къ вывозу (а вывозилось всегда гораздо больше: тутъ ужъ купцы надували «Герасимыча»). Чиновники казенной палаты, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за отчетностью по расходованію казенной соли и провѣрка ея наличности, относились къ этому дѣлу вполнѣ благодушно: въ соляные амбары, находившіеся отъ палаты на разстояніи трехъ-четырехъ верстъ, никогда и не заглядывали, и ежемѣсячно подписывали удостовѣренія, гласившія, что «по тщательномъ осмотрѣ сей соли по каждому магазину признаковъ похищенія или необыкновенной осадки, возбуждающей сомнѣніе въ ея цѣлости, никакихъ не предвидится». Это являлось, по ихъ понятіямъ, не больше, какъ пустою канцелярскою формальностью, при исполненіи которой не считалось даже нужнымъ придерживаться указанныхъ въ законѣ формъ. Въ оправданіе свое они потомъ говорили, что вполнѣ вѣрили добросовѣстности Терскаго. Да и можно ли было выказать недовѣріе къ милому, уго-

дливому Владиміру Герасимовичу, который всѣмъ былъ такъ полезенъ своимъ чудотворнымъ «пластыремъ»? Впрочемъ, нельзя не сказать, что даже и въ случаѣ настоящей, добросовѣстной ревизіи перевѣшать всю соль, сложенную въ 120-ти амбарахъ, было бы крайне затруднительно, а при опредѣленіи количества на глазъ легко было ошибиться на много тысячъ пудовъ. Самъ Терскій впослѣдствіи показывалъ, что онъ, при своемъ назначеніи на должность соляного пристава, въ 1855 г., по приказанію тогдашняго управляющаго палатою принялъ отъ своего предшественника Бѣлокрыльцева шесть милліоновъ пудовъ соли безъ всякаго перевѣса и перемѣра, въ теченіе всего двухъ часовъ, при чемъ за такую упрощенную передачу амбаровъ Бѣлокрыльцевъ заплатилъ управляющему 50.000 руб. (сколько досталось самому Терскому,— объ этомъ онъ, по скромности, умолчалъ). Если въ каждомъ амбарѣ недоставало всего только 5.000 пудовъ,—чего, по словамъ Терскаго, замѣтить было никакъ невозможно,—то недохватка въ 120-ти амбарахъ могла составлять 600.000 пудовъ.

Такимъ образомъ, пословица «рука руку моетъ» находила себѣ самое широкое примѣненіе. Все шло благополучно, и «хозяйственный» способъ распродажи казеннаго добра давалъ блестящіе финансовые результаты. Для того, чтобы Терскій, по необходимости слишкомъ близко посвященный во всѣ эти операціи, какъ-нибудь не «зазнался» и не вышелъ изъ повиновенія, Вердеревскій сочинилъ и велѣлъ переписать на бланкѣ, добытомъ изъ канцеляріи министра финансовъ, письмо на свое имя, будто бы отъ директора этой канцеляріи, гдѣ было сказано, что до министра доходили въ разное время слухи о неблаговидныхъ поступкахъ пристава Терскаго, который, однако, былъ оставленъ на службѣ только благодаря заступничеству за него со стороны Вердеревскаго и подъ личною отвѣтственностью послѣдняго; нынѣ же министръ, получивъ отъ заслуживающаго довѣрія лица секретную записку о злоупотребленіяхъ Терскаго, предлагаетъ управляющему казенною палатою усугубить за нимъ надзоръ безъ малѣйшаго послабленія и немедленно удалить его отъ должности и службы, если объясненныя въ запискѣ нареканія окажутся справедливыми. Кромѣ этого письма, Вердеревскій, нѣкоторое время спустя, изготовилъ и другое, въ которомъ директоръ канцеляріи министра финансовъ уже прямо объявлялъ ему волю министра о немедленномъ удаленіи Терскаго, который, по полученнымъ, будто бы, министромъ свѣдѣніямъ, «во зло употребилъ вашу къ нему довѣренность и снисхожденіе». Показавъ своему подчиненному сначала первое, а потомъ и второе изъ этихъ писемъ, начальникъ убѣдилъ его,

что онъ, Терскій, живетъ и дышитъ исключительно по неизреченной милости Вердеревскаго, а потому и долженъ во всемъ безпрекословно ему повиноваться. Такимъ образомъ, съ помощью ловкаго подлога, Терскій былъ совершенно порабощенъ и не только не осмѣливался предъявлять какихъ-либо «лишнихъ» требованій, но вполнѣ довольствовался тѣми крупицами, какія перепадали ему отъ обильной соляной трапезы всемогущаго патрона, и распинался за него, гдѣ и какъ только могъ.

И вдругъ этому благополучію насталъ конецъ.

Послѣ введенія акциза на соль дальнѣйшее сохраненіе казенныхъ ея запасовъ оказалось уже ненужнымъ, и министерство финансовъ предписало нижегородской казенной палатѣ озаботиться скорѣйшею распродажею наличнаго количества соли всѣмъ желающимъ по пониженной цѣнѣ и съ разсрочкою платежей на цѣлый годъ. Предписать-то было легко, а исполнить предписаніе—мудрено, потому что «наличное количество», опредѣлявшееся по счетамъ и отчетамъ въ полтора милліона пудовъ, на самомъ дѣлѣ сводилось всего къ нѣсколькимъ тысячамъ. Тѣмъ не менѣе, Вердеревскій, какъ ни въ чемъ не бывало, сдѣлалъ вызовъ покупателей и произвелъ между ними, послѣ торговъ, разверстку купленной соли, разсчитывая, что, пока тянется вся эта сложная канцелярская процедура съ залогами да пересчетами, Волга успѣетъ вскрыться, и на выручку явится спасительное «затонутіе». Но онъ плохо разсчиталъ время или въ чемъ-то не поладилъ съ однимъ изъ покупателей, городскимъ головой Губинымъ, на долю котораго по разверсткѣ причиталось 200.000 пудовъ соли. Губинъ внесъ полностью всѣ слѣдовавшія за эту соль деньги и уже въ началѣ февраля 1867 г. сталъ требовать немедленнаго отпуска товара. Терскій старался оттянуть дѣло и подъ разными предлогами, то за болѣзнью, то за недосугомъ и т. п., отказывался исполнить требованіе Губина; Вердеревскій же, съ своей стороны, ограничивался только обѣщаніями ускорить выдачу соли, но обѣщаній этихъ не исполнялъ. Тогда Губинъ пошелъ къ губернатору и заявилъ ему, что «въ городѣ всѣ говорятъ», что соляные амбары пусты, и что если губернаторъ не настоитъ на ихъ немедленномъ освидѣтельствованіи, то онъ, Губинъ, сейчасъ же донесетъ обо всемъ министру финансовъ. Губернаторъ, добродушный генералъ Одинцовъ, котораго даже гимназисты нисколько не боялись и называли «бабушкой», совершенно растерялся. До него и раньше доходили кое-какіе слухи о томъ, что по соляной части не все благополучно, но онъ успокаивался увѣреніями Вердеревскаго и другихъ близкихъ лицъ, что все это—только городскія сплетни и больше ничего. Теперь же, послѣ

угрозы Губина, котораго нельзя было заставить молчать, ничего другого не оставалось, какъ сообщить о ней Вердеревскому и просить его произвести скорѣе освидѣтельствованіе соляныхъ магазиновъ. Наканунѣ этого рокового дня (8 февраля 1867 г.) Вердеревскій спѣшно отослалъ Терскаго въ Москву, въ сопровожденіи своего камердинера, съ какимъ-то личнымъ порученіемъ: вѣроятно, онъ уже имѣлъ основаніе подозрѣвать, что если нагрянетъ бѣда, то преданный «Ванька-фактотумъ», хранитель самыхъ интимныхъ его тайнъ, не задумается, спасая себя, утопить своего «хозяина».

Но и Терскій, видимо, уже чуялъ недоброе. Уѣзжая въ Москву, онъ послалъ двумъ своимъ сестрамъ письмо, кончавшееся фразою: «Прощайте, мои друзья, я любилъ васъ душевно». Эти слова, въ которыхъ слышался, какъ будто, намекъ на возможность самоубійства, сильно встревожили сестеръ и жену Терскаго; послѣдняя побѣжала къ Вердеревскому—узнать, куда и зачѣмъ уѣхалъ ея мужъ. Вердеревскій, не менѣе встревоженный, въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ къ Терскимъ и заявилъ, что ему необходимо осмотрѣть бумаги Владиміра Герасимовича, среди которыхъ должны находиться казенные документы. Въ присутствіи жены Терскаго онъ отперъ его письменный столъ, сталъ разбирать и отбирать коекакія бумаги—и вдругъ нашелъ запечатанный пакетъ, съ надписью: «Секретно», на имя жандармскаго полковника Коптева. Въ сильномъ волненіи, не обращая вниманія на протесты г-жи Терской, онъ сломалъ печать, вынулъ бумагу, быстро прочелъ ее и дрожащею рукою сталъ засовывать себѣ въ карманъ. Терская хотѣла помѣшать ему и схватила его за руку, но онъ, разорвавъ бумагу въ клочки, зажалъ ихъ въ кулакахъ, стараясь вырваться. Началась борьба; Терская закричала: «Рветъ, рветъ, грабитъ!» На крикъ сбѣжались домашніе, повалили Вердеревскаго на диванъ и стали отнимать у него разорванные клочки, которые онъ судорожно сжималъ въ рукахъ. При этомъ старуха-нянька, чтобы заставить его разжать кулаки, стала кусать ему пальцы. Впослѣдствіи, при допросѣ объ этомъ происшествіи, когда у слѣдователя возникло сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли нянька кусалась, такъ какъ на рукахъ Вердеревскаго не оказалось никакихъ слѣдовъ, она сказала, что кусала «легонько», и пренаивно объяснила: «Я не знала, можно ли еще генерала кусать; а кабы знала, что это нужно для прилики, я бы ему всю руку искусала!»

Обезсиленный борьбою, Вердеревскій, наконецъ, сказалъ: «Пустите, отдамъ!»—но сталъ просить Терскую никому не показывать эти клочки, такъ какъ иначе она погубитъ и своего мужа. Клочки, однако, были переданы Коптеву и оказались—доносомъ на Вердеревскаго, съ подробнымъ перечисленіемъ

всѣхъ суммъ, вырученныхъ отъ незаконной продажи казенной соли и разновременно переданныхъ Терскимъ своему начальнику, и съ указаніемъ, на какія именно надобности послѣднимъ были эти деньги израсходованы. Въ этомъ перечнѣ значились: дома Машеньки и Вареньки, покупка и ремонтъ собственнаго дома Вердеревскаго, устройство въ Балахнѣ соляныхъ варницъ подъ фирмою генерала Анненкова, мукомольная мельница, лѣсопильный заводъ, пароходы и пр. Чистосердечно признавая вину свою и подробно раскрывая всю организацію расхищенія казеннаго добра, Терскій заявлялъ, что онъ, какъ незначительный чиновникъ, вполнѣ зависѣвшій отъ службы и отъ произвола начальника, вслѣдствіе непреоборимой силы не могъ не склониться на требованія Вердеревскаго и передалъ ему «соляныхъ» денегъ не менѣе 210.000 руб., самъ же получалъ за свои труды очень немного,—когда тысячу, когда двѣ, когда три...

На другой день послѣ описаннаго случая, 9 февраля, Вердеревскій офиціально предложилъ моему отцу, занимавшему въ то время должность начальника ревизскаго отдѣленія казенной палаты, произвести освидѣтельствованіе соляныхъ магазиновъ. По перевѣсу соли оказалось всего 5.416 пудовъ, а остальное, значившееся по книгамъ, количество, свыше полутора милліона пудовъ,—«въ неявкѣ». Полетѣли телеграммы министру финансовъ, которымъ сейчасъ же была назначена особая слѣдственная комиссія; Вердеревскій былъ уволенъ отъ службы и подвергнутъ домашнему аресту, а Терскій, вернувшійся изъ Москвы, посаженъ въ острогъ.

Нечего и говорить о томъ, какой страшный переполохъ вызвало въ Нижнемъ это чрезвычайное событіе, о которомъ сейчасъ же появились сообщенія въ столичной печати. Извѣстный романистъ Всеволодъ Крестовскій, случайно какъ разъ въ эту пору бывшій въ Нижнемъ, наскоро написалъ и затѣмъ напечаталъ въ «*Отечественныхъ Запискахъ*» (1867, №№ 5 и 6) небольшой очеркъ подъ заглавіемъ: «Сольгородъ», въ которомъ, подъ весьма прозрачными псевдонимами, изображены братья Вердеревскіе, бывшій управляющій казенною палатою Прутченко, начальникъ соляного отдѣленія Мессингъ, соляной приставъ Бѣлокрыльцевъ, полицмейстеръ Лаппа-Старженецкій, генералъ-губернаторъ Огаревъ и другіе тогдашніе нижегородскіе дѣятели, и по свѣжимъ слѣдамъ переданы городскіе толки, вызванные всероссійскимъ скандаломъ. «Вѣдь, вотъ, какой подлецъ», говорили про Крестовскаго возмущенные «столпы общества»,—«былъ принятъ у насъ, какъ порядочный человѣкъ, пилъ-ѣлъ съ нами, а потомъ взялъ, да всѣмъ и напакостилъ». Книжки журнала съ злополучными статьями Кре-

стовскаго немедленно исчезли изъ общественной библіотеки и изъ клубовъ, но въ Нижнемъ было десятка полтора подписчиковъ, противъ которыхъ не успѣли принять мѣръ,—и книжки пошли гулять по городу. «Сольгородъ» прочитали всѣ, отъ мала до велика, и чуть не выучили наизусть...

Живо написанный очеркъ въ общемъ очень вѣрно передаетъ тогдашнее нижегородское настроеніе и въ особенности—общую растерянность, отъ которой нижегородцы долго не могли притти въ себя. Большинство просто не вѣрило въ возможность какихъ-нибудь серьезныхъ послѣдствій соляной исторіи для ея главнаго дѣятеля и вдохновителя: «помилуйте, можно ли тронуть такую особу?» Повидимому, крѣпко надѣялся на себя и на свои связи и самъ Вердеревскій: въ слѣдственной комиссіи онъ держалъ себя заносчиво, сваливая всю вину на Терскаго и на чиновниковъ палаты, которые небрежно относились къ своимъ ревизіоннымъ обязанностямъ, и рѣшительно отрицалъ свое участіе въ незаконныхъ операціяхъ съ солью. Да и сама комиссія, далеко еще не увѣренная въ успѣшномъ разслѣдованіи дѣла, которое всѣ прикосновенныя къ нему лица, конечно, всячески старались запутывать, относилась къ Вердеревскому съ полною почтительностью. Въ первое время власти чувствовали даже большое смущеніе и недоумѣвали, имѣютъ ли онѣ право на «подвергнутіе» столь высокой особы хотя бы и домашнему аресту; когда же распоряженіе объ этомъ было прислано изъ подлежащаго мѣста, тогда распорядились поставить къ крыльцу Вердеревскаго полицейскаго солдата,—якобы для пущаго почета, а въ прихожую посадили квартальнаго...

Между прочимъ, Крестовскій разсказываетъ случай, о которомъ и я въ свое время слышалъ, такъ какъ онъ разыгрался на глазахъ цѣлой толпы:

«У подъѣзда ожидалъ экипажъ, въ которомъ соляной столпъ долженъ былъ отправиться въ засѣданіе слѣдственной комиссіи. Выходитъ столпъ, поддерживаемый подъ руку гайдукомъ-лакеемъ, въ сопровожденіи приставленнаго квартальнаго, и садится въ свой экипажъ. Квартальный занесъ-было ногу туда же, но столпъ строго и выразительно говоритъ ему:

«Пошелъ вонъ, братецъ. Ты забываешься. Куда ты лѣзешь?»

— Помилуйте, ваше пр-во, нельзя-съ... Законъ... Обязанность моя...

И вмѣстѣ съ этими словами снова ставитъ ступню на подножку; но не успѣлъ исполнить даже и этого маневра, какъ особа самолично удостоила пихнуть его кулакомъ въ грудь и крикнула

кучеру: «Пошелъ». Лошади рванулись, а полицейскій приставникъ полетѣлъ въ грязь.

«Говорятъ, будто было очень смѣшно видѣть, какъ несчастный, ушибленный и весь перепачканный уличною слякотью, подобравъ полы шинелишки, пустился крупною рысью въ догонку за своимъ превосходительнымъ арестантомъ, пока-то, наконецъ, не выручилъ его первый попавшійся извозчикъ. Но клячонкѣ не угнаться за породистыми рысаками, и потому приставленный стражъ прибылъ въ комиссію гораздо позднѣе почетнаго арестанта. Принесъ, конечно, жалобу; но... будь это не соляной столпъ, а простой смертный,—подобный поступокъ, на основаніи закона, былъ бы сочтенъ за покушеніе къ побѣгу изъ-подъ ареста, сопряженное съ явно насильственнымъ образомъ дѣйствій, и судился бы, какъ отдѣльное и весьма нешуточное уголовное преступленіе; а въ данномъ случаѣ попросили только его превосходительство впередъ, по возможности, избѣгать такихъ рѣзкихъ и притомъ—публичныхъ демонстрацій, а квартальному подлежащее начальство даже задало порядочную гонку, за то, что позволилъ себѣ дерзкое, оскорбительное обращеніе съ высокимъ плѣнникомъ: какъ будто не могъ, невѣжа, сразу сѣсть на извозчика!—и посовѣтовало даже попросить, нижайше и немедленно же, прощенія у его превосходительства. Его превосходительство, кажется, всемилостиво снизошелъ на просьбу и удостоилъ простить»...

Дѣло быстро двинулось впередъ только благодаря энергіи и настойчивости судебнаго слѣдователя Анненкова (сынъ извѣстнаго декабриста Ивана Александровича, бывшаго въ Нижнемъ первымъ предсѣдателемъ губернской земской управы). Анненковъ успѣлъ по горячимъ слѣдамъ собрать подавляющія улики и поставить комиссію на такой путь, съ котораго уже не было возможности повернуть назадъ. Напрасно Вердеревскій пытался подорвать довѣріе къ слѣдователю, обвиняя его въ злобномъ пристрастіи и намекая, что сынъ декабриста пытается погубить представителя высшей администраціи; добытыя Анненковымъ документальныя данныя, а также показанія множества привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, имѣли такую доказательную силу, противъ которой Вердеревскій не могъ выставить ничего, кромѣ голословнаго отрицанія. Особенно печальное для него значеніе имѣли найденныя въ его бумагахъ подложныя письма отъ имени директора канцеляріи министра финансовъ, которыми онъ запугивалъ Терскаго. Для выясненія этого обстоятельства оба обвиняемые были вытребованы въ Петербургъ. Здѣсь Вердеревскій сначала клялся и божился, что письма—подлинныя, но затѣмъ, уличенный самимъ предполагаемымъ ихъ авторомъ, долженъ былъ сознаться въ под-

логѣ и сказалъ, что онъ прибѣгъ къ этому средству для того, чтобы держать Терскаго въ полномъ повиновенiи. По возвращенiи въ Нижнiй Вердеревскаго посадили уже въ острогъ, откуда онъ и не выходилъ до самаго окончанiя дѣла.

Интересно здѣсь отмѣтить, что въ Нижнемъ находились въ то время люди, считавшiеся и просвѣщенными, и даже очень либеральными, которые громко осуждали Анненкова за то, что онъ, человѣкъ порядочный и притомъ—состоятельный, взялъ на себя такую «подлую, сыщицкую» должность, какъ должность судебнаго слѣдователя, и способствуетъ обвиненiю Вердеревскаго... Уже изъ одного этого можно догадываться, какую тяжелую борьбу пришлось вынести слѣдователю, чтобы добиться раскрытiя хоть нѣкоторой доли правды: обо всей правдѣ, разумѣется, наивно было бы и мечтать,—ея такъ никогда и не узнали.

Дѣло затягивалось, разросталось до размѣровъ неимовѣрныхъ: слѣдственное производство комиссiи, переданное въ пятый департаментъ сената, который долженъ былъ судить обвиняемыхъ въ качествѣ первой инстанцiи, превысило 10.000 листовъ!...

Составленная на основанiи этого огромнаго матерiала записка, обнимающая 350 печатныхъ страницъ листового формата, читается совсѣмъ какъ романъ, полный всевозможныхъ невѣроятностей, которыя, однако, оказываются несомнѣнными фактами. Въ особенности любопытны, съ бытовой точки зрѣнiя, показанiя привлеченныхъ къ дѣлу купцовъ, бывшихъ покупателями казенной соли. Главный изъ нихъ, Стрижевъ, далъ слѣдующiя объясненiя (выписываю дословно):

«Когда узнали, что соли въ казенныхъ магазинахъ не оказалось, пошелъ великiй страхъ по городу: комиссiя наѣхала, на базарѣ всякiе слухи ходятъ, а нашъ братъ какой человѣкъ? что въ уши трубятъ, тому и вѣришь. Видимъ, вельможу-то нашего къ отвѣту тянутъ, а намъ, маленькимъ людишкамъ, чего ждать? Смерти! Тутъ лавку мою и запечатали. Напалъ на меня отъ этого самаго такой трусъ, что не только днемъ, а и ночью-то, среди сна, вскочишь, да думаешь: живъ ли? Такъ не въ своемъ умѣ отъ этихъ слуховъ да разговоровъ и бродишь...

«По чистой совѣсти говорю, что не сознавалъ. Если бы я былъ изъ старыхъ торговцевъ солью, то мнѣ были бы извѣстны всѣ порядки, а я—человѣкъ новый, до сего ничѣмъ не торговалъ, сталъ же торговать солью лѣтъ пять или шесть назадъ; прежде занимался Божьими дѣлами—храмы украшалъ, по иконостасной, значитъ, работѣ, и жилъ въ деревнѣ; потомъ переѣхалъ въ городъ, и попутало меня въ торговлю пуститься, соль продавать. Не зная порядковъ, какъ мнѣ было не повѣрить внушенiямъ

Терскаго и Вердеревскаго, когда они говорятъ: у насъ продается хозяйственная соль, купи, братецъ,—намъ-де разрѣшило начальство! У меня и въ мысляхъ не было, что они подвохи строятъ, въ свой карманъ деньги кладутъ. Вѣдь къ Терскому, что на биржу, мы ходили: у него я видѣлъ и Блинова, и Буянова, и Бугрова, и другихъ; [1]) дѣло велось въявѣ,—барки по цѣлымъ мѣсяцамъ стояли у казенныхъ магазиновъ да грузились солью. Какое же тутъ для нашего брата, маленькаго человѣка, можетъ быть сомнѣніе, когда съ одной стороны сами начальства соль продаютъ, а съ другой—наши первые люди около нихъ льнутъ? Кабы нашелся кто добрый человѣкъ, да вразумилъ меня, что это—казну обкрадываютъ, къ отвѣту за то потребуютъ, такъ нешто я лиха себѣ желаю, чтобы пуститься на такое дѣло?»

Другой покупатель, первостатейный нижегородскій купецъ, милліонеръ Блиновъ, также говорилъ, что Терскій велъ торговлю солью совершенно открыто: «приходишь къ нему на квартеру, застаешь тамъ много разнаго народу и торгуешься, какъ слѣдуетъ, а не тайно, и изъ запасовъ не въ ночное время, а днемъ, на глазахъ всего народа, соль то и дѣло везется на многихъ подводахъ а также сплавляется водянымъ путемъ на судахъ. А у Вердеревскаго—генеральскій чинъ, двѣ звѣзды, великолѣпная квартера, всеобщее уваженіе общества; могъ ли я, человѣкъ необразованный, какъ есть мужикъ, привыкшій, по завѣщанію родителей, съ дѣтскаго возраста благоговѣть передъ высокопоставленными лицами, дозволить себѣ тѣнь сомнѣнія, чтобы Терскій, служащій подъ властью всѣми уважаемаго начальника, сталъ распродавать соль незаконнымъ образомъ?»

Въ дѣйствительности, конечно, купцы вовсе не были такими простачками, какими старались себя представить передъ судомъ. Они прекрасно знали, что при законной продажѣ и покупкѣ казенной соли должны быть соблюдаемы требуемыя закономъ формальности. Мало того: по пословицѣ: «воръ у вора дубинку укралъ», получая изъ магазиновъ, по запискамъ или даже иногда по словеснымъ распоряженіямъ Терскаго, условленное съ нимъ количество соли, они давали взятки сторожамъ, поили ихъ водкой до безчувствія и вывозили гораздо больше, чѣмъ было куплено; а затѣмъ, продавая эту соль, поднимали цѣну болѣе, чѣмъ вдвое, такъ что во всей губерніи фунтъ соли въ розничной торговлѣ сталъ

---

[1]) Въ сочиненной тогда въ Нижнемъ пѣснѣ говорилось, что

Тароватые купцы,
Толстосумы-молодцы,
Тотчасъ къ Терскому въ квартеру,
Пили хересъ и мадеру...

уже доходить до 3 копѣекъ, между тѣмъ какъ прежде она продавалась по $1^1/_4$ и $1^1/_2$ коп. Недаромъ же такъ быстро богатѣли всѣ эти знаменитые нижегородскіе «воротилы» и «щедрые благотворители». Увидѣвъ, что дѣло принимаетъ для нихъ скверный оборотъ, они подали на Высочайшее имя прошеніе объ избавленіи ихъ отъ слѣдствія и суда, выражая готовность, съ своей стороны, уплатить въ казну въ теченіе трехъ лѣтъ 380.000 р. Но имп. Александръ II повелѣлъ оставить эту просьбу безъ послѣдствій.

Изъ другихъ эпизодовъ слѣдствія нельзя не остановиться еще на одномъ характерномъ обстоятельствѣ. Комиссія, усмотрѣвъ изъ показаній Терскаго, что Вердеревскій тратилъ выручаемыя за соль деньги, между прочимъ, на содержаніе любовницъ и на покупку и постройку для нихъ домовъ, нашла въ этомъ показаніи обвиненіе Вердеревскаго въ «явномъ прелюбодѣйствѣ» и потому признала необходимымъ произвести по этому предмету особое разслѣдованіе. Обѣ указанныя Терскимъ дамы—мѣщанка Марья Бурцова, по мужу Скороспѣлова, и бывшая прачка Вердеревскаго Варвара Ипатова, разумѣется, показали, что ни въ какихъ особыхъ отношеніяхъ съ генераломъ онѣ не состояли, а дома пріобрѣли на собственныя средства. При этомъ Варвара объяснила, что такъ какъ она жила у генерала въ прачкахъ нѣсколько лѣтъ, и генералъ всегда были къ ней очень добры, то, купивъ себѣ мѣсто и желая построить домъ, она и рѣшилась обратиться къ Вердеревскому съ просьбою помочь ей совѣтомъ въ ея неопытности; а «они» поручили это дѣло Терскому, рекомендовали хорошаго архитектора, «и даже настоль были добры», что иной разъ и сами навѣдывались на постройку. Между прочимъ, у этой дамы оказалось двое дѣтей, прижитыхъ, по ея показанію, отъ неизвѣстныхъ ей лицъ.

Рядомъ съ солянымъ дѣломъ, одновременно съ нимъ и въ тѣсной съ нимъ связи, возникло и другое дѣло—желѣзное.

Вслѣдствіе усиленной распродажи казенной соли Вердеревскій предвидѣлъ скорое оскудѣніе соляныхъ магазиновъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и уничтоженіе обильнаго источника своихъ негласныхъ доходовъ. Пора было подумать о томъ, какъ бы замѣнить соль другимъ казеннымъ матеріаломъ, который могъ бы также оказаться удобной доходной статьей. Онъ обратилъ вниманіе на желѣзо, которое привозилось на нижегородскую ярмарку съ казенныхъ Уральскихъ заводовъ и продавалось чиновниками горнаго департамента (входившаго въ ту пору въ составъ министерства финансовъ). Съ помощью своего благопріятеля, вице-директора этого департамента, и, конечно, не безъ «комиссіонныхъ» расходовъ, Вердеревскому удалось добиться того, что эта

операція съ казеннымъ желѣзомъ была передана въ вѣдѣніе казенной палаты. На ярмарку 1866 г. было привезено 69 слишкомъ тысячъ пудовъ желѣза, храненіе котораго было поручено, конечно, все тому же Терскому. Извѣстный уже намъ «новый человѣкъ» Стрижевъ вызвался купить весь этотъ запасъ полностью за 122.242 руб. и въ началѣ 1867 г. внесъ эту сумму Терскому. Что съ нею затѣмъ случилось, въ точности такъ и осталось невыясненнымъ: Вердеревскій увѣрялъ, что Терскій передалъ ему только 65.900 руб., а Терскій, въ свою очередь, клялся, что отдалъ и остальныя деньги. Какъ бы то ни было, эти «остальныя» въ свое время въ казну не попали.

Точно такъ же невыясненнымъ осталось, куда дѣвались 12 банковыхъ билетовъ на общую сумму 28.000 руб., принадлежавшихъ малолѣтнимъ внукамъ Вердеревскаго, Шиловскимъ, и переданныхъ ему ихъ матерью въ видѣ залога за будто бы купленную ею казенную соль, которая затѣмъ была распродана Терскимъ будто бы по ея порученію. Очевидно, дочь не захотѣла обвинять отца, и безъ того уже пострадавшаго, въ растратѣ этой суммы.

Дѣло тянулось цѣлыхъ два года—и кончилось тѣмъ, что Сенатъ призналъ Вердеревскаго виновнымъ въ подлогѣ, побужденіи Терскаго къ растратѣ казенной соли и въ бездѣйствіи власти по надзору за цѣлостью казеннаго имущества, и приговорилъ его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Терскій былъ признанъ виновнымъ въ растратѣ казенныхъ соли и желѣза, но вслѣдствіе побужденія къ тому Вердеревскимъ, а также въ подлогахъ и въ принужденіи своихъ помощниковъ къ неправильному веденію отчетности о приходѣ и расходѣ казенной соли, и приговоренъ къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Енисейскую губернію. Въ отношеніи чиновниковъ казенной палаты сенатъ нашелъ, что слѣдствіе не представило данныхъ къ обвиненію кого-либо изъ нихъ въ пользованіи выгодами отъ растраты казенной соли или даже въ знаніи и недонесеніи объ этомъ событіи (на самомъ же дѣлѣ всему городу были извѣстны имена тѣхъ, кто дѣлился съ Терскимъ соляными деньгами). Поэтому былъ присужденъ къ исключенію изъ службы одинъ только начальникъ соляного отдѣленія,—за то, что въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ постоянно подписывалъ удостовѣренія, что въ соляныхъ амбарахъ все обстоитъ благополучно.

Общее количество расхищенной казенной соли было опредѣлено слѣдственною комиссіею въ 1.467.002½ пуда, а причиненный казнѣ убытокъ исчисленъ въ суммѣ 787.865 руб. 33½ коп. Несмотря на эту удивительную точность—до полупуда и полуко-

пѣйки, въ дѣйствительности какъ растрата, такъ и убытки были значительно больше. Но счеты были (конечно, намѣренно) такъ запутаны прикосновенными къ этому дѣлу лицами, что разобраться въ нихъ было чрезвычайно трудно. Возмѣщеніе убытковъ было возложено на Вердеревскаго и Терскаго, въ случаѣ же ихъ несостоятельности—на солепромышленниковъ, а при несостоятельности послѣднихъ—на тѣхъ чиновниковъ казенной палаты, на которыхъ лежалъ надзоръ за цѣлостью соли. Самую крупную сумму,—около 246.000 руб., пришлось заплатить Стрижеву; съ Блинова было взыскано слишкомъ 150.000 руб., съ Буянова—болѣе 55.000 руб., съ прочихъ купцовъ—гораздо меньше. Сверхъ денежнаго взысканія, всѣ солепромышленники были приговорены къ аресту на разные сроки. Въ этой компаніи оказался и нижегородскій полицмейстеръ Лаппа-Старженецкій, уже уволенный, ко времени окончанія дѣла, въ отставку съ генеральскимъ чиномъ: онъ былъ приговоренъ къ аресту на шесть недѣль, при чемъ съ него было взыскано 3.600 руб. казенныхъ убытковъ.

Послѣ объявленія сенатскаго приговора дѣло было передано на окончательное разрѣшеніе во вторую инстанцію—въ департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственнаго совѣта. Въ это время Вердеревскій подалъ на имя предсѣдателя государственнаго совѣта, вел. кн. Константина Николаевича, обширное прошеніе, начинавшееся жалобными словами: «Семидесятилѣтній старикъ, полвѣка *честно* прослужившій тремъ Августѣйшимъ Монархамъ, нынѣ удрученный скорбью душевною и неизлѣчимымъ тѣлеснымъ недугомъ, истомленный долгимъ тюремнымъ заключеніемъ, преслѣдуемый и осужденный, дерзаетъ», и т. д. Въ этомъ прошеніи Вердеревскій пытался представить себя жертвою злостной интриги со стороны почему-то возненавидѣвшихъ его членовъ слѣдственной комиссіи, въ особенности же—судебнаго слѣдователя Анненкова, и излишней довѣрчивости сената къ заключеніямъ этой комиссіи. Но попытка оказалась, какъ и надо было ожидать, неудачною. Государственный совѣтъ, въ департаментѣ и въ общемъ собраніи, подтвердилъ правильность сенатскаго рѣшенія, которое было затѣмъ, безъ всякихъ измѣненій Высочайше утверждено 29 апрѣля 1869 года.

Такъ окончилась эта грандіозная воровская эпопея.

П. Морозовъ.

Изъ дневниковъ Е. А. Штакеншнейдеръ [1]).

1855 годъ.

Суббота 23 іюля.

Панаевъ [2]) бываетъ у насъ каждую недѣлю; вѣрно и сегодня будетъ, но тутъ ли онъ, нѣтъ ли его, все равно. Иногда онъ кажется умнымъ, иногда глупымъ, играетъ онъ иногда хорошо, иногда деревянно. Волосы его немного отросли и онъ теперь меньше похожъ на рекрута. Про Панаева почти нечего говорить, но зато есть что сказать про Самойлова [3]. Какая самоувѣренность, какая надменность! Талантъ большой, но и балованность большая. Впрочемъ положеніе актера всегда таково въ обществѣ, что если имъ не сумѣешь импонировать, то тебя затрутъ. Онъ актеръ-художникъ и художникъ еще по части живописи, т.-е. рисованія. У насъ есть нѣсколько его рисунковъ, дѣланныхъ у насъ же на papier-pelée. Какая смѣлость и въ нихъ. Говорятъ, что прежде чѣмъ играть какую нибудь роль, онъ рисуетъ себя въ этой роли и такимъ образомъ у него образовался альбомъ, гдѣ онъ изображенъ въ 400 роляхъ. Онъ невысокъ ростомъ, но голова его красива. Лицо тонкое, подвижное, черные, проницательные, даже пронзительные, а иногда лѣнивые, точно сонные, глаза; сонливость и лѣнь онъ, впрочемъ, кажется мнѣ, напускаетъ. Мнѣ его глаза нравятся, нравятся, когда они поднимутся на васъ, чтобы окинуть васъ съ головы до пятъ гордымъ взглядомъ, и потомъ опустятся въ сознаніи собственнаго превосходства. Когда онъ слушаетъ, иногда лицо его смягчается, точно удивленіемъ, онъ какъ будто хочетъ сказать тогда: «*какъ, и ты это понимаешь, а я и не ожидалъ*». Какъ всѣ его избаловали. Его превозносятъ въ глаза. Говорятъ, онъ товарищъ плохой. Да вотъ онъ

---

[1]) См. «Гол. Мин.» 1915 г., № 7—8.

[2]) Ив. Ив. Панаевъ (1812—62), извѣстный беллетристъ, вмѣстѣ съ Некрасовымъ редактировавшій «Современникъ». *Ред.*

[3]) Вас. Вас. Самойловъ (1813—87), извѣстный артистъ драматической труппы имп. С.-Петербургскаго театра. См. статью о немъ *Т. И. Полнера* въ «Голосѣ Минувшаго» 1913 г., № 3. *Ред.*

и выжилъ уже изъ нашего дома Бурдина[1]). Съ тѣхъ поръ, что онъ появился, Бурдинъ исчезъ; онъ ненавидитъ Самойлова. И Орлова[2]) кажется тоже исчезла. Рисовать—онъ рисуетъ очень охотно въ знакомыхъ домахъ, у насъ напримѣръ, но читать—никогда не читаетъ, а Бурдинъ охотно читаетъ.

Среда 14 сентября.

Полонскій приходилъ читать свои разсказы, искаженные въ печати цензурой.

Среда 28 сентября.

Въ субботу будетъ у насъ Арбузовъ[3]), его приведетъ Панаевъ, съ которымъ онъ товарищъ по Пажескому корпусу. Въ субботу же будетъ и *Михаилъ Ларіоновичъ Михайловъ*[4]), Полонскій[5]) уже давно хочетъ познакомить насъ съ нимъ. Михайловъ одинъ изъ тѣхъ литераторовъ, которыхъ Константинъ Николаевичъ посылаетъ по Россіи.

Среда 16 ноября.

Читала стихотвореніе Полонскаго. Поэтовъ изображаютъ съ лирой въ рукахъ, а у Полонскаго въ рукахъ не лира, а золотая арфа. Онъ такъ чутокъ, онъ передаетъ такіе для простыхъ смертныхъ неуловимые звуки человѣческаго сердца или природы, что кажется чѣмъ-то нездѣшнимъ, небывалымъ; онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ имѣетъ даръ слышать, какъ растетъ трава.— Вчера вечеромъ была репетиція. Но актеры собирались такъ медленно, что репетировать начали только въ 11 часовъ. До того забавлялись разсказами о привидѣніяхъ; Мей [6]), Ознобишинъ и Святскій знаютъ множество такихъ разсказовъ и до того страшныхъ, что подъ конецъ *Полянской* сдѣлалось отъ нихъ дурно. Ознобишинъ читалъ великолѣпно «*Jacoub*» *Дюма*. Святскій представлялъ бабушку, которая на балу слѣдитъ за 15-тью внучками, разговариваетъ и спитъ. Продѣлавъ все это, принялись за «Влюбленнаго Брата».

---

[1]) Ѳед. Алексѣев. Бурдинъ (1825—87 г.), актеръ и драматическій писатель. *Ред.*

[2]) Праск. Ив. Орлова, урожденная Куликова, извѣстная актриса (род. ок. 1810 г.). *Ред.*

[3]) Вѣроятно поэтъ 1850—60-хъ годовъ Ник. Александр. Арбузовъ ум. въ 1868 г.).

[4]) О Мих. Л. Михайловѣ см. статью *В. В. Міяковскаго* въ «Голосѣ Минувшаго» 1915 г., № 9. *Ред.*

[5]) Як. Петр. Полонскій (1819—98), извѣстный поэтъ. *Ред.*

[6]) Левъ Александр. Мей (1822—62), извѣстный поэтъ. *Ред.*

Пятница 23 декабря.

Не писала цѣлую недѣлю: не хотѣлось. Драма Потѣхина имѣла бо́льшій успѣхъ, чѣмъ «*Ипохондрикъ*» Писемскаго. Надо признаться, что Писемскаго вызывали почти исключительно съ нашей стороны залы, т.-е., гдѣ находилось большинство его знакомыхъ, ну а Потѣхина со всѣхъ сторонъ; или, можетъ статься, у него знакомые были выгоднѣе размѣщены. Играли зато у него хуже, чѣмъ у Писемскаго; одинъ *Мартыновъ* [1]) былъ хорошъ. Какъ удивительно усвоилъ онъ себѣ замашки мужика, молодого парня. Самойловъ же, знаменитый Самойловъ, не зналъ роли. Орлова была отвратительна; не знаю, игрой ли своей или тѣмъ, что слишкомъ напоминала мнѣ мою знакомую Орлову. По роли ей то и дѣло приходилось повторять тѣ слова, что и въ жизни не сходятъ съ ея языка. Я знаю, отчего Самойловъ дурно игралъ: ему, во-первыхъ, было досадно на автора, который самъ училъ всѣхъ актеровъ и такъ вдолбилъ въ нихъ роли, что Меи, которые сидѣли въ ложѣ возлѣ насъ, все ахали, о томъ, что каждый актеръ говоритъ даже голосомъ Потѣхина. Потѣхинъ читаетъ превосходно и обладаетъ даромъ мѣнять голосъ даже на женскій, Вотъ Самойловъ и объявилъ, что не будетъ ѣздить на репетиціи. а слушаться Потѣхина тѣмъ менѣе, и не ѣздилъ почти. Это первая причина, вторая же та, что надо было играть съ Бурдинымъ и Орловой, которыхъ онъ терпѣть не можетъ.

Четвергъ 29 декабря.

Въ понедѣльникъ была у Полонскаго на именинахъ; онъ пригласилъ Толстыхъ [2]) съ дочерьми и насъ съ Машей и Олей. Кромѣ насъ были у него еще Щербина,[3]) Потѣхинъ,[4]) Михайловъ и *Шелгунова Людмила Петровна*. Эту Людмилу Петровну рекомендовали намъ, какъ отличную актрису; мы скоро увидимъ ее на нашихъ подмосткахъ. По пути домой мы разспрашивали Машу и Олю, весело ли имъ было и что онѣ дѣлали. Маша начала разсказывать, но когда дошло дѣло до самой Смирновой, она вдругъ, сказала: «*Ахъ, какая она гадкая, такая противная*». На замѣчаніе мамы, что такъ выражаться ей не подобаетъ, она сослалась на то, что не одна она это говоритъ, но и Катя и Оля Толстыя и наша Оля

---

[1]) Александръ Евстаф. Мартыновъ (1816—60), знаменитый русскій актеръ. *Ред.*

[2]) Графъ Ѳедоръ Петр. Толстой (1783—1873 г.), вице-президентъ Академіи Художествъ съ 1828 по 1859 г. *Ред.*

[3]) Ник. Ѳед. Щербина (1821—69), извѣстный поэтъ, сынъ малоросса, помѣщика земли Войска Донского, и матери гречанки. *Ред.*

[4]) Алексѣй Антип. Потѣхинъ (1829—1908), извѣстный беллетристъ и драматургъ. *Ред.*

также. Я никогда еще не видала нашихъ дѣвочекъ въ такомъ азартѣ и противъ кого же? Противъ друга *Жуковскаго*, *Гоголя*, *Плетнева*, очаровательной Александры Осиповны Смирновой,[1]) которой писалъ стихи Пушкинъ, а *Лермонтовъ* посвятилъ: «*Безъ васъ хочу сказать*...». Она привлекала къ себѣ лучшихъ людей своего времени, и вдругъ четыре дѣвочки рѣшили, что она гадкая и противная. Хотѣлось бы мнѣ ее видѣть. Она теперь больна, не встаетъ съ кушетки и потому не могла притти къ Полонскому. Изъ того, что я о ней слышала, помимо мнѣнія четырехъ дѣвочекъ, я составила себѣ такое понятіе, что она, хотя уже и немолода теперь и болѣзненна, но все еще привлекательна и умна, но и тщеславна; любитъ окружать себя умными людьми, людьми выходящими изъ ряда вонъ, недюжинными, оттого и пригласила въ воспитатели къ сыну поэта [2]). Ея другъ *Жуковскій* воспитывалъ наслѣдника русскаго престола, другой поэтъ, не хуже Жуковскаго, а можетъ и получше, будетъ воспитывать ея сына. Ей дѣла нѣтъ до того, годится ли поэтъ въ воспитатели; она забываетъ, что при наслѣдникѣ былъ еще Мердеръ, не поэтъ. Полонскій честенъ, добръ и уменъ, но, чтобы воспитывать мальчика, нужны еще неусыпная бдительность, твердость и точность; поэтовъ ли то свойство?—Удивилъ меня тогда у Полонскаго и Щербина. Въ началѣ вечера онъ острилъ по обыкновенію и по обыкновенію его слушали и восхищались его остротами, но наконецъ, какъ-то, посмѣялись надъ нимъ самимъ и сказали, что онъ золъ, задѣли, однимъ словомъ, его самолюбіе. Щербина не терпитъ, когда его зовутъ злымъ, просто злымъ по его мнѣнію, онъ не злой, *а бичъ общественный*. Онъ замолчалъ, заговорили о другомъ и его забыли. Въ концѣ вечера уже кто-то замѣтилъ его отсутствіе. Стали оглядываться, искать и нашли его на окнѣ за шторой, изъ-подъ которой висѣли его коротенькія ножки. «*Николай Федоровичъ, что вы тамъ дѣлаете, подите сюда!*»—послышалось со всѣхъ сторонъ. Онъ соскочилъ съ окна, постоялъ посреди комнаты и пошелъ сѣсть на пустое мѣсто возлѣ меня. «*Что съ вами?*» —спросила я.—«*Ничего*», отвѣчалъ онъ, «*только зачѣмъ называютъ меня злымъ, я право не злой*». Я посмотрѣла на него, онъ хотѣлъ отвернуться, но не успѣлъ и я увидала въ его черныхъ, на выкатѣ, глазахъ слезы. Эти слезы несказанно удивили меня. Не говоря уже о томъ, стоило ли плакать о такихъ пустякахъ, было еще чрезвычайно интересно видѣть слезы въ Щербининыхъ насмѣшливыхъ глазахъ. И о чемъ онъ плакалъ, этотъ бичъ общественный. Развѣ не своей волей пишетъ и говоритъ онъ злыя вещи и эпи-

---

[1]) Урожденная Россетъ (1809—82 г.). *Ред.*
[2]) Я. П. Полонскаго. *Ред.*

граммы? Онъ, между прочимъ, постоянно уговариваетъ меня писать дневникъ и вносить въ него все, что я вижу и слышу. Ну вотъ я и вношу сегодня про него самаго; но былъ ли бы онъ доволенъ, если бы прочелъ?

Суббота 31 декабря.

Про государя говорятъ, что онъ всѣхъ слушаетъ и никого не слушается. При Николаѣ Павловичѣ всегда знали, что привезъ курьеръ, теперь не знаютъ ничего даже самые приближенные, какъ напримѣръ *князь Барятинскій* и *Иванъ Матвѣевичъ Толстой*. Всѣ ожидаютъ много хорошаго отъ этого царствованія. Одно только приводитъ въ недоумѣніе, это безпрестанныя перемѣны формы военныхъ. Въ Петербургѣ кажется нѣтъ двухъ офицеровъ одного и того же полка, одинаково одѣтыхъ: одинъ уже въ новой формѣ, другой еще не успѣлъ ее себѣ сшить, а третій уже въ самой новѣйшей. Какая тутъ цѣль,—неизвѣстно. Фуражкамъ, замѣнившимъ каски, конечно всѣ рады; но для чего галуны, вмѣсто шитья; брусничный цвѣтъ вмѣсто краснаго; разрѣзные рукава и проч. и проч.,—неизвѣстно.

Не обмани нашу надежду, Царь! Отъ тебя всѣ ждутъ блага, ты блага и дай!

Война, война! Можетъ быть въ ея горнилѣ перекипитъ все къ лучшему. Но сколько погибнетъ до тѣхъ поръ!

1856 годъ.

Понедѣльникъ 2 января.

Ѣдемъ въ русскій театръ. Даютъ драму: «*Окно во второмъ этажѣ*»[1]), потомъ комедію: «*Браслетъ*»[2], въ ней играетъ *Владимірова*. Владимірова поступила на сцену только нынѣшнею осенью; страсть къ сценѣ сдѣлала ее актрисой. О ней говорятъ очень много и, кажется, однѣ мы ее еще не видали. Отъ нея ожидаютъ, что она воскресить былое русскаго театра. Теперь оно утратилось, потому, говорятъ, что пьесы устарѣли и актеровъ нѣтъ. Теперь водворяется на сценѣ такъ называемая натуральная школа. Не понимаю, отчего къ натуральной школѣ должны принадлежать только такія произведенія, въ которыхъ герои взяты изъ низшаго сословія? Если цѣль натуральной школы дагеротипически вѣрно изображать дѣйствительность, то для чего же выводить на сцену все только купечество и крестьянъ, лакеевъ и вообще мелкій людъ? Если ея цѣль показать только грязь, то

---

[1]) Драма Корженевскаго. *Ред.*
[2]) Оригинальная комедія бар. Ѳ. Ѳ. Корфа. *Ред.*

грязь есть и въ высшихъ сословіяхъ; если же ея цѣль показать не одну грязь, а правду безъ прикрасъ, то и правда бываетъ вездѣ. Съ появленіемъ этой школы, читающая часть общества раздѣлилась на партіи. Партія, враждебная натуральной школѣ, назвала ее литературой переднихъ. И еще я не знаю, должна ли литература слѣдовать за жизнью, итти съ нею рядомъ или должна она итти впередъ и указывать ей путь къ идеалу.

Воскресенье 8 января.

Миръ, миръ! Или не миръ? Неужели нѣтъ, неужели да? Четвертый день носится этотъ слухъ. Неужели миръ? Неужели войны больше не будетъ? Что же, если это правда, что же не кричатъ всѣ отъ восторга? Или радость мира отравлена горечью для побѣжденныхъ? Миръ будетъ какой? И миръ воскреситъ ли мертвыхъ? Еще манифеста нѣтъ, еще вѣсть эта тайна; тайна, которая не сходитъ съ устъ.

Вечеръ.

Когда все успокоится? Какъ попали мы въ это круженіе? Какъ это случилось, что мы живемъ въ вихрѣ свѣтской жизни? Для чего и что это значитъ? Сколько незнакомыхъ знакомцевъ переступило нашъ порогъ. Одно тянетъ за собой другое. Изъ нашихъ тихихъ литературныхъ вечеровъ образовался театръ, и теперь каждый спѣшитъ привезти актера, а то и просто зрителя, и вышло, что мы и счетъ нашимъ знакомымъ потеряли. Щербина опять говорилъ мнѣ вчера: «*Пишите свой дневникъ, какъ можно подробнѣе, знаете, всѣ мелочи записывайте. Не пишите о томъ, что и безъ васъ будетъ извѣстно изъ газетъ, но то записывайте, чего не могутъ всѣ знать; подробности, которыя будутъ интересны черезъ нѣсколько лѣтъ*». Я рада слушаться Щербину, но умѣнье то, умѣнье выбирать! Одинъ старичокъ, *сенаторъ Жихаревъ*, знакомый и товарищъ по Московскому архиву дѣдушки, пишетъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* свои воспоминанія подъ заглавіемъ: «*Дневникъ чиновника*». Вотъ бы мнѣ такъ умѣть! Дневникъ этотъ началъ онъ со дня вступленія на службу и какъ любитель театра подробно описываетъ его. Въ то время *Озеровъ* только что написалъ *Дмитрія Донского*. Жихаревъ былъ на предпослѣдней репетиціи этой трагедіи и такъ подробно описалъ ее, что по его запискамъ даютъ ее въ понедѣльникъ, т.-е. завтра, въ бенефисъ Орловой. Мы не достали ложу, а любопытно было бы видѣть, будто воскресшими, всѣхъ тогдашнихъ актеровъ и актрисъ.

Среда 11 января.

Постыдный миръ, тяжелая необходимость, прекращеніе бѣдственной войны и униженіе Россіи. Грѣшно радоваться, а какъ

и не радоваться прекращенію ужасовъ. Что-то будетъ теперь. Сегодня, когда былъ Струговщиковъ, между прочимъ, папа разсказалъ, что онъ видѣлъ утромъ одного нѣмца, который не можетъ понять, что есть люди, которые не радуются миру. «*Нѣмцу*, конечно не понятно; а случись то же самое въ Германіи, такъ понялъ бы», говорилъ папа.

Перерождаемся ли мы всѣ или только народились новые люди? Россія точно просыпается, какъ та царевна въ сказкѣ, что подъ чарами злой волшебницы спала сто лѣтъ Но разница между той сказкой и нашей дѣйствительностью огромная. Тамъ, проснувшись, люди продолжали свою жизнь съ мига прерваннаго сномъ. Поваръ достряпалъ обѣдъ, начатый сто лѣтъ тому назадъ; царь закрылъ ротъ, раскрытый за сто лѣтъ для зѣвка. Не будь царевича, который изумлялся старинѣ, никто въ томъ царствѣ и не зналъ бы, что сто лѣтъ длился его сонъ; все тамъ осталось по старому. У насъ же, едва протеревъ глаза, всѣ заговорили разомъ о новомъ, захотѣли новаго, точно о немъ грезили во снѣ. Что будетъ теперь? Всѣ принялись что-то дѣлать: ни то строить, ни то разрушать, я не разберу; конечно не на словахъ только. Щербина съ того вечера у Полонскаго часто подсаживается теперь ко мнѣ и говоритъ, говоритъ много. Несмотря на свое пустозвонство, т.-е. мелочную придирчивость и обидчивость, выражающуюся колкими остротами на счетъ обидившихъ его и на счетъ всего, что такъ или иначе причастно къ правительству, начиная съ квартальнаго и кончая министромъ, то онъ тоже дѣлаетъ что то, что то новое. Но въ Щербинѣ два человѣка. Одинъ вѣчно норовитъ уколоть и колетъ и потомъ плачетъ, если ему дадутъ сдачи; этого я не люблю; другой—поэтъ. Со мной онъ рѣдко бываетъ первымъ; на меня не стоитъ тратить свои жала или перлы своего остроумія. Со мной онъ говоритъ о томъ, что можно выразить его же стихами:

И счастіе возможно-ль мнѣ, друзья,
Палимому лучами идеала...

Иные находятъ, что вольно ему палиться такими лучами. Ахъ господа! Можно научиться тому, чего не знаешь перестать знать, что знаешь,—нельзя.

Щербина полу-малороссъ и полу-грекъ. Грекъ-то онъ кажется не изъ Греціи, но какой-то здѣшній, но эта причастность къ Элладѣ его несказанно утѣшаетъ и составляетъ гордость его; и онъ въ стихахъ все тоскуетъ по ней, по своей Элладѣ, которую никогда не видѣлъ. И надо сказать, нѣкоторые стихи его очень хороши. Эта греческая часть Щербины вмѣстѣ съ поэтической, впрочемъ онѣ нераздѣльны, и есть лучшая. Другая малороссій-

ская—не хороша; въ ней его обидчивость и его чрезмѣрная чувствительность относительно себя. Я сама малороссіанка по дѣду, но не люблю малороссовъ. Это чувствительность относительно себя, требовательность, и требовательность не прямая, смѣлая, а какая-то съ нытьемъ, была вѣдь и у Гоголя. Отчасти, очень, очень мало, чувствуется она и у дяди, Ивана Дмитріевича; у дѣдушки же ея совсѣмъ не слышно.

Среда 18 января.

Вчера собрались у насъ Полонскій, Шелгуновъ съ женой, Михайловъ и Арбузовъ слушать «Земную Комедію» Майкова.[1]) Стихотвореніе это нецензурное, и Майковъ долго не рѣшался его читать. За ужиномъ завязался оживленный разговоръ о разныхъ отвлеченностяхъ и наконецъ о дружбѣ. Не помню какъ, коснулись дневниковъ. Шелгунова ведетъ дневникъ; мама разсказала о моемъ и, вдругъ, потребовали его. Вотъ страхъ-то былъ! Но было уже слишкомъ поздно, и меня оставили въ покоѣ.

Четвергъ 19 января.

Въ субботу былъ второй нашъ спектакль и опять удался прекрасно, кромѣ «*Тяжбы*» Гоголя, которая тоже была прекрасно разыграна, но кажется не годится для домашняго театра. Остальныя пьесы были: «*Какъ аукнется*» и «*Соль супружества*», въ послѣдней играли Шелгунова, Михайловъ и Моллеръ. Съ Шелгуновой и Михайловымъ мы видаемся ежедневно; Михайловъ безъ памяти влюбленъ въ нее. Полонскій, какъ мотылекъ, который летитъ на огонь, летитъ тоже туда, гдѣ есть любовь, не обжигая себѣ крыльевъ, впрочемъ, а такъ только грѣясь. На него Шелгунова не производитъ впечатлѣнія, но, смотря на нее глазами Михайлова, и онъ ее—il l'admire, русскаго выраженія не приберу. Вообще окружаютъ Шелгунову почти поклоненіемъ. Она не хороша собой, довольно толста, носитъ короткіе волосы, одѣвается безъ вкуса; руки только очень красивы у нея, и она умѣетъ нравиться мужчинамъ; женщинамъ же не нравится. Я все ищу идеальную женщину и все всматриваюсь въ Шелгунову, не она ли. До сихъ поръ кажется, что нѣтъ. Она умная, т.-е. она можетъ говоритъ обо всемъ. Не знаю, что говоритъ она, когда сидитъ вдвоемъ съ Полонскимъ, Тургеневымъ, Григоровичемъ и др., съ мамою же вдвоемъ она чаще всего разсказываетъ анекдоты, которые сама называетъ скабрезными и потому обыкновенно

[1]) Апол. Ник. Майковъ (1821—97 г.), извѣстный поэтъ. Подъ такимъ заглавіемъ нѣтъ его произведенія въ «Полномъ собраніи сочиненій», изд. Маркса, 1914 г. *Ред.*

велитъ мнѣ уйти. Мужа своего она называетъ Николай Васильевичъ и говоритъ ему вы; онъ также говоритъ ей вы, но зоветъ ее Людинькой. Ей лѣтъ 27; дѣтей у нихъ нѣтъ, и потому она свободно можетъ располагать своимъ временемъ. Михайловъ отъ нея безъ ума. Михайловъ чудесный человѣкъ. Такъ ли онъ уменъ, какъ добръ, честенъ и интеллигентенъ, не знаю, такъ какъ въ настоящее время онъ вѣдь безъ ума отъ Шелгуновой. Къ тому же онъ много занимается френологіей, а мнѣ кажется, что умный человѣкъ этой наукой долго заниматься не можетъ. Эта наука для женщинъ, поэтовъ и сумасшедшихъ; впрочемъ, Михайловъ поэтъ. Собой Михайловъ очень безобразенъ; рѣдко увидишь такое лицо, какъ у него, съ глазами еле прорѣзанными и густыми черными бровями. Къ тому же онъ малъ ростомъ, худенькій, черненькій, съ землистымъ цвѣтомъ лица и вообще некрасивыми чертами; но зато голосъ его, когда онъ заговоритъ,—я такого чуднаго голоса никогда не слыхала, и читаетъ онъ превосходно. Да и вообще онъ такой симпатичный, что забываешь его безобразіе. Онъ, кажется, калмыцкаго рода, по крайней мѣрѣ происходитъ изъ тѣхъ мѣстъ; этимъ отчасти объясняются его глаза, но и для калмыка они все же исключеніе, у него верхняго вѣка почти нѣтъ. Что чувствуетъ къ нему Шелгунова, не знаю; она съ нимъ ласкова. Они часто цѣлые вечера просиживаютъ гдѣнибудь въ углу, вдвоемъ, и о чемъ говорятъ—не знаю. Я думаю, что если бы Шелгунова ему сказала броситься въ огонь, онъ бы бросился съ радостью; если бы она убила кого-нибудь, онъ бы былъ счастливъ взять грѣхъ ея на себя. Шелгуновъ самъ, кажется, не то что умнѣе, но хитрѣе Михайлова; онъ совсѣмъ не поэтъ и совсѣмъ не симпатиченъ. Убѣжденія же, которыя онъ высказываетъ какъ-то жестко-насмѣшливо, самыя новыя и противоположныя всему привычному.

Воскресенье 28 января.
Вечеръ 11 часовъ.

Умеръ *Паскевичъ*, третьяго дня. Ужъ двѣ недѣли, какъ пріѣхалъ Горчаковъ изъ Севастополя; онъ будетъ теперь намѣстникомъ въ Польшѣ. Комнаты Николая Николаевича готовы, и завтра, въ 9 ч. утра, мы съ Ливотовыми поѣдемъ смотрѣть ихъ. Въ понедѣльникъ, въ тотъ еще, были у Глинокъ. Федоръ Николаевичъ[1]) читалъ два отрывка изъ «Божественной Капли», а Авдотья

[1]) Фед. Ник. Глинка (1786—1880), членъ Союза Спасенія и Союза Благоденствія, писатель. Жена его, Авдотья Павловна, дочь сенатора П. И. Голенищева-Кутузова, также писательница. Прекрасный портретъ Глинки и его жены въ старости приложенъ къ книгѣ *А. А. Ѳомина* «Къ исторіи вопроса о развитіи въ Россіи общественныхъ идей» (1914 г.), стр. 60—61. Сочиненіе Ф. Н. Глинки «Таинственная капля». «Народное преданіе». 2 часть, изд. въ Москвѣ въ 1871 г. Ранѣе этого она была издана въ Берлинѣ въ 1861 г. *Ред.*

Павловна прочла нѣсколько главъ изъ повѣсти, которую пишетъ теперь, подъ заглавіемъ «*Графиня Полина*». Контскій игралъ; m-lle Штанкеръ имъ восторгалась. Были тамъ еще Толстые, княгиня Шаховская съ сыномъ, *княземъ Иваномъ*; Орлова, которая слава Богу, у насъ больше не бываетъ; двѣ баронессы Боде, *Марья и Вѣра Александровны*; молодой Вигель, Чирковъ, *m-me Бирчъ*, англичанка-филантропка. Бенедиктовъ былъ тоже и читалъ. Еще много народа было. Былъ извѣстный мистикъ, временъ Александра I, теперь магнитезеръ, *князь Голицынъ*, былъ адъютантъ съ грузинской физіономіей; были Жадовскіе отецъ и сынъ; былъ Гречъ. Вигель говорилъ мнѣ, что Авдотья Павловна пишетъ романъ «*Людмила*», въ духѣ противномъ натуральной школѣ, и что въ немъ, въ лицѣ одного, недовольнаго ничѣмъ, поэта, выведенъ Майковъ, котораго она терпѣть не можетъ. Щербина прозвалъ Глинку: «*ходячимъ иконостасикомъ*», но это не мѣшаетъ ему знать его «*Москву*» и «*Плачъ плѣненыхъ Іудеевъ*» наизусть.

Вторникъ 14 февраля.

Сегодня ѣдемъ въ балетъ. Танцуетъ *Надежда Богданова*, первая балерина опернаго театра въ Парижѣ, оставившая его потому, что Наполеонъ заставлялъ ее танцовать въ день взятія Севастополя. Когда она явилась въ первый разъ на сцену, по возвращеніи изъ Парижа, здѣсь, въ Петербургѣ, то публика сдѣлала ей такую восторженную встрѣчу, столько ей хлопала и вызывала ее, что она, наконецъ расплакалась и убѣжала.

Четвергъ 16 февраля.

Ужъ второй часъ ночи и путаются мысли. Все слышатся мнѣ варьяціи на тему: «*Горныя вершины*»; Имберхъ игралъ ихъ вечеромъ. И видится все, лицо Григоровича[1]), онъ обѣдалъ сегодня. Григоровичъ особенно способенъ электризовать и будоражить всю душу. Какой увлекательный человѣкъ! Щербина говоритъ, что когда много сплетенъ въ городѣ, то значитъ либо колокола льютъ, либо Григоровичъ пріѣхалъ. Не знаю, сплетничаетъ ли онъ и вредитъ ли кому сплетнями, но знаю, что не промѣняю рѣчь Григоровича на всѣ самые остроумныя и мѣткія иногда выходки Щербины. Послѣ Григоровича чувствуешь себя поэтомъ; послѣ рѣчей Щербины все кажется тяжелой прозой и на міръ Божій смотрѣть не хочется.

Тьмы горькихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ...

---

[1]) Дм. Вас. Григоровичъ (1822—99), извѣстный беллетристъ. *Ред.*

Вотъ, что-то въ этомъ родѣ напоминаютъ они оба. И пусть то, что говоритъ Григоровичъ, обманъ, но онъ будитъ со дна души хорошее, а тотъ, какъ градомъ, вбиваетъ его назадъ.

Понедѣльникъ 23 апрѣля.

Въ Парижѣ бывшіе враги наперерывъ угощаютъ другъ друга любезностями и обѣдами. Гвардія отправляется въ Москву на коронацію, которая имѣетъ быть въ августѣ. Недавно государь былъ въ Москвѣ и въ рѣчи своей къ дворянству сказалъ нѣсколько словъ, которыя очень озадачили. Онъ объявилъ, что разнесшійся слухъ, что будто бы правительство приняло проектъ объ освобожденіи крестьянъ, ложенъ, но что этимъ вопросомъ заняться пора; и что онъ надѣется, что дворянство имъ займется, и что *лучше начать сверху, пока не началось снизу*. Вотъ эти-то слова, *сверху* и *снизу*, и ударили, какъ обухомъ, по всѣмъ головамъ, *сверху*; *снизу* же и не чуятъ еще ничего. Полонскій со Смирновыми ѣдутъ тоже за границу. Странный человѣкъ Полонскій. Я такого еще никогда не видала, да думаю, что и нѣтъ другого подобнаго. Онъ многимъ кажется надменнымъ, но мнѣ онъ надменнымъ не кажется; онъ просто не отъ міра сего. Онъ очень высоко носитъ свою маленькую голову; это придаетъ ему гордый видъ. Онъ смотритъ поверхъ толпы, потому, что выше ея; но и своими духовными очами онъ смотритъ поверхъ толпы, онъ поэтъ. Это не всѣ понимаютъ и не всѣ прощаютъ. Доброты онъ безконечной и уменъ, но страненъ. И странность его заключается въ томъ, что простыхъ вещей онъ иногда совсѣмъ не понимаетъ, или понимаетъ какъ-то мудрено; а самъ, между тѣмъ, простой такой по непосредственности сердечной. Растолковывать ему что-нибудь не отвлеченное,—отвлеченное онъ понимаетъ—а фактическое, это значитъ, самой окончательно сбиться съ толку и все перепутать. Онъ какъ будто принимаетъ за дѣйствительность не то, что видитъ, а то, что ему мерещится и наоборотъ. Онъ любитъ все необыкновенное и часто видитъ его тамъ, гдѣ его и нѣтъ. Онъ способенъ на отчаянный подвигъ, чтобы спасти погибающаго, гдѣ же замѣшана любовь, тамъ Полонскій, какъ рыба въ водѣ. Не даромъ же увезъ онъ изъ Одессы въ Москву невѣсту для своего друга, *Уманца*, съ немалымъ рискомъ отвѣтственности для самого себя. Онъ въ самомъ дѣлѣ оригиналенъ, самобытенъ. Часто зовутъ оригинальными поверхностныхъ чудаковъ, которые сознательно бьютъ на оригинальность и рисуются ею; Полонскій не таковъ. Онъ никогда не рисуется и не играетъ никакой роли, а всегда является такимъ, каковъ онъ есть. Въ обществѣ онъ мало обращаетъ вниманія на другихъ; говоритъ, съ кѣмъ ему хочется говорить, а съ кѣмъ не хочется, на того и не смотритъ.

Полонскій не терпитъ лести, но правду, самую нелестную, всегда можно ему сказать. Ему даже можно сказать нелестную неправду, сплесть что-нибудь на него. Онъ и тутъ не разсердится, а напротивъ того, это займетъ его, доставитъ ему даже удовольствіе.

Воскресенье 24 апрѣля.

Недавно были мы въ картинной галлереи Пряннишникова [1]). Нельзя сказать, что всѣ картины его примѣчательны; нѣкоторыя даже вовсе не примѣчательны; но всѣ они писаны русскими художниками.

Съ нами былъ Страшинскій и, по обыкновенію, восторгался тѣмъ, чѣмъ не стоило восторгаться, но изъ угожденія передъ хозяиномъ, который самъ водилъ насъ. Въ одно время съ нами была тамъ и *Каролина Павлова*, авторъ «*Разговора въ Тріанонѣ*», женщина, какъ говорятъ, ума необыкновеннаго [2]). Но что въ ней самое замѣчательное, такъ это то, что она вовсе не русская и по-русски выучилась сравнительно недавно и такъ превосходно овладѣла русской рѣчью и русскимъ стихомъ. Странно только и жаль, что она будучи писательницей, не знакома ни съ Толстыми, ни съ Глинками, ни съ нами. Она, кажется, ведетъ жизнь уединенную и только по извѣстнымъ днямъ собираются у нее нѣсколько человѣкъ мужчинъ, и она читаетъ имъ свои произведенія. Изъ нашихъ знакомыхъ бываютъ у нея Жадовскіе, Вигель, Щербина и Бенедиктовъ [3]), Бенедиктовъ только рѣдко: находитъ, что она слишкомъ много говоритъ. Зато Щербина отъ нея въ восторгѣ. «*Павлова, Каролина, замѣчательная женщина*», говоритъ онъ.

У насъ опять была глупая исторія съ Меемъ. Первая была въ началѣ зимы, въ одну изъ субботъ. Ужинали и за ужиномъ нѣсколько молодыхъ художниковъ помѣстились какъ-то такъ, и всѣ вмѣстѣ, что до нихъ трудно было добраться прислугѣ. Мама, наблюдавшая за тѣмъ, чтобы всѣ кушали, замѣтила, что у нихъ нѣтъ хлѣба и сказала: «*какъ бы туда перебросить хлѣбъ*». Мей, бывшій уже на-веселѣ, взялъ подносъ съ хлѣбомъ и качнулъ имъ въ сторону молодыхъ людей; но остановился, впрочемъ, тотчасъ же и обратился къ мама съ вопросомъ, бросать ли. Мама, не предполагая, что онъ это исполнитъ буквально, сказала, чтобы онъ качнулъ еще разъ, и моментально ломти

---

[1]) Ѳед. Ив. Прянишниковъ (1793—1867), въ 1856 г. почетный опекунъ; его картинная галлерея русскихъ художниковъ была пріобрѣтена имп. Александромъ II и подарена Румянцевскому Музею. *Ред.*

[2]) Каролина Карлов. Павлова (1810—93), жена литератора Н. Ф. Павлова, урожденная Янишъ, писательница. *Ред.*

[3]) Влад. Григ. Бенедиктовъ (1807—73), поэтъ. *Ред.*

хлѣба посыпались на головы молодыхъ людей, и они обидились. Ихъ удалось потомъ успокоить и помириться съ ними, и эта исторія никакихъ послѣдствій не имѣла, кромѣ того развѣ, что какъ-то разъ, въ одномъ изъ журналовъ, упомянули о ней по какому-то случаю, но вторая была хуже, потому что послѣ нея Мей больше не бывалъ у насъ. Случилась эта вторая изъ за нашей англичанки, Аннетъ. Эта молоденькая Аннетъ, вовсе не красавица, но за ней какъ-то много ухаживаютъ. Въ тотъ злополучный вечеръ съ нея рисовалъ портретъ *Гофферъ* [1]). Они сидѣли въ гостинной и нѣсколько молодыхъ людей окружало ихъ; подсѣлъ къ нимъ и Мей, это было уже послѣ ужина, и сталъ что-то говорить, что не понравилось Страшинскому [2]). Онъ подошелъ къАннетъ и, со словами: «*позвольте васъ увести отсюда*», подалъ ей руку. Мей вспылилъ. Поднялся крупный разговоръ и дошелъ до того, что Мей поднялъ стулъ на Страшинскаго. Но тутъ прибѣжала Софья Григорьевна Мей и ей удалось увести, съ помощью другихъ, своего мужа. Но этимъ дѣло не кончилось. Остались Розальонъ-Сашальскій и Щербина, сторонники Мея, и между ними и Страшинскимъ дѣло не дошло до чего-нибудь серьезнаго только благодаря Святскому. Сашальскій на то и билъ, чтобы произошелъ пущій скандалъ и, хотя онъ баринъ, богатый помѣщикъ, но выказалъ себя въ этотъ вечеръ именно такимъ, какимъ онъ мнѣ съ перваго раза показался: неприличнымъ человѣкомъ, неумѣющимъ вести себя въ обществѣ, къ которому принадлежитъ. Щербина и Мей другое дѣло. Щербина и не имѣетъ претензій быть свѣтскимъ человѣкомъ и знать всѣ приличія свѣтскаго человѣка; не будь онъ поэтомъ, то вѣроятно онъ бы и не бывалъ никогда въ тѣхъ домахъ, гдѣ бываетъ; и вторилъ онъ Сашальскому, вѣроятно не вполнѣ ясно понимая, что онъ дѣлаетъ, что такъ поступать можно въ трактирахъ, а не въ семейныхъ домахъ.

Что же касается Мея, то онъ премилый и, конечно, вполнѣ приличный и умѣющій себя вести во всякомъ обществѣ, но онъ, увы, одержимъ порокомъ,—онъ пьетъ. Къ тому же Страшинскій поступилъ нахально; и намѣренно нахально. Этотъ полякъ всегда либо нахаленъ, либо льстивъ. Онъ тоже, конечно, не разсчиталъ, что передъ нимъ человѣкъ нетрезвый; онъ думалъ оскорбить его одного, но вышелъ скандалъ. Одно хорошее въ этомъ, что Сашальскому отказано отъ дома. Но, кажется, и Мей больше не бываетъ, и Щербина что-то не показывается. Мей

---

[1]) Іосифъ Казим. Гоффертъ (1826—1906), живописецъ, съ 1857 г. академикъ. *Ред.*

[2]) Леопардъ Осип. Страшинскій (1827—78), живописецъ, съ 1862 г. академикъ. *Ред.*

такой умница, такой интересный человѣкъ; и поэтъ такой, и такъ хорошо читаетъ. Онъ лицеистъ, а между тѣмъ образованнѣе и болѣе знающій, чѣмъ лицеисты бываютъ обыкновенно. Онъ, напримѣръ, знаетъ по-гречески на столько, что можетъ говорить на этомъ языкѣ. Разъ и говорилъ съ Щербиной, т.-е. Щербина, какъ грекъ, говорилъ на своемъ родномъ языкѣ, новогреческомъ, а Мей на древнемъ.

Жаль и Щербину. И все это такъ глупо и скандально. Щербину кто-то видѣлъ на дняхъ, на улицѣ, и все еще въ усахъ, значитъ, онъ мѣста еще не получилъ. Вотъ тоже Щербина. Безъ устали пускаетъ онъ стрѣлы своего остроумія въ чиновниковъ, такъ что живого мѣста, кажется, на нихъ не оставилъ, а самъ спитъ и видитъ сдѣлаться чиновникомъ. Правда, надо человѣку ѣсть, но зачѣмъ же такъ безпощадно острить тогда и плевать въ колодезь, изъ котораго приходится пить? Дѣдушка это замѣтилъ. Хотя и старается, по просьбѣ мама и другихъ, пристроить его, въ надеждѣ, впрочемъ, что тогда хотя перестанетъ метать въ нихъ свои стрѣлы.

Страшинскій же продолжаетъ бывать у насъ, какъ ни въ чемъ не бывало. О какъ бы охотно я промѣняла его на Мея! И тѣмъ болѣе, что остаюсь теперь безъ стиховъ, которые онъ обѣщалъ превписать въ мой альбомъ и не успѣлъ. Это была «*Запѣвка*», прелестная вещь. У насъ есть его «*Сервилія*» съ собственноручною подписью.

Страшинскій бываетъ даже очень часто. Онъ рисуетъ теперь, для папа, большую копію: «*Бенвенуто Челлини* и его натурщица», выходитъ очень хорошо. А я за это время успѣла его лучше узнать, и признаюсь, что онъ отъ этого не выигралъ въ моихъ глазахъ. Лиза Шульцъ, съ которой я часто о немъ спорю, оправдываетъ его тѣмъ, что онъ художникъ. У нихъ художники не бываютъ, а у насъ бываетъ ихъ довольно, да и самъ папа художникъ, я привыкла къ художникамъ, но не вижу, чтобы они были похожи на Страшинскаго. Я стараюсь не заглядывать въ себя, тамъ взболамучено, какъ въ морѣ, и такъ же темно и горько Кто будетъ читать этотъ дневникъ? Никто. При жизни не дамъ, а посдѣ своей смерти никто не дастъ себѣ труда дочесть до конца; и онъ пожелтѣетъ и истлѣетъ гдѣ-нибудь на чердакѣ. Но я всетаки не брошу его.

На дняхъ возилъ насъ папа въ Эрмитажъ, показывалъ намъ залу, которую онъ только что окончилъ. Совсѣмъ волшебная зала. Чудо, какъ хорошо! Не жаль, что драгоцѣнное богатство матерьяла попало въ руки художника; художникъ блистательно воспользовался имъ.

Среда 25 апрѣля.

Недавно прочитала «*Кто виноватъ*» того Герцена, или Искандера, какое-то произведеніе котораго давалъ мнѣ Галанинъ, а мама сожгла. Что, если и то было такъ же хорошо, какъ и это? Что за человѣкъ этотъ Герценъ? По слухамъ о немъ и по этому «Кто виноватъ» я не могу взять его въ толкъ; я только поняла, что это большой талантъ. Но какъ же можетъ онъ не любить своей Россіи?

Сейчасъ былъ *Солнцевъ*; всѣ его хвалятъ, говорятъ, что это честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ. Онъ служитъ при генералъ-губернаторѣ и обѣщалъ устроить намъ наши заграничные паспорта.

Говорятъ, что къ коронаціи готовятся большія перемѣны въ административномъ мірѣ: старики уступятъ мѣста свои молодымъ. Пожалуй, это выйдетъ переливаніе пустого въ порожнее. И молодые окажутся такими же, какъ старики; вѣдь всѣ они толклись въ одной ступѣ.

Жаль Мея, онъ гибнетъ и погибнетъ. Отчего такъ непрочны наши таланты? Они—точно цвѣты, выросшіе на удивленіе міра, на невозможной почвѣ. Пищи корнямъ ихъ въ скудной почвѣ не оказывается и, едва распустившись чудесно, они вянутъ и сохнутъ. Почти всѣ наши лучшія дарованія погибли преждевременно *Кольцовъ*, *Гоголь*, *Бѣлинскій*, *Грановскій*, да всѣхъ и не перечтешь. *Пушкинъ* и *Лермонтовъ* погибли также преждевременно, но ихъ я исключаю, ихъ убили. Когда же нарастетъ почва? Откуда она нанесется? Ужъ не изъ нихъ ли самихъ она образуется? Не на ихъ ли костяхъ выростетъ новое поколѣніе новыхъ, *прочныхъ* талантовъ? На художникахъ роковая черта эта кажется еще нагляднѣе. Сколько молодыхъ дарованій возникаетъ въ Академіи, но, удививъ своимъ первымъ опытомъ, получивъ золотую медаль, точно сгораютъ они подъ жаркимъ солнцемъ Италіи. Что-то роковое заключается тутъ. Либо они гибнутъ сами, либо губятъ свой талантъ. Не погибъ еще, не сгорѣлъ, живя такъ долго въ Италіи, *Ивановъ*; но онъ видно исключеніе.

Мей не погубитъ свой талантъ, но самъ погибнетъ; онъ пьетъ страшно; какое тяжелое впечатлѣніе производитъ обстановка его дома: почти пустая квартира и пустой полуштофъ на покачнувшемся столѣ. По крайней мѣрѣ въ комнатѣ, въ которую насъ ввели, вѣроятно лучшую, столъ, продыравленный диванъ, пустой шкапъ и этотъ столъ съ полуштофомъ на немъ, больше ничего.

И въ этой-то обстановкѣ обреченъ былъ, можетъ быть, самъ

обрекъ себя, жить талантъ недюжинный, поэтъ Левъ Александровичъ Мей, воспитанникъ Царскосельскаго Лицея, 7-го выпуска, въ которомъ еще такъ живы были преданія Пушкина. Но онъ тамъ не одинъ, къ несчастью. Съ нимъ вмѣстѣ бьется, какъ птица въ сѣтяхъ, и не можетъ порвать ихъ, его жена Софья Григорьевна, рожденная *Полянская*. Богъ не далъ имъ дѣтей, и это большое счастье. Но большое несчастье, что по характеру своему, по воспитанію, по стремленіямъ Софья Григорьевна болѣе многихъ другихъ должна страдать; въ ней чувство изящнаго, любовь къ роскоши и блеску, главное—блеску, особенно сильно развиты.

Суббота 15 сентября.

Пока насъ не было въ Петербургѣ, преобразились журналы. Я до сихъ поръ еще не дотрогивалась до нихъ, но Бенедиктовъ и Полонскій, въ два вечера проведенные съ нами, прочитали намъ четыре статьи, до того непохожія на все, что выходило изъ чистилища цензуры въ прошедшемъ году, что не вѣрилось, что читаютъ съ печатнаго. Одна изъ этихъ статей рѣчь *Бабста* о *Политической экономіи*, произнесенная имъ на актѣ *Казанскаго* университета. Самый предметъ этотъ въ послѣдніе годы прошедшаго царствованія не читался ни на одномъ изъ нашихъ университетовъ; теперь же замѣчательная статья эта напечатана и отдѣльной брошюрой и въ нѣсколько дней вся разошлась.

Что это было въ прошедшемъ году! Цензора придирались къ словамъ и видѣли тайный смыслъ тамъ, гдѣ его не было; вычеркивали страницы, вычеркивали отдѣльныя слова, какъ напримѣръ: *тиранъ*, *гимназистъ*, *солдатъ*, *камена*; искажали трудъ писателей и, понятно, возмущали ихъ. Между тѣмъ зло, которое дѣйствительно существовало, не искоренялось, а увеличивалось, потому что росло неудовольствіе. Зависимость отъ цензора, который не понималъ, что такое *камена*, и имѣлъ право вычеркнуть и вычеркивалъ это слово и тѣмъ искажалъ поэтическое произведеніе, была дѣйствительно нестерпима.

Горе было писателямъ и поэтамъ! Какъ ухитриться, чтобы трудъ не пропалъ и былъ напечатанъ? Точныхъ правилъ, что цензурно, что нецензурно не было, не могло быть. Были общія правила, частности же зависѣли отъ взгляда, пониманія и мнѣнія цензора. Но цензоръ самъ зависимъ и онъ отвѣчаетъ за пропущенную статью мѣстомъ своимъ, т.-е. насущнымъ хлѣбомъ своимъ и семьи своей. Случалось, что цензоръ калѣчилъ или не пропускалъ совсѣмъ произведеніе, и тогда о томъ знали и роптали только самъ авторъ и его кружокъ. Но случалось, что по недосмотру или другимъ какимъ причинамъ пропускалъ—и уже

Е. А. Штакеншнейдеръ.

напечатанное произведеніе обращало на себя вниманіе,—тогда дѣло принимало иной, болѣе грозный, видъ. Тогда доставалось цензору, тогда говорили не одинъ только авторъ и его кружокъ, но говорилъ весь городъ; тогда цензора шалѣли, а писатели и журналисты теряли голову. Неужели все это кончилось и теперь всѣ будутъ довольны?

Пятница 28 сентября.

Во вторникъ, 2-го октября, въѣздъ государя въ Петербургъ. По всему городу устраивается иллюминація, очень затѣйливая. Недѣль черезъ шесть пріѣдутъ Глинки. Опять услышу я знакомый возгласъ: «*Вотъ какъ!*» Опять, завидѣвъ насъ съ мама, онъ побѣжитъ мелкими шажками намъ навстрѣчу, крича, громкимъ голосомъ: «*ручку! ручку! ручку!*» И возьметъ нашу руку и прижметъ къ своей щекѣ, а губами издастъ звукъ поцѣлуя, на воздухѣ; отпуститъ руку и скажетъ: «*вотъ какъ!*» Меня прежде очень смущала церемонія эта съ рукой, но теперь я привыкла. Главное, онъ руку вовсе не цѣлуетъ, не можетъ цѣловать, потому что носъ его и его подбородокъ ее до губъ не допускаютъ; но съ каждой дамой почти онъ продѣлываетъ эту церемонію.

Понедѣльникъ 15 октября.

Въ воскресенье Иванъ Карловичъ читалъ изъ «Русскаго Вѣстника» «*Губернскіе Очерки» Щедрина,* отъ которыхъ и совершенно здоровый человѣкъ можетъ заболѣть хандрой.

Среда 31 октября.

Вчера вечеромъ была у Струговщиковыхъ[1]). Застала тамъ Лизу Шульцѣ и Наденьку и въ тѣсномъ кружкѣ, въ полумракѣ за болтовней, не замѣтила, какъ пролетѣло время.

Между прочимъ зашла рѣчь о стихахъ *Некрасова. Я* вдругъ и скажи: «*я не люблю Некрасова*». На меня такъ и набросились: «*какъ, что, не любишь Некрасова?*» За меня заступилась Наденька, но, кажется, по недоразумѣнію. «*Оставьте ее*»,—сказала она, «*она вѣрно знаетъ, что говоритъ*». Наденька не умѣла пояснить свое предположеніе, отчего я знаю, что говорю, потому что вошли маменьки и разговоръ принялъ другое направленіе,. Но кажется, я поняла, что хотѣла она сказать. Некрасовъ въ настоящее время кумиръ, богъ, поэтъ, выше Пушкина; ему поклоняются и противъ него говорить нельзя. Въ сущности подругамъ моимъ до него очень мало дѣла, но что онъ идолъ неприкосновенный,

---

[1]) Александръ Ник. Струговщиковъ (1808—78), поэтъ и переводчикъ. *Ред.*

это онѣ, конечно, знаютъ и потому такъ поразила ихъ моя дерзость. Наденька же, вѣроятно, сообразила, что такъ какъ я прихожу къ нимъ изъ тѣхъ сферъ, гдѣ эти идолы, такъ сказать, фабрикуются, то нѣтъ ли тутъ новаго, новѣе Некрасова и не кошелъ ли Некрасовъ ужъ на сломъ. Такъ я думаю. Но можетъ быть я ошибаюсь и Наденька хотѣла сказать что нибудь другое.

А въ самомъ дѣлѣ, что за странное наступило время. Все какъ-то цѣнится не само по себѣ, а относительно. Некрасовъ угодилъ минутѣ, Некрасовъ—выше Пушкина. Пройдетъ минута и Некрасовъ станетъ, пожалуй, ненужнымъ. Но въ настоящую минуту не смѣй тронуть его, иначе ты ретроградъ, и еще какихъ ругательныхъ словъ, въ родѣ этого, нѣтъ! Въ ретроградствѣ меня не заподозрили: это было бы, въ ихъ глазахъ, слишкомъ ужасно. А я вѣдь ретроградка, и въ моихъ глазахъ это вовсе не ужасно; да и ужасно ли или не ужасно, а такъ есть. Мнѣ жаль стараго, родного, чему поклонялись, что было опорой и утѣшеніемъ и что поругано и оплевано.

Я нахожусь еще въ переходномъ состояніи. Можетъ быть я окрѣпну, вѣрнѣе сказать, затвердѣю. Можетъ быть, придетъ пора и сама возьму топоръ и перерублю всѣ веревки, удерживающія меня на этомъ берегу, и пущусь къ тому. И скорѣй бы ужъ что-нибудь, а такъ жить—не жить.

Но есть же вѣдь способъ жизни. Вѣдь живутъ же люди и мыслятъ.

И вспоминается мнѣ тихій вечеръ на берегу Бріенцскаго озера. Горъ волшебная, очаровательная даль и вдали, между голубымъ небомъ и голубымъ озеромъ, темная полоска, тогда только что покинутый нами Интерлакенъ. Я сижу на балконѣ съ большою книгою на колѣняхъ, очарованная дивною картиною швейцарскаго вечера. Англичанка играетъ въ сосѣдней комнатѣ на фортепьяно; ея братъ стоитъ, прислонясь къ дверямъ, на балконѣ и такъ же, какъ и я, прислушивается къ музыкѣ и любуется вечеромъ. Между тѣмъ горы становятся темнѣе, вода прозрачнѣе, небо свѣтлѣе, между нами завязывается разговоръ. И вотъ, наэлектризованная, можетъ быть, прекраснымъ, въ тотъ вечеръ въ первый разъ я поняла смутно, но поняла, что можно быть мыслящимъ человѣкомъ и признавать надъ собою еще иную силу, власть, кромѣ своей личной. Что истина можетъ укрываться въ сатирѣ, но что это еще не значитъ, чтобы каждая сатира, насмѣшка и гримаса непремѣнно заключала въ себѣ истину; и что любить ее и исповѣдывать не значитъ громить, уничтожать и попирать ногами, не разбирая, вмѣстѣ съ неправдой и святыню. Однимъ словомъ, въ тотъ вечеръ я поняла, что истинно просвѣ-

щенный человѣкъ смотритъ на святое, прекрасное и свободу совсѣмъ не такъ, какъ смотрятъ на нихъ у насъ. Но зато мы съ цѣпи сорвавшіеся, или, по меньшей мѣрѣ, школьники, выпущенные на волю.

Но кто же онъ, тотъ странный незнакомецъ, съ которымъ часа на три-четыре свела меня судьба и развела прежде, чѣмъ я узнала его имя и кто онъ? Я и лица его не помню, потому что скоро стемнѣло, да и смотрѣла я больше на горы, на озеро, чѣмъ на него. Книга, которая лежала на колѣняхъ у меня, была полна памфлетовъ и карикатуръ на Николая Павловича; съ нихъ разговоръ нашъ и начался, но только начался. Затѣмъ тема его расширилась и поднялась. Незнакомецъ говорилъ чрезвычайно увлекательно. Я жадно вслушивалась въ смыслъ его рѣчей, потому что онѣ и разгоняли мой умственный туманъ, и цѣлили больныя мѣста въ душѣ моей. И, по его краснорѣчію, потому что онъ все стоитъ прислонясь къ косяку двери, а не идетъ взять стулъ и сѣсть, я видѣла, до какой степени и самъ онъ увлекся. И вдругъ, неожиданно, какъ ушатъ холодной воды: *«Гдѣ ты пропадаешь? Мама сердится».—«Я не прощаюсь съ вами, мы увидимся завтра»...* и—больше ничего. Можетъ быть его имя уже пользуется извѣстностью или будетъ ею пользоваться. И я его буду встрѣчать въ печати или слышать о немъ и не буду знать, что этотъ знаменитый человѣкъ мой бріенцскій собесѣдникъ.

Суббота 17 ноября.

Разсказала, какъ англичанинъ, или можетъ быть то былъ ирландецъ, въ Бріенцѣ разсѣялъ было мой умственный туманъ, теперь разскажу, какъ русскій, т.-е. русская книга, пріобрѣтенная въ Берлинѣ, снова меня отуманила; даже болѣе того—отравила.

На другой день по пріѣздѣ нашемъ въ Берлинъ бродили мы по его неказистымъ улицамъ, удивляясь, какъ все кругомъ некрасиво, невзрачно и бѣдно, и добрели до одного книжнаго магазина, въ витринѣ котораго кинулись намъ въ глаза двѣ русскія книги: *Полярная Звѣзда* и *Тюрьма и Ссылка* Искандера, того самаго, какое-то сочиненіе котораго мама сожгла прошлой зимой. На этотъ разъ мама вошла въ магазинъ и сама купила обѣ книги. Вернувшись домой, я случайно начала читать послѣднюю и, забывъ все на свѣтѣ, читала ее до поздней ночи. Мама спала уже давно, но проснулась, увидала, что я читаю и велѣла потушить свѣчу. Я послушалась, но спать не могла, а какъ сидѣла на постелѣ, свѣсивъ ноги, такъ и просидѣла до утра. Я все думала, думала и мнѣ дѣлалось страшно. Мама

и Марья Петровна проснулись, надо было собираться въ дорогу, спѣшить. Я двигалась, какъ автоматъ, но внутренній разладъ, борьба внутренняя не стихала и страхъ меня не покидалъ и не покидаетъ до сихъ поръ.

Мнѣ все кажется, чувствуется даже, что я не стою на твердой почвѣ, а нахожусь въ воздушномъ пространствѣ и надъ головой ничего, и ничего подъ ногами и кругомъ. Я испытываю то же ощущеніе, которое испытывается, когда находишься на краю бездны и смотришь въ нее съ высоты. Мнѣ кажется, весь міръ находится на краю бездны и долженъ погибнуть. Что наступили послѣднія времена, о которыхъ сказано въ Евангеліи, и я удивлялась, какъ этого никто не замѣчаетъ. И въ то же время то, что этого никто не замѣчаетъ, поддерживаетъ мой ужасъ, потому что если бы замѣтили и повѣрили, то образумились бы и пророчество бы не исполнилось.

Вотъ я написала, наконецъ, то, что нѣтъ духу выговорить; что скрываю ото всѣхъ, о чемъ и писать не думала, не рѣшалась. Можетъ быть я сумасшедшая. Сумасшедшіе вѣдь такъ скрываютъ, кажется, умѣютъ скрывать пункты своего помѣшательства. И какъ я это понимаю! Какъ ужасно открыть интересное и внушить его другому. Видѣть свой ужасъ и въ другомъ.

А можетъ быть меня бы разговорили...

Нѣтъ, не смогу открыть.

Я стараюсь не думать, стараюсь отгонять страшныя мысли, преодолѣвать страхъ, болтаю, смѣюсь, но достаточно одного слова, чтобы все рушилось опять. Я боюсь всего, что касается астрономіи, научныхъ открытій вообще и—отрицанія... глумленія и кощунства.

Вторникъ 4 декабря.

Въ воскресенье былъ Бенедиктовъ, обѣдалъ и просидѣлъ вечеръ. Просидѣлъ—слово невѣрное. Онъ мало сидитъ, а больше ходитъ или стоитъ, куритъ свой мариландъ въ длинныхъ папиросахъ и бьетъ при этомъ одну ногу другой. Куритъ же онъ безпрерывно, одну папиросу зажигаетъ о другую, и это, повидимому, нисколько не вредитъ его здоровью. Онъ малъ ростомъ и не широкъ въ плечахъ, но грудь у него не впалая, а голосъ такой плавный, сильный, мужской. Но голосъ имѣть бы рослому Тургеневу, а то у того голосъ, какъ у цыпленка. И о чемъ мы ни переговорили съ Бенедиктовымъ: и о привидѣніяхъ, и о вертящихся столахъ, и вертѣли столъ, и о гаданіи, о безсмертіи души и будущей жизни.

Пятница 28 декабря.

Вчера обѣдали Полонскій и *Соколовъ*, Иванъ Ивановичъ [1]). Онъ кончаетъ къ выставкѣ, которая будетъ въ мартѣ, картину, *Ночь на Ивана Купала*, говорятъ, чудесная вещь. Недавно привозилъ къ намъ *Моллеръ, Федоръ Антоновичъ* [2]), т.-е. художникъ, извѣстный своей картиной, *Поцѣлуй* (а не тотъ Егоръ Моллеръ, что женился на *Кафкѣ*), свою молодую красавицу-жену. Женился онъ лѣтомъ на островѣ *Эзелѣ* на дальней родственницѣ своей. «*Jch komme mir so wichtig vor*», говоритъ она, еще лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ сидѣвшая на школьной скамейкѣ, а теперь принимающая гостей въ великолѣпной гостиной стариннаго барскаго дома Моллеровъ.

Послѣднюю картину ея мужа, *Іоаннъ Креститель, проповѣдывающій во время вакханалій*, находятъ тоже замѣчательной. Въ Петербургѣ развелось ужасно много воровъ; только о нихъ и слышно.

Но читающій міръ занятъ не ими, а «Русскимъ Вѣстникомъ», гдѣ печатаются *Губернскіе Очерки* Щедрина. Его ужъ ставятъ выше Гоголя.

1857 годъ.

Понедѣльникъ 7 января.

Сегодня ѣдемъ къ Бенедиктову на вечеръ. Онъ хочетъ познакомить насъ съ *Лавровыми* [3]). *Лавровъ*, артиллерійскій офицеръ, о которомъ много говорятъ. Онъ авторъ тѣхъ двухъ стихотвореній, которыя въ 1854 году ходили по рукамъ. Особливо одно, къ *Русскому Царю*; другое, *Къ Русскому народу*, было менѣе распространено, потому что слишкомъ нецензурно. Ихъ приписали, было, *Хомякову* и призывали его и допрашивали, онъ смогъ доказать свою неприкосновенность къ нимъ, и его оставили въ покоѣ. Лавровъ же, узнавъ объ опасности, грозящей Хомякову, хотѣлъ себя обличить, но его удержали. Такъ авторъ и не былъ найденъ и дѣло прекратилось, и стихи попрятались и забылись.

Особенно много разсказываетъ мнѣ про того Лаврова Бенедиктовъ. Онъ говоритъ, что это какой-то необыкновенный, плу-

---

[1]) Род. въ 1823 г., въ 1857 г. академикъ, въ 1860 г. профессоръ, жанристъ и пейзажистъ. *Ред.*

[2]) Род. 1812 г., ум. 1875. Въ 1840 г. за картину «Поцѣлуй» получилъ званіе академика, въ 1857 г. званіе профессора. *Ред.*

[3]) Болѣе полную характеристику Лаврова см. воспоминанія Е. А. Штакеншнейдеръ въ № 7—8 «Голоса Минувшаго», «Дневникъ» за 1859 г., напечатанный въ «Русск. Вѣстн.» 1901 г., № 8, а также отрывокъ воспоминаній, который будетъ напечатанъ въ слѣдующей книгѣ «Голоса Минувшаго». *Ред.*

тарховскій человѣкъ, суровый къ себѣ, но вообще идеалистъ и мечтатель и въ то же время замѣчательный математикъ. Начитанность и память у него необыкновенныя и еще въ дѣтствѣ отличался онъ способностями, особливо къ языкамъ и къ математикѣ. Въ корпусѣ, гдѣ онъ воспитывался, всегда его вызывали къ доскѣ, если корпусъ посѣщалъ какой-нибудь иностранный принцъ и вообще иностранецъ, потому что Лавровъ владѣетъ французскимъ и нѣмецкимъ языками такъ же легко, какъ роднымъ, и могъ отвѣчать на предлагаемые вопросы на любомъ изъ нихъ. Отецъ его тоже отличался суровостью, но не относительно себя, а относительно подчиненныхъ и семьи; онъ былъ даже крайне жестокій человѣкъ, говоритъ Бенедиктовъ. Теперь отца уже нѣтъ въ живыхъ. Лавровъ женатъ, и у него четверо дѣтей. Лавровы живутъ на Фурштадтской, а почти рядомъ съ ними, въ собственномъ небольшомъ домикѣ, живетъ его престарѣлая мать съ дочерью, тоже уже немолодой. Бенедиктовъ не можетъ наговориться и о томъ, какой идеальный сынъ, мужъ, отецъ и братъ Лавровъ. Вообще мнѣ странно слушать Бенедиктова о Лавровѣ. То онъ его хвалитъ, ставитъ недосягаемо высоко, то точно предостерегаетъ отъ него. Говоритъ, что, какъ характеръ онъ идеаленъ, но какъ философъ-математикъ въ выводахъ своихъ безпощаденъ и жестокъ. Мнѣ онъ пророчитъ, что когда я съ нимъ познакомлюсь ближе, то забуду всѣхъ остальныхъ, т.-е. и его, Бенедиктова, и Ивана Карловича и проч., и проч. Но что у меня общаго съ Лавровымъ, какъ познакомлюсь я съ нимъ близко? Онъ какъ будто даже не хочетъ, чтобы мы встрѣтились у него въ домѣ, но все равно говоритъ, вѣдь Иванъ Карловичъ уже вводитъ его въ домъ Ливотовыхъ.

Вторникъ 22 января.

У Бенедиктова видѣла Лаврова и познакомилась съ нимъ и его женой. Видѣла, но умныхъ рѣчей его, о которыхъ столько говоритъ Бенедиктовъ, не слыхала, да и никакихъ рѣчей, т.-е. разговора никакого не слыхала, потому что почти весь вечеръ все что-нибудь читали или декламировали. Были тамъ еще закадычные друзья Владиміра Григорьевича, Баумгартенъ. Онъ и жена его Авдотья Павловна страстно любятъ читать или декламировать; ну, и самъ хозяинъ, также и потому много бесѣдовать и не пришлось.

Лавровъ—рыжій, съ довольно большими, сѣроголубыми, близорукими глазами и усами, которые не расчесаны на двѣ стороны, а сплошь покрываютъ губу и немного, даже, торчатъ, такъ что, когда онъ читаетъ, по причинѣ близорукости поднеся

книгу очень близко къ глазамъ, то они даже прикасаются къ книгѣ. Цвѣтъ лица у него бѣлый, какъ у рыжихъ вообще, а руки бѣлыя и пухлыя, какъ у архіерея. Онъ немного картавитъ. Жена его, рожд. *Капгеръ*, слыветъ красавицей. И когда она еще была барышней, ее встрѣтилъ разъ на улицѣ К. П. Брюлловъ, разузналъ, кто она, и просилъ позволенія написать съ нея Мадонну.

Мама приглашала ихъ и Баумгартеновъ къ намъ.

Воскресенье 27 января.

Солнцевъ служитъ при генералъ-губернаторѣ *Игнатьевѣ* и потому все, что случается въ городѣ, знаетъ изъ первыхъ рукъ, и не только петербургскія новости онъ знаетъ, но и московскія. Теперь всѣ говорятъ о происшествіи между *Шевыревымъ* и графомъ *Алексѣемъ Бобринскомъ*, по-просту сказать, о дракѣ ихъ. Вотъ какъ разсказываетъ о грустномъ событіи этомъ Солнцевъ. Шевыревъ, въ домѣ у *Черткова*, нападалъ на *сэра Роберта Пиля* за отношеніе его къ Россіи, и между прочимъ за его отзывъ объ университетахъ нашихъ. Это не понравилось западнику Бобринскому, и онъ сталъ защищать Пиля и назвалъ Шевырева квасны мъ патріотомъ, который кадитъ правительству. Шевыревъ вышелъ изъ себя и ударилъ его по лицу. Бобринскій не взвидѣлъ свѣта, кинулся на него, повалилъ его и сталъ топтать ногами. Напрасно разнималъ ихъ Чертковъ и пытался оттащить Бобринскаго, пугая его тѣмъ, что онъ можетъ убить Шевырева, Бобринскій ревѣлъ, что онъ этого и желаетъ, и Чертковъ былъ вынужденъ позвать людей, которые и развели подравшихся, вѣрнѣе сказать освободили полумертваго Шевырева и на простыняхъ унесли его домой. Теперь опасаются за его жизнь, а графъ Бобринскій не унимается и хочетъ еще стрѣляться съ нимъ, говоря, что оба они жить не могутъ. У Шевырева, между тѣмъ, перебывала вся Москва.

Еще разсказывалъ Солнцевъ, какъ одинъ молодой кавалергардъ, *князь Голицынъ*, держалъ пари, что будетъ у *Муравьевой* въ гостяхъ. Муравьева—танцовщица и еще воспитанница театральной школы[1]. Она недавно только начала танцовать соло и отъ нея всѣ балетоманы безъ ума, потому что она и танцуетъ хорошо, и сама хорошенькая и граціозная.

Первое препятствіе, которое встрѣтилъ Голицынъ при исполненіи своего намѣренія, былъ швейцаръ. Для устраненія его онъ не придумалъ ничего умнѣе своей шпаги, вынулъ ее изъ ноженъ и ранилъ швейцара. И стало первое препятствіе и послѣд-

---

[1]) Марѳа Ник. Муравьева (1838—79), извѣстная впослѣдствіи балерина. *Ред.*

нимъ, потому что дальше итти ему не пришлось: тутъ же его взяли и посадили, куда надо, и пари онъ проигралъ.

Понедѣльникъ 28 января.

Теперь у Глинокъ собираются гости. Авдотья Павловна разливаетъ чай, и два высокіе лакея и маленькій Федюша, въ сѣромъ полуфракѣ и красномъ жилетѣ, помогаютъ ей. Федоръ Николаевичъ сидитъ на диванѣ или у печки со своими старичками. Старички эти графы Толстые, генералъ *Бурачокъ*, нѣкогда издатель *Маяка*, Гречь, *генералъ Глинка*, двоюродный братъ Фед. Ник., сенаторъ и проч. Дамы сидятъ за чайнымъ столомъ и въ другихъ комнатахъ; молодые люди бродятъ повсюду. Говоръ у Глинокъ бываетъ, какъ нигдѣ, развѣ въ ульѣ еще; еще входя въ прихожую слышишь его изъ-за затворенныхъ дверей.

Среда 17 апрѣля.

Щербина продолжаетъ острить попрежнему и попрежнему больше всѣхъ достается отъ него И. И. Панаеву. Достается и другимъ, но не все доходитъ до насъ. Написалъ онъ и на Авдотью Павловну и на А. Н. Майкова, мама не захотѣла слушать, и съ тѣхъ поръ мы многаго не слышимъ. Федора Николаевича прозвалъ онъ ходячій иконостасикъ, по причинѣ множества орденовъ и крестовъ, которыми увѣшана его грудь. И на себя сочинилъ онъ четверостишіе:

И какой я литераторъ,
И поэтъ то я плохой.
Я колежскій регистраторъ
Съ буколической душой.

Но сохрани Богъ кому нибудь другому обмолвиться чѣмъ-нибудь острымъ, прозой или стихами, на его счетъ. Онъ тотчасъ же какъ то свернется и нахохрится, какъ тогда, на именинахъ Полонскаго. Говорятъ, что онъ особенно зло преслѣдуеъ Панаева именно за то, что Панаевъ что то такое сказалъ про него [1]).

---

[1]) Нѣкоторыя отповѣди Щербины очень сильны и язвительны. Такъ на вопросъ ему отъ Плещеева, Сѣверцова и Тихменева:

«Полу-хохолъ и полу-грекъ,
Но нѣжинскій, а не милетскій,
Скажи: къ чему ты въ злобѣ дѣтской
Свой жалкій коротаешь вѣкъ?»—Щербина отвѣчалъ:
«Хоть эллинъ я изъ Таганрога,
Но все-жъ я грекъ, не сынъ рабовъ...
За нами въ прошломъ славы много,
Къ намъ уваженіе вѣковъ.
У васъ—застѣнки, плети, клѣтки,
У насъ—свобода дѣлъ и словъ;
И чѣмъ древнѣе ваши предки,
Тѣмъ больше съѣли батоговъ».

Бѣдный Щербина—никто такъ не уговаривалъ меня писать дневникъ и вносить въ него все, все, самыя мелочи, какъ онъ, и вотъ, про него то я и пишу нехорошія вещи. Но, что дѣлать, когда онъ таковъ, когда есть въ немъ эти черты. Иные стихи его прекрасны; но стихи одно, онъ другое. У меня хранится тетрадь его *Ямбъ и Элегій*, переписанныхъ частью графомъ Ф. П. Толстымъ и частью Осиповымъ; я нѣкоторые изъ нихъ очень люблю. Онъ самъ чутокъ на прекрасное. Его приводятъ въ восторгъ нѣкоторыя стихотворенія *Фета*, напримѣръ: *Знаю я, что ты малютка...* или *Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ...* и *Шепотъ, робкое дыханье.* Съ восторгомъ повторяетъ онъ и стихи Полонскаго и Гейне, но все же въ немъ есть что то отталкивающее, и это даже не столько злость его, какъ какая то трусость—себялюбія. Онъ не такъ противенъ, когда кусается, какъ тогда, когда укусивъ, прячется въ подворотню и жалуется, что его обидѣли. Живется ему плохо, я это знаю, съ нимъ носятся и о немъ всячески хлопочутъ его друзья, какъ Солнцевъ, Г. Данилевскій, Ротзальонъ-Сашальскій; Толстые хлопотали, и мама также. Хлопотали пристроить его на службу. Помню, какъ при этомъ разъ дѣдушка, котораго также просила за него мама, сказалъ: «*Матушка, да какъ онъ сдѣлается чиновникомъ и надѣнетъ вицмундиръ, когда онъ и ихъ и его ужъ оплевалъ!*» Однако онъ сдѣлался чиновникомъ и надѣлъ вицмундиръ, но кажется ненадолго. Тогда то и написалъ онъ:

Я коллежскій регистраторъ
Съ буколической душой.

Среда 6 октября.

Въ столѣ у меня лежитъ *Колоколъ* Искандера, и надо его прочитать спѣшно и украдкой и возвратить. Искандеръ теперь властитель нашихъ думъ, предметъ разговоровъ. Что изречетъ онъ въ Лондонѣ, то подхватывается въ Петербургѣ и комментируется, а больше смакуется, какъ нѣчто сладкое, когда оно въ сущности горько. Странныя дѣла происходятъ, въ удивительное время попалась я жить! Рано выходилъ изъ своего гроба Николай Павловичъ и ходилъ съ братомъ Михаиломъ Павловичемъ по Петербургу. Стоило ли безпокоиться, вылѣзать изъ могилы, въ 1855 году. Вылѣзли бы они, да походили и послушали теперь, главное, послушали бы.

Колоколъ прячутъ, но читаютъ всѣ; говорятъ, и государь читаетъ. Корреспонденціи получаетъ Герценъ отовсюду, изо всѣхъ министерствъ и, говорятъ, даже, изъ дворцовъ. Его боятся и имъ восхищаются. Онъ, само-собой, запрещенъ; читаютъ его или въ одиночку, украдкой или въ очень интимныхъ кружкахъ и

говорятъ о немъ тоже не открыто. Говорить открыто, а тѣмъ болѣе писать, запрещено; но и потихоньку, въ своемъ кружкѣ, говорить можно не все, осуждать, критиковать, сомнѣваться въ чемъ-нибудь изданномъ Герценомъ—нельзя, еще строже запрещается либералами, чѣмъ его хвалить или просто читать запрещено предержащей властью, правительствомъ. Я однажды отважилась сказать моимъ подругамъ, что не люблю Некрасова,—что не люблю Герцена, не отваживалась бы. Говорю это не къ тому, что онъ мнѣ также не нравится, нѣтъ, онъ увлекателенъ, въ немъ есть что то подмывающее; цѣль его, которую онъ выставляетъ и выставляютъ за него другіе,—благая цѣль, но я только хочу сказать, что нѣтъ нетерпимѣе людей, чѣмъ либералы. И имѣемъ мы теперь двѣ цензуры и какъ бы два правительства, и которое строже,—трудно сказать. Тѣ, бритые и съ орденомъ на шеѣ, гоголевскіе чиновники отходятъ на второй планъ и на сцену выступаютъ новые, съ бакенами и безъ орденовъ на шеѣ, и они въ одно и то же время и блюстители порядка, и блюстители безпорядка. Вотъ тутъ и разбирай: гдѣ правда, гдѣ неправда. Ну-ка, Николай Павловичъ, вылѣзай-ка теперь изъ гроба и погуляй по Петербургу. Душой новаго, либеральнаго направленія, прогресса называютъ *В. К. Константина Николаевича.* Про государя говорятъ, что онъ добръ, благороденъ, но нерѣшителенъ и слабъ. Константинъ же Николаевичъ и уменъ, и рѣшителенъ. И все хорошее въ либеральномъ духѣ приписываютъ ему, все противоположное—государю.

А интересно бы знать, что такое изъ сочиненій Герцена сожгла тогда мама. Теперь и она читаетъ его, но не показываетъ дѣдушкѣ. И Бенедиктовъ читаетъ. Бенедиктовъ бакеновъ себѣ не отпускаетъ, а остается бритымъ, какъ былъ; но съ орденомъ на шеѣ больше не являлся. А я помню, какъ въ 1853—4 годахъ онъ приходилъ съ нимъ. Бенедиктовъ очень пріятный человѣкъ. Отличительная черта его—скромность. Онъ очень уменъ и мнѣній своихъ не скрываетъ, но и не кричитъ ихъ всему свѣту въ уши. Онъ умѣетъ молчать, но и умѣетъ сказать впору вѣское слово, иногда очень острое.

Полонскій уѣхалъ за границу еще 18-го мая. Мы провожали его на пароходъ, но на пристани было столько народа, что и парохода за народомъ не было видно и, слѣдовательно, и Полонскаго. Мы однако успѣли проститься съ нимъ, и онъ умѣлъ показать намъ издали *Константина Аксакова*, сына *Сергѣя Тимофеевича* старшаго, и брата *Ивана*, поэта. Полонскій говоритъ, что Константинъ Аксаковъ человѣкъ необыкновенный, возвышеннаго ума и глубоко религіозный; впрочемъ, всѣ Аксаковы люди недюженные.

Четвергъ 6 декабря.

Читаю мало, по совѣту доктора *Курочкина,* [1]) нашего новаго знакомаго, брата переводчика Беранже, который тоже у насъ бываетъ. Субботы наши еще существуютъ, но тихія и немноголюдныя; такъ человѣкъ въ 20—30 и почти все одной масти; есть нѣсколько новыхъ знакомыхъ, вотъ Курочкины, Лавровы. Между тѣмъ, пока мы живемъ такъ тихо, въ центрѣ столицы и вдали отъ шума городского, потому что у насъ съ одной стороны дворъ, а съ другой садъ, въ Петербургѣ совершаются такія вещи, что иногда спрашиваешь себя: «не сонъ ли это?»

Было время, когда не смѣли говорить объ освобожденіи крестьянъ. Потомъ наступило другое, когда объ освобожденіи крестьянъ говорить было разрѣшено, и всѣ о немъ заговорили,—теперь—что теперь? Неужели опять запретили? Какое! Теперь мало того, что говорятъ, теперь «дѣйствуютъ». Рескриптъ[2]) объ этомъ уже недѣли двѣ какъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ. Не разомъ вся Россія освобождается. Начинается освобожденіе съ четырехъ губерній: С.-Петербургской, Минской, Гродненской и Виленской.

Тому, кто не переживаетъ самолично нынѣшняго времени, не понять, т.-е. не представить себѣ, что нынѣ говорится и сколько. Вотъ, поистинѣ, словоизверженіе, и объясняемое лишь тридцатилѣтнимъ молчаніемъ.

Невольно вспоминается Шелкова, знакомая Глинокъ и отъ которой спасался старикъ Вигель, чтобы не слышать ея неумолчной болтовни; она вѣдь тоже была нѣмою 17 лѣтъ.

Теперь всѣ превратились въ Шелковыхъ и даже сами бывшіе Ф. Ф. Вигели.

Говорить никто и ничего не мѣшаетъ, и говорятся вещи самыя неожиданныя и изумительныя. Вотъ писать и печатать не все можно, а говорить все. Главная тема—освобожденіе крестьянъ, это великая новость; но есть каждый день новыя новости, не столь крупныя, но тоже захватывающія.

Радость, по поводу предстоящаго освобожденія, недоумѣніе, опасеніе, ожиданіе—велики, какъ велико и грядущее событіе.

И вотъ, можно сказать, ворота отперты, поводья сняты, конь несется...

Въ числѣ нашихъ знакомыхъ есть много помѣщиковъ. Ни единый полусловомъ, намекомъ даже, не выражаетъ какого-нибудь неудовольствія по поводу ожидаемаго событія. Всѣ рады,

---

[1]) Николай Степановичъ, 1830—1884. *Ред.*
[2]) Виленскому генералъ-губернатору.

всѣ прославляютъ государя, а еще болѣе Константина Николаевича: вѣдь ему приписываютъ все хорошее.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Еще годы пройдутъ, пока все уладится и наладится, и сколько словъ, сколько словъ еще извергнется.

Ну такъ, что же? Du choc des opinions jaillit la verité.

1858 годъ.

Пятница 9 января.

Глинки пріѣхали. На-дняхъ Федоръ Николаевичъ пріѣзжалъ звать насъ къ себѣ. Мы были въ понедѣльникъ. Видѣли графиню;[1]) она мнѣ напомнила былое время. Была тамъ еще *Ладыжинская*, pendant къ графинѣ, олицетворенный восторгъ. Религія и поэзія великія вещи, но и изъ нихъ можно сдѣлать какую то непріятную смѣсь и преисполниться ею; это онѣ обѣ и дѣлаютъ. И откуда только Авдотья Павловна набрала этихъ барынь. Ихъ у нея четыре, цѣлая кадриль или квартетъ фальшивой музыки, хотя и поютъ онѣ одинаково. «Dis moi qui tu hante, et je te dirai, qui tu es», говоритъ пословица, но въ отношеніи къ Глинкамъ она даже не примѣнима и только подтверждаетъ другую, что *нѣтъ правилъ безъ исключенія*; Авдотью Павловну притворщицей назвать ужъ никакъ нельзя, она скорѣе рѣзка, вовсе не сентиментальна и вовсе не похожа на этихъ четырехъ. Но что она смотритъ на вещи трезво, освѣтя ихъ умомъ, котораго у нея такъ много, тоже нельзя сказать. Кто-то ей напустилъ туману къ глазамъ, и она попала въ лабиринтъ фальши и вмѣсто того, чтобы постараться оглядѣться, увѣряетъ, что ей очень хорошо.

Дѣло въ томъ, что недавно отъ самой Ладыжинской я слышала, что людямъ своимъ, конечно, крѣпостнымъ, она обыкновенно, когда провинятся они, вмѣсто всякихъ разговоровъ, даетъ *«отеческія наставленія десницей»*, ея собственное выраженіе.

Разсказывала это Ладыжинская по поводу того, что у нея есть горничная, которая никакъ не можетъ научиться говорить: *экипажъ поданъ*, или *лошади готовы*, а все говоритъ: *лошади пріѣхали*. За это то *пріѣхали лошади* она и награждается пощечинами. Ну какъ тутъ не возрадоваться предстоящему освобожденію и не сочувствовать Герцену и компаніи, когда даже и такіе люди, которыхъ называютъ правдивыми, т.-е. честными, съ легкимъ сердцемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, поднимаютъ руку свою на ближняго.

---

[1]) Толстую жену, гр. Ѳед. Петр., вице-президента Академіи Художествъ. *Ред.*

Грядущее великое событіе освободитъ не однихъ крестьянъ, оно освободитъ и помѣщиковъ отъ грѣха.

Суббота 11 января.

Сегодня приступаю къ дневнику моему еще вся взволнованная. Только что читались рѣчи *Кокорева, Бабста, Кавелина,* Павлова и Каткова, произнесенныя ими въ Москвѣ на обѣдѣ, даваемомъ на радость предстоящаго освобожденія [1]).

Заря какой то новой жизни занимается въ самомъ дѣлѣ. О, не мнѣ писать о ней. Я только могу повторять вслѣдъ за Иваномъ Карловичемъ: «*Слава Богу, что я еще не умерла*».

Сейчасъ были у Гоха [2]). Сегодня весь день читала *Wilhelm Meister'a,* а вечеромъ начала *3-ю Полярную Звѣзду* Искандера.

Среда 15 января.

Разъ разговорилась я съ докторомъ Курочкинымъ и съ Иваномъ Карловичемъ о томъ, чья изъ извѣстныхъ людей участь самая завидная. Много біографій перебрали мы, и наконецъ Курочкинъ задалъ вопросъ, кого изъ извѣстныхъ женщинъ считаю я самой достойной зависти, не *Жоржъ Зандъ ли?* Но какая женщина Жоржъ Зандъ? Она полу-мужчина. Курочкинъ утверждаетъ, что напротивъ того, она именно и есть вполнѣ развитая женщина. Но развѣ вполнѣ развитая женщина должна походить на мужчину? Послѣ этого кустъ, выросши, долженъ сдѣлаться деревомъ; соловей—вороной? Я не вѣрю, что для женщинъ нѣтъ инаго развитія, какъ на этотъ образецъ.

Курочкинъ стоялъ на-своемъ и долго и горячо защищалъ свою тему. А мнѣ вдругъ показалось, что мужчины изъ самомнѣнія и самообожанія выдумали это развитіе и не могутъ себѣ представить иного и самостоятельнаго. Когда я это высказала, Курочкинъ разсмѣялся и расплескалъ свой чай.

Суббота 25 января.

Сейчасъ кончилась наша суббота. Были дѣдушка, Бенедиктовъ, тетенька Л., Лиза, Лавровъ, Глинки, Солнцевъ съ дочерью, Данилевскій съ женой, Курочкины, Гебгардты, Соколовъ, Хлѣбовскій, Панаевъ, Святскій, Гохъ. Но нѣкоторые изъ этихъ лицъ почти весь вечеръ провели, запершись, наверху, въ моей комнатѣ. Они читали 5 и 6-й номера *Колокола.* Я конечно не слушала, мнѣ надо было быть внизу. Но Гохъ говоритъ, что я не много потеряла:

---

[1]) См. матеріалы, сообщенные А. З. Попельницкимъ въ «Голосѣ Минувшаго» 1914 г., № 2. *Ред.*

[2]) Вѣроятно Ив. Андр. Гохъ (1823—78), съ 1855 г. академикъ живописи. *Ред.*

потому во-первыхъ, что тамъ было слишкомъ много возмутительнаго, а во-вторыхъ, одна исторія, которую онъ и не далъ бы мнѣ слушать.

Вторникъ 28 января.

Только что отъ Лавровыхъ, а мнѣ ужъ опять хочется къ нимъ. Они мнѣ нравятся, нравится складъ ихъ жизни, вся ихъ семья; ихъ дѣвочки въ длинныхъ локонахъ, съ открытыми шейками и ручками, такія хорошенькія и благовоспитанныя, она—красивая и величавая; смѣсь, но очень хорошая смѣсь, русской барыни съ нѣмкой изъ образованнаго и богатаго дома, а главное, нравится онъ, и можетъ быть, не столько нравится, сколько любопытенъ. Я что то стала тупа на анализъ (и очень этому рада, впрочемъ), я не могу, въ сущности, отдать себя яснаго отчета въ немъ. Можетъ быть, я смотрю на него глазами Бенедиктова и Ивана Карловича, и тетеньки Ливотовой, которые тоже превозносятъ его до небесъ. Мнѣ такъ нужно кому-нибудь вѣрить, положиться на кого нибудь. Онъ въ сущности изъ тѣхъ, кого я такъ боюсь, кого избѣгаю, но дѣло то въ томъ, что отъ него я надѣюсь получить отвѣты на мучающіе меня вопросы. Кто же, если не онъ можетъ ихъ дать, этотъ *homme supérieur*, какъ его называютъ.

Другіе, мучители мои, кидаютъ страшныя слова и не даютъ себѣ труда привести для нихъ доказательства; кидаютъ вопросы, а отвѣтовъ не даютъ, потому что не могутъ или не хотятъ. Лавровъ, съ его умомъ, съ его познаніями, съ его античнымъ, плутарховскимъ характеромъ, какъ говоритъ Бенедиктовъ долженъ дать эти отвѣты.

Только бы не оказалось у него ахиллесовой пятки, только не увидать бы мнѣ его пятки.

Среда 29 января.

Кромѣ мучащихъ меня вопросовъ есть множество другихъ, которые нынѣ, какъ птицы, почуявшія весну, рѣютъ изъ конца въ конецъ, есть рѣчи, которыя и бичуютъ и рѣжутъ подъ часъ, но подъ часъ и цѣлятъ, и есть, рѣдкіе еще и неукоренившіеся, молодые отвѣты на иное. И какъ все это наполняетъ бытіе и какъ сильно дѣйствуетъ!

А посреди этого всего моя собственная обновившаяся сила, моя молодость, бьющаяся о свою клѣтку сильнѣе прежняго, но безъ прежняго отчаянія; близость весны, этого праздника природы, какъ это все сильно дѣйствуетъ!

Книга, которую я такъ спѣшила дочитать называется: *Fabiola ou les Catacombes de Rome par le Cardinal Wiseman.* Полонскій писалъ мама, что она производитъ фуроръ въ Римѣ, и мама купила ее. Я пробѣжала предисловіе, и мнѣ не захотѣлось ее читать.

Случайно увидалъ ее Лавровъ и тоже читать не захотѣлъ, но при каждомъ свиданіи спрашивалъ, прочла ли я ее. Наконецъ рѣшили, что прочтемъ ее оба, порознь, конечно, и вотъ я свою задачу исполнила и передала книгу ему.

Что сказать про нее? Историческая часть ея разсказана въ Чети-Минеяхъ гораздо лучше, съ большей простотой; какъ проведеніе извѣстной идеи, она слаба, а въ цѣломъ кажется какимъ то анахронизмомъ. Спеленутая добродѣтель дѣйствуетъ въ ней какъ то поневолѣ, а полнаго, высокаго произвола въ ней нѣтъ; католическія буквы зато затмили въ ней слово, огня же убѣжденія нѣтъ. Описаніе римскихъ нравовъ того времени было бы недурно, но самъ кардиналъ говоритъ въ предисловіи, что за вѣрность описанія онъ не ручается. Католичкой она меня не сдѣлаетъ, а христіанкой я родилась. Подвиги мучениковъ велики, но были люди, которые отдавали жизнь свою и не надѣялись на награду въ будущей; да и о мученикахъ въ Чети-Минеяхъ разсказано лучше. Что то скажетъ о книгѣ Лавровъ.

Сегодня взяла у дѣдушки *Записки князя Якова Петровича Шаховскаго*, а затѣмъ думаю читать *Мишле*.

Суббота 1 февраля.

Сейчасъ проводили послѣднихъ гостей и только что пришли наверхъ. Были: дѣдушка, Марья Карловна, Бенедиктовъ, Майковъ, *Писемскіе*, Солнцевъ, Гохи, Курочкины, Соколовъ, Франкенштейнъ, Гебгардты, Имберхъ, старикъ, *Мартыновъ* художникъ, *Хлѣбовскій* [1]), *Микѣшинъ*, *Сорокинъ*, *Миллеръ Борисъ*, *Водовозовъ*, учитель въ 1-ой гимназіи [2]) и *Крестовскій* студентъ—Колинъ товарищъ, будущій поэтъ или писатель и на котораго Водовозовъ, учитель словесности, возлагаетъ большія надежды. Франкенштейнъ не игралъ, а мнѣ такъ хотѣлось послушать его скрипку, но онъ не принесъ ее сегодня.

Николай Курочкинъ, кажется, очень хорошій человѣкъ.

Воскресенье 2 февраля.

Нѣкто *Мухинъ* сосланъ въ *Вятку* за то, что читалъ въ какомъ то трактирѣ вслухъ Искандера.

Многіе принимаютъ за чистую монету все, что говоритъ Кокоревъ. Пусть его превозносятъ *Новые*, пусть слушаютъ его *Старые*, лишь бы выходки его приносили желанный плодъ.

Одни восхваляютъ Государя, другіе говорятъ, что главный

---

[1]) Станисл. Хлѣбовскій (род. 1835 г.), живописецъ. *Ред.*
[2]) Вас. Ив. Водовозовъ (1825—86), извѣстный педагогъ. *Ред.*

двигатель всего хорошаго Константинъ Николаевичъ, но что онъ не выставляется впередъ.

Первые же утверждаютъ, что, напротивъ, онъ выставляется впередъ. Хочетъ, чтобы объ немъ говорили, хочетъ популярности. Что онъ побуждаетъ Государя на скачки и прыжки, результатомъ, которыхъ, чаще всего, бываетъ возвращеніе на прежнее мѣсто. И что это дѣйствуетъ очень пагубно, что то расшатывается и въ дѣлахъ и въ умахъ и впередъ не идетъ, а только теряется почва подъ ногами.

Воскресенье 9 февраля.

Я бы хотѣла, чтобы въ моемъ дневникѣ отпечатывался духъ настоящаго времени, и не умѣю этого сдѣлать. Для этого, кажется, надо, не разсуждая, записывать факты, а я все разсуждаю. Я говорю, что анализъ мѣшаетъ мнѣ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы черезъ много, много лѣтъ, если уцѣлѣютъ эти страницы, въ нихъ бы живо и вѣрно отражалось нынѣшнее время, нынѣшняя борьба новыхъ началъ со старыми.

Говорятъ, что мы спали тридцать лѣтъ и теперь просыпаемся. Но богатырь спалъ тридцать лѣтъ и три года. Впрочемъ, если считать до 1855 года, то выйдетъ только тридцать, а если считать до нынѣшняго 1858-го, то ровно тридцать и три года, именно, какъ слѣдуетъ. Ну-ка, богатырь, вставай и удивляй міръ?

Но говорятъ еще, что намъ проснуться и встать не даютъ. Няньки все укачиваютъ снова; имъ покойнѣе, когда дитя спитъ, онѣ говорятъ, что еще рано вставать, еще заря только занимается. А что дитя выросло во время тридцатилѣтняго сна и уже болѣе не дитя—онѣ не видятъ.

Въ Москвѣ, по случаю предстоящаго освобожденія крестьянъ, положено было дать обѣдъ и пить за здоровье Государя.

Закревскій донесъ объ этомъ и въ донесеніи выразилъ опасаніе, что обѣдъ будетъ имѣть революціонный характеръ. Государь, узнавъ программу обѣда, немедленно его разрѣшилъ и благодарилъ дворянъ за ихъ сочувствіе великому дѣлу. Обѣдъ состоялся. На немъ было произнесено много рѣчей, и всѣ онѣ напечатаны въ Русскомъ Вѣстникѣ и всѣ носятъ одинъ характеръ не революціонный, но характеръ радости и признательности къ Государю.

Самая же горячая изъ этихъ рѣчей, рѣчь Кокорева. И самъ онъ до того расходился, что предложилъ еще другой обѣдъ, въ день восшествія на престолъ, 19 февраля. Но что же вышло? Съ самаго того дня, въ который онъ сдѣлалъ это предложеніе,—онъ находится подъ надзоромъ полиціи.

Вотъ это то и называется скачками и прыжками туда и обратно. И такихъ скачковъ не оберешься. Напримѣръ: драму *Свѣтъ не безъ добрыхъ людей* разрѣшили къ представленію, но когда почти весь Петербургъ уже видѣлъ ее на сценѣ,—ее, вдругъ, запретили. И говорятъ, что то беретъ верхъ вліяніе Константина Николаевича, то тѣхъ нянекъ, что хотятъ уложить спать всю Россію.

Понедѣльникъ 10 февраля.

Мы отъ Глинокъ. Я думала, что по случаю поста у нихъ будетъ мало гостей, но вышло наоборотъ, комнаты были переполнены. Откуда только Глинки подобрали этихъ гостей своихъ? Настоящее Вавилонское столпотвореніе! Писатели, но не всѣ (Майковъ и Лавровъ, напр., не бываютъ), писательницы, *караимъ*, генералы, семинаристы, артисты, сановники, чиновники, *грузины*, *греки*, севастопольскіе герои, ханжи, актрисы..., но всѣхъ не перечтешь!

Сегодня, напримѣръ, было у нихъ два караима. Ну гдѣ еще встрѣтишь подобныя личности [1]? Гдѣ встрѣтишь, напримѣръ, грузинку писательницу [2]? Грека, который выдавалъ бы себя за перешедшаго въ русскую службу офицера, а былъ бы, въ сущности, бѣглый солдатъ? И эти караимы, грузины, греки являются, вѣдь, въ своихъ національныхъ костюмахъ.

Потомъ, гдѣ увидишь коммисарьятскаго чиновника, который громилъ бы въ стихахъ взятки [3]; или поэта, который посвящалъ бы свои стихотворенія памяти Николая Павловича и рѣшился бы безбоязненно читать ихъ въ обществѣ? Да всѣхъ и не перечислить! А ханжи, а молоденькія дамы, свѣтскія и нарядныя, которыя и сами не знаютъ, какой странный контрастъ составляютъ съ остальнымъ обществомъ. А генералъ Бурачекъ [4]), Борисъ Михайловичъ Федоровъ [5]), *Андрей Агаѳоновичъ Ивановъ*, родной братъ графини Толстой, а *Марья Ноевна Бирчъ*, Шелкова, а, наконецъ, англичанка, которая была сегодня, которая мнѣ такъ понравилась, несмотря на то, что тоже смахиваетъ на что то необыкновенное? Англичанка, которая изучаетъ еврейскій и арабскій языки и читаетъ своей горничной, покуда та ее причесываетъ,

---

[1]) Они потомъ бывали и у насъ.

[2]) Тоже бывала у насъ и подарила свои сочиненія.

[3]) Розенгеймъ, Мих. Павл. (1820—87), поэтъ, болѣе постоянная литературная дѣятельность котораго начинается со второй половины пятидесятыхъ годовъ. *Ред.*

[4]) Стеф. Анисимов. Бурачекъ (1800—76), редакторъ мистико-реакціоннаго журнала «Маякъ», издававшагося въ 1840—45 гг. *Ред.*

[5]) 1794—1875, стихотворецъ, драматургъ, журналистъ и писатель для дѣтей. *Ред.*

Вертера; да и горничная которой—жена какого то профессора. Эта англичанка изъѣздила всю Европу и переходила пѣшкомъ, съ маленькимъ сыномъ, два раза *С. Готардъ*, два раза *С. Бернаръ* и два раза *С. Плонъ*. А драгоманъ въ гороховомъ халатѣ? А старыя княгини и двѣ грузинскія царевны? А наконецъ всѣ тѣ, которые не выказываются ни національностью, ни платьемъ, не кидаются въ глаза издали, но вблизи, тѣмъ не менѣе, любопытны. Хоть бы та Ладыжинская, окружившая себя французскими церковными книгами, говорящая вѣчно о снисхожденіи, прощеніи, любви и бьющая по щекамъ своихъ крѣпостныхъ, или пьянистъ короля Прусскаго, Ан. Контскій, теряющій во время игры на фортепьяно огромные рубины и изумруды съ пальцевъ, и поклонница его, m-lle Штанкеръ, кашляющая за него, когда у него въ горлѣ першитъ? М-lle Штанкеръ, у которой тоже не сходитъ съ языка ничего другаго, кромѣ поэзіи, духовнаго родства, сочувствія и теплоты душевной.

Я подглядѣла разъ довольно смѣшную сцену между нею и разсѣяннымъ, но всегда правдивымъ, Полонскимъ. Онъ не былъ еще ей представленъ, но, увидавъ возлѣ нея пустое мѣсто, подошелъ и опустился на него. Она тотчасъ же обратилась къ нему и сразу осыпала его комплиментами, въ родѣ того, что не ожидала такого счастья, что поэтъ сядетъ возлѣ нея. Полонскій сначала, какъ будто слушалъ, уставивъ на нее глаза, но вдругъ, не дослушавъ сладкую и длинную рѣчь, круто отвернулся, не вымолвивъ ни слова, и сталъ смотрѣть въ другую сторону; а затѣмъ, такъ же безмолвно, всталъ и удалился.

Я не утерпѣла и спросила его, помнитъ ли онъ, замѣтилъ ли, что сдѣлалъ, и пересказала всю сцену. Выслушавъ, онъ сначала сталъ увѣрять, что я все сочиняю и что быть этого не могло, но потомъ припомнилъ и признался, что ему было противно слушать комплименты и, что, *можетъ быть*, онъ и отвернулся.

Ну, а актриса Орлова играющая, не на сценѣ, а въ жизни, такъ превосходно роль, отдающая свое послѣднее достояніе неимущимъ, что нѣкоторые, въ порывѣ увлеченія, взаправду, сдираютъ съ нея послѣднее, и она должна молчать, чтобы не вытти изъ роли.

Да всего не пересказать. Иногда сидишь у Глинокъ и точно грезешь.

Вторникъ 11 февраля.

Разъ, во время вечернихъ классовъ въ академіи, *Пименовъ*, профессоръ[1]), сказалъ что то грубое ученикамъ. Ученики вспылили,

---

[1]) Ник. Степ. Пименовъ (1812—64), скульпторъ, профессоръ съ 1855 г. *Ред.*

побросали свои работы и побѣжали къ инспектору классовъ, *Фрикке.* Фрикке побѣжалъ къ *Ф. А. Бруни*[1]) и объявилъ, что въ академіи бунтъ. Бруни позвалъ учениковъ, выслушалъ ихъ и, когда они стали требовать удовлетворенія отъ Пименова, послалъ къ Пименову разсказать о происшедшемъ. Пименовъ, между тѣмъ, сидѣлъ себѣ спокойно дома, давно забывъ, говорилъ ли онъ что-нибудь ученикамъ и говорили ему что-нибудь ученики. Выслушавъ посланнаго, онъ отвѣчалъ, что не помнитъ, что было, что можетъ и сказалъ что нибудь лишнее, такъ какъ грѣхъ говорить лишнее знаетъ за собой и ученики знаютъ этотъ его грѣхъ; но знаютъ также, что онъ ихъ любитъ и зла имъ не желаетъ, а, напротивъ того, желаетъ добра. Отвѣтъ не вполнѣ удовлетворилъ бунтовщиковъ, и Бруни вторично послалъ къ Пименову. На этотъ разъ Пименовъ велѣлъ спросить, отчего вмѣсто того, чтобы шумѣть, ученики сами не пришли прямо къ нему? Что онъ бы объяснился и помирился съ ними. Ученики, въ сущности, любятъ профессора Пименова и знаютъ, что онъ дѣйствительно искренно относится къ нимъ и къ искусству. Къ тому же, пока тянулись переговоры, минутный пылъ ихъ негодованія остылъ и явился вопросъ: чего же собственно они добиваются? И вотъ, перемѣнивъ гнѣвъ на милость, даже, съ повинными почти головами, отправились они всей гурьбой къ Пименову. Онъ встрѣтилъ ихъ въ мастерской своей и, со словами: *«братцы, вѣдь я васъ люблю»*, обнялъ изъ нихъ столько, сколько помѣстилось въ его широкихъ объятіяхъ; остальные его окружили и сами обнимали и цѣловали его. Вышло это все такъ сердечно и просто, что даже двое служивыхъ, состоящихъ при мастерской, прослезились.

Но при чемъ же тутъ клубъ? А вотъ при чемъ: воротясь отъ Пименова въ классъ, ученики какъ бы впервые оглянулись другъ на друга и увидѣли и почувствовали, что они составляютъ нѣчто цѣлое, товарищество. И тутъ зародилась у нихъ мысль основать клубъ, т.-е. нанять на общія средства квартиру и въ ней собираться по вечерамъ работать, читать, бесѣдовать.

Не откладывая предпріятія въ долгій ящикъ, живо нашли они, наняли и устроили на скудныя средства свои квартиру и стали въ ней собираться по вечерамъ работать на экзаменъ; туда же приносили произведенія свои на судъ товарищей. Прошло нѣсколько времени, и такъ называемый клубъ разростался. Прибывали новые члены, а съ ними и средства, завелось фортепьяно; явилось нѣсколько книгъ. Но недоставало одного только,

---

[1]) Фед. Антон. Бруни (1800—75), съ 1836 г. профессоръ живописи въ Академіи Художествъ, съ 1855 по 1871 г. ректоръ Академіи по части живописи и ваянія. *Ред.*

главнаго, о чемъ простодушные художники и не думали,—недоставало правительственнаго разрѣшенія на открытіе подобнаго учрежденія. Наконецъ спохватились, и кто то надоумилъ обратиться прямо къ *президенту академіи, в. к. Маріи Николаевнѣ.* [1]) Марія Николаевна немедленно разрѣшила просимое или испросила разрѣшеніе, ужъ я не знаю, и кромѣ того подарила клубу библіотеку. И вотъ теперь онъ процвѣтаетъ. У него уже 108 членовъ. Кромѣ художниковъ, принимаются литераторы и музыканты.

Сегодня именно музыкальный вечеръ, и Коля отправился туда прямо изъ академіи. Завтра разскажетъ, хорошо ли было. Я такъ безпутно писала дневникъ въ прошедшемъ году, во время помѣшательства своего, кажется, право, это было помѣшательство, такіе въ немъ пробѣлы, что, напримѣръ, не упомянуто вовсе, что Коля окончилъ курсъ въ гимназіи и окончилъ очень хорошо. Три лучшихъ ученика обыкновенно говорятъ рѣчи на выпускномъ актѣ, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; нѣмецкую рѣчь говорилъ Коля. Теперь онъ поступилъ въ университетъ, безъ экзамена, конечно. Онъ теперь студентъ, но посѣщаетъ вечерніе классы въ академіи и, конечно, состоитъ и членомъ новооткрытаго клуба.

Въ одно время съ нимъ поступили въ университетъ *Паша Брюлловъ* и *Гаральдъ Боссе* и его гимназическій товарищъ *Всеволодъ Крестовскій,* начинающій писатель [2]).

Пятница 14 февраля.

Завтра наша суббота. Кто придетъ? Лавровы не будутъ, она больна, а онъ безъ нея, вѣрно, не придетъ. Кажется, пророчество Бенедиктова сбывается, и я начинаю поддаваться вліянію Лаврова. Но что же дѣлать, если отъ него получаю отвѣтъ, а отъ нихъ—никакихъ. И самъ Бенедиктовъ, и всѣ другіе то и дѣло поютъ ему хвалы, вѣря имъ, я вѣрю ему.

Еще я упираюсь, анализирую, еще смотрю подъ ноги, куда ступаю, но чувствую, что наступитъ скоро время, когда забуду анализировать и смотрѣть подъ ноги, а, очертя голову, пойду за нимъ, куда онъ поведетъ.

Меня дразнятъ, говорятъ, что я увлекаюсь имъ, забыла свое увлеченіе Осиповымъ [3]). Я Осипова старалась забыть еще раньше. Да и тамъ было чувство, воображеніе, здѣсь разсудокъ. Тамъ былъ *сонъ въ лѣтнюю ночь,* который прервала графиня [4]); здѣсь—

---

[1]) Вел. кн. Марія Николаевна была президентомъ Академіи съ 1852—76 гг. *Ред.*

[2]) Всев. Влад. Крестовскій (1840—95), беллетристъ и поэтъ. *Ред.*

[3]) Живописецъ. *Ред.*

[4]) Толстая. *Ред.*

быть или не быть,—тоже *Шекспира*. Осиповъ старше, умнѣе, опытнѣе меня, но все же онъ былъ мнѣ болѣе ровня, чѣмъ Лавровъ; онъ былъ учителемъ, но и товарищемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ мы съ нимъ дѣлились впечатлѣніями, изъ которыхъ большая часть были новы и для него такъ же, какъ для меня, и это то и составляло прелесть нашихъ встрѣчъ и бесѣдъ. Составляло для меня, а можетъ быть и для него также, такъ какъ онъ постоянно приходилъ къ намъ. Мы понимали другъ друга съ полуслова, намека или взгляда, и между нами образовалась какая то непрерывная цѣпь пониманія. Разговоръ, прерванный наканунѣ, продолжался на другой день; мысль, пришедшую въ голову, не нужно было излагать послѣдовательно, довольно было двухъ словъ.

Я думаю, подобное пониманіе другъ друга, зовется дружбой. Между Лавровымъ и мною ничего подобнаго не можетъ быть; да ничего подобнаго я и не желаю. Я вовсе не желаю быть ему ровней, а напротивъ того, желаю на него смотрѣть снизу вверхъ и близко вглядываться въ него даже вовсе не желаю. Пусть онъ всегда остается для меня такимъ, какимъ мнѣ его рисуютъ; пусть онъ успакоиваетъ мою больную голову только.

Но по справедливости слѣдуетъ сознаться, что и въ отношеніи Лаврова играетъ нѣкоторую роль чувство, но только чувство самолюбія.

Мнѣ нравится, когда въ гостиной, поздоровавшись съ хозяевами и подобравъ свою саблю, чтобы она не гремѣла, онъ начнетъ искать своими близорукими глазами, и всѣ уже знаютъ, кого онъ ищетъ и, смѣясь, подводятъ его ко мнѣ. Онъ садится тогда возлѣ меня и тутъ тотчасъ же и образуется центръ, потому что онъ глашатый гостиныхъ.

Среда 26 февраля.

Сейчасъ ушелъ Соколовъ. Онъ кончалъ рисунокъ, начатый въ прошедшій разъ, *Старуху-хохлушку*, сепіею. Какой славный художникъ Соколовъ, но и странный человѣкъ. То сидитъ, точно больной и усталый, чуждый всему окружающему, да и внутренно, повидимому, незанятый, то вдругъ разговорится и будетъ болтать такъ же упорно, какъ до того упорно молчалъ.

Сегодня пришелъ онъ блѣдный. «*Что съ вами?*» спрашиваетъ мама, «*вы какъ будто нездоровы?*»—«*Нѣтъ*», говоритъ, «*я здоровъ, но я обѣдалъ у Лагоріо* [1])».—«*Ну и что жъ?*»—«*Да меня заставили выпить четыре рюмки вина*». Проговоривъ это съ досадой, онъ замолчалъ и видимо собирался молчать долго, но къ нему стали приставать, разспрашивать, какія вина онъ пилъ. «*Одну*», говоритъ,

[1]) Художникъ.

«рюмку хереса, одну краснаго, одну ликера».—*«Ну, а четвертая?»*. *«Четвертую не помню»*.

Но тутъ напали на него снова, что, можетъ быть, онъ и не четыре выпилъ, а по четыре каждаго вина, да забылъ. *«Да нѣтъ же»*, запищалъ онъ, какъ пищатъ малороссы иногда, *«нѣтъ же, я бы зналъ, я больше четырехъ рюмокъ выпить не могу»*. И насупился и замолчалъ до чая. Послѣ чая принялся рисовать, а меня заставилъ читать. Я читала *Идеалиста*, повѣсть *Станкевича*. Мнѣ она не нравится. Въ ней выведенъ опять тотъ типъ,—увѣряютъ, что это типъ,—который вгоняетъ меня въ хандру. Чѣмъ онъ интересенъ и на что заниматься этимъ безсиліемъ воли? А ужъ если заниматься имъ, то надо бы иначе.

Въ 11 ч. Соколовъ кончилъ рисунокъ и тотчасъ же, жалуясь на усталость, сталъ прощаться. Но въ это время я спросила его, что нарисуетъ онъ для альбома в. к. Маріи Николаевны. Онъ взялъ кисть и набросалъ, на клочкѣ бумаги эскизикъ, потомъ другой, потомъ вспомнилъ что то и разсказалъ разсказалъ еще что то и еще, стоя со шляпой въ рукахъ. Говорилъ, говорилъ, откуда что бралось! Когда я посмотрѣла на часы, было уже 12 ч., а онъ все стоялъ и говорилъ.

Четвергъ 27 февраля.

Петербургъ постоянно бываетъ занятъ какой-нибудь новостью. Новости эти, надѣлавъ шуму, обыкновенно забываются очень скоро, смѣняясь одна другой.

Теперь чередъ вотъ какой новости: пріѣхалъ фокусникъ, французъ, *виконтъ де Кастонъ*. Это даже странно писать, что Петербургъ, серьезная и хандривая столица сѣвера, занята фокусникомъ. Неужели же онъ такъ изъ ряда вонъ необыкновененъ, или главное дѣло все въ томъ, что онъ французъ, да еще виконтъ и умѣетъ показать товаръ лицомъ? А что онъ это умѣетъ, доказываетъ ужъ то одно, что, пріѣхавъ въ Петербургъ со спеціальной цѣлью показывать свои фокусы, онъ въ публичныхъ мѣстахъ представленій не даетъ, а лишь въ частныхъ домахъ, куда является по приглашенію за 150 руб. въ вечеръ. Его приглашаютъ нарасхватъ и разсказываютъ про фокусы его чудеса. Устраиваются эти представленія по большей части въ складчину. Кто-нибудь приглашаетъ, даетъ залу и назначаетъ по стольку то за кресло. Онъ будетъ и у насъ. Билеты по 2 руб. уже готовы и разбираются съ жадностью, но день представленія еще не назначенъ. Увидимъ, что это такое. Лавровъ называетъ нашу складчину: компанія на акціяхъ. Теперь акціи второе слово послѣ фокусника.

Акціи желѣзныхъ дорогъ, акціи пароходства; только и слышно

акціи, акціи. Онѣ подымаются, умножаются. Все пошло впередъ, закипѣло; а что не кипитъ, то бродитъ; а что не хочетъ ни бродить, ни кипѣть, т.-е. двигаться впередъ, то подлежитъ разрушенію. И всѣ эти кипѣнія, броженія и разрушенія порой оглушительны и ослѣпительны.

Что изо всего этого выработается, нынѣшніе дѣятели, которые постарше, пожалуй, и не увидятъ. Что вырабатывается въ настоящую минуту по частямъ, выходитъ разнообразно. Должно бы было выходить хорошо, но не все удается.

Я долго думала, что Лавровъ образчикъ будущаго человѣка, теперь думаю, что онъ исключеніе. Чтобы сдѣлаться такимъ, каковъ онъ есть въ настоящую минуту, нужны его данныя, а онѣ не у всѣхъ. Напримѣръ, Курочкинъ, докторъ, уменъ, но несчастливъ. Онъ своимъ умомъ, какъ будто, только озарилъ свое несчастье, его анализъ убиваетъ. Онъ, какъ тотъ юноша, что заглянулъ за занавѣсъ *великой тайны*. Лаврова же умъ, какъ солнце свѣтлое, живительное и теплое; для него анализъ лишь повѣрка вѣрно рѣшенной задачи; а Саисской тайны—онъ жрецъ. Такихъ людей, какъ Курочкинъ, много, такіе же, какъ Лавровъ— рѣдки. До знакомства съ Лавровымъ я видѣла, лучше сказать ощущала, только несчастье, безвыходность, ужасъ мысли.

Воскресенье 2 марта.

Сегодня вечеромъ были мы въ театрѣ-циркѣ, съ Машей, Олей и Володей на представленіи *Роде*: *Образованіе земной коры*. Это представленіе въ сорока картинахъ, которыя изображаютъ постепенное развитіе земной поверхности до ея нынѣшняго состоянія.

Наглядно и понятно изображена земля, сперва въ ея жидкомъ состояніи, газа; потомъ этотъ газъ горитъ и послѣ этого наружная сторона шара кристаллизуется, хладѣетъ и твердѣетъ и на ней показывается растительность; но потоки воды ее заносятъ и, такимъ образомъ, образуется первый слой земли, и такъ далѣе.

Затѣмъ показываются превращенія и въ нѣдрахъ ея и различные минералы и иныя свойства.

Картины мѣняются безпрестанно. И, наконецъ, послѣ разныхъ чудовищъ, намъ незнакомыхъ, появляются животныя знакомыя, и, наконецъ, человѣкъ.

Затѣмъ была показана, въ рядѣ картинъ, твердь небесная, со свѣтилами и ихъ системами. Затѣмъ рядъ картинъ нашего времени и въ заключеніе игралъ большой калейдоскопъ.

Володя былъ въ театрѣ въ первый разъ, и можно себѣ представить, какъ былъ доволенъ. Попали мы въ театръ случайно. Те-

тенькѣ Ливотовой прислали ложу Кавосы, но она все это уже видѣла и отдала ее нашимъ дѣтямъ.

Понедѣльникъ 3 марта.

Завтра будетъ, наконецъ, у насъ, фокусникъ. Билеты всѣ уже разосланы, и все готово къ торжеству надувательства; говорятъ, что виконтъ этотъ очень грубъ.

Вечеръ. То-есть, 2 часа ночи. Представленіе фокусника кончилось, всѣ уѣхали, лампы потушены и всѣ ложатся спать. Да, дѣйствительно, ловкостью и памятью только мудрено удивить, должно быть, потому что виконтъ, въ самомъ дѣлѣ, нахаленъ и кажется, этимъ то и беретъ, главнымъ образомъ. А на общество наше досадно смотрѣть, какъ оно передъ нимъ ползаетъ и какъ онъ надъ нимъ издѣвается. Фокусы же вовсе не особенно интересные, далеко не такіе, какъ Германна, напримѣръ.

Микѣшинъ[1]) сдѣлалъ тутъ же карикатуру Кастона, т.-е. нарисовалъ и помѣститъ ее въ какомъ-нибудь журналѣ.

Когда фокусникъ ушелъ, стали его критиковать, что онъ только пыль въ глаза пускаетъ и огорошиваетъ; а пока онъ былъ тутъ смотрѣли на него, разиня ротъ. Спохватились и начали подъ карикатурой Микѣшина писать разныя язвительныя и отчасти остроумныя надписи.

Воскресенье 9 марта.

Читаю я теперь *Жирондистовъ* Ламартина, по-французски. Конечно, ихъ въ переводѣ и нѣтъ; книги эти, ихъ 4 большихъ тома съ портретами, запрещены; Лавровъ совѣтовалъ ихъ прочесть.

Четвергъ 13 марта.

Мама, тетенька Ливотова, Шульцъ, Лавровъ и *Ивонновъ* сидѣли въ гостиной и Лавровъ читалъ имъ изъ *Экономическаго Указателя* статью о возможности для женщинъ зарабатывать свой хлѣбъ собственнымъ трудомъ и въ то же время не быть осмѣяннымъ и презираемыми и не казаться странными, а напротивъ этого быть достойными всякаго уваженія и быть принимаемыми во всякомъ свѣтскомъ обществѣ.

Вторникъ 25 марта.

Опять мнѣ не хотѣлось уѣзжать отъ Лавровыхъ и опять папа увезъ. Читались тамъ одна новая, т.-е. одна изъ послѣднихъ

---

[1]) Мих. Осип. Микѣшинъ (1836—96), скульпторъ. *Ред.*

пѣсней Беранже, *Le Déluge* и новый переводъ В. Курочкина[1]), изъ Беранже же.

Среда 26 марта.

Сегодня всѣ чиновники *Заемнаго Банка*, съ дѣдушкой во главѣ, представлялись новому министру финансовъ, *Княжевичу*; *Брокъ* смѣненъ. Смѣнены также министръ народнаго просвѣщенія *Норовъ* и его товарищъ, *князь Вяземскій*. На всѣхъ нихъ давно ужъ роптали, но государь, кажется, крупныхъ перемѣнъ не любитъ.

Онъ кажется очень добрый человѣкъ, главное, очень чувствительный, но и, можетъ быть, потому самому, нерѣшительный и слабый. Да и въ мудреное же время получилъ онъ престолъ. И безъ наплыва новыхъ идей не обобраться дѣла, а тутъ еще эти идеи. И такъ сильно столкновеніе стараго съ новымъ, что немудрено чувствительному вершителю судебъ цѣлой Россіи колебаться, когда все колеблется.

Чуть появится у кормила правленія новый человѣкъ, какъ онъ ужъ и наровитъ провести что-нибудь новое. Но тутъ встрѣчаетъ отпоръ со стороны стараго. И начинаются переговоры, комитеты, комиссіи и въ результатѣ—ни два ни полтора, полумѣры, досадныя и тѣмъ, и другимъ, недовольство и вмѣстѣ съ колебаніемъ дѣйствій, колебаніе умовъ.

Сегодня вечеромъ были у насъ тетенька Ливотова и Соколовъ. Говорили много о живописи. Знаменитая картина знаменитаго Иванова *Явленіе Христа*, ѣдетъ сюда. Наконецъ-то увидимъ ее!

А бѣдные программисты, не покладая рукъ, пыхтятъ надъ своими программами; выставка въ Академіи ужъ близко. Наша школьная выставка идетъ отлично; картины, выставляемыя на ней, достойны вниманія любителей живописи, и посѣтители идутъ на нее охотно. Львовъ приноситъ, дѣйствительно, много пользы своей дѣятельностью, но приносилъ бы еще больше, если бы средства, имъ располагаемыя, были лучше.

Теперь онъ возобновилъ *пятницы* въ кругу художниковъ, устроенныя нѣкогда Осиповымъ, Ганомъ[2]), Лагоріо[3]), Трутовскимъ[4]) и Хлопонинымъ[5]), т.-е. вечера разъ въ недѣлю, именно по

---

[1]) Вас. Степ. Курочкинъ (1831—75 г), началъ печатать стихотворенія въ 1854 г. *Ред.*

[2]) Эдуардъ Львовичъ Ганъ, съ 1857 г. академикъ архитектуры. *Ред.*

[3]) Левъ Феликсов. Лагоріо (1827—1905 г.) въ 1853 г. отправленъ пенсіонеромъ Академіи за границу. *Ред.*

[4]) Конст. Александр. Трутовскій (1826—93 г.), жанристъ, въ 1856 г. получилъ званіе свободнаго художника. *Ред.*

[5]) Александръ Яковл. Хлапонинъ (род. 1833 г.) въ 1850 г. получилъ званіе неклассного художника исторической и портрет. живописи. *Ред.*

пятницамъ, у кого-нибудь изъ художниковъ, по очереди. На этихъ вечерахъ рисуютъ, и такимъ образомъ составляется альбомъ, отдѣльные рисунки котораго продаются. Теперь этотъ альбомъ у императрицы; купила ли она что-нибудь изъ него, неизвѣстно еще. Въ немъ рисунки самого Львова, Соколова, *Зичи*[1]), *Сверчкова*, Гоха, Бюля и *князя Максутова*[2]).

Но сказать ли печальную правду? Это Львовъ погубилъ клубъ художниковъ. Ему хотѣлось поднять пятницы, привлечь къ нимъ лучшія силы. Клубъ составлялъ конкуренцію и мѣшалъ. Великая княгиня Марья Николаевна разрѣшила клубъ, но, какъ я думала, утвердить уставъ его зависило не отъ нея. И этотъ уставъ не утвердили, говорятъ, по проискамъ Львова.

Четвергъ 27 марта.

Мы отъ А. Н. Майкова. Былъ тамъ *Рамазановъ*[3]) и пѣлъ, и игралъ, и говорилъ; и все съ одинаковымъ успѣхомъ; но никогда еще не видала я лицо болѣе ужасное, чѣмъ у него, въ то время, когда онъ говоритъ подъ музыку. Были у Майковыхъ и Шелгуновы съ Михайловымъ, съ которыми мы больше не видаемся.

Суббота 29 марта.

Только что проводили гостей. Были: *Бланшаръ*, французъ-художникъ, недавно пріѣхавшій изъ Парижа, и рисовалъ у насъ, были еще *Юлія Жадовская*[4]), писательница, Лавровъ, Ливотовъ, Майковъ, Гончаровъ, Гебгардтъ, Любощинскій[5]), дѣдушка, Курочкина, *Рейнталь*, Циглеръ, Варя, Надя и Поленька и еще много другихъ. Юлія Жадовская бѣдная, вѣдь, безъ рукъ. Одной совсѣмъ нѣтъ, а правая только до локтя и тутъ у нее три пальца; и ими она и пишетъ.

Воскресенье 30 марта.

Былъ Бенедиктовъ сегодня, онъ обыкновенно приходитъ въ воскресенье, если не былъ въ субботу. А въ субботу, говоритъ онъ, не былъ онъ потому, что былъ званъ куда то на домашній спектакль, а на домашній спектакль—не пошелъ, потому что былъ званъ къ намъ. Что онъ, какъ будто, не любитъ приходить къ намъ по субботамъ я замѣчаю; и кажется, что причина тому

---

[1]) Мих. Александр. Зичи (1829—1906), академикъ акварельной живописи съ 1858 г. *Ред.*

[2]) Кн. Вас. Ник. Максутовъ, живописецъ, въ 1855 г. отправленъ пенсіонеромъ Академіи за границу. *Ред.*

[3]) Вѣроятно скульпторъ Ник. Александр. Рамазановъ (1818—67).

[4]) Поэтесса Юл. Валер. Жадовская (1824—83 г.). *Ред.*

[5]) Маркъ Никол. Любощинскій (1816—89 г.) служилъ въ это время въ министерствѣ юстиціи. *Ред.*

та, что онъ боится встрѣтить у насъ Майковыхъ, Ливотовыхъ, Глинокъ, къ которымъ совсѣмъ залѣнился ходить. Къ намъ ходитъ онъ всего чаще. Зато Гончаровъ не можетъ видѣть меня безъ того, чтобы не спросить, что дѣлаетъ Бенедиктовъ, и когда я отвѣчаю, что не знаю, онъ увѣряетъ, что не можетъ этого быть, потому что Владиміръ Григорьевичъ у меня въ плѣну.

Среда 2 апрѣля.

Читала мамѣ *Сборникъ* Щербины, покуда не пріѣхали тетенька съ мужемъ и Лиза съ мужемъ, затѣмъ Бенедиктовъ и Мейснеръ, къ обѣду; вечеромъ же были дѣдушка, Варя и Иванъ Карловичъ. Говорили такъ много, столько вспоминали стиховъ не только современныхъ, но и старинныхъ, декламировали, смѣялись, сбивались, перебивали другъ друга, что совсѣмъ было можно ошалѣть, я и ошалѣла. Стихамъ подалъ поводъ *Сборникъ* Щербины. Стали припоминать, что онъ не помѣстилъ въ него, и припомнили цѣлую кучу. Сборникомъ недовольны. Щербина, издавая его, сообразовался только со своимъ личнымъ вкусомъ или личнымъ пристрастіемъ. Мейснеръ читалъ свои стихи, все про любовь, и свои переводы изъ Гейне[1]).

---

[1]) Выдержки изъ послѣдующаго дневника Елены Андр. Штакеншнейдеръ (1858—61 г.) см. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1901 г., т. 273—275. *Ред.*

Въ Польшѣ[1]

(1863—1867).

I. Послѣ возстанія.

Говоря о пребываніи моемъ на Кавказѣ въ 1861—3 годахъ[2], я забылъ или, пожалуй, намѣренно обошелъ одинъ вопросъ, имѣвшій однако въ ту пору очень крупное значеніе. Разумѣю вопросъ о политической благонадежности арміи. Слова эти какъ-то странно звучали тогда въ ушахъ насъ, воспитанниковъ николаевскихъ военныхъ школъ и офицеровъ безотвѣтной николаевской арміи, да отчасти кажутся странными и теперь... И однако же это было такъ именно въ 1861—3 годахъ. Вслѣдствіе политическихъ волненій, а потомъ и открытаго возстанія въ Польшѣ, множество офицеровъ оставили службу, чтобы не участвовать въ отвратительномъ междоусобіи; другіе—и конечно, главнымъ образомъ, польскіе уроженцы—не только повыходили въ отставку, но просто «утекли до лясу», какъ говорилось тогда, т.-е. ушли въ дружины повстанцевъ. Настроеніе лицъ, остававшихся въ рядахъ войскъ, также не всегда соотвѣтствовало деспотическимъ видамъ правительства, и многіе коренные русскіе открыто порицали послѣднее за упорство въ непредоставленіи полякамъ разныхъ вольностей, хотя бы по тому соображенію, что, если будетъ задавлена силою Польша, то не видать нѣкоторой свободы и Россіи. А между тѣмъ свободы этой хотѣлось многимъ, очень многимъ, по крайней мѣрѣ изъ молодежи. Вотъ почему «либеральный» военный министръ, Дм. Милютинъ, какъ разъ въ 1861 году вступившій въ управленіе министерствомъ, сильно озабочивался искорененіемъ политической неблагонадежности въ рядахъ офицерства. Онъ чуть не на другой день по своемъ всту-

---

[1]) Воспоминанія эти принадлежатъ перу извѣстнаго русскаго географа и путешественника Михаила Ивановича Венюкова, († 1901 г.) и относятся къ моменту, когда Венюковъ, бывшій воспитанникъ петербургскаго университета и военной академіи, занималъ постъ уѣзднаго начальника въ Ленчицахъ, а затѣмъ предсѣдателя люблинской коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. Въ 1895 г. покойнымъ авторомъ воспоминанія были изданы въ Амстердамѣ (съ 1877 г. В. жилъ за границей).

[2]) См. «Рус. Арх.» 1880 г. т. I.

пленіи въ должность отдалъ подъ судъ Энгельгардта, Богдановича и др. гвардейцевъ, которые заявили сочувствіе даже не полякамъ, а только безвинно гонимымъ студентамъ; по отношенію же къ лицамъ, имѣвшимъ польскія симпатіи, было принято за правило: увольнять отъ службы всѣхъ «сомнительныхъ» изъ генеральнаго штаба, гвардейской артиллеріи, инженеровъ и т. п., изъ военной интеллигенціи, а что до арміи, то въ ней приказано полковымъ и другимъ командирамъ имѣть глаза и глаза. Особенно,—какъ носились слухи,—министерство было напугано донесеніемъ одного генерала (Полтинина, Полторанова или что-то въ этомъ родѣ), что онъ считалъ опаснымъ передвиженіемъ его дивизіи (кажется 9-й) изъ Черниговской губерніи на театръ войны, въ Польшу, потому что между чинами этой дивизіи распространено было въ сильной степени сочувствіе къ полякамъ. Оторопѣлый министръ не зналъ, что дѣлать, и поспѣшилъ смѣнить мнительнаго генерала, вѣроятно въ надеждѣ, что новый начальникъ быстро искоренитъ крамольный духъ.—На Кавказѣ, гдѣ войска были заняты непрерывной войной и слѣдовательно вѣчно находились въ сборѣ, подъ глазами властей, въ виду непріятеля, не возбуждавшаго политическихъ симпатій и притомъ вдали отъ театра гражданскихъ волненій, движеніе умовъ между офицерами, разумѣется, было мало замѣтно; однако и тамъ оно не оставалось ничтожнымъ. Одинъ мой академическій товарищъ, подполковникъ Владычанскій, бывшій на лучшемъ счету въ кавказскомъ генеральномъ штабѣ, ушелъ въ польскія банды и притомъ съ такою смѣлостью, которая представляла нѣчто удивительное. Онъ прямо пошелъ къ начальнику штаба, Карцеву, и попросился въ отпускъ «на родину» на четыре мѣсяца. Имѣя въ виду, что отпуски въ Польшу польскимъ уроженцамъ были вовсе запрещены и зная горячій патріотизмъ Владычанскаго, Карцевъ старался его «вразумить», убѣждая тѣмъ, что онъ, безъ сомнѣнія, сумѣетъ больше принести своей родинѣ пользы, оставаясь на службѣ, чѣмъ уходя въ ряды повстанцевъ; но Владычанскій былъ непреклоненъ и говорилъ, что совѣсть не позволяетъ ему служить правительству, которое угнетаетъ его соплеменниковъ. Карцевъ, чтобы отдѣлаться отъ него, отпустилъ его на три недѣли въ Петербургъ, предоставивъ хлопотать о болѣе продолжительномъ отпускѣ у генералъ-квартирмейстера (Ливена или Веригина). Владычанскій поѣхалъ, выпросился въ Берлинъ для леченія глазъ и черезъ недѣлю былъ убитъ въ первой же стычкѣ съ нашими войсками той банды, въ которой онъ находился. Замѣчательно, что при отъѣздѣ съ Кавказа онъ, въ отрядѣ Геймана, обошелъ палатки всѣхъ офице-

ровъ-поляковъ и прощался съ ними «до свиданія тамъ» (т.-е. на родинѣ и даже въ лѣсу), но никто его не выдалъ. Другой видный офицеръ войскъ Кубанской области, ушедшій къ повстанцамъ, былъ графъ Гауке, подполковникъ ставропольскаго полка, а до того адъютантъ военнаго министра и вдобавокъ—родственникъ императрицы Маріи Александровны. Онъ быстро сдѣлался извѣстенъ въ Польшѣ подъ именемъ Босака и впослѣдствіи умеръ, сражаясь противъ пруссаковъ во Франціи, подъ знаменами Гарибальди... Впрочемъ, такіе открытые энтузіасты были рѣдки, но многіе офицеры и чиновники-поляки дѣйствительно, хотя и втихомолку, обдѣлывали «польскую справу» даже въ Кубанской области. Таковы, напр., были: въ генеральномъ штабѣ полковникъ Ш....кій, въ коммиссаріатѣ полковникъ Р....ъ, у казаковъ бригадный командиръ Н....ъ и полковой Р.....кій, въ интендантствѣ—чиновникъ М...ь, и т. д. Только они ограничивались посылкой денегъ повстанцамъ и кое-какими политическими манифестаціями въ тогдашнемъ вкусѣ: М....ь, напримѣръ, носилъ чамарку, жена Н...а—конфедератку, Ш....кій и Р....ъ служили какую-то подозрительную панихиду въ ставропольскомъ костелѣ и т. п. Одинъ строевой драгунскій офицеръ, Ж....а, котораго родственникъ былъ русскимъ консуломъ въ Малой Азіи, доставлялъ въ войска «Колоколъ» со статьями за Польшу. Но, впрочемъ, большинство офицеровъ-поляковъ (а ихъ было много на Кавказѣ) стояло въ сторонѣ отъ политики; иные даже смѣялись (можетъ быть неискренно) надъ повстанцами. Что же касается до русскихъ, то самые либеральные изъ нихъ, получая извѣстія объ оскорбленіяхъ, которымъ подвергались ихъ собратья въ Польшѣ, видя изгнанія изъ службы Велепольскимъ всѣхъ русскихъ и т. п., мало-по-малу озлобились на поляковъ, и я хорошо помню, съ какимъ удовольствіемъ они узнали сначала объ удаленіи изъ Варшавы Велепольскаго и Константина Николаевича, а потомъ о контрибуціи въ 1,500,000 руб., которою началъ свое управленіе Бергъ. «Такъ имъ и нужно, безмозглымъ», говорилъ, напр., Забудскій, впрочемъ всегда не жаловавшій поляковъ. Гейманъ тоже косо посматривалъ на «ляховъ», не исключая и своихъ пріятелей, напр., Н....а.

Надежда принести хоть какую-нибудь услугу одновременно Россіи и Польшѣ, содѣйствовать установленію между ними наилучшихъ отношеній и наконецъ просто желаніе воочію ознакомиться съ самымъ жгучимъ вопросомъ времени зародилась во мнѣ въ послѣднее время на Кавказѣ, именно, когда я увидѣлъ, что мнѣ предстоитъ промѣнять исключительно боевой батальонъ на часть его со «своимъ» хозяйствомъ, съ которой нужно бы было

собирать «безгрѣшные» доходы для уплаты «даней», кому слѣдовало. Я взялъ двухмѣсячный отпускъ въ Петербургъ и въ то же время послалъ коротенькую докладную записку о себѣ начальнику штаба войскъ въ Польшѣ, Минковицу, котораго вовсе не зналъ. Тотъ справился у двухъ-трехъ штабныхъ офицеровъ обо мнѣ и доложилъ Бергу, который и потребовалъ меня въ Варшаву. Военное министерство распорядилось моимъ отправленіемъ изъ Петербурга, при чемъ я узналъ въ главномъ штабѣ, что мое желаніе ѣхать на службу составляло рѣдкость, потому что большинство офицеровъ, даже назначавшихся туда самимъ начальствомъ, старалось уклоняться отъ подобнаго назначенія, такъ что иныхъ (напр., генер. шт. капитана или подполковника Папроцкаго) пришлось за это вовсе уволить со службы. Чтобы попросторнѣе расположиться въ вагонѣ, я выбралъ днемъ отъѣзда 25 декабря, т.-е. Рождество, и вечеромъ отправился на вокзалъ желѣзной дороги; но тутъ произошелъ случай, доставившій мнѣ вмѣсто спокойствія чуть не горячку отъ злобы. При сдачѣ багажа, состоявшаго изъ нѣсколькихъ ящиковъ, ко мнѣ подошелъ какой-то плацъ-майоръ или плацъ-адъютантъ и, несмотря на мой подполковничій чинъ, потребовалъ, чтобы я открылъ мои пожитки. Я отперъ ящики, отчасти удивленный, отчасти раздосадованный, но молча. Полицейскій сыщикъ началъ рыться, особенно въ книгахъ, и, найдя при одной изъ нихъ портретъ Герцена, замѣтилъ мнѣ, что «это запрещено»; однако портрета не вырвалъ. Затѣмъ, продолжая обыскъ и видя, что у меня, въ ящикахъ, наравнѣ съ произведеніями поэзіи, есть книги по математикѣ, исторіи, естественнымъ и военнымъ наукамъ, онъ съ усмѣшкой замѣтилъ: «какая у васъ разнообразная библіотека! Видно, вы человѣкъ многосторонній». Это взорвало меня тѣмъ болѣе, что въ ту минуту раздался второй звонокъ. Я замѣтилъ, что служебное положеніе даетъ ему право разбирать и пожалуй отбирать мои книги, но не читать мнѣ морали, тѣмъ болѣе, что кажется я старше его чиномъ. Притомъ, прибавилъ я, бывшему ученику университета и военной академіи простительно имѣть книги по разнымъ отраслямъ знаній.—Помилуйте, отвѣчалъ онъ снова нравоучительнымъ тономъ: не только простительно, но и похвально! И, вѣроятно, догадываясь о возможныхъ послѣдствіяхъ такого нравоученія, юркнулъ отъ меня за прилавокъ, на которомъ стояли ящики, оставивъ меня одного вновь укладывать развороченное и завязывать веревками ящики. Съ стиснутыми зубами я окончилъ эту работу, сдалъ увязанные въ багажное бюро и бѣгомъ поспѣшилъ въ вагонъ уже по третьему звонку. Лихорадка не оставляла меня всю ночь, до самаго Пскова.

Поѣздъ тащился медленно, отъ Динабурга начали сажать въ него конвойныхъ солдатъ съ ружьями; на станціяхъ вездѣ были устроены деревянные бараки для карауловъ. Остановки были продолжительны, и потому въ Варшаву я добрался лишь черезъ двое сутокъ, т.-е. часовъ въ семь вечера 27 декабря. Взявъ извозчика, я отправился въ уяздовскія казармы къ одному пріятелю, офицеру гвардейскаго литовскаго полка, капитану Эрличу, который заранѣе пригласилъ меня остановиться у него. Такимъ образомъ я въ первыя же минуты моего пріѣзда увидѣлъ столицу Польши чуть не на всемъ ея протяженіи и притомъ вдоль лучшихъ ея улицъ—Краковскаго Предмѣстья и Новаго Свѣта. Мертвая тишина, господствовавшая на нихъ, поразила меня. И такъ какъ былъ порядочный морозъ, то меня положительно пробрала лихорадка. Такъ вотъ она междуусобная война, съ ея гражданскимъ терроромъ, къ которому случай на станціи въ Петербургѣ служилъ какъ бы введеніемъ!.. Всѣ лавки и ворота были заперты; на улицахъ ни души, кромѣ полицейскихъ и часовыхъ. Движеніе экипажа производило гулъ, точно въ трубѣ, туннелѣ или пещерѣ. Случайный говоръ какихъ-нибудь полицейскихъ между собой слышался издалека. У воротъ уяздовскихъ казармъ остановилъ меня часовой и на заявленіе, что я ѣду къ капитану Эрличу, вызвалъ подчаска и велѣлъ ему проводить меня до искомаго флигеля. Въ обширномъ дворѣ казармъ царила тоже мертвая тишина и чуть брезжили два-три фонаря, несмотря на то, что въ восьмомъ часу вечера, при нормальномъ порядкѣ вещей, тамъ, гдѣ жило 1.200 человѣкъ, должно было происходить порядочное движеніе. Никогда чай съ ромомъ и теплый привѣтъ испытанной дружбы не казались мнѣ такъ отрадными, какъ въ этотъ вечеръ.

На другой день, передъ девятью часами утра, я былъ въ «крулевскомъ замкѣ», въ пріемной залѣ намѣстника. Адъютантъ сказалъ мнѣ, что у него генералъ Треповъ, но что они оба скоро выйдутъ изъ кабинета. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ 2—3 минуты Бергъ и Треповъ появились въ пріемной. Первый, увидавъ меня и едва давъ мнѣ проговорить обычную служебную формулу представляющихся, тутъ же обратился къ Трепову со словами: «ну вотъ Вамъ, Федоръ Федоровичъ, и недостающій уѣздный начальникъ въ Ленчицу». Должно быть моя молодость, въ связи съ подполковничьимъ чиномъ, аксельбантами и орденомъ съ мечами на шеѣ, была достаточна, чтобы провидѣть, что я годенъ именно на военно-полицейскую должность: самъ я такой способности за собою не зналъ. Впрочемъ, Бергъ, въ оправданіе такой поспѣшности, тутъ же прибавилъ какую-то любезную фразу о моей

прежней службѣ, о которой будто бы ему говорили. Я молча поклонился и вышелъ изъ замка, чтобы итти въ брюлевскій дворецъ являться къ Трепову и потомъ въ штабъ войскъ представиться собственно-военнымъ властямъ. Такимъ образомъ въ 15—20 минутъ мое офиціальное положеніе опредѣлилось, и я могъ вернуться домой, чтобы снять мундиръ и заняться приготовленіемъ къ отъѣзду въ Ленчицу, который долженъ былъ послѣдовать такъ же скоро, какъ состоялось назначеніе. Въ быстрой организаціи военно-полицейскаго управленія высшія власти въ Польшѣ видѣли тогда единственное средство предупредить новое возстаніе поляковъ въ 1864 году, и, пожалуй, не ошиблись. Что быстрому замѣщенію мѣстъ военно-уѣздныхъ начальниковъ власти радовались, это я увидѣлъ не только изъ словъ Трепова, но и изъ того, что въ окружномъ штабѣ мнѣ предложили даже денежное пособіе «на подъемъ». Но послѣднее предложеніе сопровождалось такою странною оговоркой лица, его дѣлавшаго, что я поспѣшилъ отказаться. Именно, мнѣ сказали: «просите рублей 500 и, если согласитесь изъ нихъ 100 пожертвовать на ускореніе хода дѣла, то послѣ завтра же получите деньги». Такой откровенности мнѣ не случалось слышать даже въ Кубанской области, т.-е. въ штабѣ Евдокимова, и я вынесъ съ Саксонской площади невысокое мнѣніе о штабѣ Берга, который однако состоялъ весь изъ балтійскихъ нѣмцевъ и шведовъ, вѣчно кичащихся у насъ своей честностью...[1]).

Съ теченіемъ времени обстоятельства оправдали мое предубѣжденіе. Дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Моргенштернъ охотно промѣнялъ свою *почетную* должность на другую, болѣе *выгодную*, именно на мѣсто командира варшавскихъ гарнизоннаго батальона и пересыльнаго пункта, которые можно назвать двумя большими оброчными статьями.

Начальникъ штаба, генералъ Минквицъ, получивъ въ 1865 году майоратъ въ 3000 рублей годового (офиціальнаго, въ дѣйствительности же большаго) дохода, не устыдился еще просить о 60.000 рубляхъ на устройство пожалованнаго имѣнія, которое будто бы было разорено возстаніемъ, хотя онъ самъ его выбиралъ. Да и самъ графъ Бергъ не забывалъ объ округленіи своего майората, полученнаго имъ еще за войну 1831 года: этотъ майоратъ сталъ дѣйствительнымъ «графствомъ» въ 24 деревни, хотя у его сіятельства не было дѣтей, которыя бы могли про-

[1]) Главнокомандующій—Бергъ, начальникъ штаба—Минквицъ, начальникъ артиллеріи—Шварцъ, начальникъ инженеровъ—Фейхтнеръ, деж. шт.-офицеръ—Моргенштернъ, нач. варшавск. воен. отдѣла—Корфъ, калишскаго—Бельгардтъ, влоцлавскаго—Витгенштейнъ, и пр.

должать его «династію». И созданіе графства опять-таки было не все: получая огромное содержаніе, Бергъ почти не зналъ расходовъ, не давалъ баловъ и обѣдовъ, а все копилъ. Въ расходованіи огромныхъ штрафныхъ суммъ, собранныхъ въ Польшѣ въ 1863—67 годахъ, онъ также не пожелалъ давать отчета, хотя этого требовалъ Учредительный Комитетъ и особенно одинъ изъ членовъ его, Заболоцкій, съ которымъ Бергъ зато и разсорился.

По прибытіи въ Ленчицу я немедленно увидѣлся со старшимъ изъ мѣстныхъ военныхъ командировъ, полковникомъ Гагемейстеромъ, который по праву, или точнѣе по безправію военнаго положенія, дотолѣ безконтрольно распоряжался судьбами города и уѣзда и которому по тому самому было, видимо, непріятно назначеніе особаго военно-уѣзднаго начальника, къ коему должна была отойти вся не только полицейская, но и политическая власть. Я это сразу замѣтилъ, потому что, несмотря на любезность пріема полковника, у него вырывались фразы въ родѣ той, что «насъ, командировъ войскъ, обидѣли назначеніемъ особыхъ правителей края». Я старался его утѣшить, говоря, что такое назначеніе сниметъ съ него обузу, что притомъ нельзя же поручать надолго управленіе уѣздами командирамъ полковъ и батальоновъ, когда эти полки могутъ быть каждую минуту передвигаемы, и т. п. Наружно онъ соглашался, но въ душѣ продолжалъ досадовать, отчасти можетъ быть и потому, что вѣдь съ званіемъ военно-уѣзднаго начальника сопрягался окладъ жалованья въ 2.400 руб. въ годъ, и онъ предназначалъ этотъ окладъ одному изъ майоровъ своего полка, въ надеждѣ при немъ хозяйничать въ уѣздѣ по произволу. Майоръ даже былъ обнадеженъ, и вдругъ оба получили носъ! Досаду свою Гагемейстеръ и не замедлилъ обнаружить кое-какими дѣйствіями, направленными во вредъ новому военно-уѣздному управленію. Такъ онъ уменьшилъ и ухудшилъ составъ слѣдственной комиссіи по политическимъ дѣламъ, которая прежде состояла изъ разумнѣйшихъ офицеровъ его полка, а ко мнѣ перешла въ самомъ мизерномъ видѣ. Затѣмъ начались мелкія вмѣшательства въ сферу моей дѣятельности и настойчивое домогательство, чтобы я считалъ старшаго изъ командировъ войскъ, расположенныхъ въ ленчицкомъ уѣздѣ, т.-е. его, Гагемейстера, за «старшаго ленчицкаго военно-уѣзднаго начальника». Эта послѣдняя претензія поддерживалась и начальникомъ 4-й дивизіи, а вмѣстѣ калишскаго военнаго отдѣла, генералъ-лейтенантомъ Бельгардомъ, который собственно былъ моимъ прямымъ начальникомъ и долженъ былъ бы въ этомъ званіи поддерживать самостоятельность военно-полицейскаго управленія, но на самомъ

дѣлѣ заботился только о выгодахъ своихъ полковыхъ командировъ. А выгоды эти были значительны. Напр., г.г. полковники не держали законнаго числа казенно-подъемныхъ лошадей въ полковыхъ обозахъ, получая однако на покупку и продовольствіе ихъ деньги, и замѣняли ихъ по мѣрѣ надобности обывательскими, при чемъ жалобы на эти воровство и вымогательство были невозможны, пока полковникъ оставался военно-полицейскою и даже военно-уголовною властью.

Возникла борьба и не въ одной Ленчицѣ, а во всѣхъ пяти или шести уѣздахъ калишскаго отдѣла. Въ этой борьбѣ я и другіе военно-уѣздные начальники опирались на указъ объ устройствѣ военно-уѣздной администраціи и на генералъ-полицеймейстера Трепова, а Гагемейстеръ и прочіе полковые командиры на генерала Бельгарда и его словесныя инструкціи. Во всякой другой европейской странѣ подобная борьба была бы невозможна, ибо тамъ самые высшіе мѣстные правители суть только слуги закона и исполнители предначертаній высшей власти; но въ Россіи нѣтъ того генерала, особенно облеченнаго гражданскою властью, который бы не ставилъ себя выше закона, не старался его попрать. И чѣмъ глупѣе и необразованнѣе такой генералъ, тѣмъ онъ въ своихъ противозаконныхъ мѣрахъ упрямѣе.

Въ 1873 году въ Петербургѣ, въ присутствіи министра Милютина, на офиціальномъ совѣщаніи объ организаціи управленія Азіатской Россіи, нач. гл. шт. графъ Гейденъ прямо сказалъ, что «генералъ-губернаторы для того и назначаются, чтобы въ случаѣ нужды дѣйствовать вопреки закона, не спрашивая рѣшенія свыше!—И, ставъ потомъ генералъ губернаторомъ Финляндіи, онъ началъ было примѣнять это правило къ дѣлу (но получилъ печатный высочайшій выговоръ, ибо Гельсингфорсъ не Петербургъ, и тамъ умѣютъ стоять за себя).

Свѣдѣнія о бельгардовскихъ словесныхъ инструкціяхъ и вызванныхъ ими недоразумѣніяхъ уже въ началѣ февраля 1864 г. достигли Варшавы, и къ намъ, въ уѣзды калишскаго отдѣла, для повѣрки таковыхъ присланъ былъ флигель-адъютантъ М. Н. Анненковъ, которому поручено было содѣйствовать заключенію между враждовавшими сторонами мира.

Но у меня, въ Ленчицѣ, онъ нашелъ наружный миръ вполнѣ существующимъ, такъ какъ мы съ Гагемейстеромъ другъ у друга бывали, обѣдывали и вообще спокойно сходились для бесѣды обо всемъ, кромѣ дѣлъ управленія, и ничѣмъ не давали мѣстному населенію понять, что «въ московскомъ наѣздѣ» есть немалый разладъ. Нѣчто подобное было, повидимому, и въ другихъ уѣздахъ отдѣла; но въ иныхъ разладъ обострился до крайности.

По донесенію Анненкова объ этомъ, Бельгардъ былъ вызванъ въ Варшаву, и тамъ ему сдѣлано внушеніе вести дѣла такъ, какъ они идутъ въ другихъ отдѣлахъ. А Гагемейстеру Треповъ написалъ о томъ же предписаніе, въ которомъ титуловалъ его просто «начальникомъ ленчицкаго отряда войскъ», а не «старшимъ военнымъ начальникомъ Ленчицкаго уѣзда». Это сильно укололо самолюбіе полковника, и онъ, громко жалуясь на Трепова, желалъ болѣе чѣмъ когда нибудь доказать, что «если край усмиряется и крамола искореняется, то это главнымъ образомъ отъ разумной дѣятельности полковыхъ командировъ, а не военно-полицейскаго управленія». Съ этою цѣлью онъ затѣялъ, помимо меня, отобрать отъ населенія уѣзда, или по крайней мѣрѣ отъ его «интеллигенціи», адресы къ государю съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и раскаянія въ бунтѣ. Это было простымъ подражаніемъ начальнику отдѣла, Бельгарду, который, вынудивъ первый въ Польшѣ подобный адресъ отъ мѣстечка Нешавы, думалъ доказать тѣмъ, что въ его отдѣлѣ уже все благополучно, и что, слѣдовательно, его самаго нужно сдѣлать... ну хоть генералъ-адъютантомъ. Въ Петербургѣ, а тѣмъ болѣе въ Варшавѣ, никто изъ начальствующихъ лицъ, конечно, не заблуждался на счетъ истиннаго значенія этихъ адресовъ; но въ провинціи полковникамъ и генераламъ казалось, что они дѣлаютъ великое дѣло. При этомъ, напр., Гагемейстеръ едва ли даже понималъ, что заставлять подписывать адресы для обнародованія ихъ потомъ въ газетахъ, значитъ съ одной стороны возбуждать вящшую ненависть къ намъ поляковъ, а съ другой обманывать, если не правительство, то общество въ Россіи. Я отказался содѣйствовать такому обману, и тогда произошло вотъ что. Какъ уже было упомянуто, Гагемейстеръ, минуя меня, предписалъ участковымъ начальникамъ (становымъ), которые всѣ были изъ офицеровъ его полка, оповѣстить помѣщиковъ, чтобы они собрались къ такому-то числу, въ полдень, въ Ленчицу. Тамъ для ихъ собранія приготовлена была,—то-есть очищена отъ всякой мебели, чтобы дворяне могли только стоять,—зала въ гостиницѣ, къ дверямъ которой былъ приставленъ караулъ изъ 12 вооруженныхъ солдатъ. Затѣмъ Гагемейстеръ торжественно вошелъ и объявилъ предстоявшимъ (числомъ 270 человѣкъ), что они во искупленіе своихъ грѣховъ должны подписать адресъ государю, тутъ же имъ прочитанный.

Никто не шелохнулся. Требованіе было повторено и имѣло тотъ же результатъ. Тогда огорченный полковникъ вышелъ изъ залы и сказалъ помѣщикамъ: «подумайте, панове, и подпишите; даю Вамъ сроку до 6 часовъ вечера», вслѣдъ затѣмъ двери были заперты. Все ленчицкое дворянство, гоноровое потомство пресло-

вутой «кармазиновой» шляхты, оказалось арестованнымъ и въ самомъ дѣлѣ *простояло* до 6 часовъ вечера. Нѣкоторые паны, чувствуя естественную нужду, тутъ же и удовлетворяли ее: кто въ печку, а кто и просто на полъ.

Въ шесть часовъ вечера двери были открыты, и такъ какъ адресъ оказался неподписаннымъ, то «вельможному панству» дана была Гагемейстеромъ новая отсрочка, уже на цѣлую недѣлю, по окончаніи которой паны должны были снова съѣхаться въ Ленчицу... Понимая, какъ эта неудача скандальна для него, господинъ «старшій военно-уѣздный начальникъ» просилъ меня, хоть и «младшаго», но настоящаго, до времени молчать обо всемъ, т.-е. не доводить до свѣдѣнія варшавскихъ властей, а самъ между тѣмъ донесъ въ Калишъ, что я-де не содѣйствую ему въ полученіи адресовъ. На слѣдующей недѣлѣ, неувѣренный въ успѣхѣ дѣла со шляхтой, мой полковникъ вздумалъ, наканунѣ ея съѣзда, попытать счастья съ болѣе послушнымъ элементомъ, именно съ чиновниками и ксендзами; но и тутъ дѣло не выгорѣло. Чиновники единогласно заявили, что имъ запрещено высшею властью подписывать какіе бы то ни было адреса, а ксендзы сказали, что политика—не ихъ дѣло. Одинъ даже прибавилъ, что онъ служитель Бога и что ему нѣтъ дѣла ни до чего земного. За это Гагемейстеръ немедленно отправилъ его съ жандармомъ въ Варшаву, въ 10-й павильонъ, т.-е. верховную политическую тюрьму; но Треповъ, получивъ съ тѣмъ же жандармомъ донесеніе отъ ленчицкаго жандармскаго офицера о ходѣ всего дѣла, вернулъ ксендза домой. Это привело не только Гегемейстера, но и Бельгарда въ ярость. Послѣдній далъ мнѣ формальное предписаніе собрать подписи къ адресу «императору и королю» отъ всѣхъ помѣщиковъ, и притомъ не созывая ихъ въ городъ, а заставляя подписывать у участковыхъ начальниковъ. Предписаніе это, по принятому въ калишскомъ отдѣлѣ правилу, пришло ко мнѣ черезъ Гагемейстера, и я, пользуясь этимъ, написалъ участковымъ начальникамъ, что вотъ молъ по предписанію такому-то они должны сдѣлать то-то, а для ускоренія дѣла имѣютъ представить подписанные адреса прямо къ старшему въ Ленчицѣ военному командиру. Подписи не получились, и мои власти были въ совершенномъ бѣшенствѣ. Я, въ свою очередь, на этотъ разъ не пожалѣлъ Гагемейстера и донесъ Трепову обо всемъ ходѣ дѣла по адресамъ, а въ то же время написалъ ему частное письмо съ объясненіемъ, что при порядкахъ, существующихъ въ калишскомъ отдѣлѣ, служить въ немъ затрудняюсь. Гагемейстеру вслѣдствіе этого была новая гонка отъ Трепова, и онъ поѣхалъ изливать горе, а вмѣстѣ и интриговать противу меня въ Калишъ.

По счастью въ это время, т.-е. около половины марта, меня вызвалъ въ Варшаву Н. А. Милютинъ и предложилъ новую должность—предсѣдателя люблинской по крестьянскимъ дѣламъ комиссіи. Я махнулъ рукой на бельгардовскіе громы и гагемейстеровскіе происки и сталъ готовиться къ новому назначенію. Гагемейстеръ былъ еще въ Калишѣ, когда я переселился въ Варшаву. Тамъ я узналъ, что Бельгардъ дѣлалъ представленіе объ «удаленіи» меня отъ должности, но графъ Бергъ будто бы положилъ резолюцію: «не удалить, а дать болѣе самостоятельное назначеніе». Удалось ли моимъ антагонистамъ добыть адресъ отъ ленчицкаго уѣзда, я не знаю; но что Бельгардъ генералъ-адъютантомъ сдѣланъ не былъ, это навѣрное. Высшее начальство предпочло пересадить его не то комендантомъ въ одну второклассную крѣпость (Динабургъ), не то членомъ въ извѣстную генеральскую богадѣльню—комитетъ о раненыхъ. Гагемейстеръ грызъ пальцы, особенно въ виду того, что моя новая должность не только давала мнѣ 3800 руб. содержанія, т.-е. больше, чѣмъ онъ получалъ самъ, но и ставила повыше всевозможныхъ полковыхъ командировъ, присвояя мнѣ даже титулъ превосходительства, по разряду должности (IV кл.). Съ гибкостью остзейца онъ потомъ, встрѣтивъ меня въ одной цукернѣ въ Варшавѣ, старался разыграть роль пріятеля.

Три мѣсяца пребыванія въ должности военно-уѣзднаго начальника были однако наполнены не одною борьбою съ глупыми порядками калишскаго отдѣла, а и болѣе серьезными занятіями, изъ которыхъ иныя были очень не легки. Прежде всего нужно замѣтить, что въ видахъ затрудненія сношеній между поляками разныхъ частей царства, особенно между помѣщиками и горожанами, были введены въ это время по всей Польшѣ краткосрочные паспорты, которые выдавались военно-уѣздными начальниками. Паспортовъ этихъ приходилось подписывать отъ 50 до 100, иногда до 120 въ день, и не только подписывать, но и соображать выдачу ихъ съ «политическою благонадежностью» лицъ. Были помѣщики, арендаторы, городскіе шляхтичи, ксендзы, до такой степени скомпрометированные участіемъ въ возстаніи, что имъ велѣно было отказывать въ самомалѣйшей отлучкѣ изъ мѣста жительства. Частыя поѣздки одного и того же лица не допускались; отсрочки по двухнедѣльнымъ паспортамъ приказано было давать съ большою разборчивостью, особенно на пребываніе въ Варшавѣ. Все это ставило меня въ очень трудное положеніе, особенно въ виду того, что генералъ Бельгардъ требовалъ ежемѣсячно копіи со списковъ лицъ, которымъ паспорты были выданы. Въ случаѣ большого числа увольненій можно было

получить замѣчаніе или выговоръ; а если кто-нибудь изъ уволенныхъ попался въ сосѣднемъ уѣздѣ мѣстнымъ начальствамъ, какъ бывшій повстанецъ, то слѣдовалъ запросъ: почему такому неблагонадежному лицу дозволена была отлучка?—А какія основанія имѣлъ я, чтобы отказывать? Почти никакихъ, кромѣ сообщеній жандармскаго офицера, которымъ я имѣлъ причины не довѣрять, потому что пристрастіе всѣхъ жандармовъ къ лицамъ, дававшимъ и недававшимъ имъ взятки, мнѣ было извѣстно. Притомъ въ ленчицкомъ уѣздѣ было много евреевъ, безпрестанно нуждавшихся въ поѣздкахъ по торговымъ дѣламъ; а какъ было ручаться, что паспортъ, данный самому «благонадежному» изъ нихъ, черезъ четверть часа не поступитъ за деньги къ какому-нибудь отъявленному повстанцу или организатору бандъ? По счастью крупныхъ непріятностей съ начальствомъ изъ-за паспортовъ не было; но зато сколько надоѣдливыхъ просьбъ приходилось выслушивать отъ лицъ, которымъ дать «видъ» было затруднительно! Особенно тяжело было требовать отъ помѣщиковъ, чтобы они прежде явки за паспортомъ приносили удостовѣреніе, что за ними нѣтъ недоимокъ въ податяхъ, а иногда и свидѣтельство той или другой мѣстной власти, что не были подъ судомъ и слѣдствіемъ... Я старался всѣ подобныя придирки дѣлать по возможности рѣже, ограничиваясь лишь страхомъ права ихъ дѣлать.

Еще непріятнѣе, чѣмъ ежедневныя хлопоты о паспортахъ, были дѣла о политическихъ арестантахъ, которыхъ ленчицкая тюрьма постоянно содержала отъ 100 до 150 человѣкъ. Участковые начальники и командиры кавалерійскихъ разъѣздовъ по краю, желая явить усердіе, забирали массу «подозрительныхъ» лицъ и привозили ихъ въ Ленчицу. Иногда всѣ свѣдѣнія о такомъ арестантѣ заключались въ томъ, что онъ, такой-то «Янъ Чворекъ былъ въ бандѣ». Гдѣ, когда, въ какой бандѣ, что онъ тамъ дѣлалъ, кто свидѣтели?—о томъ ни слова... Приходилось дознаваться о томъ или отъ самихъ арестантовъ, если они были довольно простодушны, или черезъ другихъ повстанцевъ, ранѣе арестованныхъ и уже сидѣвшихъ въ тюрьмѣ. Эти послѣдніе свидѣтели были очень нерѣдки и притомъ вполнѣ добровольны. Бывали случаи, что когда какого-нибудь арестованнаго, положимъ назвавшагося Гржегоржемъ, вводили въ тюремную залу,—откуда-нибудь изъ угла залы вдругъ раздавалось: «а, Янекъ, и ты къ намъ! ну вотъ опять будемъ вмѣстѣ, какъ подъ Пабіяницами». И Янеку ничего не оставалось дѣлать, какъ тутъ же сознаться, во-первыхъ, что онъ не Гржегоржъ, а во-вторыхъ, что дѣйствительно по наряду пана онъ ночи три провелъ въ

бандѣ такого-то довудцы въ роли простого косиньера, котораго шляхта, укладываясь ночью спать, ставила на аванпосты, гдѣ онъ съ непривычки тоже засыпалъ...

Иногда оказывалось, что противъ арестованнаго не было никакихъ уликъ, и тогда, разумѣется, я его выпускалъ, но все же продержавъ день другой подъ арестомъ, потому что приходилось сноситься съ лицами арестовавшими или съ мѣстными властями, удостовѣрявшими невинность захваченнаго.—Перемѣна именъ арестантами была явленіемъ очень обыкновеннымъ, и тогда нелегко было приступать къ слѣдствію опять-таки до полученія справокъ или до случайной встрѣчи какого-нибудь наличнаго свидѣтеля. Ибо вызывать всѣхъ, на кого арестанты сами указывали—нерѣдко лживо,—не было физической возможности: это значило бы держать въ Ленчицѣ постоянно половину населенія уѣзда, или даже нѣсколькихъ уѣздовъ.—Янъ Ковальскій! Вы, Янъ Ковальскій?—«Нѣтъ, пане, я естемъ Казимірусъ Червинскій».—Какъ такъ? да третьяго дня при арестованіи вы показали, что вы—Янъ Ковальскій изъ деревни Стара-Весь, и что васъ знаютъ Томашъ Мрочекъ и Шимонъ Свентославскій, которые могутъ засвидѣтельствовать, что вы вовсе въ бандѣ не были. Я пошлю за этими людьми, чтобы они оправдали васъ: скажите только, какія занятія ихъ въ Старой-Веси?

— Никакого Шимона Свентославскаго я не знаю; а знаю, правда, Томаша Мрочека, но онъ живетъ не въ здѣшнемъ уѣздѣ, а въ Копинскомъ: тамъ тоже есть Старая-Весь.

Это значило, что молодецъ натворилъ что-нибудь кромѣ участія въ бандахъ и старается скрыть; что ему хотѣлось бы отправиться по этапу въ Конинъ и съ дороги бѣжать. Но въ замѣнъ послѣдняго ему приходилось обыкновенно отправляться въ ближайшую пятницу въ Псковъ. Надобно замѣтить, что военно-уѣзднымъ начальникамъ было предоставлено право не только освобождать невинныхъ, но представлять виновныхъ къ отдачѣ подъ военный судъ и даже высылать ихъ изъ Польши безъ суда. Какъ установить, къ какому изъ этихъ трехъ разрядовъ принадлежитъ арестованный, когда все «слѣдственное дѣло» о немъ—двѣ, три страницы, иногда еще наполненные противорѣчіями, и почти всегда неясное, было до крайности трудно. Я принялъ за правило: крестьянъ и вообще простолюдиновъ, хотя и бывшихъ въ бандахъ, отпускать домой, если они сами признавались въ вооруженномъ участіи въ мятежѣ; если же запирались и были уличены другими, то отсылать ихъ въ Россію (откуда потомъ они были возвращаемы безъ потери

правъ). Помѣщиковъ же и вообще шляхтичей при тѣхъ же условіяхъ вины старался держать подольше въ городѣ, впредь до выясненія дѣла ихъ слѣдствіемъ, а то и судомъ. Судя по роду падавшаго на нихъ обвиненія, они проводили это время или въ тюрьмѣ (политической, отдѣльной отъ острога), или даже просто въ гостиницѣ, гдѣ они должны были нанимать комнату и находились подъ надзоромъ одного безоружнаго солдата, пока дальнѣйшее разслѣдованіе ихъ поступковъ не обозначало ясно, что съ ними дѣлать. Одинъ панъ П...скій сидѣлъ у меня такимъ образомъ въ гостиницѣ три раза. Онъ былъ въ бандѣ нѣсколько дней, въ сраженіяхъ съ нами не участвовалъ, и когда ушелъ изъ «лѣсу», подъ предлогомъ болѣзни, то платилъ за это повстанцамъ тѣмъ, что держалъ у себя на конюшнѣ ихъ лошадей и сбрую, за что первоначально и былъ арестованъ казаками. Такъ какъ онъ сразу сознался не только въ этой матерьяльной помощи возстанію, но и въ своей бытности въ бандѣ, всѣ же другіе свѣдѣнія о немъ удостовѣряли, что онъ—человѣкъ отнюдь не опасный, то, продержавъ его недѣли двѣ подъ арестомъ, еще Гагемейстеръ, до моего пріѣзда, выпустилъ его, но съ условіемъ заплатить штрафъ и жить безвыѣздно въ своей деревнѣ. Черезъ мѣсяцъ, при мнѣ, оказалось изъ допроса разныхъ арестантовъ, что у него въ усадьбѣ не только были склады сбруи, но и проживали по временамъ повстанцы. Пришлось вытребовать его и посадить въ гостиницу для новыхъ допросовъ и очныхъ ставокъ. Оказалось, что два-три повстанца дѣйствительно проживали у него на фольваркѣ, но безъ его вѣдома, а съ согласія управляющаго, который вообще слылъ за одного изъ организаторовъ возстанія. Новый штрафъ съ П...скаго, за недосмотръ, и новое удаленіе его изъ города въ усадьбу, хотя онъ просился лучше позволить ему жить въ городской гостиницѣ. Черезъ три недѣли опять вызовъ, по оговору какого-то повстанца, что панъ давалъ ему денегъ на снаряженіе въ банду. На очной ставкѣ оказалось, что это была ложь, и тогда П...скій уже прямо настаивалъ, чтобы его опять «заключили» въ гостиницу, съ чѣмъ я и согласился, предоставивъ ему уѣхать домой, когда онъ пожелаетъ, лишь извѣстивъ меня о томъ. Для меня стало ясно, что повстанцы оговариваютъ его въ отместку за не довольно горячее участіе въ ихъ дѣлѣ и стараются досадить частыми привозами въ городъ подъ конвоемъ, что для такого «гонороваго» пана было очень обидно, да и убыточно.

Помѣщики, арендаторы, управляющіе и вообще шляхта арестовывались по большей части не только за личное участіе въ бандахъ, но и за содѣйствіе организаціи возстанія, что, по тог-

дашнимъ правиламъ, было цѣнимо гораздо строже и должно было каждаго такого организатора вести подъ судъ, а затѣмъ и въ Сибирь, если не на висѣлицу. Поэтому слѣдствіе объ ихъ поступкахъ приходилось дѣлать болѣе или менѣе тщательно, не торопясь. Оттого они подолгу просиживали подъ арестомъ прежде чѣмъ можно было рѣшить, къ какому разряду ихъ причислить: освобождаемыхъ просто или съ уплатою штрафа, ссылаемыхъ въ Россію временно, безъ суда, или подлежащихъ суду, замѣчу, всегда закрытому и безъ адвокатовъ. Большая часть, разумѣется, добивалась всѣми правдами и неправдами попасть въ первый разрядъ; но были и такіе, что сами просили поскорѣе сослать ихъ въ Псковъ, вѣроятно потому, что знали за собой крупныя вины, подъ предлогомъ, что имъ, напримѣръ, небезопасно возвращаться домой, будто бы, отъ «народовыхъ» кинжальщиковъ! Изъ числа случаевъ такого упрашиванія объ административной ссылкѣ мнѣ живо помнится одинъ. Было раннее утро, часовъ шесть, или даже менѣе. Я только что проснулся и вышелъ изъ темной спальни въ залу, чтобы посмотрѣть, насколько разсвѣло, какъ вдругъ къ ногамъ моимъ бросилась женщина и, ухвативъ меня за полы халата, стала умолять, чтобы я пощадилъ ея мужа.

— Позвольте, дайте мнѣ умыться и одѣться.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пущу пана-полковника, пока онъ мнѣ не изречетъ жизнь или смерть, мнѣ и моимъ пяти дѣтямъ.

— Въ чемъ дѣло?

— Мой мужъ жондца (управляющій) такой-то (помнится изъ окрестностей мѣстечка Шонтка, но фамилію забылъ) былъ интендантомъ у повстанцевъ; у него нашли складъ сбруи, оружія и патроновъ, и теперь вы хотите представить его къ отдачѣ на военный судъ: пощадите! Мнѣ и семьѣ придется умереть съ голоду.

— Но что жъ бы вы хотѣли, чтобы я сдѣлалъ.

— Выпустите на волю: онъ впередъ не будетъ.

— Помилуйте, да это весь свѣтъ скажетъ, что это я покривилъ душой за взятку! Да и что же я стану послѣ дѣлать съ другими, столь же виновными, какъ вашъ мужъ?

— Ну, такъ сошлите его въ Россію на годъ.

Дѣлать было нечего; я обѣщалъ разобрать дѣло обстоятельно, съ особымъ вниманіемъ; предложилъ просительницѣ привести вечеромъ всѣхъ своихъ дѣтей; навелъ разныя справки и, наконецъ, призвавъ арестанта, въ присутствіи его жены и дѣтей сказалъ ему: «вы обязаны вашей семьѣ, что не пойдете въ каторгу, но въ ближайшую же пятницу вы отправитесь въ Псковъ, а тамъ

и далѣе, куда найдетъ нужнымъ псковскій губернаторъ». Земнымъ поклонамъ, лобызаніямъ моихъ не только рукъ, но и ногъ, полъ сюртука и пр. не было конца... Въ глубинѣ души я былъ радъ, что могъ сдѣлать добро, хотя и относительное (да еще есть ли неотносительное?); но подобныя сцены надрываютъ нравственно, возбуждая внутреннюю борьбу между долгомъ и совѣстью, а выносить такую борьбу,

«Не пожелаю я и лютому врагу»...

или, точнѣе, ему только и пожелаю, въ предположеніи, конечно, что у него есть совѣсть.

Такъ какъ мнѣ шелъ только 32-й годъ, и всѣ знали, что я холостой, то по заведенному тогда въ Польшѣ обычаю въ пріемной моей съ самаго почти моего пріѣзда стало появляться множество миловидныхъ просительницъ, которыя по очереди ходатайствовали за братьевъ, кузеновъ, дядей, зятьевъ и т. п., но большей частью фиктивныхъ. Русскіе, да и не они одни, говорили по этому поводу, что у польскихъ красавицъ сердца всегда для отчизны, но есть кое-что и для москалей. Я сказалъ бы однако клевету, если бы распространилъ смыслъ этой поговорки на моихъ ленчицкихъ адвокатокъ, потому что онѣ, мнѣ кажется, разсчитывали исключительно на эстетическое вліяніе своей наружности. Да притомъ, никакое другое вліяніе и не могло сказаться, потому что предупрежденный объ обычности адвокатско-патріотическаго маневра, я съ самаго начала принялъ за правило: не принимать никогда женщинъ и просительницъ tête-a-tête, чтобы не дать и возможности возникнуть какимъ-либо толкамъ. Тѣмъ не менѣе, эти женскія просьбы, когда онѣ были искренни, трогали сильно, что, какъ извѣстно, случалось и въ классически гражданской, строго-добродѣтельной древности, ну хоть съ Коріоланомъ, при появленіи Волюмніи, Виргиніи и К°. Да и не могло быть иначе, потому что женщины часто являлись совершенно обездоленными вслѣдствіе взысканій, падавшихъ на ихъ мужей, отцовъ, братьевъ и пр. Я сейчасъ привелъ этому одинъ примѣръ; приведу и другой. Небогатый помѣщикъ Домбровскій сидѣлъ въ тюрьмѣ въ ожиданіи приговора суда, который и назначилъ его къ ссылкѣ въ Сибирь. Сынъ этого помѣщика, 19-лѣтній юноша, сидѣлъ въ тюрьмѣ же, въ ожиданіи конца слѣдствія, которое производилось надъ нимъ, какъ надъ повстанцемъ, участвовавшимъ въ бандахъ. Оставалась только 17-лѣтняя дѣвушка, дочь перваго и сестра второго, положеніе которой было ужасно. При полномъ разстройствѣ хозяйства, при физической беззащитности, при жестокомъ потрясеніи нервной системы, ей несомнѣнно грозили нищета и, если не самоубійство, то нрав-

ственное паденіе. Слезы ея, молчаливо катившіяся по прекрасному, но изможденному страданіями, лицу, блуждающій, безнадежный взглядъ и короткое, изъ груди вырвавшееся: «помогите!»—были способны, я думаю, расшевелить сердце даже у такихъ недѣлимыхъ, которые, напримѣръ, въ былое время, находили удовольствіе кричать на солдатъ, гонявшихъ человѣка сквозь строй: «хорошенько его! жарьте, лупите!» и пр. Освободить отца было не въ моей волѣ, ибо онъ былъ уже въ вѣдѣніи суда; но брата я рѣшился ей возвратить, если только найду ручательство, что онъ опять не станетъ повстанцемъ. Съ этою цѣлью я устроилъ свиданіе отца съ сыномъ, предварительно сказавъ первому, чтобы онъ посовѣтовалъ послѣднему сидѣть, въ случаѣ освобожденія, смирно. Такого же совѣта молодому человѣку я требовалъ и отъ сестры. Разумѣется и тотъ и другая обѣщали; но полагаться на одно это обѣщаніе было бы нѣсколько наивно, а потому я рѣшился самъ испытать юношу, насколько онъ честный человѣкъ, и тогда уже дать ему волю. Съ этою цѣлью я призвалъ его къ себѣ и, разспрашивая будто бы для дополненія слѣдствія, сказалъ ему: а что вы знаете про такого-то N, вашего сосѣда и соучастника въ повстаніи?

— Я ничего не знаю.

— Не можетъ быть, потому что вы все время были вмѣстѣ; тамъ-то вмѣстѣ бивакировали, тамъ-то вмѣстѣ посѣщали такого-то.

— Господинъ полковникъ,—отвѣчалъ мнѣ съ волненіемъ въ груди и особымъ блескомъ въ глазахъ, молодой человѣкъ:—N былъ и есть мой другъ съ ранняго дѣтства, и я былъ бы подлецъ, открывъ про него что-либо больше того, что уже вамъ извѣстно изъ другихъ источниковъ.

Я едва удержался, чтобы не пожать ему руки; но, принявъ офиціальный тонъ, сказалъ ему: если вы такой гоноровой человѣкъ, то даете ли вы мнѣ честное слово, что не примете вновь никакого участія въ возстаніи, если я выпущу васъ теперь для охраны вашей сестры?—Онъ взглянулъ на меня испытывающими, сомнѣвающимися глазами, потомъ, какъ будто ему было трудно, сказалъ: «даю!»... На завтра я имѣлъ удовольствіе видѣть совершенно дѣтскую радость панны Домбровской, пришедшей благодарить меня... Надѣюсь, панна, замѣтилъ я, что вы не пустите больше вашего брата въ лѣсъ.—«Нѣтъ, нѣтъ! я заставлю его сидѣть безвыѣздно дома».—На этотъ разъ у меня не было даже и внутренней борьбы, а только сознаніе, что я поступилъ человѣчно.

Бездушные легисты, педанты законности скажутъ, что я

тутъ допустилъ произволъ, послабленіе, котораго притомъ не оказывалъ другимъ, т.-е. поступилъ и неправильно, и пристрастно. Пусть такъ [1]). Я не для нихъ и пишу эти строки, зная, что въ ихъ безпристрастныя, юридически-правдивыя и холодныя, какъ мерзлыя болота, сердца не проникаетъ ни малѣйшая теплая струя беззаконной жалости. Но спѣшу оговориться, что описаннымъ способомъ поступалъ не я одинъ, а многіе изъ русскихъ военныхъ начальниковъ того времени. Мнѣ особенно пріятно вспомнить, что и Гагемейстеръ, о которомъ я выше говорилъ не съ особою симпатіей, допускалъ, несмотря на свою балтійскую благонадежность, послабленія не меньше моихъ.

Вотъ примѣръ очень осязательный и, надѣюсь, незабытый самимъ Гагемейстеромъ, несмотря на то, что онъ дошелъ до степеней извѣстныхъ: носилъ на эполетахъ свитскій азъ, командовалъ дивизіей и пр., слѣдовательно могъ совершенно забыть поговорку noblesse oblige и замѣнить ее болѣе удобнымъ правиломъ: position oblige.

Старикъ, помѣщикъ Бышевскій, изъ числа возвращенныхъ въ 1856 году изъ Сибири ссыльныхъ поляковъ николаевскаго времени, попался въ участіи въ организаціи возстанія, былъ судимъ и осужденъ вновь чуть ли не на каторжную работу. По обычаю,—который авось когда-нибудь объяснятъ аудиторскіе чины управленія графа Берга,—приговоръ сталъ ему извѣстенъ двумя или тремя днями раньше, чѣмъ онъ дошелъ до Гагемейстера офиціальнымъ путемъ, хотя Бышевскій сидѣлъ въ Ленчицкой тюрьмѣ. Видя, что ему снова предстоитъ ѣхать на дальній востокъ и притомъ, конечно, навсегда, онъ попросилъ Гагемейстера отпустить его до ближайшаго четверга, т.-е. до кануна дня отправленія ссыльныхъ, въ деревню, чтобы сдѣлать тамъ кое-какія распоряженія на счетъ наслѣдства, проститься съ близкими сердцу и пр. Гагемейстеръ, не знавшій о приговорѣ, могъ бы, съ грѣхомъ пополамъ, сдѣлать это, придавъ, напр., Бышевскому надежную стражу, которая бы наблюдала за нимъ и привела въ свое время назадъ. Но, во 1-хъ, Бышевскій имѣлъ откровенность заявить, что ему извѣстенъ приговоръ суда и

---

[1]) Въ минуту, когда я освободилъ Домбровскаго, поступокъ мой былъ, конечно, нелегаленъ. Но нѣсколько времени спустя было разрѣшено, въ видахъ уменьшенія числа ссылаемыхъ въ Россію, отпускать домой всѣхъ повстанцевъ, которые винились сами въ вооруженномъ возстаніи и не совершили никакихъ другихъ преступленій. Слѣдовательно, стоило только подождать нѣсколько недѣль, чтобы узаконить мои дѣйствія. Такова вообще сфера легальности, несмотря на ея притязанія на абсолютное право опредѣлять судьбу *граждань*, за которыми она постоянно не видитъ *людей* и которымъ за минутныя увлеченія постоянно воздаетъ годами страданій.

что потому-то онъ и спѣшитъ свиданіемъ съ родными, а во 2-хъ, было бы физически невозможно и тактически опасно давать конвой изъ 4—5 человѣкъ каждому арестанту, желающему посѣтить свою деревню.

Должна была послѣдовать внутренняя, вполнѣ естественная борьба въ Гагемейстерѣ, и къ чести его онъ кончилъ ее дозволеніемъ Бышевскому, на честное слово, отлучиться изъ тюрьмы на три дня безъ конвоя... Нужно ли говорить, что старикъ сдержалъ свое слово и въ ближайшую пятницу отправился вновь за Уралъ?..

Я, впрочемъ, не этотъ вопросъ предложу, а другой: почему, если даже въ 1863—64 годахъ, т.-е. въ эпоху открытой борьбы и раздраженія политическихъ страстей, существовали подобныя отношенія между побѣдителями и побѣжденными въ Польшѣ,—страна эта доселѣ не примирилась съ Россіей? Господа жандармы! Вы, которые составляли государственное око власти, чтобы не сказать, ея душу: объясните пожалуйста! Или вы все находите, что ваши миранія и шпіонство надежнѣе привязываютъ польскій народъ къ русскому, чѣмъ наивныя *послабленія*? Здѣсь кстати вообще вспомнить о жандармахъ и объ ихъ положеніи въ Польшѣ, особенно же объ ихъ участіи въ изученіи пружинъ мятежа 1861—64 годовъ и въ самомъ усмиреніи возставшаго края. Не знаю, какъ въ Варшавѣ, но въ провинціяхъ безполезность жандармеріи въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ по-моему, доказана была въ 1863—64 годахъ блистательнымъ образомъ.

Несмотря на то, что жандармскія команды издавна были въ каждомъ уѣздномъ городѣ и начальствующіе ими офицеры часто сидѣли на мѣстахъ по нѣскольку лѣтъ, они не только ничего не знали о мѣстныхъ центрахъ инсуррекціи и ея руководителяхъ, но часто не могли дать отчета о томъ, какихъ политическихъ взглядовъ и убѣжденій держался тотъ или другой замѣтный въ уѣздѣ и даже въ городѣ обыватель. О различіи между бѣлыми и красными польскими патріотами они не имѣли яснаго понятія и иногда давали благосклонные отзывы о лицахъ, бывшихъ начальниками бандъ или уѣздовъ, организаторами возстанія, революціонными интендантами и т. п., у которыхъ находились склады амуниціи и оружія. Впрочемъ въ послѣднемъ отношеніи они иногда кое-что и знали, или по крайней мѣрѣ слыхали стороной, но нерѣдко благоразумно умалчивали; въ 1-хъ, конечно, потому, что побаивались личной мести польскихъ жандармовъ-кинжальщиковъ, болѣе отважныхъ, чѣмъ они сами; а во 2-хъ, и гораздо чаще, потому, что паны-организаторы умѣли своевременно проигрывать господамъ жандармскимъ офи-

церамъ значительныя суммы денегъ, дарили имъ лошадей, овса, сѣна и пр. Это проигрываніе и эти подарки, можно сказать, были обязательны для значительной части населенія Польши, именно для ея образованныхъ классовъ, не исключая тутъ и чиновниковъ польскаго происхожденія. Послѣднему прекраснымъ доказательствомъ служитъ случай, бывшій въ Ленчицѣ до моего пріѣзда. Въ 1863 году тамъ былъ гражданскимъ уѣзднымъ начальникомъ, т.-е. исправникомъ, нѣкто Т...гъ [1]), державшійся независимо отъ жандармскаго капитана, В...ра. Это не нравилось послѣднему, и онъ сдѣлалъ доносъ, что будто Т...гъ собственноручно кинжаломъ изрѣзалъ портретъ императора, висѣвшій въ присутственномъ залѣ уѣзднаго управленія. Велѣно было арестовать Т...а и подвергнуть слѣдствію, а если окажется виновнымъ, то и суду, разумѣется, военному. Арестантъ повидимому былъ спокоенъ; ибо доказать, что онъ изрѣзалъ портретъ, собственно говоря, не было возможности. Свидѣтелей—никакихъ; а какъ могъ онъ это сдѣлать безъ свидѣтелей, хотя бы только сторожей?—трудно себѣ и представить. Вѣдь во время засѣданія въ управленіи находится не одинъ начальникъ, а цѣлая масса чиновниковъ; единоличное же посѣщеніе залы, Т...гомъ въ внѣслужебное время было бы хорошо замѣчено именно сторожами, которые бы донесли на него въ случаѣ рѣзанія портрета, чтобы спасти собственную шкуру; но ничего подобнаго не было. В...ръ это понялъ, и такъ какъ догадывался, что арестантъ не пожалѣетъ его передъ слѣдователями и судьями и разскажетъ послѣднимъ всѣ вымогательства доносителя у помѣщиковъ уѣзда, то и явился къ нему въ тюрьму, гдѣ началъ пріятельскую бесѣду, чтобы, съ одной стороны, отклонить отъ себя подозрѣніе въ доносѣ, а съ другой—дать понять, что за взятку можно будетъ отдѣлаться отъ обвиненія. Понялъ ли это Т...гъ или нѣтъ—я не знаю; но «дружеская бесѣда» зашла такъ далеко, что было принесено шампанское, можетъ быть для того, чтобы вспрыснуть состоявшуюся уже сдѣлку. Но къ несчастью для жандарма, въ это время посѣтилъ тюрьму Гагемейстеръ и засталъ негодяя en flagrant délit. Послѣдовала сцена, несмотря на которую В...ъ вывернулся отъ отвѣтственности, отчасти, кажется, по заступничеству жены, смазливой польки, нравившейся Гагемейстеру, отчасти по неумѣлости послѣдняго взяться за дѣло. Именно, В...ъ успѣлъ его убѣдить, что «пирушка въ тюрьмѣ была не болѣе, какъ обычный жандармскій «подвохъ,

---

[1]) Кажется, такъ; лично я его не зналъ, и все дѣло описываю со словъ Гагемейстера и нѣсколькихъ офицеровъ, жившихъ въ Ленчицѣ во время событія.

освѣщаемый инструкціями свыше», и дѣло кончилось ничѣмъ, по крайней мѣрѣ для него, если не для Т...га, о коемъ я ничего не знаю.

Но этотъ случай мнѣ сообщенъ другими, хотя лицами, заслуживающими довѣріе; а вотъ ужъ такой, гдѣ я самолично могъ познакомиться съ благонадежностью и безкорыстіемъ жандармовъ, которые тогда считались въ Польшѣ, а теперь считаются во всей Россіи, опорою престола. Въ половинѣ февраля ко мнѣ явился изъ Варшавы молодой еврей съ запискою изъ управленія генералъ-полиціймейстера, что онъ можетъ быть полезенъ мнѣ при раскрытіи повстанской организаціи ленчицкаго уѣзда. Еврей этотъ, наборщикъ изъ одной варшавской типографіи, былъ сначала «полякомъ моисеева закона», т.-е. находился въ бандѣ; но потомъ, убоявшись пуль, а можетъ быть и висѣлицы, сталъ продавать свои услуги за деньги тому, кто могъ дать дороже, т.-е. въ данномъ случаѣ «московскому наѣзду». Я принялъ его съ недовѣріемъ; но такъ какъ онъ разсказалъ мнѣ много фактовъ, о которыхъ я уже зналъ по слѣдственнымъ дѣламъ, и всѣ разсказы его были вѣрны, то я рѣшился употребить его для указанія лицъ, которыхъ слѣдовало арестовать за участіе въ возстаніи, но которыя скрывались въ разныхъ мѣстахъ уѣзда подъ чужими именами. По сообщенію моему Гагемейстеръ назначилъ на поискъ молодого гусарскаго офицера со взводомъ солдатъ и десяткомъ казаковъ, а еврея-лазутчика велѣлъ одѣть въ солдатскую шинель и тоже посадить на лошадь. Рано утромъ до свѣту партія эта двинулась въ путь; но такъ какъ меня все брало сомнѣніе насчетъ поведенія шпіона, который могъ затѣять всю исторію для полученія 25 руб. и изъ-за какой-нибудь личной мести, то я пустился вслѣдъ за ушедшими и скоро нагналъ ихъ. На пятой или шестой верстѣ, въ усадьбѣ одного помѣщика, ими былъ сдѣланъ первый арестъ одного молодого парня, бывшаго въ бандѣ чѣмъ-то въ родѣ курьера для развозки бумагъ; но барина его, служившаго адъютантомъ чуть ли не у Тычановскаго или у какого-то иного повстанскаго вождя, уже не нашли, хотя казаки и увѣряли, что въ мезонинѣ дома стояла его постель развороченная и совсѣмъ еще теплая. Продолжая далѣе экспедицію, мы замѣтили бричку парой лошадей, ѣхавшую сначала намъ навстрѣчу, а потомъ быстро повернувшую назадъ. Посланы были казаки въ догонку и скоро передо мною предсталъ панъ, везшій, какъ оказалось, революціонныя бумаги и вооруженный револьверомъ. Словомъ, въ теченіе дня было задержано 5 или 6 человѣкъ несомнѣнныхъ повстанцевъ и къ нимъ въ придачу двѣ повстанскія лошади, стоявшія на конюшнѣ одной помѣщицы-

старухи въ ожиданіи весны и начала новыхъ военныхъ дѣйствій. Всю эту «добычу» я направилъ въ Ленчицу, куда она и прибыла вечеромъ. Арестованныхъ людей свели въ слѣдственную тюрьму, а лошадей взяли къ себѣ въ конюшню жандармы, такъ какъ немедленно продать ихъ съ аукціона было невозможно за позднимъ часомъ. Аукціонъ этотъ долженъ былъ состояться на завтра и состоялся. Но каково же было мое удивленіе, когда на продажу выведены были не добрые повстанскіе кони, а дрянныя клячи, за которыя въ пользу казны и поступило всего 12 или 13 руб., вмѣсто возможныхъ 150—200! Тщетно я добивался отъ жандармскаго офицера разъясненія, кто совершилъ подлогъ?—мнѣ не удалось ничего узнать, и дѣло такъ и кончилось изморомъ, когда я выѣхалъ изъ Ленчицы. Но этого наглаго воровства было мало жандармамъ. Едва я успѣлъ на другой день снова выѣхать въ уѣздъ, уже одинъ, безъ конвоя, для ознакомленія съ однимъ участкомъ, въ которомъ еще не былъ, какъ заступившій мое мѣсто помощникъ, т.-е. тотъ же жандармскій капитанъ, призвалъ къ себѣ лазутчика и сталъ требовать, чтобы тотъ ему прямо открылъ еще нѣсколько «политическихъ секретовъ», которые бы помогли и ему захватить нѣсколькихъ лошадей и особенно такихъ людей, чтобы ихъ «стоило» арестовывать или освобождать. Лазутчикъ и не прочь бы былъ исполнить это желаніе, но требовалъ прежде всего денегъ, а какъ ему ихъ не дали, то онъ отказался. Тогда, пользуясь своимъ халифствомъ на часъ, жандармъ задалъ ему жестокую порку, такъ что когда я вернулся въ городъ, то былъ встрѣченъ громкою слезною жалобою шпіона и настойчивою просьбою отпустить его въ Варшаву.—«Подлецы,—господа жандармы!» прибавилъ вздутый израиль: «я потому всегда и избѣгалъ имѣть *съ ними* дѣло, что они вдвое хуже нашего брата»... Черезъ нѣсколько дней я узналъ стороной, что мой жандармскій капитанъ хвалился, что «славно проучилъ жида за доносъ на пана N».—А панъ этотъ, находившійся въ числѣ лицъ, которыхъ я отыскивалъ, и котораго лазутчикъ зналъ въ лицо, былъ извѣстенъ тѣмъ, что проигрывалъ капитану охотнѣе многихъ другихъ.

Само собою разумѣется, что подобное поведеніе жандармовъ поддерживало, да я думаю поддерживаетъ и донынѣ, въ полякахъ не только ненависть, но и презрѣніе къ русской власти и даже вообще ко всему русскому; и почему ихъ не уничтожатъ въ Польшѣ?—этого я не могу понять.

Вѣдь если нужно шпіонство для вывѣдыванія «злыхъ умысловъ», то я уже сказалъ, что именно эта цѣль не достигается, какъ съ очевидностью доказывали годы 1830—31 и 1861—64.

Затѣмъ жандармы не только давятъ и раздражаютъ поляковъ, но они компрометируютъ и тѣхъ русскихъ, которые одновременно съ ними служатъ въ Привислинскомъ краѣ, нисколько не раздѣляя ихъ . . . . понятій и дѣйствій. Положеніе этихъ послѣднихъ русскихъ отвратительно. Вѣдь, хочешь не хочешь, разъ ты русскій, то поневолѣ знаешься съ жандармами и не только офиціально, но и частно, а это, въ 1-хъ, огорчаетъ, какъ всякая, даже невольная подлость, и, во 2-хъ, роняетъ въ глазахъ порядочныхъ людей, къ какой бы націи они не принадлежали. Въ этомъ отношеніи на Кавказѣ было лучше. Такъ, напримѣръ: передъ самымъ моимъ отъѣздомъ былъ слѣдующій случай, доказывавшій, что даже русское провинціальное чиновничье общество не уважало жандармовъ и ранѣе 1863 года. Городъ Ставрополь готовился видѣть въ своихъ стѣнахъ великаго князя-намѣстника и рѣшилъ дать ему балъ. Открылась подписка: для военныхъ у начальника штаба, для статскихъ у губернатора. Жандармскій штабъ-офицеръ (помнится Голоушевъ, чуть ли не тотъ самый, что былъ потомъ въ Самарѣ или Оренбургѣ, гдѣ его собственныя дѣти приняли участіе въ «заговорахъ нигилистовъ и въ распространеніи революціонныхъ идей»), какъ человѣкъ, носившій эполеты, сунулся было съ своими деньгами къ Забудскому, но получилъ отказъ въ принятіи ихъ, подъ предлогомъ, что онъ принадлежитъ къ гражданской, а не къ военной администраціи; сунулся къ губернатору Пащенко,—тамъ та же исторія: вы-де носите военный мундиръ! Такъ и пришлось жандарму сказать: «ну такъ я буду на балѣ и просто безъ подписки: мнѣ вѣдь доступъ вездѣ открытъ!»...—Да, замѣчали ставропольцы: наравнѣ съ тѣми жандармами, что стоятъ у подъѣзда, для порядка между кучерами...—Въ 1859 г. въ Омскѣ тоже былъ подобный случай. Для предупрежденія появленія жандармскаго офицера *въ залѣ* мѣстнаго собранія ближайшія къ генералъ-губернатору лица, его адъютанты и штабные офицеры, устроили нарядъ жандармской команды съ офицеромъ *къ подъѣзду* собранія, чѣмъ самымъ указывалось, что его мѣсто въ сѣняхъ, пожалуй въ передней, но никакъ не въ залахъ, доступныхъ однимъ порядочнымъ людямъ. Въ Польшѣ этого сдѣлать было нельзя.

Возвращаюсь отъ вопроса о жандармахъ къ состоянію польской провинціи передъ началомъ весны 1864 года. Какъ только обнародованы были указы 19 февраля о надѣленіи землею крестьянъ и объ устройствѣ гминнаго самоуправленія, войскамъ и военно-полицейскимъ управленіямъ почти нечего стало дѣлать для разысканія бывшихъ повстанцевъ: крестьяне начали сами

приводить ихъ въ города или къ участковымъ начальникамъ, а боязнь такой выдачи, за которою могла послѣдовать ссылка, произвела то, что и сами повстанцы являлись нерѣдко просить видовъ на свободное жительство, послѣ чего они уже освобождались отъ всякихъ преслѣдованій. Труднѣе было съ организаторами возстанія и вообще со шляхтой, все еще питавшею надежды продолжать борьбу; но тутъ опять явились крестьяне на помощь правительству и были неумолимы къ шляхтѣ. Во всѣхъ деревняхъ были устроены заставы, и если проѣзжій шляхтичъ не имѣлъ паспорта, или вообще казался подозрительнымъ, то заставные караульщи кинемедленно задерживали его и отсылали въ городъ или къ участковому начальнику. Это было самое ужасное время для шляхты, время окончательнаго расчета за повстаніе. Съ одной стороны, доходы съ имѣній прекратились или, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшились; съ другой—самой личности каждаго пана грозила постоянная бѣда, и отъ кого же?—отъ хлоповъ!.. Я прекратилъ дальнѣйшую административную ссылку политическихъ арестантовъ въ Россію, что, впрочемъ, скоро сдѣлано было и общею правительственною мѣрою.

Теперь слѣдовало бы перейти именно къ обнародованію и исполненію указовъ 19-го февраля 1864 года, произведшихъ такой глубокій переворотъ въ Польшѣ; но объ этомъ лучше я скажу особо, а въ данную минуту припомню еще нѣкоторыя подробности собственно военно-полицейскаго управленія моего въ Ленчицѣ. Какъ ни страннымъ можетъ казаться, но больше всего хлопотъ и непріятностей этому управленію доставляли не поляки, которыхъ предложено было терроризировать, а свои же военныя и другія власти, которыя производили даже не терроръ, а какой-то хаосъ, который могъ возбуждать не только озлобленіе, но отчаяніе всего населенія. Прежде всего замѣчу, что изъ чисто корыстныхъ цѣлей начальники войскъ безсовѣстно пользовались своимъ тогдашнимъ правомъ брать подводы будто бы для скорѣйшей доставки командъ къ мѣстамъ возмущеній. Никакихъ возмущеній за время моего управленія ленчицкимъ уѣздомъ не было въ немъ, а между тѣмъ, солдаты постоянно разъѣзжали изъ одного конца уѣзда въ другой, отъ одного ротнаго двора къ другому или въ полковой штабъ, на обывательскихъ лошадяхъ. Это были то оружейники для починки и смазки оружія, то каптенармусы, то писаря, то даже сами офицеры, ѣздившіе къ сосѣдямъ повидаться, поиграть въ карты и т. п. и бравшіе подводы не только для себя, но и для небольшого конвоя. Если бы эти «порядки» продолжались весною и лѣтомъ 1864 года, то край былъ бы разоренъ дотла. И до чего доходили

военныя власти въ этомъ отношенiи, можно судить по слѣдующему примѣру. У одного помѣщика жена собиралась родить; онъ послалъ въ Ленчицу за акушеркой, и кучеръ, прибывъ къ жилищу послѣдней, оставилъ бричку у воротъ, а самъ пошелъ просить акушерку, которая и стала собираться. Но пока шли сборы, военнымъ властямъ для какой-то «внезапной» надобности потребовались подводы, и бричка пана, вмѣстѣ съ вышедшимъ изъ воротъ кучеромъ, была захвачена въ реквизицiю и возвращена лишь тогда, когда, быть можетъ, родильница уже не имѣла надобности въ акушеркѣ, потому что родила благополучно или потому, что умерла... Напрасно даны были предписанiя свыше, чтобы нарядъ подводъ для войска дѣлался черезъ уѣздныя власти, и даже не военно-полицейскiя, которыя не знали порядка исполненiя натуральныхъ повинностей населенiемъ Польши, а черезъ гражданскiя: предписанiя эти не исполнялись, ибо всегда можно было отговариваться экстренностью и важностью возникшей надобности въ подводахъ. Помню, разъ я встрѣтилъ верстахъ въ восьми отъ Ленчицы, близъ деревни Витоньи, четырехъ солдатъ, ѣхавшихъ въ страшную грязь на трехъ пароконныхъ фурманкахъ (телѣгахъ), то-есть на шести лошадяхъ при трехъ кучерахъ. Спрашиваю: что они за люди и куда ѣдутъ? Отвѣчаютъ: «оружейники и слесаря ладожскаго полка; ѣдутъ домой, въ полковой штабъ», т.-е. въ Ленчицу.— Зачѣмъ же у васъ обывательскiя, а не полковыя лошади?—«Не могимъ знать; намъ начальство дало такихъ».—Что могъ я дѣлать въ подобныхъ случаяхъ? Настаивать у Гагемейстера, какъ мѣстнаго старшаго начальника войскъ, чтобы самовольства были прекращены? Но они имъ-то и дѣлались, съ прямою эгоистическою цѣлью сберечь полковыхъ лошадей (если еще такiя существовали въ должномъ числѣ). Задѣть его съ этой стороны, значило бы нажить въ немъ не только принципiальнаго противника, какъ въ вопросѣ о кругѣ власти, но личнаго врага; а между тѣмъ самая настоятельная политическая необходимость заставляла насъ итти рука-объ-руку или по крайней мѣрѣ не раздѣляться открыто, гласно. Другая сторона самовластiя войсковыхъ начальниковъ была не менѣе, если не болѣе отвратительна. Давно уже установилось мнѣнiе, что послѣднее польское возстанiе было задавлено не столько оружiемъ, сколько нагайками. Не одна Варшава помнитъ день Косцюшки (2 октября), когда казаки «лупили направо и налѣво», не разбирая праваго и виноватаго, лишь бы загнать жителей съ улицъ въ дома; Ленчица тоже имѣетъ объ этомъ свою легенду. Привычка драться, точнѣе бить безоружныхъ, вошла въ плоть и кровь разныхъ сотенныхъ,

эскадронныхъ и ротныхъ командировъ. А какъ послѣдніе были понадѣланы участковыми начальниками, то мнѣ, непосредственной власти надъ ними, отвѣтственной за политическія послѣдствія ихъ недостойнаго поведенія, приходилось имѣть не мало хлопотъ съ ними. Помню, разъ, въ эпоху настояній Бельгарда о присылкѣ возможно большаго числа адресовъ съ заявленіями виновности и просьбами о пощадѣ, одна бѣдная мѣщанка мѣстечка Гржегоржева привезла ко мнѣ своего до полусмерти избитаго мужа и жаловалась, что его истиранилъ мѣстный участковый начальникъ.—За что? «А онъ требовалъ адреса, мѣщане же не хотѣли его подписывать, говоря, что и безъ того все время возстанія вели себя, какъ вѣрноподданные, а потому виниться въ чемъ-либо не хотятъ. Мой мужъ стоялъ въ переднихъ рядахъ, и какъ онъ издавна страдаетъ головотрясеніемъ, такъ что по этому поводу и въ солдаты не былъ взятъ, то участковый начальникъ, принимая его покачиванья головой за знакъ подстрекательства, тутъ же на площади разложилъ его и далъ ему *семьдесятъ нагаекъ*»... Я немедленно написалъ запросъ штабсъ-капитану—палачу, требуя разъясненія дѣла; но получилъ въ отвѣтъ, что «дѣйствительно, мѣщанинъ такой-то противодѣйствовалъ составленію адреса, за что ему и дано *двадцать розогъ*, въ примѣръ и страхъ другимъ».

Штабсъ-капитану, повидимому, и въ голову не приходило, что я собственными глазами видѣлъ раны, нанесенныя несчастному его паціенту. Слѣдовало бы его «благородіе», какъ изверга и офиціальнаго лжеца, отдать подъ судъ, но какъ это сдѣлать? Участковые начальники были назначены не мною, не я могъ и смѣнять ихъ. Жаловаться на нихъ рапортомъ утверждавшему ихъ Бельгарду значило не только толочь воду, но и наживать себѣ однѣ непріятности, безъ всякой надежды добиться правосудія. Я сказалъ о поведеніи тирана Гагемейстеру, полковому его командиру; тотъ замѣтилъ: «Дѣйствительно, штабсъ-капитанъ Островскій (кажется такъ) строгъ и даже суровъ, но онъ—одинъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ полка». (Каковы же были неотличнѣйшіе?..). Замѣчу, что именно изъ ладожскаго полка немало офицеровъ ушло въ польскія банды и съ ними вмѣстѣ докторъ Сыревичъ, одинъ изъ отчаянныхъ и ловкихъ «довудцевъ».

Здѣсь по поводу исторіи гржегоржевскаго мѣщанина, невольно вспоминается еще разъ поведеніе жандармеріи. Жаловавшаяся женщина, глубоко вѣруя, что къ русскимъ начальствамъ нельзя являться безъ взятки, принесла мнѣ голову сахара, которую и поставила передо мною прежде даже, чѣмъ вымолвила слово. По выслушаніи ея просьбы я сказалъ ей, что дѣло ея мужа немедленно разберу, а что касается до сахара, то я его

отсылаю въ больницу и прошу ее сказать всѣмъ знакомымъ, что, если кто изъ нихъ явится ко мнѣ съ подарками, то будетъ посаженъ въ острогъ. Жандармскій офицеръ немедленно узналъ объ этомъ и вечеромъ пришелъ ко мнѣ съ самыми ласковыми представленіями не дѣлать послѣдняго, что, молъ, принесшая сахаръ баба сдѣлала это по глупости, и что сажать за подобныя «наивности» въ острогъ было бы «неполитично»... Еще бы! Когда вся политика жандармовъ въ томъ и состояла, чтобы имъ побольше приносили сахарныхъ головъ и другихъ *сластей*.

Страсть драться сказывалась у нашихъ офицеровъ и не по одному поводу «сопротивленія ихъ власти», въ которомъ они всегда склонны были видѣть «бунтъ, мятежъ, возстаніе», а иногда по чисто «мирнымъ» причинамъ. Тюрьмою политическихъ, подслѣдственныхъ арестантовъ въ Ленчицѣ завѣдывалъ при мнѣ назначенный еще въ 1863 году Гагемейстеромъ прапорщикъ Ивановъ, вислоухій и злой дуракъ. Онъ сѣкъ арестантовъ подъ разными предлогами и однажды далъ,—правда всего двадцать—розогъ одному больному, который, будучи дежурнымъ по камерѣ, но чувствуя себя слабымъ, отказался мести полъ и котораго послѣ наказанія пришлось отправить въ больницу, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Этотъ же Ивановъ нагло эксплуатировалъ арестантовъ зажиточныхъ, приглашая ихъ по вечерамъ къ себѣ «на чай и для свиданія съ родными» и обыгрывая при этомъ въ карты. Я узналъ досконально объ этихъ мерзостяхъ лишь подъ конецъ моего управленія, просилъ Гагемейстера о смѣнѣ негодяя, но состоялась ли таковая,—не знаю. Замѣнить же Иванова самъ я не могъ: военно-уѣзднымъ начальникамъ не было предоставлено право опредѣлять и увольнять подвѣдомственныхъ имъ чиновъ, кромѣ писцовъ изъ собственной канцеляріи, числомъ двухъ или трехъ.

Н. Бергъ въ своихъ офиціальныхъ «Запискахъ» о польскомъ возстаніи 1863 года приводитъ цифры тѣлесно-наказанныхъ поляковъ по плоцкому военному отдѣлу, при чемъ оказывается, что ихъ въ этомъ отдѣлѣ, за два года, 1863—65, было свыше трехъ тысячъ. Это давало бы приблизительно, на всю Польшу, около 20.000, ибо плоцкій отдѣлъ составлялъ $^{1}/_{6}$ или $^{1}/_{7}$ всего края. Но я думаю, что такая цифра далеко ниже дѣйствительности, ибо сѣкли повстанцевъ, да и вообще поляковъ, не одни начальники отдѣловъ, т.-е. генералы, а и всякій военный начальникъ какого-нибудь захолустья. Притомъ одно число наказанныхъ еще немного значитъ: нужно знать, какъ наказывали? Чтобы отвѣтить на послѣдній вопросъ, приведу лучше всего разсказъ Н. А. Чуфаровскаго, бывшаго офицера вологодскаго полка,

а потомъ участковаго комиссара по крестьянскимъ дѣламъ въ Люблинѣ, человѣка въ высшей степени правдиваго. Разъ, идя по люблинскимъ улицамъ зимою 1864—65 года, мы съ нимъ встрѣтили одного шляхтича въ хорошей енотовой шубѣ, который, завидя насъ, принялъ какой-то смущенный видъ и поспѣшилъ обойти насъ стороною. «Знаете, кто это такой?» спросилъ меня Чуфаровскій.—Разумѣется, нѣтъ—«А это панъ Н., который года полтора тому назадъ здорово досталъ въ скуру».—За что и какъ?—«А онъ устроилъ мерзость нашимъ стрѣлкамъ (кажется облилъ помоями проходившій мимо дома стрѣлковый караулъ), за это генералъ Хрущевъ, видя его молодость, приказалъ его высѣчь 25-ю ударами. Но экзекуція была поручена тѣмъ самымъ стрѣлкамъ, которымъ онъ сдѣлалъ скандалъ, и тѣ потѣшились. Привязали его къ скамейкѣ, да сѣкли съ разбѣгу; каждый далъ по удару, а кто хотѣлъ и по два».—Какъ, цѣлый караулъ?—«Цѣлая рота!»...—Это значитъ, что шляхтичъ, «досталъ въ скуру» по крайней мѣрѣ 200 розогъ, съ разбѣгу, т.-е. весьма тяжелыхъ. Мнѣ пріятно вспомнить, что ни я, ни Гагемейстеръ въ Ленчицѣ не прибѣгали ни разу къ розгамъ «для политическихъ расчетовъ» съ повстанцами. Но за жандармовъ не ручаюсь. Одинъ изъ нихъ, простой унтеръ-офицеръ, сопровождавшій какъ-то меня въ разъѣздахъ, получивъ отъ меня приказаніе разспросить одного кузнеца, куда они дѣли косы, которыя ковали для бандъ (я въ то время не говорилъ еще самъ по-польски), съ того началъ свой допросъ, что вытянулъ бѣднаго ковалу два раза нагайкой; вытянулъ бы вѣроятно и больше, если бы я немедленно не остановилъ его. Кавалеристы, особливо казаки, въ своихъ поискахъ за повстанцами тоже «охулки на руку не клали»

Чтобы заключить эти краткія замѣтки о моемъ трехмѣсячномъ участіи въ военно-полицейскомъ управленіи Польши, прибавлю еще нѣсколько словъ объ общей политической физіономіи этой страны въ эпоху, когда она готовилась пережить такой крупный политическій и соціальный переворотъ, какъ произведенный указами 19-го февраля 1864 года. Вѣдь то былъ дѣйствительный Finis Poloniae стараго закала, т.-е. Польши шляхетской, Польши средневѣковой, хотя и подновленной наполеоновскимъ кодексомъ. Мои наблюденія дѣлались, конечно, въ тѣсномъ кругу и очень недолгое время; поэтому выводы изъ нихъ не могутъ быть ни многочисленны, ни безусловно вѣрны; но зато, во 1-хъ, впечатлѣнія были непосредственны и, слѣдовательно, очень опредѣлительны, во 2-хъ, наблюденія совершались въ самомъ центрѣ исторической Польши, въ мѣстности, которую можно назвать типическою. Вѣдь не даромъ же ленчицкая шляхта издавна звалась кармази-

новою, т.-е. самою щегольскою, образцовою по своимъ шляхетнымъ обычаямъ, недаромъ и въ самой Ленчицѣ существуютъ остатки древнѣйшаго изъ всѣхъ замковъ королей польскихъ.

Прежде всего естественно поставить вопросъ: было ли патріотическое увлеченіе 1861—63 годовъ общимъ всему населенію Польши? Судя по тому, что въ бандахъ попадались «поляки моисеева закона», т.-е. евреи, народъ самый невоинственный по природѣ, можно бы думать, что *да*, что возстаніе было дѣломъ общимъ. Но я думаю, что *нѣтъ*, и вотъ на какомъ основаніи. Во 1-хъ, въ Польшѣ 1863 года, особенно въ западной ея половинѣ, жило уже нѣсколько сотъ тысячъ нѣмцевъ, которые не только не сочувствовали возстанію, но были прямо враждебны ему. Многіе изъ нихъ были перевѣшаны польскими жандармами и начальниками бандъ; другіе заявили настолько преданности русскому правительству, что, напр, въ калишскомъ отдѣлѣ генералъ Бельгардъ не побоялся вооружить ихъ противу повстанцевъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и притомъ не по собственному генеральскому почину, который могъ быть безтолковымъ, а по прямому ходатайству самихъ нѣмцевъ. Никто (послѣ войскъ) не доставилъ въ Ленчицу столько арестованныхъ повстанцевъ, какъ нѣмецкіе колонисты. Положимъ, что эти усердіе и преданность были не платоническими, не безкорыстными, а основанными на самолюбивомъ расчетѣ избавиться поскорѣе отъ поборовъ повстанцевъ и спокойно заняться промыслами; но тѣмъ хуже было для польскаго дѣла, если положительные, вседневные интересы части населенія Польши были въ коренномъ несогласіи съ интересами патріотовъ.—Во 2-хъ, кромѣ нѣмцевъ, у возстанія были противники и въ остальной массѣ населенія, напр., русины въ юго-восточной Польшѣ, державшіеся, впрочемъ, пассивно, много евреевъ и, что особенно важно, значительная доля крестьянъ, природныхъ поляковъ. Помѣщичій классъ, стоявшій во главѣ революціоннаго движенія, своимъ давнимъ эгоизмомъ такъ отучилъ отъ довѣрія къ себѣ сѣрую, крестьянскую массу, что она не шла за нимъ, и банды, какъ извѣстно, состояли главнымъ образомъ изъ горожанъ, шляхты и ея дворовыхъ людей. Хлоповъ брали въ косиньеры, но огнестрѣльное оружіе имъ выдавалось рѣдко, ибо не они составляли надежду вождей «народовыхъ силъ». И какъ могло быть иначе, когда организаторы и довудцы бандъ были исключительно шляхтичи, которые даже въ эти торжественныя минуты патріотическаго одушевленія, борьбы за свободу отечества, не забывали, что хлопъ—не болѣе, какъ рабочее быдло, и давали ему безпрестанно чувствовать это? Напрасно народовый жондъ издавалъ декреты

объ обращеніи крестьянскихъ земель въ собственность хлоповъ ихъ обрабатывавшихъ: крестьяне не вѣрили этимъ революціоннымъ постановленіямъ. Напрасно даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши помѣщики заявляли, что они за землю не берутъ больше чиншей и окуповъ: крестьяне, пожалуй, охотно пользовались этой льготою, но предугадывали, что паны рано или поздно, выйдутъ ли побѣдителями или побѣжденными, потребуютъ залеглости (недоимки) и въ послѣднемъ случаѣ не устыдятся даже обратиться «къ московскому наѣзду» за содѣйствіемъ ко взысканію недоплатъ.

Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ, ибо я помню случаи, что въ началѣ 1864 года нѣкоторые паны обращались ко мнѣ съ жалобами на неплатежъ крестьянами ихъ денежныхъ повинностей. И ничѣмъ такъ правительство не дошло помѣщиковъ и не возбудило сочувствія крестьянъ, какъ объявленіемъ въ указѣ 19-го февраля 1864 года, что недоимки въ помѣщичьихъ сборахъ слагаются съ крестьянства, такимъ образомъ, издержки шляхты на возстаніе пали исключительно на нее самое, а не на крестьянъ, на которыхъ однако же онѣ были бы непремѣнно переведены, если бы закона 19-го февраля не было.—Въ 3-хъ, не участвовало въ возстаніи, по крайней мѣрѣ лично, все магнатство, т.-е. высшее дворянство, которое попряталось то въ Варшаву, то за границу, а то даже въ Петербургъ. Напрасно мы стали бы искать въ спискахъ не только начальниковъ бандъ, но даже членовъ народоваго жонда Потоцкихъ, Замойскихъ, Радзивилловъ, Любомирскихъ и пр., и пр. Всѣ они «благоразумно», т.-е. попросту безчестно, удалились съ театра борьбы и если давали деньги на повстаніе, то потихоньку, дѣлая въ то же время сладкія улыбки русскимъ начальствамъ, а съ 1864 года и прямо называя передъ послѣдними революцію «глупствомъ». Такіе магнаты, какъ Урусскій, Колонтай, Сиг. Велепольскій, Радзивиллъ, Ржевусскій оставались даже прямо на русской службѣ или, по крайней мѣрѣ, въ числѣ посѣтителей намѣстническихъ салоновъ въ Варшавѣ. Какъ могли послѣ этого «борцы за ойчизну» вѣрить успѣху ихъ дѣла, я затрудняюсь себѣ объяснить. И если поляки назовутъ мнѣ Чарторыйскаго, который не побоялся открыто представлять революціонную Польшу передъ лицомъ Европы, то на это я отвѣчу, что все же онъ самъ на театрѣ борьбы не появлялся и даже молодыхъ членовъ своей семьи туда не посылалъ, а что, если агитировалъ въ Парижѣ, то всякому извѣстно, что это дѣлалось лишь въ надеждѣ изъ хозяина отеля Ламберъ стать властителемъ королевскаго замка въ Варшавѣ. Сапѣги, Дзюдушинскіе, Ледоховскіе и другіе «свободные» сыны

Польши, не задавленные «московскимъ наѣздомъ», были ли хоть разъ, не говорю на поляхъ битвъ, а только «въ лѣсу»? Никто объ этомъ ничего и никогда не слыхалъ, а дрались разные Ляндовскіе, Франковскіе, Сѣраковскіе, Падлевскіе, Лянгевичи, Сыревичи, Брусоски и т. п. мелкіе шляхтичи, ксендзы, доктора, студенты, ремесленники. Про ордината Константина Замойскаго разсказывали, что онъ намѣренно во время возстанія нанималъ по нѣскольку дешевыхъ квартиръ, въ два, три франка или шиллинга, въ Парижѣ и Лондонѣ, чтобы скрываться отъ агентовъ народоваго правительства, которые желали съ него, владѣльца 90000 крестьянъ, взять извѣстную лепту на дѣло родины. А либеральный графъ Браницкій, поддерживавшій въ 1848 году Прудона и другихъ французскихъ «красныхъ», въ 1863—64 годахъ прехладнокровно занимался спекуляціями на парижской биржѣ, какъ самый послѣдній изъ «синихъ» или «бѣлыхъ», которымъ нѣтъ дѣла до того, что происходитъ на родинѣ, за что льется тамъ кровь.

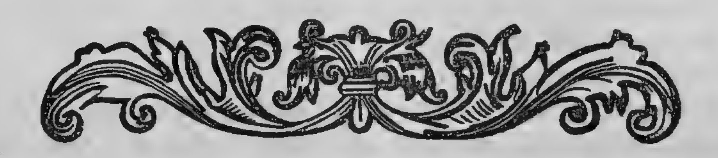
Такимъ образомъ для всякаго спокойно мыслившаго человѣка уже съ конца 1863 года было ясно, что вооруженной борьбы между поляками и русскими больше не можетъ быть, по крайней мѣрѣ борьбы серьезной. Силъ возставшаго края достало на вспышку 1863 года, но онѣ быстро пришли въ истощеніе. И напрасно Траугутъ пытался возбудить ихъ вновь, организовать и приготовить къ нанесенію новыхъ ударовъ русскимъ весною 1864 года: читая литографированные «приказы по 2-му корпусу народовой арміи» поставленнаго жондомъ корпуснаго командира Босака, я еще въ январѣ смѣялся надъ этой фанфаронадой, имѣвшей очевидно цѣлью дурачить нѣкоторыхъ нашихъ трусливыхъ властей и, пожалуй, еще вводить въ заблужденіе относительно силъ повстанцевъ кое-какія западно-европейскія... не правительства, конечно, а націи и журналистику. Соотвѣтственно этой увѣренности я и дозволялъ себѣ съ довольно спокойною совѣстью то, что инымъ могло казаться послабленіемъ. Какъ человѣкъ, прибывшій съ Кавказа и слѣдовательно не имѣвшій *личныхъ* поводовъ къ озлобленію на поляковъ, я вообще сразу сталъ на нѣсколько иную точку зрѣнія на совершившіяся событія, чѣмъ, наприм., мои сосѣди: на сѣверѣ Шварцъ, прославившійся жестокостью наказаній повстанцевъ нагайками, и на югѣ Брелуенъ, который ихъ же дралъ не только физически, но и экономически, обыгрывая въ карты, беря просто взятки деньгами, мебелью и т. п.

Шварцъ былъ укротителемъ влоцлавскаго и кутновскаго уѣздовъ, гдѣ царилъ Витгенштейнъ, пресловутый авторъ статьи

о пользѣ тѣлесныхъ наказаній въ арміи, которая вызвала протестъ 106 офицеровъ противъ редакціи «Военнаго Сборника». Брелуенъ, военно-уѣздный начальникъ въ Лодзи, драль не только обитателей этой мѣстности, но даже успѣлъ перепороть моихъ, ленгицкихъ евреевъ, за шитье повстанцамъ обмундировки, для чего и вытребовалъ ихъ поименно, будто бы для свидѣтельства по одному важному дѣлу. Бѣдные евреи были ужасно разсержены этою экстерриторіальностью наказанія; да и порка была «отмѣнная».

Я вовсе не придирался къ лицамъ, носившимъ народовую жалобу (трауръ), не отказывалъ по возможности никому въ паспортахъ, позволялъ многимъ арестованнымъ вмѣсто тюрьмы жить въ гостиницѣ (откуда ни одинъ не ушелъ), не сѣкъ арестантовъ за ихъ проступки въ тюрьмѣ, а тѣмъ болѣе за участіе въ возстаніи; безъ проволочекъ выдавалъ виды на свободное проживаніе повстанцамъ, являющимся ко мнѣ добровольно; не заставлялъ ждать подолгу въ пріемной просителей; когда приходилось брать въ пользу казны штрафы, назначалъ ихъ въ умѣренномъ размѣрѣ и предлагалъ самому штрафованному записывать ихъ въ шнуровую книгу (чтобы они не могли потомъ говорить, что я взялъ больше записаннаго). Кажется это не Богъ знаетъ что, а результатомъ было полное спокойствіе въ ленчицкомъ уѣздѣ, въ которомъ за мое время не появилось ни одной, самомалѣйшей повстанской шайки, не было ни одного случая политическихъ убійствъ со стороны народовыхъ мстителей за измѣну народовому дѣлу, тогда какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Польши банды существовали даже весною 1864 года, а зимою такъ и дрались съ нашими войсками. Ergo моя система была недурна; но примѣнима ли она была ко всему взволнованному краю, я не возьму на себя смѣлости рѣшить по незнанію всѣхъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Быть можетъ и нѣтъ.

М. Венюковъ.



Письмо Л. Н. Толстого.

(Н. Д. Валову, жившему въ г. Лукояновѣ, Нижегородской губерніи) [1].

Тула. 16 августа 1887 г. (клеймо на конвертѣ).

Николай Дмитріевичъ!

Письмо ваше я получилъ давно и тогда же рѣшилъ, что оно—одно изъ такихъ, на которыя надо отвѣтить, но за разными дѣлами до сихъ поръ не успѣлъ,—пожалуйста, простите меня за это.

Разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ въ себѣ—въ религіозномъ уясненіи смысла жизни и смерти. Если это рѣшеніе найдено, то найдены и рѣшенія всѣхъ самыхъ сложныхъ отношеній въ жизни. Вы обращаетесь ко мнѣ за рѣшеніемъ. Безъ ложной скромности и гордости скажу, что я такая чуть свѣтящаяся лампочка при свѣтѣ электрическихъ солнцъ мудрецовъ человѣчества и вѣчнаго солнца истины: Конфуцій, Будда, Лао-дзе, Эпиктетъ и, наконецъ, Евангеліе. Все тамъ есть и все одно и то же.

Если же вы хотите знать, какъ именно я выбирался изъ мрака, то вотъ отвѣтъ на вашъ вопросъ,—я изложилъ это въ слѣдующихъ писаніяхъ:

1) Исповѣдь,

2) Въ чемъ моя вѣра,

3) Что же намъ дѣлать?

Всѣ эти сочиненія можно достать за границей, полнѣе на французскомъ. Переписывать же ихъ здѣсь стоитъ очень дорого. Переписываютъ ихъ и у меня въ деревнѣ учитель и одна дѣвушка

---

[1]) Письмо получено редакціей отъ сына адресата—М. Н. Валова.

(адресъ ея: Московско-Курская дорога, станція Иваново, Марья Александровна Шмитъ).

Кромѣ того есть еще мой большой переводъ и соединеніе 4-хъ Евангелій и краткое изложеніе ихъ.

Еще вы пишите, что вы хотите бѣжать, удалиться,—вообще перемѣнить внѣшнія условія жизни. Мнѣ кажется,—этого никогда не нужно. Насколько измѣнится міросозерцаніе, настолько само собою измѣняются и внѣшнія условія; и тогда только прочно.

Помогай вамъ Богъ.

Левъ Толстой.

Письмо С. А. Юрьева къ П. А. Преображенскому.

Печатаемое ниже письмо извѣстнаго С. А. Юрьева, основателя и перваго редактора «Русской Мысли», явилось, какъ видно изъ его содержанія, отвѣтомъ на недовольство, высказанное редакторомъ «Православнаго Обозрѣнія» о. П. А. Преображенскимъ рѣзкой отповѣдью Каткову и «Московскимъ Вѣдомостямъ», данной Юрьевымъ въ мартовской книжкѣ «Русской Мысли» 1880 г. «Первый листокъ мартовской книжки» начинается такъ:

«Только что мы окончили печатаніемъ настоящую книжку, какъ прочли передовыя статьи въ № 79 и 80 «Московскихъ Вѣдомостей». Оскорблялъ ли кто-нибудь въ русской печати русское общество такъ, какъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ сказанныхъ номерахъ? Осмѣливался ли кто-нибудь бросать въ лицо всей русской интеллигенціи, что она «орудіе для вражеской крамолы, злоумышляющей противъ Россіи, противъ русскаго народа...?» И противъ кого еще? Не даромъ же фраза оканчивается нѣсколькими точками. Кто дерзалъ у насъ въ печати всенародно обвинять въ этомъ и не одну только интеллигенцію, которая служитъ непосредственно представителемъ русской общественной мысли, но и ту, которая «примыкаетъ къ правительству» и будто бы «пассуетъ передъ крамолою», обвинять и «законную» (оффиціальную?) «печать, которая» будто бы «перемигивается съ крамольниками» и даже набрасываетъ тѣнь на само «правительство» (должно полагать, въ лицѣ высшихъ агентовъ Верховной власти), «которое», по словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», «борется, не борется съ крамолою».

Неужели все это пройдетъ даромъ и не будетъ обузданъ оскорбительный для всего русскаго общества,, наглый, сумасшедшій крикъ раскаленныхъ инквизиціоннымъ жаромъ фантазій? Неужели можетъ безвозбранно гулять и разноситься по Россіи этотъ голосъ, всенародно объявляющій и русскую интеллигенцію, и русскую печать, и русское правительство орудіями враговъ народа? Не есть ли это воззваніе къ народнымъ страстямъ?! Не есть ли это злобный призывъ къ анархіи, только идущій съ другого конца?!»

Указавъ далѣе, что положительнаго пути къ спасенію «г. народный трибунъ, руководящій «Московскими Вѣдомостями» не намѣчаетъ, такъ какъ изъ его устъ слышны только «слова призыва къ казнямъ и террору, да огульныя обвиненія въ содѣйствіи врагамъ народа», редакція «Русской Мысли» заканчиваетъ свою замѣтку заявленіемъ, что на дальнѣйшія выходки «Московскихъ Вѣдомостей» она отвѣчать не будетъ, «ибо препирательство съ такимъ органомъ печати немыслимо ни для кого, кто хоть сколько нибудь уважаетъ себя».

Недовольство «Русской Мыслью», выраженное П. А. Преображенскимъ въ частномъ письмѣ, не нашло отголоска въ редакти-

ровавшемся имъ изданіи. Въ первыхъ книжкахъ «Православнаго Обозрѣнія» нѣтъ никакихъ полемическихъ выпадокъ противъ Юрьева и его журнала; вообще нѣтъ ссылокъ на «Русскую Мысль».

Н. Г.

Многоуважаемый

Петръ Алексѣевичъ!

Сейчасъ я получилъ ваше письмо съ вложеннымъ въ него первымъ листкомъ мартовской книжки редактируемаго мною журнала.

По всей вѣроятности вамъ придется не разъ продѣлывать такія-же операціи надъ другими книжками «Русской Мысли» по такому же поводу; такъ почитаю за лучшее покорнѣйше просить прекратить обмѣнъ нашихъ журналовъ. Что же касается честности, независимости литературной дѣятельности г. редактора «Московскихъ Вѣдомостей» и его талантливости, состоящей преимущественно въ беззастѣнчиво-наглой лжи и дерзости, всегда внушительно дѣйствующихъ на толпу, то я объ этомъ имѣю мнѣніе совершенно противуположное вашему. Объ этомъ спорить съ вами я здѣсь не желаю. Скажу одно: скорблю, что въ нашей Св. Церкви, къ которой я имѣю счастіе принадлежать всею моею душею, еще не исчезла закваска іосифлянъ, которые взывали къ казнямъ и сожженію своихъ противниковъ еретиковъ, закваска, чуждая духу церкви православной; что многимъ изъ выдающихся представителей церковнаго, православнаго духа не претитъ духъ, родственный духу знаменитаго, мрачной, сатанинской памяти, испанскаго инквизитора Торквемадо.

Съ совершеннымъ почтеніемъ остаюсь готовый къ услугамъ

Сергѣй Юрьевъ.

12 апрѣля 1880.

Н. В. Шелгуновъ въ Калугѣ[1]).

(По неизданнымъ документамъ).

Если удачное выраженіе «идеалистъ земли» выражаетъ духовное содержаніе жизни и дѣятельности талантливаго автора «Очерковъ русской жизни», такъ какъ онъ впиталъ въ себя, по словамъ Н. К. Михайловскаго, весь духъ времени 60-хъ годовъ, то исторію печальныхъ перипетій его личной жизни можно характеризовать словами «многострадальный писатель». Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что Н. В. Шелгуновъ былъ въ свое время профессоромъ лѣсного института, имѣлъ чинъ полковника, составилъ себѣ авторитетное имя въ сферѣ лѣсныхъ наукъ, тѣмъ не менѣе онъ провелъ большую часть своей сознательной жизни въ скитаніяхъ по разнымъ провинціальнымъ городамъ и захолустьямъ русской земли, принуждаемый неумолимою силой условій россійской общественной жизни постоянно жить въ «мѣстахъ не столь отдаленныхъ».

Н. В. Шелгуновъ въ первый разъ былъ арестованъ въ 1862 г. въ Нерчинскомъ округѣ на Казаковскомъ промыслѣ, куда онъ примчался вмѣстѣ съ женой навѣстить своего опальнаго друга М. Ил. Михайлова, извѣстнаго поэта, осужденнаго по дѣлу о прокламаціи: «Къ молодому поколѣнію» [2]). Отсюда писателя доставили въ С.-Петербургъ и засадили въ Алексѣевскій равелинъ,

---

[1]) Въ основу настоящей работы легли три «дѣла» изъ калужскаго архива губернскаго правленія: 1) «Дѣло канцеляріи калужскаго губернатора по отношенію департамента полиціи исполнительной объ учрежденіи полицейскаго надзора за высланнымъ изъ г. Вологды полковникомъ Шелгуновымъ». По описи № 52. Началось 16 апрѣля 1869. Кончено 16 декабря 1870 г. 2) «Дѣло канцеляріи калужскаго губернатора по прошенію состоящаго въ г. Калугѣ подъ надзоромъ полиціи за политическую неблагонадежность полковника Шелгунова о разрѣшеніи ему поѣздки въ С.-Петербургъ для леченія». Началось 19 марта 1873 г. Рѣшено 18 іюля 1873 г. № 37 по описи полицейскаго стола. 3) «Нарядъ о лицахъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи за политическую неблагонадежность за 1869—1874 г.».

[2]) Она напечатана у Бурцева «За сто лѣтъ», въ «Матеріалахъ для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ гг.». Базилевскаго и въ книгѣ М. К. Лемке «Политическіе процессы» (первоначально въ «Быломъ» 1906 г. № 1). О Михайловѣ см. статью В. В. Міяковскаго «Гол. Мин.» 1915. № 9

гдѣ онъ высидѣлъ годъ и семь съ половиной мѣсяцевъ [1]). Преступленія покойнаго публициста были до смѣшного невелики. Ему послѣ долгихъ измышленій смогли вмѣнить въ вину только три незначительныхъ пункта: 1) онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ государственнымъ преступникомъ Михайловымъ; 2) велъ переписку съ разжалованнымъ изъ отставныхъ корнетовъ въ рядовые Всеволодомъ Костомаровымъ [2]) и 3) написалъ непропущенную цензурой статью, доказывающую вредный въ высшей степени образъ мыслей его [3]). Вотъ и все... За это его лишили правъ на пенсію и ношенія въ отставкѣ мундира и постановили сослать на жительство въ одну изъ отдаленныхъ губерній по назначенію министерства внутреннихъ дѣлъ, подчинивъ его на мѣстѣ жительства строгому полицейскому надзору.

Н. В. Шелгуновъ потомъ, уже въ ссылкѣ, въ 1866 г. въ Никольскѣ, блестяще опровергъ всѣ эти обвиненія. Но «плетью обуха не перешибешь»; логическіе доводы писателя безпомощно разбились о бюрократическое усмотрѣніе и остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и публицисту волей-неволей пришлось изучать климатическія и географическія условія жизни разныхъ широтъ Россійской имперіи.

Первоначально онъ попалъ въ Тотьму, куда его привезли изъ Петропавловской крѣпости 9 декабря 1864 г. «Тотьма», ядовито написанный обширный очеркъ, кромѣ писемъ къ женѣ, остался краснорѣчивымъ памятникомъ пребыванія здѣсь бывшаго профессора[4]). Отсюда онъ въ концѣ марта 1865 г. перебрался въ Великій Устюгъ, изъ котораго въ январѣ слѣдующаго года его выслали въ Никольскъ, Вологодской же губерніи, а въ декабрѣ того же 1866 года ему удалось перевестись въ г. Кадниковъ, той же губерніи, гдѣ онъ прожилъ около года. И только въ концѣ 1867 г. Шелгуновъ добрался до Вологды, изъ жизни которой онъ почерпнулъ матеріалъ для «Вологодскихъ кружевницъ» [5]). Но и Вологда скоро ему опротивѣла. «Когда человѣкъ проживаетъ въ извѣстной мѣстности по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, то этого совершенно достаточно, чтобы извѣстная мѣстность ему скоро надоѣла». Поэтому въ 1869 г. Людмила Петровна, супруга Николая Васильевича, пустила въ ходъ всѣ

---

[1]) *А. Пругавинъ*. Н. В. Шелгуновъ въ ссылкѣ. «Р. М.» 1910, II, 4, а также см. ниже прошеніе Л. П. Шелгуновой.

[2]) Лицо, извѣстное печальною ролью въ дѣлѣ Н. Г. Чернышевскаго и въ нѣкоторыхъ другихъ процессахъ 60-хъ гг.

[3]) См. въ «дѣлѣ» № 1 бумагу генерала Хоминскаго; содержаніе статьи и новыя данныя сообщены въ ст. *В. Н. П.* «Процессъ Н. В. Шелгунова». *Гол. Мин.* 1915 г. № 6.

[4]) Сочиненія Н. В. Шелгунова. Т. III, 1—51 стр. СПБ. 1872 г.

[5]) Тамъ же.

свои связи и употребила всѣ усилія, чтобы исхлопотать мужу перемѣну мѣстожительства и выручить его изъ ненавистнаго города. Старанія ея не пропали даромъ: ей обѣщали переводъ въ Калугу.

I.

Перспектива жить въ болѣе тепломъ климатѣ, ближе къ Москвѣ, въ центрѣ Россіи, вообще отъѣздъ съ холоднаго и пустыннаго сѣвера и опостылѣвшей Вологды окрылили мечтами истерзавшагося и измучившагося писателя; онъ съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ ждалъ вожделѣнной вѣсти о переводѣ. «Калуга засѣла у меня въ сердцѣ», пишетъ онъ женѣ 31 марта 1869 г. «Измучили же меня разнообразныя извѣстія о переводѣ и ожиданіе», жалуется онъ въ письмѣ отъ 11 апрѣля. «Жду, жду и жду писемъ отъ тебя» [1]).

Наконецъ, когда терпѣніе истомившагося скитальца уже истощилось, 20 апрѣля было получено долгожданное радостное извѣстіе, что 6 апрѣля 1869 г. состоялось разрѣшеніе выѣхать въ Калугу и покинуть край, гдѣ «морозы доходятъ до размѣра, совершенно неслыханнаго ни въ одной христіанской землѣ»; гдѣ «въ половинѣ седьмого вечера» публицисту иногда случалось писать статьи «въ тепломъ пальто и валенкахъ» [2]).

Въ Калугѣ администрація и чины вѣдомства, которое неустанно бдитъ въ заботахъ объ охраненіи общественной тишины и спокойствія, были уже освѣдомлены о предстоящемъ прибытіи невольнаго гостя съ сѣвера и принимали соотвѣтствующія мѣры къ достодолжному его пріему и встрѣчѣ.

Уже 14 апрѣля, на недѣлю ранѣе, чѣмъ узналъ самъ Шелгуновъ о переводѣ, калужскій губернаторъ имѣлъ у себя бумагу изъ департамента полиціи такого содержанія:

«Находящійся подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ г. Вологдѣ отставной полковникъ Николай Шелгуновъ назначенъ мною на жительство въ г. Калугу подъ такимъ же полицейскомъ надзоромъ.

Имѣю честь сообщить объ этомъ вашему превосходительству и покорнѣйше прошу увѣдомить меня, когда Шелгуновъ прибудетъ въ Калугу, при чемъ присовокупляю, что всѣ о немъ свѣдѣнія будутъ доставлены вамъ вологодскимъ губернаторомъ». Министръ вн. д. ген.-ад. *Тимашевъ*. Директоръ *Косаговскій*.

Губернаторъ, въ свою очередь, 19 апрѣля секретно увѣдомилъ

---

[1]) *Л. П. Шелгунова*. Изъ далекаго прошлаго. СПБ. 1901, 212.
[2]) Сочиненія Н. В. Шелгунова. Т. III. СПБ. 1872, 3, 5.

полиціймейстера о послѣдовавшемъ распоряженіи министра и предстоящемъ пріѣздѣ ссыльнаго: «давая объ этомъ знать для надлежащаго распоряженія и исполненія онаго распоряженія г. министра вн. дѣлъ, вмѣстѣ съ этимъ предписываю вашему высокоблагородію о прибытіи въ г. Калугу полковника Шелгунова мнѣ донести».

Н. В. Шелгуновъ однако долго собирался и не слишкомъ торопился съ выѣздомъ въ Калугу. Онъ заявилъ въ Вологдѣ «просьбу о пріостановленіи на нѣкоторое время высылкой его въ г. Калугу по домашнимъ обстоятельствамъ» [1]). Только чрезъ три недѣли все было готово, и поднадзорный писатель тронулся на новое кочевье 12 мая, какъ это видно изъ рапорта вологодскаго полицейскаго управленія, полученнаго въ Калугѣ 24 мая: «Вслѣдствіе предписанія г-на Вологодскаго губернатора отъ 12 мая... полицейское управленіе, выдавъ 12 мая ... отставному полковнику Шелгунову свидѣтельство на слѣдованіе въ г. Калугу на жительство, съ обязательствомъ явиться къ вашему превосходительству (т.-е. калужскому губернатору *Авт.*), имѣетъ честь донести о семъ вашему превосходительству, представивъ и переписку о г. Шелгуновѣ».
17 мая 1869 г.

Министерство разрѣшило Николаю Васильевичу «переѣздъ въ Калугу безъ сопровожденія конвойныхъ, во вниманіе къ недостаточности средствъ Шелгунова для уплаты конвойнымъ прогонныхъ и кормовыхъ денегъ въ оба пути,—но съ обязательствомъ слѣдовать по назначенію прямымъ путемъ, согласно маршруту,—и по прибытіи явиться немедленно къ калужскому губернатору» [2]).

Настроенія, съ которыми выѣзжалъ въ путь-дорогу писатель, были самыя жизнерадостныя. Правда, въ письмѣ отъ 20 апрѣля, въ день полученія извѣстія объ освобожденіи изъ вологодскаго плѣна, онъ отмѣтилъ у себя «не только безразличное, но скорѣе какое-то тоскливое безпокойное чувство»,[3]) удивившее его самого: «странное дѣло, я вовсе не радуюсь»... Однако все это сняло, какъ рукой, когда онъ тронулся въ Калугу: «я оставляю Вологду, и очень, очень мнѣ весело». Еще бы! Въ немъ забилось и громко заговорило сердце публициста, предъ умственнымъ окомъ котораго открылись новыя идейныя перспективы и простерлись широкіе горизонты. «Дикъ еще нашъ сѣверъ и сѣверо-востокъ», замѣчаетъ нашъ авторъ въ статьѣ «Подзавалье», написанной,

---

[1]) *А. С. Пругавинъ.* Н. В. Шелгуновъ въ ссылкѣ. «Р. М.» 1910, III, 2 .
[2]) *Пругавинъ.* Тамъ же.
[3]) *Л. П. Шелгунова.* Изъ далекаго прошлаго. СПБ. 1901, 213.

повидимому, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ переѣзда, вскорѣ по водвореніи въ Калугѣ: «Нѣтъ тамъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни земства, ни новаго суда. Люди живутъ, какъ медвѣди, не зная никакой выгоды цивилизаціи и новой гражданственности. Неподвижность и спячка мозга, какъ въ какомъ-нибудь Ташкентѣ. А бѣдность? О, какая повсюдная, страшная бѣдность! Еще бы не радоваться, оставляя такой жалкій край, чтобы поселиться въ сердцѣ Россіи!.. И какъ же я рвался къ этому невѣдомому для меня идеалу, къ новой русской жизни, къ новой русской цивилизаціи!» [1]).

Чувство ликующаго веселья и экспансивной радости публициста повышалось crescendo мечтаніями объ ожидаемой радостной встрѣчѣ въ Москвѣ съ другомъ-женой и сыномъ Мишей.

Въ Москвѣ, какъ было условлено, Шелгуновъ съѣхался съ женой и сыномъ; и все же теплота семейнаго свиданія не смогла удержать его отъ печальныхъ размышленій по поводу культурной отсталости первопрестольной: «въ московскомъ вліяніи на Россію прогрессивныхъ началъ никакихъ мы не видимъ» [2]).

Наконецъ, Н. В. Шелгуновъ въ Калугѣ, у новой пристани, до слѣдующаго перепутья. Здѣсь уже 5 мая, до выѣзда его изъ Вологды, были получены свѣдѣнія о перемѣщаемомъ отставномъ полковникѣ отъ вологодскаго губернатора.

23 мая испр. д. полиціймейстера рапортовалъ губернатору «по секрету», что отставной полковникъ Шелгуновъ прибылъ въ Калугу 22 мая, а 26 мая послѣдовало донесеніе министру о томъ же и о сдѣланномъ «надлежащемъ распоряженіи объ учрежденіи надъ нимъ строгаго полицейскаго надзора». Такимъ образомъ невольный путешественникъ совершилъ свой переѣздъ изъ Вологды въ Калугу въ теченіе 10 дней, когда, поджидая его, изъ Калуги успѣли заблаговременно послать запросъ въ Вологду, получалъ ли ссыльный полковникъ пособіе отъ казны.

Отрицательный отвѣтъ пришелъ 11 іюня 1869 г.

Что представляла изъ себя въ началѣ 70-хъ гг. прошлаго вѣка Калуга, въ которой Шелгунову суждено было выжить почти 5 лѣтъ?

Когда-то оживленный, крупный коммерческій и торгово-промышленный центръ, Калуга къ 70-мъ гг. XIX в. имѣла 35 тыс. жителей, но уже основательно захудала и быстро и неуклонно катилась къ дальнѣйшему оскудѣнію, раздѣляя въ этомъ отно-

[1]) Сочиненія Н. В. Шелгунова. Т. III. СПБ. 1872, 67.
[2]) Тамъ же.

шеніи судьбу и другихъ подмосковныхъ губернскихъ городовъ. По жесткимъ, но справедливымъ словамъ ссыльнаго публициста, это было московское предмѣстье, живущее лавочною жизнью. Москва снабжала Калугу «своею вывѣсочною орѳографіею и своимъ залежалымъ товаромъ; Москва учила ее обычаямъ и модамъ; Москва хранила въ ней святость монгольскаго обычая и семейныхъ преданій, утвержденныхъ Домостроемъ, и въ то же время высылала кринолины и шиньоны». Устраните изъ этого города «интеллектуальный элементъ, изображаемый административнымъ составомъ, и вы получите лавочную аристократію, эксплоатирующую мѣщанство и окружное сельское населеніе» [1]).

Безпощадный, но мѣткій и вѣрный приговоръ!

Общественная, публичная жизнь Калуги никогда не била ключемъ, и свѣжія струи общечеловѣческихъ интересовъ никогда почти сильно не колыхали затхлой атмосферы чисто захолустныхъ интересовъ калужскихъ гражданъ. Жила здѣсь когда-то просвѣщенная губернаторша; витала здѣсь и тѣнь геніальнаго творца «Мертвыхъ душъ»; проводили здѣсь свои послѣдніе дни на покоѣ возвращенные изъ ссылки декабристы (Г. С. Батенковъ, кн. Е. П. Оболенскій и нѣкоторое время П. Н. Свистуновъ), былъ, наконецъ, здѣсь одно время и Н. С. Серно-Соловьевичъ,—но всѣ они стояли какъ-то въ сторонѣ, оставаясь чуждыми складу калужской жизни и одинокими, непонятыми мѣстнымъ обществомъ. Правда, былъ одинъ дѣйственный моментъ, когда и калужане стряхнули было свою многолѣтнюю спячку и пробудились было для умственной работы, стали жить высшими и чужими интересами, общественными идеалами и нуждами. Это была эпоха великой реформы, когда губернаторомъ былъ здѣсь извѣстный дѣятель эмансипаціи В. А. Арцимовичъ. Но и этотъ моментъ промелькнулъ быстро, какъ сонъ; передовой губернаторъ пришелся не по вкусу реакціонной крѣпостнической кликѣ, и его скоро убрали, а городъ снова сладко погрузился въ прежнюю летаргію. Такъ что правительство совершенно основательно сдѣлало изъ него, до нѣкоторой степени, ссыльный городъ [2]).

И Шелгуновъ былъ не единственнымъ административно высланнымъ въ Калугу въ это время. Онъ засталъ уже нѣсколько человѣкъ, прибывшихъ сюда ранѣе его. Здѣсь были два брата Яворовскихъ, Валеріанъ и Антонъ, оба высланные за «неблагонадежность въ политическомъ отношеніи изъ Сѣверо-Западнаго края», первый въ 1863 г., а второй въ концѣ 1866 г. Валеріанъ

---

[1]) Ib. 72.

[2]) *Д. Малининъ.* Калуга. Опытъ историческаго путеводителя. Калуга, 1912. 52—54.

Яворовскій былъ врачемъ и пользовался большой популярностью среди калужской бѣдноты; онъ лечилъ бѣдныхъ не только безплатно, но даже отдавалъ имъ и то, что получалъ отъ богатыхъ (умеръ отъ пятнистаго тифа 31 мая 1878 г.) [1]). Антонъ Яворовскій—изъ документовъ не видно его профессіи—жилъ съ женой и четырьмя дочерьми, получая отъ казны нищенское пособіе 15 коп. въ сутки и на наемъ квартиры 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, а члены его семьи половину этой суммы. Проживалъ здѣсь и титулярный совѣтникъ Адольфъ Францевичъ Богдановичъ 62 лѣтъ, высланный въ Калугу за что-то изъ Новгорода «по конфирмаціи ген.-ад. Крыжановскаго» [2]). Наконецъ, если не считать варшавскаго рѣзчика Ивана Монгеймера, недолго пробылъ въ Калугѣ еще студентъ медико-хирургической академіи Николай Ивановичъ Губинъ, отправленный сюда за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ и снискивавшій себѣ пропитаніе письмоводствомъ; въ сентябрѣ 1869 г. онъ уѣхалъ въ Жиздру. Вотъ и вся ссыльная колонія, что ютилась въ Калугѣ, когда пріѣхалъ ее пополнить виднѣйшій сотрудникъ радикальнаго «Дѣла». Исключая В. Яворовскаго, съ которымъ Н. В. Шелгуновъ встрѣчался въ тогдашнемъ потребительскомъ обществѣ «Подспорье», со всѣми остальными поднадзорными онъ не только не былъ знакомъ, но врядъ ли даже зналъ что-либо о нихъ. Вѣроятно, это были люди, имѣвшіе съ нашимъ писателемъ, кромѣ административнаго надзора, очень мало общихъ интересовъ, совершенно чуждые другъ другу; словомъ, компанія не подходящая.

Каковы были условія для литературной работы ссыльнаго публициста въ Калугѣ?

Мы часто встрѣчаемъ его въ новой библіотекѣ, открывшейся, можетъ быть не безъ участія самого Николая Васильевича, 2 февраля 1870 г. при обществѣ сбереженія «Подспорье». Въ день открытія въ ней было 500 томовъ, кромѣ журналовъ, а всего 4579 книгъ; книги были пожертвованы Румянцевскимъ музеемъ, правительственными учрежденіями, частными лицами и куплены новыя изданія на прибыль общества, вырученную въ 1869 году. Библіотека быстро росла; въ 1871 г. въ ней было уже 5362 т. и получалось 23 періодическихъ изданія; подписчиковъ было 146, и число платныхъ посѣщеній (по 3 коп.) кабинета для чтенія было 2257. Библіотека проектировалась на широкихъ началахъ, съ продажей книгъ при ней и съ естественно-историческимъ кабинетомъ. «Основаніе послѣднему положено было собраніемъ

---

[1]) Некрологъ Яворовскаго. «К. Г. Вѣд.» 1878 г. № за 7 іюня.

[2]) Вѣроятно, въ связи съ польскимъ возстаніемъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. *Ред.*

30 экз. ископаемаго царства, а по части зоологіи имѣлась коллекція насѣкомыхъ, собранныхъ сыномъ М. А. Языкова. Кромѣ того, г. Яворовскій обѣщалъ съ наступленіемъ весны принести въ даръ гербарій, составленный на его экскурсіяхъ; имѣлось также въ виду добыть и другіе образцы мѣстной флоры и фауны» [1]).

Къ сожалѣнію, всѣ эти интересныя и симпатичныя начинанія были однимъ взмахомъ разрушены пожаромъ въ ночь на 8 сентября 1873 года...

II.

Добравшись до новаго этапа своихъ невольныхъ скитаній, Шелгуновъ долженъ былъ явиться къ губернатору, какъ это требовалось министерской бумагой. Начальникомъ Калужской губерніи въ то время былъ Алексѣй Гавриловичъ Казначеевъ (съ 8 ноября 1868 по 24 ноября 1871 г.). Это былъ умный и интересный человѣкъ, пытавшійся дѣйствовать въ провинціи въ предѣлахъ законности и выполнять функціи власти въ интересахъ обывателя. Его рѣчи, которыя онъ иногда говорилъ, своей необычайностью и прямолинейностью наводили на полицію и мелкихъ служащихъ паническій страхъ. «Прежде всего требуется честность», заявлялъ онъ, напр., въ одной изъ нихъ: «...Нужно постоянно помнить, что полиція существуетъ для обывателя, а не обыватель для полиціи... Нужно, непремѣнно нужно, господа, всѣми мѣрами заботиться о томъ, какъ бы лучше, какъ бы скорѣе удовлетворить просителя, разумѣется, въ предѣлахъ закона... Я не допускаю, такъ называемыхъ отписокъ... Нужно дѣло, нужно дѣйствительное исполненіе» [2]). Хорошо образованный, но не искушенный въ свѣтскихъ тонкостяхъ, Казначеевъ былъ прямымъ человѣкомъ и не любилъ угодничества и подхалимства. У него была репутація требовательнаго и взыскательнаго человѣка. Страдая невральгіей, онъ велъ регулярную дѣловую жизнь, посвящая много времени на занятія; въ 8 ч. утра онъ ежедневно выходилъ на прогулку въ городской садъ, а въ 9 ч. уже сидѣлъ за дѣлами. Болѣзнь иногда сказывалась на настроеніи строгаго и суроваго начальника губерніи, и онъ, по временамъ, разносилъ своихъ подчиненныхъ за ихъ погрѣшности и халатность по службѣ, такъ что и до сихъ поръ старые служаки изъ мелкой сошки разсказываютъ немало анекдотовъ о крутости и прямотѣ этого администратора.

---

[1]) «Калужск. Губ. Вѣд.» 1870 г. № 9.
[2]) Тамъ же. 1869 г. № 2.

Н. В. Шелгуновъ произвелъ на Казначеева благопріятное впечатлѣніе; званіе бывшаго профессора и полковника ему импонировало и невольно заставляло видѣть въ присланномъ ссыльномъ пострадавшаго человѣка своего круга. По словамъ хорошо освѣдомленнаго лица изъ канцеляріи губернатора[1]), еще и понынѣ здравствующаго, губернаторъ находилъ вину писателя ничтожной и наложенную на него кару жестокой и незаслуженной. Державшій себя съ большимъ достоинствомъ, прямой и благородный, Шелгуновъ вызывалъ къ себѣ невольную симпатію Казначеева; послѣдній считалъ и называлъ Николая Васильевича прямымъ человѣкомъ, вошелъ въ его незавидное положеніе и относился къ нему хорошо и благожелательно. Зная роль Шелгунова въ «Дѣлѣ», какъ главнаго сотрудника, статьи котораго онъ просматривалъ, губернаторъ понималъ всю тягостность поднадзорной жизни передового публициста, здоровье котораго къ тому же было основательно уже подорвано, и съ обычной своей прямотой, въ случаѣ необходимости и нужды, предложилъ за справедливостью и защитой обращаться прямо къ нему. По словамъ того же освѣдомленнаго лица, писатель, бывая иногда по обязанности и по нуждамъ въ канцеляріи губернатора или лично у послѣдняго, нерѣдко подолгу велъ бесѣды съ грознымъ и суровымъ начальникомъ края.

Естественно, что Шелгуновъ и на первый разъ встрѣтилъ себѣ корректный пріемъ у Казначеева и получилъ себѣ разрѣшеніе поселиться на дачѣ въ подгородной слободѣ Подзавальѣ, красивой мѣстности, въ 2 вер. отъ Калуги, гдѣ стоитъ Лаврентіевъ монастырь. Хотя это была и тогда «грязная, вонючая деревня, гдѣ взрослые и дѣти сквернословятъ съ утра до вечера, гдѣ бѣдность и неопрятность живутъ въ каждомъ домѣ» [2]), но все же это была настоящая деревня, окруженная со всѣхъ сторонъ чуднымъ столѣтнимъ боромъ. Здѣсь-то и провелъ Шелгуновъ лѣто, окруженный всей семьей, впервые отдыхая душой отъ долговременнаго одиночества на холодномъ сѣверѣ. Вскорѣ сюда прикатилъ и Благосвѣтловъ повидаться со своимъ виднымъ сотрудникомъ[3]), а потомъ и Гайдебуровъ съ женой, издатель (съ 1870 г.) «Недѣли», сотрудникомъ которой также потомъ состоялъ Шелгуновъ[4]).

За ходомъ дальнѣйшей жизни Николая Васильевича въ Калугѣ, за его знакомствами, за образомъ жизни и настроеніями,

---

[1]) Сообщенныя намъ воспоминанія этого лица въ существенномъ мало расходятся съ документальными данными. *Авторъ.*

[2]) *Шелгуновъ.* Сочиненія. Т. III. СПБ. 1872, 77.

[3]) *Л. П. Шелгунова.* Изъ далекаго прошлаго. СПБ. 1901, 213.

[4]) Гайдебуровъ былъ между 12—20 іюля 1869 г.

поскольку они были замѣтны извнѣ, мы можемъ слѣдить по полицейскимъ о немъ донесеніямъ и двумъ его прошеніямъ, въ соединеніи съ двумя дѣлами, имъ вызванными.

Первое донесеніе полиціи о писателѣ послѣдовало 2 іюня за время съ 15 мая по 1 іюня 1869 г.[1]) отъ и. д. полиціймейстера маіора Козакевича. Собранныя свѣдѣнія по необходимости были кратки: «Отставной полковникъ корпуса лѣсничихъ Шелгуновъ. Занятій не имѣетъ. Жена и дѣти находятся при немъ. По недавнему прибытію подъ надзоръ г. Шелгунова ничего утвердительнаго о его образѣ жизни сказать нельзя».

Однако этотъ докладъ полиціймейстера совершенно неожиданно для него вызвалъ карандашную помѣтку губернатора такого содержанія: «Обратить вниманіе полиціймейстера на необходимость болѣе вѣрныхъ свѣдѣній объ этихъ лицахъ (въ вѣдомости было 6 политическихъ. *Авт.*). Необходимость эта всего яснѣе изъ того, что ему, повидимому, не всегда извѣстны ихъ занятія. Такъ о Шелгуновѣ въ этой вѣдомости показано, что онъ занятій никакихъ не имѣетъ, между тѣмъ, какъ извѣстно, что онъ живетъ литературными трудами и сотрудничествомъ въ журналахъ».

Въ канцеляріи губернатора эта просвѣтительная резолюція начальства была превращена въ форму распоряженія и 12 іюня отослана полиціймейстеру. «Просвѣщеніе» не пропало даромъ, и въ вѣдомости отъ 19 іюня полиція сообщаетъ о публицистѣ уже болѣе подробныя данныя. Отмѣчены его лѣта—45; узнали, что супругу его зовутъ «Людмила Петрова», и дѣтей—одного Михаиломъ 9-ти лѣтъ, а другого Николаемъ—5 лѣтъ. На обычные вопросы печатныхъ графъ даны такіе отвѣты: по вопросу о занятіяхъ—«находится сотрудникомъ журнала «Дѣло»; о поведеніи: «хорошаго»; «съ обществомъ находится въ хорошихъ отношеніяхъ», и въ графѣ особыхъ замѣтокъ «ничего предосудительнаго замѣчено не было». Такіе же стереотипные отвѣты и отмѣтки, съ незначительными варіаціями, идутъ въ двухнедѣльныхъ вѣдомостяхъ и впредь, за время съ 15 іюня по 15 сентября. Такъ оно и должно быть, разъ Шелгуновъ жилъ въ Подзавальѣ, въ 2 вер. отъ Калуги, гдѣ наблюдать за нимъ было трудно, да по отдаленности у полиціи и не было особой охоты.

Съ переѣздомъ въ Калугу публицистъ сталъ жить на виду, а потому болѣе доступенъ полицейскому наблюденію. Въ это время у поднадзорнаго оказываются уже знакомые, все солидные и почтенные люди изъ акцизнаго и судейскаго вѣдомствъ: упра-

[1]) Это была обычная двухнедѣльная вѣдомость о всѣхъ поднадзорныхъ политическихъ, сосланныхъ въ Калугу.

вляющій акцизными сборами М. А. Языковъ, тов. прокурора П. А. Кавторадзе, помощникъ надзирателя акцизными сборами Ив. Вас. Петровъ и членъ окружного суда Патонъ.

Мих. Александр. Языковъ, веселый, занимательный и остроумный собесѣдникъ, былъ близокъ когда-то къ кружку «Отечественныхъ Записокъ» временъ Бѣлинскаго и состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ самимъ неистовымъ Виссаріономъ, который очень его любилъ и не разъ упоминаетъ его имя въ своей перепискѣ[1]). Были у Языкова дружескія отношенія и съ И. И. Панаевымъ, и съ сотрудниками «Современника». Онъ поступилъ въ Калугу на мѣсто управляющаго акцизными сборами въ 1866 г. и былъ въ этотъ моментъ уже статскимъ совѣтникомъ. Живой, общительный, благородный и отзывчивый Михаилъ Александровичъ высоко несъ знамя людей 40-хъ гг., заражая окружающихъ своею горячею любовью къ людямъ и стремленіемъ ко всему честному и свѣтлому. Онъ былъ энергичнымъ проводникомъ всякаго общественнаго дѣла, принимая на себя его починъ и успокаиваясь только тогда, когда извѣстное предпріятіе или учрежденіе осуществлялось. Состоя дѣятельнымъ членомъ всѣхъ мѣстныхъ обществъ, Языковъ одновременно исполнялъ должность помощника предсѣдателя Статистическаго Комитета, секретаря правленія об-ва подачи помощи при кораблекрушеніяхъ и т. д. Единственно его неутомимой энергіи были обязаны своимъ устройствомъ общество сбереженія «Подспорье» съ библіотекой, общество взаимнаго кредита и общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ. Но особенно онъ увлекался дѣлами личнаго благотворенія. Благодушный, обязательный, располагающій къ себѣ и привлекательный, онъ готовъ былъ каждому сдѣлать добро, обласкать, чѣмъ невольно вызывалъ къ себѣ довѣріе людей. Сталкиваясь съ талантливыми, но незамѣтными людьми, онъ старался ихъ поощрять и выводить на дорогу. До сихъ поръ отставной преподаватель семинаріи сохраняетъ о немъ лучшія и свѣтлыя воспоминанія и называетъ его благодѣтелемъ своего брата, котораго онъ устроилъ въ С.-Петербургѣ. Интересуясь музыкой и пѣніемъ, онъ и посредствомъ этихъ искусствъ содѣйствовалъ оживленію общественной жизни и сближенію людей, разыскивая музыкантовъ и лицъ съ голосами и устраивая домашніе концерты. Въ результатѣ организовалось общество хорового пѣнія. Идя въ уровень съ вѣкомъ, слѣдя за разными усовершенствованіями и успѣхами техники, онъ дѣлалъ попытки въ Калугѣ по введенію въ употребленіе отопленія мѣстнымъ

---

[1]) *Пыпинъ*. Бѣлинскій, 276, 288 и др. Изд. 2-е.

каменнымъ углемъ, для чего пріобрѣталъ чугунныя печи съ Мальцевскихъ заводовъ и приборы Шпаковскаго. Онъ помѣстилъ въ № 11 «Кал. Губ. Вѣд.» за 1870 г. статью: «Нѣсколько словъ по поводу разработки каменнаго угля въ Калугѣ». Въ жизненномъ для Калуги вопросѣ о проведеніи желѣзной дороги М. А. Языковъ принималъ тоже горячее участіе. Квартира его на Московской ул., гдѣ жилъ недавно умершій Н. С. Кашкинъ, а потомъ на Б. Садовой, служила нерѣдко для совѣщаній по общеполезнымъ дѣламъ, и радушный хозяинъ радовался, когда у него происходили такія совѣщанія. Языковъ снабжалъ депутатовъ, ходатайствовавшихъ о проведеніи дороги, статистическими свѣдѣніями, записками и написалъ нѣсколько статей по этому насущному вопросу (безъ подписи)... Михаила Александровича всѣ хорошо знали въ Калугѣ; всѣмъ были извѣстны его либеральныя возрѣнія и въ то же время его любили. Въ мѣстномъ чиновномъ мірѣ его въ шутку звали «метрономъ», такъ какъ онъ прихрамывалъ.—Языковъ уѣхалъ изъ Калуги въ 1874 г., въ мартѣ, почти одновременно съ Шелгуновымъ, въ Новгородъ и на ту же должность. Естественно, отъѣздъ всеобщаго любимца вызвалъ большое сожалѣніе, и ему чиновный міръ, во главѣ съ губернаторомъ Шевичемъ, и интеллигенція устроили торжественные проводы съ массой рѣчей († 1885 г.).

Н. В. Шелгуновъ близко сошелся съ Языковыми, съ которыми онъ, весьма возможно, встрѣчался и ранѣе въ С.-Петербургѣ. Въ семьѣ Языкова Шелгуновы были, какъ родные[1]). «Горячій и вспыльчивый Николай Васильевичъ очень часто ссорился съ Языковой, толстой и почтенной особой. Они, бывало, доходили до того, что поругаются, и Николай Васильевичъ уйдетъ, говоря: «Никогда нога моя тутъ больше не будетъ». И затѣмъ спустя нѣкоторое время, т.-е. почти что на другой же день, становятся опять друзьями» [2]).

Еще ближе, чѣмъ съ Языковыми, и Николай Васильевичъ и Людмила Петровна были съ Кавторадзе. «Это были дѣйствительные наши друзья, съ которыми мы видѣлись постоянно», замѣчаетъ Л. П. Шелгунова [3]).

Платонъ Андреевичъ Кавторадзе[4]), товарищъ прокурора (Ланга), родился въ 1837 г. въ дворянской семьѣ, въ г. Кизлярѣ, гдѣ у него и оставалось потомъ родовое имѣніе—виноградный садъ, доставшійся ему по наслѣдству отъ отца. Кавторадзе учился въ московскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ, ко-

---

[1]) *Л. П. Шелгунова.* Изъ далекаго прошлаго. 218.
[2]) Ib. 219.
[3]) Ib.
[4]) Свѣдѣнія изъ формулярнаго списка.

торый онъ и окончилъ въ 1860 г. со степенью кандидата правъ. Свою служебную карьеру онъ началъ въ 1861 г., когда поступилъ на службу во 2-е отд. 6-го департ. сената. Въ октябрѣ 1866 г. Платонъ Андреевичъ былъ назначенъ товарищемъ прокурора калужскаго окружного суда. Въ Калугѣ онъ прослужилъ до 1880 г., когда его перевели въ Умань прокуроромъ. Онъ былъ женатъ на купеческой дочери Александрѣ Петр. Соловьевой, и до 1878 г. у нихъ было четверо дѣтей.

Кавторадзе былъ яркій брюнетъ восточнаго типа, бурнопламенный, какъ и большинство кавказцевъ; «человѣкъ благороднаго и открытаго образа мыслей», но не изъ особенно талантливыхъ», по отзыву Н. С. Кашкина. Однако въ публикѣ его считали хорошимъ и сильнымъ ораторомъ, вѣроятно, за его пылкость, и умнымъ обвинителемъ. Публика охотно ходила его слушать. Прямой, горячій и послѣдовательный человѣкъ, онъ не скрывалъ либеральнаго образа своихъ мыслей и подписался подъ протестомъ калужскихъ родителей противъ введенія классической системы образованія[1]). За это ему, какъ и прочимъ, послѣдовалъ Высочайшій выговоръ. Этотъ случай и послужилъ значительной спицей въ движеніи его карьерной колесницы и надолго задержалъ его въ должности товарища прокурора.

Что же касается Ив. Петр. Патона, члена суда, то при Шелгуновѣ онъ недолго пробылъ въ Калугѣ; съ 1871 г. его уже не находимъ въ ней; онъ былъ переведенъ, кажется, въ Смоленскъ. О немъ, равно какъ и о Петровѣ, намъ не посчастливилось собрать свѣдѣній.

Таковы были знакомства на первыхъ порахъ у нашего публициста въ Калугѣ; въ общеніи съ этими интеллигентными людьми писатель обмѣнивался мыслями и, встрѣчая въ идейныхъ спорахъ съ ними возраженія собственной постановкѣ вопросовъ, тѣмъ самымъ получалъ возможность затрагивать ихъ въ своихъ статьяхъ глубже и шире. Вмѣстѣ съ тѣмъ тоска и скука однообразной захолустной калужской жизни, до нѣкоторой степени, забывалась и скрашивалась...

Само собою разумѣется, всѣ эти знакомства не ускользнули отъ зоркихъ взоровъ полиціи. 2-го октября къ обычной вѣдомости донесеній полиціймейстера приложена «Краткая записка о полковникѣ Шелгуновѣ». «Шелгуновъ имѣетъ знакомство, доноситъ полиція, съ управляющимъ акцизными сборами Языковымъ, товарищемъ прокурора калужскаго окружного суда Кавторадзе, помощникомъ надзирателя акцизными сборами Пе-

---

[1]) Объ этомъ сообщили намъ два здравствующихъ еще современника.
Авторъ.

тровымъ и членомъ окружного суда Патономъ, каковыя лица и бываютъ у него, равно какъ и онъ у нихъ, а изъ пріѣзжающихъ изъ другихъ городовъ съ 15 сентября по 1 октября сего 1869 г. никого не было».

Съ этого момента такія «краткія записки» подаются также каждыя двѣ недѣли, вмѣстѣ съ аттестаціями въ «вѣдомости». Онѣ однообразны и шаблонны, какъ и отмѣтки въ общей «вѣдомости», и только изрѣдка кое-гдѣ встрѣчаются новыя данныя. Такъ за первую половину октября мы узнаемъ, что Шелгуновъ «другихъ знакомствъ не имѣетъ», хотя это врядъ ли согласно съ дѣйствительностью, такъ какъ рядомъ же отмѣчается, что онъ бываетъ въ магазинѣ «Подспорье», тогдашнемъ потребительскомъ учрежденіи, основанномъ М. А. Языковымъ, гдѣ, несомнѣнно, часто бывали основатели и члены этой коопераціи. Изъ дальнѣйшихъ сообщеній можно извлечь, что во второй половинѣ октября Шелгуновъ снова остался одинъ, такъ какъ Людмила Петровна уѣхала съ дѣтьми въ С.-Петербургъ искать себѣ переводныхъ журнальныхъ работъ. «Жена и два сына находятся въ С.-Петербургѣ», лаконично отмѣчаетъ полицейская лѣтопись.

Любящій свою семью, сильно привязанный къ дѣтямъ, Николай Васильевичъ опять началъ тяготиться одиночествомъ, загрустилъ и захандрилъ, несмотря на присутствіе близкихъ друзей. Послѣдніе, вѣроятно, замѣтили перемѣну въ настроеніи писателя, и постарались его развлечь, проведя его, между прочимъ, въ клубъ. Въ очередной «краткой запискѣ» читаемъ: «полковникъ Шелгуновъ продолжаетъ знакомство съ прежними лицами и, кромѣ того, по ходатайству полковника Смирнова, зачисленъ членомъ клуба, гдѣ и бываетъ; литературой же занимается постоянно». Серг. Ив. Смирновъ былъ начальникомъ губернскаго жандармскаго управленія. Сдѣланный имъ шагъ отчасти объясняется, конечно, полковничьимъ чиномъ Шелгунова и въ большей степени, пожалуй, личностью самого жандарма. Родственникъ Н. С. Кашкина, по общимъ отзывамъ, это былъ благодушный человѣкъ, жандармъ стараго типа, мало искушенный въ сыскѣ, всѣмъ хорошо извѣстный, уважаемый и простой. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Казначеевымъ и часто у него бывалъ. Несомнѣнно «ходатайство» полковника Смирнова было возбуждено по иниціативѣ друзей публициста, но все же нельзя не сказать, что и самъ жандармъ руководился при этомъ симпатичнымъ чувствомъ—облегчить и скрасить невольное проживаніе писателя въ Калугѣ.

Въ обычномъ донесеніи губернатора министру внутреннихъ дѣлъ о поднадзорныхъ за каждые полгода о Шелгуновѣ отъ 4 февраля 1870 г. (за 1869 г.) говорилось, что онъ «ни въ чемъ

предосудительномъ замѣченъ не былъ». Да постоянному главному сотруднику «Дѣла», независимо отъ всякихъ другихъ соображеній, и некогда было заниматься «предосудительнымъ», такъ какъ онъ, по обыкновенію, былъ заваленъ литературной работой и проявилъ за 1869 г. большую плодовитость. Недаромъ полиціймейстеръ доноситъ, что онъ «занимается литературою постоянно». Мѣстной полиціи еще ни разу не приходилось имѣть дѣло съ такими лицами; низшіе служащіе, повидимому, никогда не слыхали и не имѣли ни малѣйшаго понятія о такомъ родѣ занятій, почему, вѣроятно, въ общемъ «Спискѣ поднадзорныхъ за 1869 г.»[1]) о Шелгуновѣ означено, что онъ «занимается мануфактурою»...

За вторую половину 1869 г. публицистъ откликался преимущественно на выдающіяся беллетристическія новинки и помѣстилъ въ «Дѣлѣ» рядъ критическихъ статей. Въ 1869 г. въ «Вѣстникѣ Европы» появился «Обрывъ» Гончарова и въ «Зарѣ» «Люди сороковыхъ годовъ» Писемскаго. Этимъ двумъ произведеніямъ извѣстныхъ писателей онъ и посвятилъ, за полной своей подписью, работу: «Талантливая безталанность» (объ «Обрывѣ») (№ VIII), и подъ иниціалами «Н. Ш.» «Люди сороковыхъ годовъ и шестидесятыхъ» (№№ IX, X, XI, XII). Кромѣ того, въ № X онъ писалъ о «Новыхъ книгахъ» (подпись Н. Шелгуновъ); подъ псевдонимомъ «Н. Радюкинъ» онъ помѣстилъ «Юридическіе софизмы» № VI и VII и за иниціалами «Н. Р.» «Внутреннее обозрѣніе» № VIII. Ему же, можетъ быть, принадлежитъ и статья «Непроизводительныя силы» въ № XI за подписью «Вологжанинъ».

Эти статьи были однѣми изъ самыхъ замѣтныхъ въ «Дѣлѣ», такъ какъ во вторую половину 1869 г., кромѣ Н. В. Шелгунова, въ научно-публицистическомъ отдѣлѣ этого журнала видными сотрудниками были только С. С. Шашковъ, да В. Португаловъ; остальныя же статьи были и случайны, и малооригинальны.

Калужскіе знакомые и, можетъ быть, губернаторъ невольно интересовались, какъ подвизался публицистъ въ литературѣ, и слѣдили за тѣмъ, что писалъ ссыльный литераторъ изъ Калуги. Его работы снискивали среди нихъ лестную оцѣнку. «Знаешь ли, что мнѣ вчера сказали», писалъ женѣ Николай Васильевичъ 31 января 1870 г., «что если изъ 1869 г. отнять мои статьи, то въ «Дѣлѣ» читать нечего... Говорилъ человѣкъ прямой»[2]).

III.

Н. В. Шелгуновъ долго скитался по разнымъ мѣстамъ русской провинціи, переживая обычную душевную трагедію русскаго

[1]) Въ немъ перечислены, на ряду съ политическими, сектанты, конокрады и пр.
[2]) *Л. П. Шелгунова.* Изъ далекаго прошлаго. 213—214.

писателя, отрываемаго отъ необходимой ему жизненной среды и забрасываемаго по административному произволу въ какой-нибудь медвѣжій уголъ. Будучи, по характеру своего таланта, отзывчивымъ публицистомъ, имѣя хорошій запасъ «перцу», по его выраженію, нуждаясь въ широкомъ размахѣ свободной мысли,—онъ вмѣсто откликовъ на злободневныя темы принужденъ былъ писать изъ хлѣба, затрагивая далеко не тѣ темы, что ему бы хотѣлось, и терзался порывами пылкаго темперамента, безжалостно охлаждаемаго и разбиваемаго печальной обыденной дѣйствительностью. Поднадзорное положеніе и ссылка, вызывая томительную жажду освобожденія отъ нихъ, поневолѣ сковывали свободный полетъ мысли и побуждали писать съ осторожностью. «Во мнѣ постоянно борятся два встрѣчныхъ процесса, активный и пассивный. Первому я не могу дать воли, ибо я понимаю и свое положеніе и...», прорывается въ письмѣ къ женѣ писатель... Окруженный лѣтомъ любимой семьей, оживленный перемѣной мѣстожительства и повидавшись съ журнальными дѣятелями,—онъ воспрянулъ было духомъ, отдохнулъ и поуспокоился. Но потомъ, снова разлучившись съ женой и дѣтьми, раздражаемый долгимъ поднадзорнымъ состояніемъ, которое въ одиночествѣ давало себя сильнѣе чувствовать, Николай Васильевичъ опять растревожился, опять потерялъ спокойствіе. Не развлекли его и клубныя посѣщенія; обывательщина съ ея обыденными, безцвѣтными и пустыми заботами и интересами, болѣзненными самолюбіями и ничѣмъ не оправдываемыми претензіями ему всегда претила. «Никто во всемъ мірѣ не требуетъ такого почтенія и уваженія и не страдаетъ такой болѣзненной чувствительностью самолюбія, какъ провинціалъ» [1]), писалъ нашъ авторъ по горькому опыту. А потому естественно, что онъ все болѣе зарывается въ литературную работу, переутомляется, окончательно разстраивается, нервничаетъ, тоскуетъ и жалуется на скверное настроеніе духа и болѣзни: «Сердце болитъ и ноетъ, напримѣръ сегодня», сообщаетъ онъ женѣ 6 марта 1870 г., «съ утра какое-то боязливое щемленіе, просто скверно».[2]) Людмила Петровна отправила къ нему Колю, который жилъ съ нимъ, по полицейскимъ донесеніямъ, съ января по май. Но присутствіе сына не помогло. «Я чувствую въ себѣ полнѣйшую нравственную пустоту, до того, что не могу работать, ибо мнѣ нечего сказать», жалуется онъ 17 апрѣля[3]). «Болѣе скверное состояніе духа, какъ мое теперь, ты и представить себѣ не можешь. Такъ гнусно,

[1]) *Шелгуновъ.* Сочиненія. Т. III. Изд. 1872 г., 1.
[2]) *Л. П. Шелгунова.* Изъ далекаго прошлаго. СПБ. 1901, 214.
[3]) Ib.

такъ пусто во мнѣ, что и сказать не могу. Бросилъ бы все, отказался бы отъ всякой работы и валялся бы только на диванѣ»[1]), пишетъ Шелгуновъ 15 мая 1870 г.

Въ такомъ угнетенномъ настроеніи и мучительныхъ переживаніяхъ онъ жаждетъ, какъ источника исцѣленія, видѣть своего лучшаго друга, жену. «Ахъ, какъ бы славно, если бы мы были вмѣстѣ. Я все надѣюсь увидѣть тебя скоро. Лично для меня это совершенно необходимо», читаемъ въ письмѣ отъ 17 апрѣля. «Я очень настойчиво желалъ бы даже, чтобы ты пріѣхала... Другъ, пріѣзжай непремѣнно», проситъ онъ 9 мая[2])

О внѣшней жизни писателя за первую половину 1870 г. и полиція не даетъ почти ничего новаго. Изъ новыхъ знакомствъ его остановило на себѣ ея вниманіе только одно—съ товарищемъ предсѣдателя окружного суда, Александромъ Николаевичемъ Цуриковымъ. Это былъ въ общемъ интеллигентный, хорошій человѣкъ, но очень нервный, вспыльчивый и раздражительный, доходившій иногда до запальчивости... Въ январской «краткой запискѣ» сообщается: «Полковникъ Шелгуновъ продолжаетъ знакомство съ прежними лицами и по званію члена клуба знакомъ съ прочими членами онаго, равно съ товарищемъ предсѣдателя окружного суда Цуриковымъ, занимается литературою». Буквально такія же свѣдѣнія исправно идутъ каждыя двѣ недѣли въ теченіе всего 1870 года.

Въ началѣ іюля Л. П. Шелгунова исполнила, наконецъ, настойчивое желаніе мужа и пріѣхала съ Мишей навѣстить его въ Калугѣ. Она погостила здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Въ полицейскихъ донесеніяхъ съ 1 по 15 іюля и съ 15 іюля по 1 августа значится: «семья при немъ», а съ 1 августа по 15-е: «жена и сынъ въ С.-Петербургѣ».

За время пребыванія Людмилы Петровны выяснилось, что скучная Калуга уже надоѣла Н. В. Шелгунову, что онъ снова очень стремится поближе къ столицѣ. Несомнѣнно, супруга писателя зондировала по этому вопросу почву въ С.-Петербургѣ и получила совѣтъ «попробовать». Теперь, на досугѣ лѣтомъ, супруги и рѣшили, что пора поднадзорному сотруднику «Дѣла» попытать счастья и попросить перевода въ Новгородъ или Тверь, тѣмъ болѣе, что со времени водворенія его въ Калугѣ истекъ уже годъ.

Николай Васильевичъ предварительно поговорилъ о своемъ намѣреніи съ Казначеевымъ, который сказалъ, что «на словахъ и на письмѣ аттестовалъ его всегда хорошо», и обѣщалъ пред-

---

[1]) Ib. 215.
[2]) Ib. 214, 215.

ставить къ переводу «въ Новгородъ съ благопріятной аттестаціей» [1]). Не былъ забытъ и жандармскій полковникъ Смирновъ. «Буду и чрезъ Смирнова», дѣлится съ женою вѣстями Шелгуновъ, «но онъ еще не пріѣхалъ изъ Москвы» [2]). Ободренный удачнымъ началомъ, писатель не терялъ времени и пустился съ мѣста въ карьеръ. «Сегодня (25 августа) я пишу ему (Казначееву) письмо съ тѣмъ же существеннымъ содержаніемъ, какъ твои», извѣщаетъ Людмилу Петровну мужъ [3]).

Дѣйствительно, 25 августа Шелгуновъ обратился къ губернатору съ такимъ письмомъ-прошеніемъ, полнымъ благородства, простоты и чувства собственнаго достоинства:

«Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, Алексѣй Гавриловичъ. Позволяю себѣ смѣлость безпокоить Ваше Превосходительство покорнѣйшей просьбой.

Шесть лѣтъ я нахожусь въ ссылкѣ и все это время я былъ лишенъ возможности жить съ своимъ семействомъ постоянно. Небольшое имѣніе моей жены,—находящееся въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ,—не могло быть оставлено безъ призора; а недостатокъ въ провинціи воспитательныхъ средствъ вынуждалъ мою жену оставаться для нашего старшаго сына въ Петербургѣ и на зиму. Такимъ образомъ всѣ тягости семейныхъ обязанностей ложились на мою жену; семья была разбита, ибо жена моя съ старшимъ сыномъ жили преимущественно въ Петербургѣ и посѣщали меня только на одинъ или на два лѣтнихъ мѣсяца въ году; я же—съ младшимъ сыномъ—жилъ въ ссылкѣ почти въ полной безполезности для моей семьи. Немолодые годы и нездоровье слишкомъ затрудняютъ для моей жены подобную усиленную дѣятельность, сопряженную еще съ тяжелыми и дорогими переѣздами ко мнѣ. Такое семейное положеніе для немолодой и больной женщины слишкомъ тяжело.

Если я, лично, не имѣю можетъ быть еще права разсчитывать на улучшеніе моего положенія, то я не думаю, чтобы съ моей стороны было преждевременной смѣлостью просить за судьбу моей семьи. Я не позволяю себѣ надѣяться на возможность перевода меня въ имѣніе моей жены; но если бы мнѣ было позволено жить въ Твери или въ Новгородѣ, я бы глубоко оцѣнилъ такое милостивое вниманіе власти къ моей просьбѣ. Ваше Превосходительство были такъ добры, что позволили мнѣ обращаться къ Вашей справедливости и защитѣ; я берегъ это право, чтобы воспользоваться имъ въ крайности.

Разсчитывая на благосклонное вниманіе Вашего Превосхо-

[1]) *Л. П. Шелгунова.* Изъ далекаго прошлаго. 216.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

дительства къ положенію моей семьи и къ моему собственному положенію, убѣдительнѣйше прошу Васъ, Алексѣй Гавриловичъ, исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе жить въ Твери или въ Новгородѣ. Въ полной увѣренности, что мое осторожное поведеніе даетъ мнѣ право утруждать Васъ подобной просьбой и что Ваше Превосходительство не оставите ее безъ благопріятныхъ для меня послѣдствій, съ чувствомъ глубочайшаго почтенія имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

Н. Шелгуновъ
(отставной полковникъ)».

Калуга. 25 августа 1870 г.

Губернаторъ сдержалъ свое слово и на прошеніи Шелгунова положилъ резолюцію: «Представить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, присовокупивши, что приводимые г. Шелгуновымъ доводы представляются мнѣ заслуживающими уваженія и съ моей стороны препятствій на перемѣщеніе въ г. Тверь и Новгородъ нѣтъ и что г. Шелгуновъ во все время моего пребыванія въ Калугѣ не обнаруживалъ себя неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи».

Дѣло дѣлалось скоро, и уже 28 августа 1870 г. было отправлено управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изложенное своими словами прошеніе Шелгунова, къ которому было присоединено заключеніе Казначеева... Писателю оставалось ждать исхода.

«Я думаю, что этимъ ничего не испорчу», разсуждалъ писатель, «но если есть ходатайство, значитъ и хорошая аттестація, а когда аттестація хороша,—нѣтъ дурной» [1]). Однако, въ глубинѣ сердца, холодному разсудку вопреки, у ссыльнаго загорается маленькая искорка надежды, что судьба, можетъ быть, сжалится надъ нимъ; дѣло, можетъ быть, оборотится и удачнымъ концомъ. Постепенно эта надежда переходитъ въ яркую мечту, и Шелгуновъ осенью живетъ мыслью о счастливой возможности переселиться въ Тверь или Новгородъ. «Есть ли надежда на переводъ?—Тверь, Новгородъ, только бы ближе и чтобы жить вмѣстѣ. Только объ этомъ и мечтаю», пишетъ онъ женѣ 25 ноября. «Надежда на переводъ заколебалась. *Вѣдь я живу только этой надеждой*», нервно волнуется онъ чрезъ три дня (28 ноября). «*Мой свѣтлый періодъ опять кончился*» [2]).

Разсудокъ оказался правъ, печальное предчувствіе не обмануло; надежда писателя была безжалостно разбита. 30 ноября

---

[1]) Ib. 216.
[2]) Ib. 217.

1870 г. былъ полученъ въ Калугѣ изъ департамента полиціи исполнительной отвѣтъ отъ 20 ноября. Онъ былъ кратокъ и гласилъ:

«Господину Начальнику Калужской губерніи.

Имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что ходатайство состоящаго подъ строгимъ надзоромъ полиціи въ Калугѣ отставного полковника Николая Шелгунова о перемѣщеніи его на жительство въ Тверь или Новгородъ не подлежитъ удовлетворенію. За министра вн. д., товарищъ министра ст.-секр.» (подпись неразборчива).

Для литературной дѣятельности Шелгунова этотъ годъ прошелъ плодотворно. Въ одномъ «Дѣлѣ» писатель помѣстилъ подъ своей фамиліей 14 и подъ иниціалами «Н. Ш.» 4 статьи, всего 18 статей. Откликался онъ и въ этомъ году на литературныя явленія «Философіей застоя» № 1 («Война и миръ» Толстого), «Тяжелой утратой» № II (сочиненія Тургенева), «Безсиліемъ мысли и силой жизни» № V («Реалисты» Писарева), «Исторической силой критической личности» («Историческія письма» Лаврова) № XI, «Женскимъ бездушіемъ» № IX. (Крестовскій-псевдонимъ). Привлекала его вниманіе и Германія въ связи съ войной 1870 г.; ей были посвящены статьи: «Первый нѣмецкій публицистъ» № VIII (Берне), «Геній молодой Германіи» № X, «Германія, цивилизующая Францію» № IX, «Нѣмцы мысли и нѣмцы дѣла» № XI. Вопросы текущей современности вылились въ «Глухой порѣ» № IV; теорія и практика земской дѣятельности также нашли свое отраженіе въ статьяхъ публициста: «Земское самоуправленіе и народная школа» № XII (по поводу книги кн. Васильчикова). Кромѣ названныхъ статей, онъ написалъ еще «Гуманныя теоріи и негуманная дѣйствительность XVIII в.» № III, «Неустранимая утрата» № VI, «Право и свобода» № VII (книги Шерра и Глинки), «Чему научила насъ всероссійская выставка?» №№ VII и VIII, «Двоедушіе эстетическаго консерватизма» № X, «Суемудріе метафизики» № VI и «Внутреннее обозрѣніе» въ №№ VI и VII.

И въ этомъ году Н. В. Шелгуновъ былъ самымъ главнымъ столпомъ и наиболѣе замѣтнымъ сотрудникомъ «Дѣла». Правда, журналъ теперь сталъ тверже на ноги, былъ болѣе богатъ силами, но изъ другихъ видныхъ сотрудниковъ Ткачевъ и Щаповъ помѣстили только по одной статьѣ, а Португаловъ 3 статьи. Только С. С. Шашковъ попрежнему соперничалъ съ Шелгуновымъ въ плодовитости и являлся конкурентомъ въ значеніи для журнала. Работы и роль Шелгунова въ «Дѣлѣ» и въ этомъ году не пропали безъ вліянія на читателей и не прошли безслѣдно для противни-

ковъ. Онѣ привлекли вниманіе и гнѣвъ катковскаго «Русскаго Вѣстника», который въ № VII выбранилъ публициста. Наоборотъ, П. В. Засодимскій посвятилъ ему свои «Темныя силы» («Дѣло» № XI); М. В. Авдѣевъ, съ которымъ Николай Васильевичъ не былъ знакомъ, шлетъ ему въ Калугу свои сочиненія, съ собственноручной надписью автора, изъявляющаго ему свое уваженіе [1]). Наконецъ, нѣкая Аристова изъ Саратова прислала ему хвалебное письмо за «Женское бездѣліе», сравнивая его «чуть не съ Аполлономъ Бельведерскимъ».

Разумѣется, успѣхъ среди читателей и вниманіе литературныхъ работниковъ, при скаредности и безцеремонности Благосвѣтлова, подбодряли писателя и скрашивали ему жизнь въ минуты хандры и упадка духовныхъ силъ, служа дѣятельнымъ импульсомъ къ продолженію писательской дѣятельности въ томъ же направленіи.

IV.

Новый 1871 годъ принесъ съ собой нѣкоторое облегченіе для личной жизни публициста. Его желаніе имѣть всегда близъ себя друга-жену осуществилось. Потерпѣвъ крахъ съ затѣяннымъ переводомъ поближе къ С.-Петербургу, въ которомъ его жена билась цѣлый годъ въ безплодныхъ поискахъ постояннаго литературнаго заработка, Шелгуновъ и Людм. Петр. рѣшили лучше устроиться по-семейному въ Калугѣ и зажить вмѣстѣ. Людмила Петровна въ началѣ года перебралась въ Калугу; за вторую половину января 1871 г. полиція отмѣчаетъ: «жена и дѣти при немъ». Въ мартѣ Шелгунова совершаетъ кратковременную отлучку, вѣроятно, въ заботахъ объ образованіи Миши, который ѣдетъ съ нею въ столицу; Коля же остается съ отцомъ. Полицейскій барометръ аккуратно заноситъ въ вѣдомость: «одинъ сынъ при немъ, а другой и жена въ С.-Петербургѣ».

Въ апрѣлѣ супруга писателя вернулась и, наконецъ, совсѣмъ обосновалась въ Калугѣ. Здѣсь она стала давать уроки музыки, которыхъ, по ея словамъ, нашлось довольно много, а старшій сынъ, если не ошибаемся, поступилъ въ мѣстную гимназію.

Каково было въ это время настроеніе у Н. В., что онъ чувствовалъ и какъ переживалъ этотъ годъ, у насъ нѣтъ свѣдѣній, такъ какъ его переписка за 1871—1873 г. намъ неизвѣстна. Мы можемъ только отмѣтить, что Шелгуновъ слѣдилъ въ этомъ году за неспѣшнымъ движеніемъ калужской жизни и отмѣтилъ захватившее мѣстное общество сенсаціонное Коноваловское (гра-

---

[1]) Ib. 217.

битель) дѣло въ своей корреспонденціи въ № 12 «Недѣли». Интересовался онъ и ходомъ дѣятельности общества сбереженія «Подспорье», которое онъ часто посѣщалъ, такъ какъ въ немъ прилагались къ жизни нѣкоторые изъ принциповъ, проводимыхъ въ статьяхъ самого Шелгунова.

Съ ноября происходитъ измѣненіе въ формѣ доставленія свѣдѣній полиціей о политическихъ поднадзорныхъ, и писаніе «краткихъ записокъ» о Шелгуновѣ прекратилось. Теперь, кромѣ обычныхъ данныхъ о личности, занятіяхъ и семействѣ, ставятся три вопроса: 1) какъ ведетъ себя, 2) въ какихъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ жителямъ и 3) какова степень исправленія и благонадежности.

Въ рапортѣ полиціи отъ 5 ноября она на эти вопросы отвѣтила: 1) «велъ въ мѣстѣ высылки хорошо»; 2) «знакомство его ограничивается кругомъ лицъ прокурорскаго надзора и съ управляющимъ акцизными сборами. Изрѣдка посѣщаетъ клубъ и часто бываетъ въ библіотекѣ «Подспорье». Вообще ведетъ себя сдержанно, не проводя никакихъ вредныхъ идей»; 3) «согласно изложеннаго въ предыдущей графѣ есть основаніе предполагать, что въ политическомъ отношеніи онъ въ настоящее время благонадеженъ». Во второй половинѣ ноября въ общемъ сообщается то же. Но такъ какъ новое начальство, которому доставлялись свѣдѣнія, повидимому, заинтересовалось вопросомъ, не вліяетъ ли Шелгуновъ на молодежь, не проводитъ ли въ ея средѣ своихъ «зловредныхъ» идей, то въ этомъ донесеніи добавлено: «что бы онъ имѣлъ вліяніе на молодежь или вообще распространялъ бы вредныя идеи—того не замѣчается». И наконецъ, отъ 21 декабря окончательно разсѣивается возникшее подозрѣніе о вредномъ вліяніи писателя на знакомыхъ: «въ настоящее время», говорится въ вѣдомости, «часто сталъ посѣщать клубъ. Вреднаго вліянія на молодыхъ людей и вообще на кого бы то ни было не замѣчается».

По обыкновенію, годъ закончился донесеніемъ министру вн. д. и въ III-е отдѣленіе. И здѣсь нѣтъ ничего новаго; буквальное повтореніе стараго; только констатировали, что «перемѣнъ не было и ни въ чемъ предосудительномъ не замѣченъ».

Однако истекшій годъ былъ ознаменованъ нѣкоторыми, небезынтересными для Шелгунова, перемѣнами въ административномъ мірѣ Калуги. Весьма возможно, что измѣненіе въ формѣ донесеній полиціи, хотя оно и не совпадаетъ хронологически, все же стоитъ съ ними въ связи. 24 ноября 1871 г. начальникъ губерніи А. Г. Казначеевъ, относившійся благосклонно къ писателю, былъ назначенъ сенаторомъ, а на его мѣсто 10 декабря

прибылъ Иванъ Егоровичъ Шевичъ. Это былъ еще молодой человѣкъ[1]), около 35 л.; онъ приходился племянникомъ гр. Блудовой и ранѣе былъ комиссаромъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ у него было и свое имѣніе, а потомъ воронежскимъ вице-губернаторомъ. Онъ былъ женатъ на г-жѣ Струве; получилъ хорошее образованіе, но былъ человѣкомъ иного склада, чѣмъ Казначеевъ. Это былъ вполнѣ свѣтскій корректный бюрократъ, добрый самъ по себѣ, но карьеристъ. Шевичъ прослужилъ губернаторомъ въ Калугѣ до 19 ноября 1882 г.

Хотя новая метла чисто мететъ, но 1872 г. начинается обычной «вѣдомостью объ отставномъ полковникѣ Шелгуновѣ, состоящемъ подъ надзоромъ полиціи за политическую неблагонадежность» отъ 7 января. Въ мартѣ мѣсяцѣ (5 марта) снова завѣренія, что молодежь гарантирована отъ завиральныхъ идей Шелгунова: «съ молодежью не сближается, никакихъ вредныхъ идей не проводитъ», но снова «довольно часто бываетъ въ клубѣ». Однако на этотъ разъ полиція дѣлаетъ важное открытіе: «къ вину неумѣренъ. Вообще скрытенъ». Повидимому, большой поклонникъ трезвости, полиціймейстеръ ухватился за вновь подмѣченную черту и въ рапортѣ отъ 22 марта опять съ неодобреніемъ отзывается: «пристрастенъ къ горячимъ напиткамъ». Не унимается онъ и въ началѣ апрѣля (3 апрѣля): «придерживается спиртнымъ напиткамъ», настойчиво докладываетъ глава калужской полиціи. Однако, надо думать, свыше дали понять недогадливому трезвеннику неприличіе его характеристикъ; а вѣрнѣе всего, писатель перест алъ ходить въ клубъ. Какъ бы то ни было, только эти конфузныя отмѣтки болѣе не повторяются и исчезаютъ навсегда. Зато отъ 5 мая полиціймейстеръ нашелъ не лишнимъ для разнообразія блеснуть полицейской образованностью: «ведетъ себя хорошо»,—пишетъ онъ.—«Вообще скрытенъ. Съ молодежью не знакомится, а на тѣхъ, съ кѣмъ знакомъ, вліянія не имѣетъ. *Образъ его мыслей виденъ изъ печатаемыхъ имъ статей»*...

Въ маѣ Николай Васильевичъ переѣхалъ на дачу въ Подзавалье.

Незамѣтно протекли полгода, и всѣ свѣдѣнія полиціи были кратко суммирован ывъ очередномъ донесеніи министру вн. д. и въ III-е отдѣленіе, куда они были отправлены 4 іюля. И новый губернаторъ не нашелъ въ писателѣ ничего укоряющаго и не-

---

[1]) Свѣдѣнія получены нами изъ чиновнаго міра; возможно, что они кое въ чемъ и погрѣшаютъ.

благонадежнаго. «Перемѣнъ не было», гласила бумага: «Поведенія скрытнаго и ничего предосудительнаго не проявляетъ; взгляды свои проводитъ въ сочиняемыхъ имъ литературныхъ статьяхъ».

За три послѣдующіе лѣтніе мѣсяца, вплоть до октября, нѣтъ никакихъ донесеній о писателѣ. По возвращеніи же его въ городъ, подъ вліяніемъ, должно быть, благожелательныхъ отзывовъ начальства и стараній его солидныхъ друзей и знакомыхъ, полиція начинаетъ давать вполнѣ благосклонныя и корректныя аттестаціи, что особенно рѣзко бросается въ глаза послѣ неодобрительныхъ отзывовъ о пристрастіи къ спиртнымъ напиткамъ. Въ первой же октябрьской вѣдомости Шелгуновъ аттестуется такъ: «Характеръ имѣетъ сдержанный; вредныхъ идей не распространяетъ. Съ молодежью не сходится, а на тѣхъ, съ кѣмъ знакомъ, вліянія не имѣетъ и *не старается имѣть. Вообще пользуется расположеніемъ и сочувствіемъ всѣхъ его знающихъ*». Не менѣе доброжелателенъ былъ отзывъ отъ 19 ноября. «Вредныхъ идей не распространяетъ; *какъ человѣкъ умный и образованный, пользуется уваженіемъ своихъ знакомыхъ*». Повидимому, тѣмъ же чувствомъ административнаго благожелательства[1]) можно объяснить и тотъ фактъ, что Шелгуновъ былъ вычеркнутъ губернаторской рукой изъ списка лицъ, знакомыхъ съ А. Д. Дементьевой, о которыхъ Шевичъ доносилъ въ жандармское управленіе. Очевидно, онъ не хотѣлъ усугубить и осложнить и безъ того тягостное положеніе виднаго писателя.

А. Д. Дементьева, невѣста П. Н. Ткачева, несомнѣнно внесла своимъ пріѣздомъ небольшое оживленіе въ жизнь Н. В. Шелгунова. Дементьева привлекалась по Нечаевскому дѣлу, за прокламацію «Къ обществу», и послѣ отсидки въ тюрьмѣ была выслана въ Новгородъ, а оттуда въ Калугу. Она появилась здѣсь въ концѣ сентября 1872 г. и естественно постаралась познакомиться съ виднѣйшимъ сотрудникомъ «Дѣла», гдѣ работалъ и Ткачевъ. За вторую половину октября въ полицейскую вѣдомость занесено: «въ послѣднее время его начала посѣщать Дементьева». Эта знакомая была небезынтересна для нашего публициста. Она сообщала ему о Ткачевѣ, о своемъ процессѣ, о настроеніяхъ столичной молодежи. Да и безъ того Александра Дмитріевна была интересна и какъ личность, и какъ новый типъ женщины, причастной къ политической дѣятельности. Въ свою очередь, и она, заброшенная въ чуждую ей Калугу, могла свободно поговорить, по душѣ, только съ писателемъ и его женой

[1]) Возможно, что это было сдѣлано и потому, что Н. В. Шелгуновъ уже состоялъ подъ строгимъ надзоромъ.

и получить отъ нихъ полезныя для себя свѣдѣнія о Калугѣ. Она часто бывала у Шелгуновыхъ, и полиція не упускала этого изъ виду; отъ 31 декабря въ вѣдомости отмѣчается: «въ послѣднее время (Шелгуновъ) хорошо познакомился съ Дементьевой».

Живая, общительная, веселая Александра Дмитріевна за свое трехмѣсячное проживаніе въ Калугѣ надѣлала не мало хлопотъ калужской полиціи; нѣсколько взбудоражила она и стараго литератора, усиливъ въ немъ тоску по столицѣ и давнишнее стремленіе выбраться изъ Калуги. Онъ сталъ раздражителенъ, не скрывалъ своего недовольства по поводу долгаго сидѣнія въ Калугѣ подъ надзоромъ и, не стѣсняясь, открыто высказывался по поводу испытываемой несправедливости. Разумѣется, основательность его недовольства и раздраженія не могла не сознаваться и самой администраціей, которая изъ года въ годъ видѣла и сама подчеркивала всю безукоризненность его поведенія. 5 января 1873 г. она лишній разъ донесла объ этомъ министру вн. д. и въ III-е отдѣленіе, присоединивъ теперь и указаніе на раздраженіе: «перемѣнъ не было. Предосудительныхъ дѣйствій не проявляетъ и держитъ себя осторожно, хотя и замѣчается въ немъ раздраженіе по поводу оставленія его въ Калугѣ подъ полицейскимъ надзоромъ».

За описанное время Шелгуновъ прежде всего подводилъ, до нѣкоторой степени, итогъ всему написанному, занимаясь изданіемъ собранія своихъ сочиненій, которыя постепенно вышли къ 1873 г. въ 3-хъ томахъ въ изданіи «Русской книжной торговли». Въ составъ сочиненій вошли нѣкоторыя статьи, въ журналѣ ранѣе не появлявшіяся. Интенсивная работа въ «Дѣлѣ» идетъ только въ 1871 г., когда въ 12 книгахъ журнала появилось 16 его статей, въ томъ числѣ двѣ подъ иниціалами «Н. Ш.» Темы его работъ, по обыкновенію, были разнообразны: тутъ и литературныя явленія—сочиненія Авдѣева и Рѣшетникова; и экономическіе, и финансовые вопросы; здѣсь и дѣятельность земства и историческія событія. Въ каждомъ почти номерѣ «Дѣла» было двѣ статьи Шелгунова [1]).

---

[1]) Въ 1871 г. онъ помѣстилъ: 1) «Творческое цѣломудріе» № I. 2) «Противоположные полюсы земства» № 1. 3) «Превращеніе мошекъ и букашекъ въ героевъ». 4) «Образчикъ промышленнаго патріотизма» № II. 5) «Ошибки недодуманной мысли». 6) «Либеральничествующая неподвижность» № III. 7) «Неоконченные вопросы» (Соч. Авдѣева.) 8) «Пустая хлопотливость» № IV. 9) «Народный реализмъ въ русской литературѣ» (Соч. Рѣшетникова). 10) Неудавшаяся «бесѣда» и «Задачи интеллигенціи» № V. 11) «Недоразумѣнія 1848» № VI. 12) «Основы раціональнаго воспитанія» № VII и VIII. 13) Внутреннее обозрѣніе. «Нѣкоторыя изъ русскихъ экономическихъ данныхъ» № VIII. 14) «Податной вопросъ» № IX, X, XI (вышелъ и отдѣльнымъ изданіемъ) и 15) «Парижскіе рабочіе» № IX.

За 1872 г. въ «Дѣлѣ» не появилось ни одной статьи Шелгунова. Что было причиной его молчанія въ этомъ органѣ—рѣшилъ ли онъ отдохнуть, имѣя деньги за проданныя сочиненія, или онъ серьезно разссорился съ Благосвѣтловымъ, намъ неизвѣстно. «Дѣло» теперь вполнѣ опредѣлилось; въ 1871 г. въ немъ попрежнему сотрудничали Португаловъ, Ядринцевъ и Шашковъ, и, кромѣ того, встрѣчаемъ статьи Флеровскаго, Щапова, Кедрова-Лаврова и др. Тѣмъ не менѣе, главная работа падала на плечи Шелгунова, который и выносилъ ее съ честью. Въ 1872 г. его замѣняли С. С. Шашковъ, помѣстившій 10 статей, и П. Н. Ткачевъ (Никитинъ, Ніоновъ), перу котораго принадлежало 7 статей. Флеровскій и Щаповъ ничего не писали.

Зато въ 1872 г. Н. В. Шелгуновъ дѣятельно сотрудничаетъ въ «Недѣлѣ», которая перешла съ 1870 г. въ собственность П. А. Гайдебурова. Редакторомъ «Недѣли» въ 1872 и 1873 гг. подписывался В. А. Кондоуровъ, а самъ П. А. Гайдебуровъ, Е. И. Конради и Е. И. Рагозинъ издателями-сотрудниками. Работать въ «Недѣлѣ» Шелгуновъ началъ, повидимому, съ 1871 г., когда за его иниціалами «Н. Ш.» появилась корреспонденція изъ Калуги объ упоминавшемся уже нами «Коноваловскомъ дѣлѣ» (№ XII); возможно, что ему принадлежатъ и нѣкоторыя статьи безъ подписи за этотъ годъ. Но за 1872 г. безусловно онъ является авторомъ «Писемъ о воспитаніи» (№№ XXXV, XXXVI, XLI, XLII, XLV, XLVI и др.) за подписью «Н. В.» Кромѣ того, за той же подписью онъ помѣстилъ въ № 25 и 26 «Наши провинціальныя статистики»; въ № 43 и 44 за полной подписью «Дѣла калужскаго «Подспорья», и наконецъ, съ 27 № началъ писать «Замѣтки провинціальнаго философа» (№ 27, 28, 33, 34), пользовавшіяся въ свое время извѣстностью среди читателей.

V.

Насталъ 1873 годъ, четвертый проживанія Шелгунова въ Калугѣ. Въ это время онъ жилъ попрежнему со всей семьей. Въ нашихъ документахъ почему-то за цѣлые полгода о немъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, вплоть до половины іюня 1873 г. Только въ бумагѣ въ III-е отдѣленіе приводится обычная аттестація: «Ничего, дававшаго бы поводъ къ подозрѣнію этихъ лицъ (мужъ и жена) въ неблагонадежности, за ними замѣчено не было». Н. В. Шелгуновъ держалъ себя такъ солидно, такъ былъ безупреченъ въ своемъ времяпровожденіи и поведеніи, всецѣло погруженный въ литературную работу, что новый начальникъ губернскаго жандармскаго управленія, подполковникъ Конст. Ив. Бара-

новъ († 28 мая 1874 г.), по словамъ самого писателя, «въ мартѣ или апрѣлѣ... представлялъ III отд., что полагаетъ совсѣмъ снять съ него надзоръ» [1]). Однако послѣднее, повидимому, не согласилось съ нимъ...

Между тѣмъ некрѣпкое отъ природы здоровье публициста, сильно разстроенное еще крѣпостнымъ режимомъ [2]), пошатнулось снова и въ Калугѣ. По выданному въ 1862 г. ординаторомъ имп. воспитательнаго дома Радзивиловичемъ свидѣтельству Н. В. Шелгуновъ отъ напряженныхъ умственныхъ занятій и сидячей жизни страдалъ застоемъ крови въ воротной венѣ и вслѣдствіе этого разстройствомъ пищеваренія и сильными приливами крови къ важнымъ внутреннимъ органамъ, къ легкимъ и мозгу. «Послѣдующія обстоятельства жизни Шелгунова, именно, слишкомъ полуторагодичное заключеніе въ крѣпости, угнетенное и подавленное душерасположеніе само собою только усилило вышеописанное болѣзненное состояніе». «Пребываніе въ сѣверномъ краѣ надѣлило Шелгунова хроническимъ катаромъ легкихъ. Въ связи съ прежними болѣзнями это повело къ совершенному упадку питанія и кровотворенія, совершенной потерѣ аппетита и безсонницѣ» [3]).

Хотя въ Калугѣ были хорошія климатическія условія, тѣмъ не менѣе внѣшняя обстановка жизни писателя слабо содѣйствовала улучшенію его здоровья. Постоянно висѣвшій полицейскій надзоръ вызывалъ недовольство и возмущеніе писателя; прикованный къ одному мѣсту, онъ раздражался невозможностью жить въ центрѣ и устроиться по своему вкусу; окруженный провинціальной тиной, онъ задыхался въ ней и, разумѣется, всегда лишенъ былъ душевнаго спокойствія и жилъ въ приподнятомъ, напряженномъ состояніи. 6 марта 1870 г. онъ пишетъ женѣ: «я не знаю, что со мною дѣлается... Сердце болитъ и ноетъ, напримѣръ, сегодня съ утра, какое-то боязливое щемленіе, просто скверно» [4]). Николая Васильевича мучатъ тяжелые кошмарные ны: «Какой скверный день!»—дѣлится онъ съ Людмилой Петровной 25 августа 1870 г.: «Видѣлъ во снѣ, что мы—ты, дѣти, я—ссылаемся въ Сибирь и сидимъ въ острогѣ, всталъ съ головною болью» [5]). 28 ноября 1870 г. читаемъ: «захандрилъ... Потомъ я сталъ похварывать: все какое-то недомоганіе, то зубы, то глазъ, то простуда» [6]). Очевидно, болѣе всего давали себя чувствовать

---

[1]) *Л. П. Шелгунова.* Изъ далекаго прошлаго. 219.
[2]) *А. Пругавинъ.* Шелгуновъ въ ссылкѣ. «Р. М.» 1910, III, 3, ср. 5.
[3]) Ib. 6, 7.
[4]) *Л. П. Шелгунова.* Op. cit. 214.
[5]) Ib. 216.
[6]) Ib.

нервы. О замѣтномъ поправленіи здоровья, стало быть, не могло быть и рѣчи. Правда, жизнь въ кругу семьи, въ большомъ, сравнительно, городѣ, извѣстный литературный успѣхъ смягчали тяготу болѣзненныхъ переживаній и остроту отношенія къ подневольному положенію, но зато непріятности съ цензурой и Благосвѣтловымъ и сидячая жизнь, неизбѣжная и неотвратимая при той массѣ литературной производительности, которую ежегодно развивалъ Шелгуновъ, парализовали доброе вліяніе семейнаго уюта и скорѣе даже обостряли уже нажитую болѣзнь. Къ 1873 г. онъ чувствуетъ себя совсѣмъ плохо. А тутъ въ январѣ безъ всякихъ хлопотъ уѣхала такая же поднадзорная А. Д. Дементьева къ С.-Петербургу (въ Великія Луки)... И вотъ писатель рѣшается серьезно заняться своимъ здоровьемъ и съѣздить въ С.-Петербургъ для совѣта со знаменитостями. 12 марта 1873 г. онъ подаетъ написанное, по обыкновенію, съ чувствомъ собственнаго достоинства прошеніе калужскому губернатору Шевичу такого содержанія:

«Со времени моего перваго арестованія пошелъ уже одиннадцатый годъ. Здоровье мое всегда было слабо, такъ что я два раза—въ 1856 и въ 1858 гг.—былъ на заграничныхъ водахъ. Но послѣ крѣпостного заключенія, въ ссылкѣ, здоровье мое пошло быстро подъ гору. Въ настоящее время оно разстроено до того, что я чувствую приступы ипохондріи и со мной бываютъ нервные припадки. Леченіе у мѣстныхъ врачей мнѣ не помогало и одно средство—искать совѣта и помощи медицинскихъ авторитетовъ.

Я бы просилъ убѣдительно Ваше Превосходительство войти въ мое положеніе и испросить у высшей власти разрѣшеніе на увольненіе меня въ Петербургъ для совѣщанія съ Боткинымъ или Баллинскимъ.

Полковникъ *Н. Шелгуновъ*».

12 марта 1873 года. Калуга.

Губернаторъ далъ прошенію ходъ и положилъ резолюцію: «Для освидѣтельствованія въ дѣйствительности болѣзни г. Шелгунова предлагаю освидѣтельствовать его во врачебномъ отдѣленіи». *И. Шевичъ*. 12 марта 1873 г. № 954. «Записку возвратить». Другой рукой на прошеніи же, ниже, написано: «предложить г. Шелгунову прибыть для освидѣтельствованія во врачебное отдѣленіе 15 марта въ часъ».

Врачи нашли «совѣтъ со специалистами въ С.-Петербургѣ не только полезнымъ для него, Шелгунова, но даже необходимымъ, какъ средство, могущее успокоить и поднять упадающую душевную энергію». На основаніи такого заключенія врачебнаго от-

дѣленія на прошеніи писателя было прибавлено новое распоряженіе о дальнѣйшемъ направленіи бумаги: «представить г. министру внутреннихъ дѣлъ просьбу Шелгунова на разрѣшеніе ему произвести поѣздку въ Петербургъ». Въ этомъ смыслѣ составленная казенная бумага и была отправлена въ столицу 20 марта 1873 г.

Какой послѣдовалъ отвѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ на это представленіе губернской администраціи, намъ неизвѣстно. Но вѣроятно разрѣшеніе на поѣздку послѣдовало, такъ какъ 1) самъ Шелгуновъ въ письмѣ къ женѣ 25 января 1874 г. упоминаетъ о своемъ увольненіи въ С.-Петербургъ[1]); 2) этимъ, вѣроятно, объясняется отсутствіе свѣдѣній о немъ до іюня въ полицейской вѣдомости, и 3) именно въ этотъ моментъ онъ видѣлся и познакомился съ Н. К. Михайловскимъ, о чемъ вспоминаетъ послѣдній[2]).

Людмила Петровна, съ своей стороны, въ отсутствіе мужа рѣшила не упускать удачнаго момента и обратилась 15 мая 1873 г. къ губернатору съ прошеніемъ о переводѣ мужа изъ Калуги въ Выборгъ:

«Милостивый Государь, Иванъ Егоровичъ!

Мужъ мой полковникъ Шелгуновъ былъ арестованъ въ Сибири, въ Забайкальи въ 1862 году. Послѣ строжайшаго домашняго ареста онъ былъ отвезенъ въ С.-Петербургъ, заключенъ въ Алексѣевскій равелинъ и преданъ военному суду. Крѣпостное заключеніе продолжалось 20 мѣсяцевъ и затѣмъ моего мужа сослали подъ надзоръ полиціи въ Вологодскую губернію и наконецъ перевели въ Калугу. Слѣдовательно со времени перваго арестованія моего мужа прошло почти 11 лѣтъ. Я уже не стану говорить о тѣхъ нравственныхъ и множествѣ физическихъ лишеній, которымъ подвергался мой мужъ; но вмѣстѣ съ нимъ наказана и я, и даже ни въ чемъ неповинныя наши дѣти. Я должна была подвергаться множеству лишеній только потому, что раздѣляю ссылку своего мужа; я должна была покинуть свое имѣніе, которое болѣе десяти лѣтъ находится безъ всякаго призора; я должна давать дѣтямъ не такое воспитаніе, какое бы хотѣла имъ дать, ибо Калуга и не представляетъ никакой возможности дать за небольшія деньги хорошее воспитаніе; я должна была измѣнить родъ своихъ занятій и вмѣсто литературы заняться разстраивающими мое здоровье уроками музыки. Наконецъ, здоровье моего мужа до того разстроилось, что я имѣю серьезныя

---

[1]) *Л. П. Шелгунова.* Изъ далекаго прошлаго. 219.

[2]) *Н. К. Михайловскій.* Статья о Шелгуновѣ LI стр., при первомъ томѣ сочиненій Н. В. Шелгунова изд. Поповой. СПБ. 1895 г.

причины опасаться, что съ нимъ сдѣлается ипохондрія. Вашему Превосходительству извѣстно политическое поведеніе мужа и я думаю, что не ошибусь, если скажу, что Вы врядъ ли найдете въ немъ хотя что-нибудь заслуживающее порицанія.

Въ виду всего вышеизложеннаго я позволяю себѣ смѣлость просить Ваше Превосходительство исходатайствовать моему мужу право жить въ Выборгѣ, гдѣ бы онъ могъ пользоваться морскими ваннами и гдѣ бы и я могла, наконецъ, устроить свои семейныя и личныя дѣла лучше, чѣмъ это возможно въ Калугѣ.

Съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и преданности остаюсь

готовая къ услугамъ *Л. Шелгунова*».

15 мая 1873 года. Калуга.

На этотъ разъ Шевичъ, однако, не спѣшилъ отправить прошеніе Шелгуновой управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, ожидая, вѣроятно, возвращенія самого писателя изъ столицы, и далъ ему движеніе только чрезъ мѣсяцъ, 18 іюня, въ видѣ секретной бумаги. Но отнесся онъ, какъ и въ первомъ случаѣ, къ ходатайству супруги ссыльнаго доброжелательно. Изложивъ просьбу Л. П. Шелгуновой, губернаторъ добавилъ свое заключеніе: «Представляя изложенное ходатайство Шелгуновой на благоусмотрѣніе Вашего сіятельства, я имѣю честь присовокупить, что съ моей стороны не встрѣчается никакихъ препятствій къ удовлетворенію этого ходатайства. Губ. *Шевичъ*».

Но судьба не хотѣла баловать писателя; на этотъ разъ супруговъ постигло полное разочарованіе. Министерство очень скоро прислало, составленный не безъ казенной ироніи, отвѣтъ:

Получено 14/17 іюля 1873 г.

М. В. Д.
Департаментъ полиціи исполнительной.
Отд. 3-е. Столъ 2.
6 іюля 1873 г.
№ 3065.

Господину Калужскому Губернатору.

На отношеніе отъ 18 минувшаго іюня за № 2400 по ходатайству жены отставного полковника Николая *Шелгунова* о разрѣшеніи мужу ея, въ виду разстроеннаго его здоровья, а также для предоставленія возможности дать дѣтямъ хорошее воспитаніе, жительства въ г. Выборгѣ, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что такъ какъ въ Калугѣ весьма здоровый климатъ и есть достаточно средствъ для воспитанія дѣтей, то министерство не находитъ основанія къ удовлетворенію означеннаго хо-

датайства, о чемъ не изволите ли Вы, Милостивый Государь, приказать объявить просительницѣ.

Управляющій министерствомъ
вн. дѣлъ Ст.-Секретарь В. Лоб. (?)»

Все же закаленный въ невзгодахъ писатель не палъ духомъ отъ постигшей его неудачи. Невольно проникаешься глубокимъ уваженіемъ къ стойкости и духовной крѣпости, съ которой онъ принималъ удары судьбы, и удивляешься его неутомимой настойчивости, съ которой онъ ловитъ каждый моментъ, когда можно снова и снова возобновить неудавшуюся попытку. Теперь же освѣженный поѣздкой въ Петербургъ, повидавшійся съ собратьями по литературной работѣ и съ Благосвѣтловымъ, подышавшій воздухомъ столичной жизни, Шелгуновъ окончательно воспрянулъ духовно. И судьба вознаградила его за юдоль долготерпѣнія, подарила его свѣтлой улыбкой. Несмотря на понесенное пораженіе въ 1873 г., черезъ полгода Шелгуновъ уже разставался съ надоѣвшей ему Калугой.

«Не помню, что такое случилось,—сообщаетъ Л. П. Шелгунова въ томъ же 1873 г.,—но меня въ одинъ день собрали въ путь, и я уѣхала въ С.-Петербургъ хлопотать о переводѣ въ какой-нибудь лучшій городъ» [1]). Но, кажется, въ данномъ случаѣ память Л. П. Шелгуновой измѣнила, такъ какъ поѣздка была совершена не ранѣе первыхъ чиселъ января 1874 г., потому что въ донесеніи полиціи отъ 3 января 1874 г., значится: «жена и два сына живутъ вмѣстѣ съ отцемъ». На поспѣшную же командировку супруги писателя въ столицу повліяли, вѣроятно, слухи и сообщенія изъ судейскаго міра Калуги о предстоящемъ манифестѣ съ милостями по случаю бракосочетанія в. кн. Маріи Александровны 9 января 1874 г.

Такой манифестъ, дѣйствительно, послѣдовалъ, и сильно волновавшійся за свою участь Николай Васильевичъ съ жадностью и нетерпѣніемъ слѣдилъ за газетами. И вотъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1874 г. № 22) появилась телеграмма изъ С.-Петербурга, что обнародовано Высочайшее повелѣніе о дарованіи (нѣкоторыхъ) облегченій лицамъ, подвергшимся по 1 января 1871 г. обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ, если они не совершили послѣ того новыхъ преступленій и не были замѣчены ни въ чемъ предосудительномъ. А затѣмъ въ № 22 «Новаго Времени» и въ № 23 «Московскихъ Вѣдомостей» (отъ 24 января) былъ напечатанъ и полный текстъ этого повелѣнія.

---

[1]) *Л. П. Шелгунова.* Op. cit. 219.

Пунктъ III его гласилъ: «тѣхъ же (сосланныхъ *Авт.*), которые находятся въ Европейской Россіи, освободить отъ надзора на основаніяхъ, какія установлены 3 п. Всемилостивѣйшаго Е. И. В. повелѣнія отъ 13 мая 1871 г. объ облегченіи участи нѣкоторыхъ преступниковъ». Пунктъ V добавлялъ: «Освобожденнымъ по настоящее время отъ надзора полиціи,... которые были удалены съ мѣста жительства безъ лишенія правъ, дозволить возвратиться на родину». Въ связи съ этими извѣстіями Н. В. Шелгуновъ немедленно, 25 января, пишетъ женѣ въ С.-Петербургъ письмо: «Другъ Людя! Въ «Моск. Вѣд.» телеграмма отъ 22 о Высочайшемъ повелѣніи объ облегченіи участи... Если извѣстіе несомнѣнно, то начнется переписка, разъясненія и представленія губернаторовъ. Не меньше мѣсяца. Не поможетъ ли твое личное присутствіе, чтобы миновать эту длинную процедуру. Губернаторская аттестація къ 1 января уже въ Петербургѣ [1]). Баранова [2]) тоже... Наконецъ увольненіе меня въ Петербургъ— все это, мнѣ кажется, слишкомъ говоритъ въ мою пользу, чтобы дѣлать новые запросы губернатору и жандарму. Воздѣйствуй, чтобы III отдѣленіе сообщило прямо департаменту полиціи исполнительное предписаніе сюда.... Проси о снятіи надзора совсѣмъ. А гдѣ жить?» [3]).

Однако въ С.-Петербургѣ не торопились, а потому истомившійся и разнервничавшійся писатель, позабывъ даже, что въ бюрократическомъ мірѣ никогда не спѣшатъ со льготами и милостями къ политическимъ, съ нетерпѣніемъ шлетъ чрезъ недѣлю, 2 февраля, новое письмо: «Голубушка Людя, а мнѣ кажется, что Петербургъ тебя обманулъ и что тебѣ даже скучно» [4])...

На этотъ разъ печальныя предчувствія ссыльнаго литератора не оправдались; энергичныя хлопоты хотя и медленно, но дѣйствовали и увѣнчались желаннымъ успѣхомъ: Н. В. Шелгунова перевели въ Новгородъ и позволили пріѣхать въ С.-Петербургъ для новаго совѣта съ врачами» [5]). Распоряженіе о переводѣ публициста было передано товарищемъ министра вн. д. по телеграфу 22 февраля 1874 г.

Радостно оживленный и бодро настроенный Шелгуновъ не засиживался въ Калугѣ, быстро привелъ свои дѣла въ порядокъ, еще скорѣе собрался и 28 февраля уже разстался навсегда съ

---

[1]) Въ дѣйствительности она была отправлена изъ Калуги только 5 января за № 4 и 5.
[2]) К. И. Барановъ, начальникъ жандармскаго управленія въ Калугѣ.
[3]) *Л. П. Шелгунова.* Op. cit. 219.
[4]) Ib. 219.
[5]) Ib. 220.

Калугой и отбылъ въ Новгородъ, какъ это значится въ послѣднемъ донесенiи о немъ полицiи.

Что же касается литературной дѣятельности писателя за послѣднiй годъ его заточенiя въ Калугѣ, то она шла, попрежнему, интенсивно. Теперь «Недѣля» была тѣмъ органомъ, гдѣ нашелъ себѣ постоянную работу Шелгуновъ. Здѣсь онъ помѣстилъ за 1873 г. цѣлый рядъ педагогическихъ и публицистическихъ статей. Первыя подписывались инициалами «Н. В».—это были извѣстныя «Письма о воспитанiи», вошедшiя затѣмъ въ I т. его сочиненiй въ изданiи Поповой. Публицистическими были «Замѣтки провинцiальнаго философа», напечатанныя въ 27 №№ той же газеты. Это были отклики на разныя темы и обзоры общественной и провинцiальной жизни, которые можно разсматривать, какъ зародышъ будущихъ «Очерковъ русской жизни».

Съ 1873 года, послѣ поѣздки въ столицу, возобновилось сотрудничество Шелгунова и въ «Дѣлѣ». Въ VII—IX №№ этого журнала появился его «Романтизмъ русскiй» подъ псевдонимомъ Н. Радюкина и въ XI—XII кн. «Безхарактерность нашей интеллигенцiи». Съ января 1874 г. начали печататься «Попытки русскаго сознанiя» и въ № 1 была помѣщена еще «Русская сатира».

Безъ двухъ мѣсяцевъ 5 лѣтъ провелъ Н. В. Шелгуновъ въ Калугѣ. Естественно и городъ, и калужская общественная жизнь находили иногда мѣсто въ обзорахъ и статьяхъ публициста. Калугѣ и калужскимъ дѣламъ посвящены три статьи Шелгунова: 1) «Подзавалье» [1]), 2) «Коноваловское дѣло» [2]) и 3) «Дѣла калужскаго «Подспорья» [3]).

Очеркъ «Подзавалье», который не появлялся въ «Дѣлѣ», а впервые напечатанъ въ 3 томѣ его сочиненiй (1872 г.), безъ даты, написанъ не позже 1870 г., какъ и другая такая же статья «Задачи земства» [4]); онъ явился плодомъ пребыванiя литератора на дачѣ въ Подзавальѣ. Въ этомъ очеркѣ, въ перемежку съ автобiографическими вставками, авторъ иллюстрируетъ цифровыми данными полезность и необходимость артельной организацiи производства для подзавальскихъ сапожниковъ. Корреспонденцiя о Коноваловскомъ дѣлѣ, разбиравшемся въ калужскомъ окружномъ судѣ, излагая сущность подвиговъ этого грабителя, обрисовываетъ интересъ къ нему калужскихъ обывателей и отмѣчаетъ бѣдность

[1]) Сочиненiя т. III, изд. 1872 г.
[2]) «Недѣля» 1871 г., № 12.
[3]) «Недѣля» 1872 г., № 43, 44.
[4]) Сочиненiя т. III, изд. 1872 г., 190—218.

Калуги хорошими адвокатами. Наконецъ, «Дѣла калужскаго «Подспорья», подробно анализируя отчетъ этого общества сбереженія, пытаются вскрыть слабыя стороны его организаціи и намѣтить возможные пути для улучшенія его дѣятельности. Статья эта тѣмъ болѣе интересна, что, можно думать, писатель, жившій рядомъ съ магазиномъ, часто посѣщавшій и его и библіотеку «Подспорье» же, оказывалъ косвенное вліяніе на ходъ и развитіе дѣятельности этого потребительнаго товарищества. Къ тому же и въ составѣ правленія его были лица, хорошо знакомыя съ Шелгуновымъ: А. Н. Цуриковъ, Патонъ, П. А. Кавторадзе и др., а духовнымъ отцомъ его былъ М. А. Языковъ[1]).

М. Л. Н-нъ.

---

[1]) «Кал. Губ. Вѣд.» 1870 г. № 13.

О недопущеніи евреевъ къ университетскому преподаванію.

Въ 1866 г. въ совѣтѣ харьковскаго университета возникъ вопросъ: «могутъ ли лица Еврейскаго Закона быть допускаемы къ преподаванію въ университетѣ въ званіи приватъ-доцента и потомъ быть опредѣляемы и штатными преподавателями, если они удовлетворятъ тѣмъ общимъ требованіямъ, которыя установлены для сего уставомъ университетовъ».

На запросъ попечителя округа К. К. Фойгта отъ управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, директора департамента Делянова получилось слѣдующее характерное по аргументаціи разъясненіе:

«Принимая во вниманіе, что на основаніи примѣч. къ ст. 1395 IX т. Св. Зак. (по 3 продолж.) евреи, имѣющіе ученыя степени, допускаются въ службу по всѣмъ вѣдомствамъ, я нахожу, что по смыслу сего постановленія нѣтъ законнаго основанія къ отказу евреямъ поступать въ учебную службу, но имѣя въ виду могущія произойти неудобства отъ допущенія евреевъ къ преподаванію наукъ юридическихъ, политическихъ и историческихъ, основанныхъ главнымъ образомъ на началахъ истинъ христіанской религіи, я признаю совершенно несовмѣстнымъ съ направленіемъ и духомъ преподаванія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ допускать къ преподаванію упомянутыхъ наукъ лицъ Еврейскаго Закона».

«Вслѣдствіе сего,—писалъ Деляновъ—я покорнѣйше прошу ваше превосходительство, въ случаѣ поступленія отъ евреевъ прошеній о допущеніи ихъ къ преподаванію по разряду означенныхъ наукъ, отклонять подобныя ходатайства, о чемъ покорнѣйше прошу предложить и совѣту харьковскаго университета къ исполненію и руководству».

Мнѣніе управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія было разослано къ «исполненію и руководству» въ совѣты прочихъ русскихъ университетовъ и сдѣлалось такимъ образомъ

обязательнымъ. Къ этому офиціальному мнѣнію или вѣрнѣе циркуляру Делянова небезынтересно прибавить мнѣніе, поданное въ совѣтъ московскаго университета 13 сентября 1866 г. ординарнымъ профессоромъ О. М. Бодянскимъ. Извѣстный славистъ, расширяя рамки циркуляра, высказываетъ во всякомъ случаѣ оригинальныя мнѣнія для человѣка науки [1]).

«Если причины, вызвавшія это распоряженіе, вполнѣ уважительны по отношенію къ наукамъ, упомянутымъ въ немъ,—писалъ Бодянскій—то и того, кажется, уважительнѣе онѣ по отношенію къ наукамъ словеснымъ, которыя, имѣя одно и тоже съ оными основаніе, имѣютъ еще сверхъ того дѣло съ самыми памятниками христіанской вѣры. Преподаватель сихъ наукъ не только указываетъ на послѣдніе, но весьма часто обязанъ приводить ихъ цѣликомъ или въ извлеченіи, объяснять какъ самое содержаніе, такъ духъ, направленіе и цѣль, вызвавшіе то и другое. Особенно это слѣдуетъ сказать объ исторіи литературы вообще, преимущественно же у народовъ славянскихъ, у которыхъ она до самаго новѣйшаго времени почти исключительно религіознаго содержанія. Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи очутится профессоръ-еврей, излагая, напримѣръ, исторію древне-болгарской, сербской и русской словесности или такую же чешскую и польскую. Даже исторія письменности небольшихъ славянскихъ народовъ: хорутанъ, словаковъ, лужичанъ не имѣетъ другого колорита. Здѣсь никакая изворотливость не поможетъ выпутаться изъ такого непріятнаго положенія, развѣ когда учитель не станетъ учить своихъ слушателей, т.-е. откажется отъ преподаванія того, что обязанъ преподавать, или же, въ противномъ случаѣ, говорить вопреки своему убѣжденію, на которое каждому указываетъ его происхожденіе и вѣроисповѣданіе. Ставить въ такое незавидное, въ большинствѣ случаевъ даже опасное, положеніе профессора и его слушателей ничѣмъ нельзя оправдать, а потому не слѣдуетъ допускать лицъ Еврейскаго Закона и къ преподаванію въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ также и наукъ словесныхъ». *С. М.*

---

[1]) Мнѣніе Бодянскаго печатается съ копіи, посланной имъ гр. С. Г. Строгонову и находящейся въ архивѣ А. А. Титова.

Критика и библіографія.

М. Бородкинъ. Исторія Финляндіи; время имп. Николая I. Петроградъ, 1915 г.

Весной 1915 г. вышелъ новый томъ усидчиваго историка Финляндіи генерала Бородкина, посвященный на этотъ разъ характеристикѣ Николаевскаго царствованія вообще и по финляндскому вопросу въ частности.

Трудно себѣ представить книгу, по духу своему болѣе тенденціозно написанную, чѣмъ этотъ томъ «Исторіи Финляндіи»; цѣлыя главы ея такъ и дышатъ человѣконенавистничествомъ, злобой и преднамѣреннымъ стремленіемъ очернить финляндцевъ, а рядомъ съ этимъ мы находимъ превознесеніе имп. Николая I, этого еще неоцѣненнаго по заслугамъ монарха, идеалы и дѣятельность коего либералы старательно умаляютъ и извращаютъ. Авторъ родился, къ несчастью, съ опозданіемъ приблизительно на два столѣтія; въ прежнія времена его взгляды на государственность и политическіе принципы нашли бы, пожалуй, лучшую оцѣнку; нѣтъ сомнѣнія, что духу XX вѣка они совершенно чужды; современныхъ намъ идеаловъ авторъ никогда не понималъ и продолжаетъ не понимать.

Научные пріемы его работы и методы изслѣдованія также отличаются чрезвычайной примитивностью; онъ собираетъ интересующій его матеріалъ и затѣмъ излагаетъ документы, цитируя ихъ цѣлыми страницами и комментируя въ извѣстномъ, одностороннемъ направленіи; у читателя при этомъ невольно складывается убѣжденіе, что авторъ старательно подыскиваетъ все, что можетъ, чтобы доказать политическую неблагонадежность финляндцевъ, питающихъ прирожденную ненависть къ русскимъ.

Этими же мыслями одухотворена была извѣстная работа гофмейстера Ордина, обрушившагося на Финляндію однимъ изъ первыхъ, еще въ концѣ прошлаго вѣка.

Собранный авторомъ матеріалъ въ большинствѣ случаевъ такъ и оставленъ необработаннымъ; въ книгѣ нѣтъ ни основныхъ историческихъ принциповъ (кромѣ указанныхъ отрицательныхъ началъ), ни руководящихъ научныхъ взглядовъ; это—своего рода «изложеніе по Иловайскому», которымъ довольствовались на зарѣ нашей исторической науки, но которое вовсе не удовлетворяетъ современнымъ научнымъ требованіямъ. Можно лишь удивляться, что Академія Наукъ удостоила такую недозрѣлую работу небольшой преміи; правда, мотивомъ премированія было единственно количество собраннаго авторомъ матеріала.

Въ области государственныхъ и правительственныхъ принциповъ авторъ является убѣжденнымъ и типичнымъ нѣмецкимъ юнкеромъ, преклоняющимся передъ германскими политическими идеалами государственной силы и всемогущества; онъ отъявленный сторонникъ самодержавія и въ лучшемъ случаѣ считаетъ допустимымъ «просвѣщенный» абсолютизмъ. Идеаломъ самодержца онъ считаетъ императора Николая I, а всѣ недостатки его правительства, столь опредѣленно выясненные современными научными изслѣдованіями, — непріязнью или даже клеветой русскихъ либераловъ, радикаловъ, нигилистовъ и т. д.! Трудно подыскать болѣе выпуклый примѣръ нѣмецкаго вліянія («засилія», какъ теперь принято выражаться), чѣмъ разбираемая работа г. Бородкина; авторъ типичный «внутренній нѣмецъ»: не правительство для народа, а наоборотъ; не признаніе равноправія національностей, а тоже наоборотъ, ярое подчиненіе ихъ игу завоевателей, à la Prusse; можно думать, что, описывая государственное положеніе Финляндіи, авторъ постоянно имѣлъ передъ глазами прусскій образецъ политики касательно Польши и Эльзасъ-Лотарингіи.

Трудъ г. Бородкина дѣлится на 15 главъ, довольно равномѣрной величины. Въ началѣ помѣщено небольшое предисловіе, въ которомъ уже ярко сказывается непріязнь автора къ финляндцамъ; онъ, повидимому, не понимаетъ, что отрицательное отношеніе къ нему финляндцевъ, на которое онъ такъ часто и такъ горько жалуется (напр. стр. XVI—XVII), носитъ чисто личный характеръ и не можетъ давать ему права распространять его на всѣхъ русскихъ; политическое прошлое тенденціозного историка слишкомъ хорошо извѣстно въ Финляндіи! Рядомъ съ этимъ чрезвычайной искусственностью, чтобы не сказать большаго, звучатъ восхваленія автора финляндскихъ скалъ, природы,

поэзіи и искусства. Онъ старается, кромѣ того, описать развитіе національнаго самосознанія въ Финляндіи, зарождавшагося какъ разъ въ данную эпоху царствованія Николая I.

Уже въ предисловіи выступаетъ и отмѣченное выше отношеніе автора къ Николаю, этому «замѣчательному Государю» (стр. XX) и «вѣнчанному рыцарю»; о фактахъ, выдвинутыхъ современными историческими изслѣдованіями, г. Бородкину очевидно ничего не извѣстно.

Первая глава, цѣлыхъ 50 страницъ, посвящена совершенно ненужной общей характеристикѣ и восхваленіямъ правительства Николая, вовсе не касающимся исторіи Финляндіи; тутъ имѣется экскурсъ и въ область общей русской желѣзнодорожной политики, и упоминаніе свода законовъ, университетовъ и «безволія русскаго общества», также весьма далеко отстоящихъ отъ главнаго вопроса изслѣдованія исторіи Финляндіи. И все это приправлено отмѣннымъ стремленіемъ реабилитаціи Николая и его помощниковъ.

Съ этой точки зрѣнія неудивительны и тѣ заключенія, къ которымъ приходитъ авторъ во второй главѣ, посвященной характеристикѣ А. А. Закревскаго; личность этого ограниченнаго и тупого генерала, столь отличившагося въ Москвѣ, что пришлось его уволить, хорошо извѣстна въ нашей исторической литературѣ; г. Бородкину, однако, необходимо было сіе опровергнуть доказаніемъ противнаго; по его взгляду, Закревскій является выдающимся государственнымъ дѣятелемъ; дальновидность его подтверждается главнымъ образомъ его обрусительными тенденціями, не дававшими «воли» строптивымъ финляндцамъ и ихъ стремленіямъ къ независимости. По нашему мнѣнію, Закревскій является весьма типичнымъ сатрапомъ той эпохи, и приводимые авторомъ факты это лишь подтверждаютъ; здѣсь характерно и отношеніе власти къ народу, «подданнымъ», и грубое стремленіе Закревскаго къ подчиненію своей волѣ финляндскихъ правительственныхъ учрежденій; сколь близки сердцу Закревскаго были интересы Финляндіи, можно судить по слѣдующему факту: при назначеніи его русскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ онъ сохранилъ за собой постъ финляндскаго генералъ-губернатора и, хотя и не жилъ въ Финляндіи, все же преписывался съ самимъ собой въ качествѣ должностного двойника; изслѣдованіе г. Бородкина, впрочемъ оставляетъ невыясненнымъ вопросъ о томъ, насколько являлась согласованной политика министра Закревскаго съ дѣятельностью генералъ-губернатора Закревскаго.

Третья глава посвящена описанію «испытаній», постигшихъ Финляндію въ первые годы царствованіи Николая: пожару въ

Або, холерѣ и голоду 1831—1832 г.г., равно перенесенію столицы княжества въ Гельсингфорсъ.

Въ 4-й главѣ мы находимъ изложеніе исторіи смѣны генералъ-губернатора. Преемникомъ Закревскаго въ 1831 г. сталъ князь Меншиковъ, на котораго г. Бородкинъ обрушивается безъ сожалѣнія. Меншиковъ автору вовсе не нравится; онъ всѣмъ плохъ; политика его никуда не годилась; но интересно отмѣтить, что мотивомъ тому служитъ вовсе не то, что Меншиковъ, какъ одно время и Закревскій, въ Финляндіи не жилъ и мало ею интересовался, а скорѣе то, что князь давалъ большую свободу финляндскимъ властямъ. Въ этой же главѣ мы находимъ длинныя и пристрастныя характеристики финляндскихъ дѣятелей: Валлена, Фалька, Рихтера и другихъ.

Пятая глава болѣе интересна; въ ней собранъ довольно обильный матеріалъ касательно экономическаго роста края, таможенной политики и финансовыхъ реформъ.

Шестая глава трактуетъ о положеніи Выборгской губерніи съ изложеніемъ проекта гр. Ребиндера о «возвращеніи» этой губерніи имперіи; уже самый терминъ «возвращеніе» подчеркиваетъ точку зрѣнія автора, съ удовольствіемъ отмѣчающаго, что Вигель считалъ присоединеніе въ 1811 г. Выборгской губерніи къ Финляндскому княжеству «измѣной» (стр. 266). Слѣдуетъ отмѣтить, что авторъ весьма отрицательно относится къ Сперанскому, чуть не считая и его измѣнникомъ; это очень легко понять, если вспомнить конституціонные идеалы Сперанскаго и тотъ фактъ, что именно ему Финляндія была очень многимъ обязана. Непріязнь г. Бородкина сказывается весьма сильно и по отношенію поляковъ; попутно онъ ихъ также попрекаетъ въ сепаратизмѣ, революціонныхъ стремленіяхъ и неблагодарности относительно Россіи, враждѣ къ русскимъ и т. д.; многія страницы посвящаются авторомъ характеристикѣ неблагонадежности поляковъ, которыхъ Николай ненавидѣлъ; авторъ, очевидно, не предвидѣлъ событій міровой войны и возродившуюся дружбу къ Польшѣ и излагалъ старательно прежнюю правительственную точку зрѣнія, относительно необходимости прижимать и обуздывать сепаратистовъ-поляковъ. Г. Бородкинъ не предугадывалъ явленій 1914—1915 г.г., когда суждено было его политическимъ идеаламъ потерпѣть крушеніе.

Седьмая глава посвящена исторіи отношеній России къ Швеціи и разграниченія русско-норвежскихъ пограничныхъ территорій на далекомъ сѣверѣ; здѣсь читатель найдетъ много интереснаго, хотя и недостаточно обработаннаго матеріала.

Восьмая глава представляетъ собой довольно безцвѣтное изло-

женіе законодательства временъ Меншикова, а девятая и десятая составляютъ какъ бы центръ изслѣдованія: онѣ посвящены «пробужденію національнаго самосознанія» въ «молодой Финляндіи». Если бы не безконечныя и одностороннія характеристики общественныхъ дѣятелей и постоянно проявляющаяся злоба автора, эта часть его книги представляла бы нѣкоторую научную цѣнность. Объ общественномъ развитіи Финляндіи въ Россіи написано и извѣстно очень мало и надо надѣяться, что собранные г. Бородкинымъ матеріалы найдутъ скоро болѣе безпристрастную разработку и оцѣнку.

Одиннадцатая и двѣнадцатая главы содержатъ опять безконечныя характеристики, къ изложенію коихъ авторъ имѣетъ особую слабость; тутъ, какъ онъ самъ выразился, предъ нами проходитъ цѣлая «галлерея дѣятелей»: Нурденстамъ, Ребиндеръ, Фишеръ, Теслевъ, Рокассовскій и др., получающіе всѣ своеобразную оцѣнку съ точки зрѣнія развитія «финляндскаго сепаратизма».

Русско-финляндскія отношенія, описанныя въ слѣдующей главѣ, естественно получили наиболѣе пристрастную окраску; здѣсь авторъ вновь возвращается къ Закревскому, нарушая этимъ имъ же самимъ принятый хронологическій порядокъ изложенія; а нужно это ему для того, чтобы доказать дальновидность Закревскаго и близорукость другихъ русскихъ государственныхъ дѣятелей въ борьбѣ съ зарождавшимся сепаратизмомъ финляндцевъ. Эти же мысли еще разъ повторяются въ послѣдней главѣ, посвященной «итогамъ». Не устрашаютъ автора даже явленія Крымской войны; все раскрывшееся тогда зло правительственной системы Николая I авторъ относитъ на счетъ неспособности нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ и радикальныхъ стремленій русскаго общества [1]), попутно дѣлая ожесточенные выпады противъ коварнаго Альбіона съ его опаснымъ парламентарнымъ строемъ; авторъ и здѣсь не предвидѣлъ политическихъ событій современной войны и того, что Россія пойдетъ неудержимо по пути конституціоннаго развитія. Такова судьба многихъ нашихъ черныхъ внутреннихъ нѣмцевъ!

Николаевскій идеалъ «величія России» потерпѣлъ въ Крыму полное крушеніе, и это, казалось бы, достаточно выяснено нашей исторической наукой. Г. Бородкинъ, однако, остается при особомъ мнѣніи, не имѣя, впрочемъ, послѣдователей.

Книга хорошо и обильно иллюстрирована.

Проф. *С. А. Корфъ.*

---

[1]) См. особ. стр. 661 и сл.

К. Тіандеръ. Датско-русскія изслѣдованія. Выпускъ III (Скандинавское переселенческое сказаніе). Петроградъ, 1915, ст. VI+204. (Записки ист.-фил. факультета Петроградскаго университета).

Необходимость изученія начальной лѣтописи, въ особенности ея первыхъ страницъ, съ точки зрѣнія этнографическо-литературной, какъ литературной обработки народныхъ мотивовъ, нерѣдко широко распространенныхъ въ литературномъ и устномъ преданіи, была отмѣчена уже въ началѣ 1860-хъ гг., въ извѣстныхъ статьяхъ Сухомлинова и Костомарова, но эта мысль не нашла особенно дѣятельнаго приложенія въ научной работѣ, посвященной лѣтописи. Нѣсколько лѣтъ позже, въ разгарѣ полемики, вызванной выступленіемъ Гедеонова, покойный Куникъ отмѣтилъ необходимость изученія лѣтописнаго сказанія о призваніи варяговъ въ связи съ аналогичными сказаніями у различныхъ германскихъ народовъ. Съ обычною настойчивостью и медлительностью мысли, покойный ученый возвращался къ этимъ соображеніямъ, но до самой смерти не довелъ этихъ наблюденій до конца и не формулировалъ своихъ выводовъ изъ нихъ сколько-нибудь опредѣленно, и у другихъ изслѣдователей его сопоставленія также не вызвали въ свое время ничего, кромѣ очень общихъ замѣчаній. Позже скандинавскимъ сказаніемъ о переселеніяхъ занимались нѣкоторые ученые внѣ связи его съ лѣтописнымъ преданіемъ,—въ особенности Стенструпъ и въ недавнее время проф. Ф. А. Браунъ. Теперь ученикъ проф. Брауна, скандинавовѣдъ К. Ѳ. Тіандеръ, не удовлетворяясь выводами своего предшественника, рѣшилъ обслѣдовать эти параллели, въ связи съ лѣтописнымъ сказаніемъ, въ спеціальномъ изслѣдованіи. Сопоставляя его съ аналогичными сказаніями о выселеніяхъ скандинавскихъ дружинъ въ чужія страны, онъ отмѣчаетъ въ немъ слѣдующія черты, какъ типичныя, повторяющіяся въ другихъ скандинавскихъ сказаніяхъ (с. 176):

1) Междуусобица среди туземцевъ и необходимость имѣть правителей; 2) рѣшеніе пригласить норманновъ и посольство за море; 3) восхваленіе земли; 4) выборы (по жребію?) переселенцевъ; 5) пріѣздъ ихъ тремя отрядами, предводительствуемыми тремя братьями; 6) раздѣлъ земли между этими тремя братьями; 7) младшіе братья умираютъ, старшій становится единовластнымъ начальникомъ края; 8) пришельцы становятся хозяевами края.

Эти черты повторяются въ различныхъ сочетаніяхъ и въ различной степени рельефности въ сказаніяхъ о выселеніи скандинавскихъ или сѣверно-германскихъ дружинъ въ другіе края.

Такъ, въ англо-саксонскомъ сказаніи, въ его болѣе ранней редакціи, въ «Исторіи» Беды (731): «Бриты, томимые внутренними

неустройствами жизни, призываютъ «изъ заморскихъ краевъ» саксовъ для защиты отъ звѣрей и враговъ, и тѣ прибываютъ въ количествѣ 300 человѣкъ на 3 корабляхъ и, поселившись на восточномъ берегу Британіи, побѣждаютъ враговъ бритовъ. Затѣмъ посылаютъ на родину вѣстниковъ съ сообщеніемъ о плодородіи края и пассивности населенія; это извѣстіе вызываетъ прибытіе болѣе значительнаго флота саксовъ, англовъ и ютовъ, въ концѣ концовъ подчиняющихъ себѣ Британію. Въ болѣе позднемъ разсказѣ Видукинда (967), пользовавшагося разсказомъ Беды, развивается главнымъ образомъ мотивъ призванія: Бриты, томимые нападеніями сосѣдей, обращаются къ саксамъ съ призывомъ принять въ свое владѣніе ихъ обширную и пространную землю, обильную всякими благами». Въ другихъ мѣстахъ хроники, внѣ связи съ этимъ сказаніемъ, у него имѣются указанія на то, что саксы подраздѣлялись на три племени и надъ войскомъ у нихъ начальствовали три вождя.

Сказанія о переселеніи норманновъ въ сѣверную Францію развиваютъ причины, побудившія къ выселенію. Чрезвычайное умноженіе населенія, вслѣдствіе безпорядочности половыхъ отношеній, приводитъ къ ссорамъ и усобицамъ, и исходомъ является выселеніе части молодежи по жребію въ чужіе края; «Такъ поступали геты, или готы, обезлюдившіе почти всю Европу», такимъ же образомъ объясняются позднѣйшія выселенія норманновъ. Таковъ наиболѣе пространный разсказъ Дудона изъ Сенъ-Кентенъ (ок. 1015 г.); мотивъ призванія въ немъ и въ другихъ изложеніяхъ совершенно отсутствуетъ: выселенцы ищутъ добычи и силою завоевываютъ себѣ новое отечество; лишь въ одномъ анонимномъ разсказѣ намѣченъ мотивъ призванія: архіепископъ Руана проситъ Роллона принять подъ свою защиту край, владѣть имъ и творить справедливость.

Этотъ мотивъ получаетъ зато особое развитіе въ сказаніяхъ о переселеніи норманновъ въ Сицилію, здѣсь все сводится къ приглашенію населеніемъ норманновъ для защиты отъ враговъ. Въ хроникѣ Амата (ок. 1085г.)туземцы посылаютъ къ нимъ пословъ съ различными фруктами и другими предметами, свидѣтельствующими о богатствѣ и плодородіи ихъ страны, и призываютъ въ этотъ край, «текущій медомъ и молокомъ». Норманны не остаются нечувствительными къ его прелестямъ и начинаютъ постепенно переселяться въ Сицилію, и во время новой войны съ Сарацинами, отрядъ трехъ сыновей Танкреда съ 300 воинами даетъ отпоръ врагамъ. Подобнымъ образомъ описываетъ эту исторію хроника Льва Остійскаго, написанная въ томъ же монастырѣ въ концѣ XI вѣка, но такъ какъ авторъ обнаруживаетъ при этомъ знакомство

съ лонгобардскою легендою о призваніи лонгобардовъ Нарзесомъ, то это возбуждаетъ сомнѣніе, насколько вообще эта нормандская легенда, все сводящая къ призванію, самостоятельна отъ нея. Наоборотъ, въ швейцарскомъ преданіи о скандинавскомъ переселеніи, которое г. Тіандеръ также считаетъ отраслью французско-норманнскаго, какъ и въ нормандскихъ (только въ очень позднихъ обработкахъ и реминисценціяхъ), развиты главнымъ образомъ причины выселенія (голодъ, жеребьевка), мотивъ приглашенія совершенно ослабѣлъ. Г. Тіандеръ видитъ его отзвукъ въ послѣдующемъ призывѣ швейцарцевъ на защиту Рима.

Подобно нормандскому сказанію развиваютъ главнымъ образомъ мотивы выселенія преданія свевскія. Анонимный разсказъ XII в. о выселеніи свевовъ объясняетъ переселеніе голодомъ, постигшемъ ихъ родину гнѣвомъ Божіимъ; въ виду невозможности пропитанія рѣшено было избить молодежь, оставивъ только по одному сыну на семью; одинъ мудрый совѣтчикъ побудилъ замѣнить это избіеніе выселеніемъ за море всѣхъ приговоренныхъ къ смерти. Мотивъ призванія выступаетъ въ дальнѣйшемъ—выселенцы, прибывъ въ Данію и отсюда странствуя по окрестнымъ землямъ, получаютъ приглашеніе отъ короля франковъ помочь ему противъ тюрингенцевъ и, уничтоживъ ихъ, занимаютъ «прекраснѣйшую и обширнѣйшую равнину» Швабіи.

Лонгобардское преданіе, наиболѣе полно изложенное у Павла Діакона, т.-е. во второй половинѣ VIII в., развиваетъ мотивъ выселенія близко къ нормандскому, но съ большимъ богатствомъ легендарнаго содержанія.

На островѣ Скандинавіи населеніе увеличилось до такой степени, что не могло уже прокормиться; тогда жители раздѣляются на три части, и жребій рѣшаетъ, которая изъ нихъ должна оставить родину и искать новыхъ поселеній. Часть, которой жребій предназначаетъ выселеніе, избираетъ себѣ двухъ братьевъ предводителями, но дѣйствіями ихъ руководитъ мудрая мать и доставляетъ имъ побѣду надъ противниками во время странствованія. Мотивъ призванія выступаетъ затѣмъ при окончательномъ переселеніи въ Италію. Лонгобарды въ это время являются федератами римлянъ, и при ихъ содѣйствіи Нарзесъ побѣждаетъ готовъ, но отрѣшенный затѣмъ отъ должности императоромъ, отправляетъ посольство къ лонгобардамъ съ разными фруктами и другими образцами италійской благодати, призывая ихъ притти и завладѣть этою страною, «полною всякихъ богатствъ». Молчаніе другихъ источниковъ объ этомъ приглашеніи лонгобардовъ заставляетъ видѣть въ этомъ разсказѣ отзвукъ все той же переселенческой легенды.

Элементы ея, уцѣлѣвшіе въ этихъ сказаніяхъ, даютъ возможность уловить нѣкоторые остатки переселенческаго сказанія, въ разсказѣ Іорнанда о скитаніяхъ готовъ. Первое переселеніе ихъ не мотивируется, мотивировано только второе—вслѣдствіе возросшаго множества народа приходилось искать новыхъ мѣстъ, удобныхъ для поселенія. Переселеніе рѣшается народнымъ собраніемъ, о жеребьевкѣ не упоминается; переселяется какъ будто весь народъ, но затѣмъ оказывается, что часть остается: готы ѣдутъ на трехъ корабляхъ, но одинъ возвращается обратно; авторъ пробуетъ внести въ разсказъ поправку, что выселялась собственно третья часть населенія, а не наоборотъ. Въ основѣ разсказа о позднѣйшей роли готовъ, какъ римскихъ федератовъ, онъ готовъ предполагать отзвукъ сказанія о призваніи готовъ на помощь Риму, которое могло содержать уже форму, повторяющуюся затѣмъ въ приложеніи къ другимъ народамъ: «земля велика и обильна, а туземцы слабы и бездѣйственны».

Съ другой стороны роль мудрой жены, своимъ покровительствомъ спасающей выселенцевъ въ лонгобардскомъ сказаніи, даетъ возможность связать съ переселенческимъ сказаніемъ позднѣйшія преданія Швеціи и Финляндіи о вызванныхъ голодомъ переселеніяхъ. Посредствующимъ звеномъ можетъ служить Гутоенга, извѣстная въ редакціи XIII в. Потомство трехъ братьевъ, завладѣвшихъ и раздѣлившихъ между собою Готландъ, со временемъ увеличилось настолько, что островъ не въ состояніи былъ прокормить ихъ; тогда жители по жребію выселили каждаго третьяго, предоставивъ выселенцамъ забрать съ собою всю движимость. Поселенцы продвигаются постепенно и черезъ Русь проникаютъ до Греціи. Греческій царь не желаетъ дать имъ разрѣшенія на жительство, но выселенцамъ удается перехитрить его при помощи хитро выдуманнаго обозначенія времени, на которое они выпрашиваютъ у него разрѣшеніе, и благодаря заступничеству царицы. Роль послѣдней здѣсь затемнена; сопоставленіе саги съ шведскими преданіями, записанными въ послѣднее столѣтіе, даетъ возможность ее уяснить. Исходнымъ моментомъ въ нихъ является голодъ: вслѣдствіе его король и народъ рѣшаютъ перебить всѣхъ старыхъ и немощныхъ, въ жертву богу, или просто для сокращенія числа ѣдоковъ. Мудрая женщина или дѣва желаетъ спасти ихъ и успѣваетъ побѣдить сопротивленіе короля, поставившаго ей невозможныя условія (между прочимъ тутъ фигурируетъ то же хитрое обозначеніе времени). Послѣ совѣта король рѣшаетъ вмѣсто избіенія выслать часть населенія (въ нѣкоторыхъ варіантахъ она избирается по жребію); цѣль выселенія—обработка новыхъ, еще невоздѣлан-

ныхъ пространствъ на сѣверѣ. Въ упомянутомъ выше свевскомъ сказаніи мудрую женщину замѣщаетъ мудрый юноша, но роль женщины-матери является, очевидно, болѣе древнею, и г. Тіандеръ возводитъ ее къ первоначальному заступничеству земли-матери за ея дѣтей (с. 82, 129).

Таковъ, въ общихъ чертахъ, литературный матеріалъ, собранный въ книгѣ г. Тіандера; поставивъ его въ связь съ сказаніемъ лѣтописи, онъ дѣйствительно достаточно опредѣленно уяснилъ типическія черты странствующаго переселенческаго сказанія, ходившаго у норманновъ, для объясненія ихъ появленія въ разныхъ странахъ, независимо отъ дѣйствительной обстановки этого послѣдняго. Въ этомъ несомнѣнная цѣнность книги.

Изъ слѣдующихъ элементовъ—причины и порядка выселенія, мотива призванія, восхваленія новой земли—сложилось скандинавское сказаніе. Начало его восходитъ, можетъ быть, къ тому времени, когда римляне, дѣйствительно, стали призывать германцевъ къ себѣ на службу. Позже оно примѣнялось и къ другимъ народамъ (кельтамъ въ Британіи, христіанамъ въ Сициліи, славянамъ въ Россіи), вовсе, должно быть, и не принимавшимъ норманновъ и подпавшимъ подъ ихъ власть безо всякаго приглашенія (с. 95).

Авторъ старается установить ту дѣйствительную, фактическую основу, которая лежитъ подъ варяжскимъ сказаніемъ, и посвящаетъ немало страницъ вопросу о варягахъ и Руси (особ. с. 172 и сл.). Но не здѣсь лежитъ центръ тяжести работы, и мы не будемъ ближе входить въ соображеніе автора по этому вопросу.

М. Грушевскій.

С. Л. Аваліани. Крестьянскій вопросъ въ Закавказьѣ. Т. III. Поселянская реформа и реформа сословно-поземельныхъ отношеній въ мусульманскихъ провинціяхъ. III+180 стр. Одесса. 1914.

Съ выходомъ въ свѣтъ третьяго тома монографіи С. Л. Аваліани, имъ закончена «та историческая часть» изслѣдованія крестьянской и поземельной реформы въ Закавказьѣ, которую авторъ считаетъ «преддверіемъ къ обслѣдованію крестьянскаго вопроса въ Закавказьѣ съ точки зрѣнія динамической;... дальнѣйшему изученію будутъ подлежать тѣ же вопросы въ своемъ развитіи, но по преимуществу со стороны экономической» (см. предисловіе къ III тому).

Вышедшіе ранѣе первый и второй томы содержатъ исторію крестьянской реформы въ Грузіи (Тифлисская и Кутаисская губерніи). Четвертый томъ авторъ предполагаетъ посвятить выкупной операціи, а слѣдующій—пятый—будетъ заключитель-

нымъ для характеристики крестьянской политики русскаго правительства въ Грузіи и Закавказьѣ.

Если учесть относительную бѣдность научной литературы по аграрному, да вообще по экономическимъ вопросамъ Грузіи и Закавказья, зависящую отъ отсутствія мѣстнаго высшаго разсадника науки—университета, а также отъ малочисленности грузиновѣдовъ въ русскихъ университетахъ, трудъ С. Л. Аваліани надо признать заслуживающимъ особаго вниманія какъ спеціалистовъ, такъ и широкаго круга читателей.

Источники труда г. Аваліани—данныя, извлеченныя изъ Архива намѣстника кавказскаго. Въ детальномъ использованіи ихъ у г. Аваліани нѣтъ предшественниковъ, за исключеніемъ Сем. Эсадзе, котораго двухтомная «Историческая записка объ управленіи Кавказомъ», обнимающая гражданское управленіе краемъ отъ присоединенія Грузіи къ Россіи до намѣстничества великаго князя Михаила Николаевича, во многомъ совпадаетъ съ изслѣдованіемъ С. Л. Аваліани (ср. напр. XII главу «Записки» С. Эсадзе съ III томомъ С. Аваліани). Какъ видно изъ заключительной части плана работы, предпринятой г. Аваліани, его цѣль подвести итоги крестьянской политикѣ правителей Кавказа. И хотя спеціально этимъ итогамъ будетъ посвященъ послѣдній томъ монографіи, однако, какъ въ I и II, такъ и въ III томѣ авторъ довольно опредѣленно предвосхищаетъ эти итоги.

Русская власть, говоритъ г. Аваліани, въ противорѣчіе обѣщаніямъ манифеста Александра I отъ 12 сентября 1801 г. «измѣняла вѣковыя туземныя отношенія и правовыя понятія»; она «якобы водворила стройный законопорядокъ въ области, въ которой пользовались архаическимъ *обычнымъ правомъ*»... Но ея «неожиданные акты» порождали въ населеніи «лишь смятеніе—неувѣренность въ твердости своихъ правъ, создавая непріязненныя отношенія... Въ политикѣ русской власти *не было единой*, строгопродуманной *системы*, все было случайно, *хаотично*, ...что неоднократно признавалось и высшей мѣстной и центральной властью».

С. Л. Аваліани, такимъ образомъ, съ одной стороны подчеркиваетъ «архаическій, обычно-правовый» характеръ крѣпостного права и съ нимъ сродныхъ институтовъ Грузіи и Закавказья, а съ другой—рѣшительно отрицаетъ наличность «системы» и продуманности въ «новеллахъ» русскихъ законодателей.

Оба эти утвержденія, несомнѣнно—крайности, плодъ схематическихъ обобщеній. При всей значительной области дѣйствія обычнаго права въ земельныхъ отношеніяхъ Закавказья, нельзя недооцѣнивать законодательнаго кодекса царя Вахтанга (1703—9),

дѣйствовавшаго во всѣхъ грузинскихъ областяхъ до 1840 г. (русскіе, признавъ его «кореннымъ грузинскимъ закономъ», оставили его въ силѣ въ дѣлахъ гражданскихъ почти въ теченіе полувѣка). Точно также «неожиданные» зигзаги въ политикѣ русскихъ «проконсуловъ» Кавказа не даютъ еще основанія совершенно отвергать «системы» въ ихъ актахъ. Общая тенденція, несомнѣнно, была. Это была смахивающая на французскую колоніальную политику система нивеллировки à outrance, уподобленія края сѣверной гражданственности. Потому то и въ концѣ концовъ у кавказскихъ правителей экономика оказалась въ плѣну политики; это болѣе всего справедливо по отношенію къ аграрной реформѣ. Грузинскій крѣпостной институтъ, отличавшійся отъ русскаго такими чертами, какъ допущеніе перехода крестьянъ и распоряженія ими своею собственностью (см. «Хроники» *Ѳ. Жорданія)*, или признаніе «воды, лѣса и травы никому не принадлежащимъ» (по законамъ Вахтанга),—былъ очень далекъ отъ теоріи и практики русскаго крѣпостного права, что недостаточно оттѣнено, къ сожалѣнію, въ монографіи Аваліани. Русская власть, девизомъ которой могутъ служить слова гр. Паскевича—«надлежитъ прежде всего стараться приблизить народъ къ общему духу россіянъ», сразу стала прививать чисто-русскія нормы поземельнаго права и обязанности. Эта прививка съ самаго начала приняла характеръ односторонней привилегіи помѣщичьихъ классовъ: такъ, послѣ крестьянскихъ волненій въ сороковыхъ годахъ, правительство, вмѣсто облегченія положенія крѣпостныхъ, «уравняло» ихъ съ русскими крѣпостными въ правѣ быть ссылаемыми въ Сибирь на поселеніе и отдаваемыми въ рекруты.

Политическую подоплеку такихъ «реформъ» легче всего увидѣть въ новеллахъ кн. М. С. Воронцова, перваго кавказскаго намѣстника (1845—1854). М. С. Воронцовъ былъ руссификаторъ par excellence... Наилучшимъ проводникомъ русскихъ началъ въ жизнь края были признаны, по прежнему, дворянскіе слои. Однако, въ мусульманскихъ областяхъ Закавказья (пять бывшихъ татарскихъ дистанцій Грузіи: Борчалы, Казахъ, Шамшадиль, Помбакъ, Шурагель, провинціи: Карабахъ, Шеки, Ширванъ, Баку, Куба, Ахалцихъ и бывшія ханства), согласно правовымъ традиціямъ ислама, не было подобной грузинскимъ тавадамъ и азнаурамъ родовитой земельной аристократіи. Исламъ не знаетъ лэндъ-лордовъ... Мусульманскіе беки, агалары, мелики были лишь ханскими или султанскими чиновниками, агентами фиска, сборщиками податей, пользуясь вмѣсто жалованья «кормомъ»—частью податей и нѣкоторыми услугами управляемыхъ земледѣль-

цевъ. Выходило, что излюбленная система М. С. Воронцова—руссифицировать народныя массы черезъ ихъ аристократію—не могла найти точки опоры въ мусульманскихъ провинціяхъ. Однако, первый кавказскій намѣстникъ разсудилъ просто: значитъ, надо создать мусульманскую аристократію. И она была создана черезъ годъ послѣ принятія власти М. С. Воронцовымъ!

У С. Л. Аваліани (въ настоящемъ, третьемъ томѣ «Крестьянскаго вопроса въ Закавказьѣ») подробно изложены условія, которыми сопровождался актъ 6 дек. 1846 года, утвердившій за беками и агаларами въ потомственное владѣніе всѣ земли въ районахъ тѣхъ поселеній, которыя, до присоединенія края къ Россіи, управлялись ихъ отцами и дѣдами. Агаларамъ бывшихъ татарскихъ дистанцій Грузіи и бекамъ бывшей Каспійской области были возвращены всѣ права по управленію и владѣнію землями, которыя были отняты у нихъ въ 1840 г. при Головинѣ. 20 апрѣля 1847 г. Воронцовъ провелъ новый проектъ, установившій обязанность поселянъ отбывать слѣдующія повинности въ пользу бековъ и агаларовъ: малджегатъ ($^1/_{10}$ часть урожая), барщина (восемь дней въ году), прислуга (только мужского пола и по очереди семей), эврезъ (земско-общественная повинность). Поселянскіе переходы были ограничены. Агаларамъ и бекамъ былъ ввѣренъ надзоръ не только политическій, но и моральный («наблюдать за нравственностью» поселянъ), а также судъ и расправа надъ поселянами-преступниками.

Такъ, исходя изъ политическихъ соображеній, М. С. Воронцовъ, почти передъ кануномъ освобожденія крестьянъ въ Россіи, создалъ новый кадръ дворянъ и крѣпостныхъ въ мусульманскихъ областяхъ Кавказа.

Характерно, что Николай I былъ всецѣло на сторонѣ намѣстника, и Высочайшій указъ 1846 г. прямо говоритъ о необходимости при опредѣленіи правъ бековъ и агаларовъ примѣняться «къ правамъ, благороднымъ дворянамъ Россійскимъ присвоеннымъ»... Поселяне-мусульмане, чтобы избавиться отъ новопроизведенныхъ дворянъ и ихъ претензій, стали понемногу покидать земли и переселяться въ Турцію...

Освобожденіе крестьянъ въ Россіи, а вслѣдъ за ней и въ Грузіи (въ 1864—67 гг.), сдѣлало невозможнымъ оставленіе въ неприкосновенности правъ бековъ и агаларовъ. Въ *1869 г.* (впрочемъ, *негласно*) былъ составленъ проектъ освобожденія поселянъ мусульманскихъ провинцій и въ слѣдующемъ году онъ былъ утвержденъ государемъ. Поселяне получили усадебную осѣдлость и сады, а также пахотныя и пастбищныя земли, всего

до 5 десятинъ въ надѣлѣ. Повинности въ пользу агаларовъ и бековъ были капитализированы. Для опредѣленія ихъ размѣра, а также для разбора взаимныхъ претензій ввели институтъ мировыхъ посредниковъ. Право переселенія поселянъ было сохранено на основаніи правилъ объ увольненіи крестьянъ изъ обществъ.

Трудъ г. Аваліани будетъ очень полезнымъ пособіемъ для всѣхъ интересующихся аграрными вопросами на Кавказѣ. Однако, окончательныхъ итоговъ земельной политики здѣсь русскаго правительства С. Л. Аваліани еще не подвелъ. Слѣдующіе два тома труда, намѣченные авторомъ (выкупная операція и общая характеристика реформы), будутъ, вѣроятно, съ этой стороны болѣе обобщающими.

Гр. Вешапели.

С. М. Соловьевъ. Записки. Съ портретами. Изд. «Прометей» Н. Н. Михайлова. П. 1915 г. Ц. 2 р.

Записки С. М. Соловьева еще сравнительно недавно были напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы». Не имѣя сами по себѣ особенно большого значенія (не будучи къ тому же окончены), записки даютъ немало однако любопытныхъ чертъ для характеристики университетскаго быта николаевской эпохи и для обрисовки личности знаменитаго русскаго историка. Поэтому онѣ вполнѣ заслуживаютъ отдѣльнаго изданія, хотя въ печати имъ было придано чрезмѣрно большое значеніе. Въ запискахъ, написанныхъ «для дѣтей моихъ, а если можно, и для другихъ», довольно выпукло выступаетъ фигура автора записокъ—человѣка умѣренныхъ взглядовъ, холоднаго по натурѣ и достаточно самомнительнаго. Человѣкъ исключительнаго трудолюбія и знаній, сдѣлавшій своей «Исторіей Россіи» безконечно много для науки и русскаго общества—Соловьевъ не отличался скромностью въ сужденіи о себѣ даже въ молодые годы, аттестуя себя, напр., выдающимся по способностямъ. Зато къ другимъ, подчасъ, Соловьевъ былъ несправедливо строгъ. О Конст. Аксаковѣ, выступившимъ съ критикой на первый томъ исторіи Соловьева, дается, напр., такой отзывъ: «не безъ дарованій, но тупоумный». О знаменитомъ казанскомъ профессорѣ Мейерѣ, личности «замѣчательной» по общимъ отзывамъ, имѣвшемъ огромное вліяніе на молодежь, Соловьевъ довольно пренебрежительно замѣчаетъ: «работалъ страшно много, и только». Происходя изъ духовнаго званія, Соловьевъ довольно рельефно рисуетъ бытъ духовенства и даетъ очень яркую характеристику «деспота, обскуранта и завистника» московскаго Филарета, возведеннаго во святые мнѣніемъ «московскихъ барынь».

Недурны характеристики и послѣдовательно занимавшихъ мѣсто попечителей московскаго учебнаго округа Голицына, Строганова и Голохвастова. Вообще Соловьевъ въ своихъ запискахъ любилъ характеризовать встрѣчавшихся на его житейскомъ пути лицъ, естественно удѣляя преимущественное вниманіе болѣе близкой ему средѣ—университетской. Здѣсь часто сообщаются любопытные штрихи для обрисовки различныхъ современниковъ Соловьева. Записки обрываются на эпохѣ освобожденія крестьянъ. Эти послѣднія страницы показываютъ, какъ умѣренность взглядовъ, присущая аккуратному и осторожному Соловьеву, мѣшала историку объективно отнестись къ моменту и оцѣнить тотъ знаменательный поворотъ, который происходилъ въ русскомъ обществѣ.

Записки С. М. Соловьева выпущены въ отдѣльномъ изданіи книгоиздательствомъ «Прометей». При хорошей внѣшности изданіе въ сущности довольно небрежно. Издательство, какъ и въ ранѣе выпущенныхъ запискахъ жены декабриста Анненкова, не потрудилось даже оговорить, что записки Соловьева уже ранѣе были напечатаны, что можетъ вызвать нѣкоторыя недоразумѣнія у читателей, какъ было съ записками Анненковой. Казалось бы теперь слѣдовало печатая записки отдѣльно, раскрывать иниціалы: едва ли надо рѣзкіе отзывы о Шевыревѣ, Кошелевѣ и др. прикрывать буквами Ш., К. и т. д. Такую pruderie со стороны издательства, вѣроятно, надо просто отнести на счетъ небрежности изданія и отсутствія въ немъ редактора.

С. Мельгуновъ.

М. Алдановъ. Толстой иРолланъ. Т. I. Петроградъ. 1915 г. Стр. 314. Цѣна 2 руб.

РоменъРолланъ. Жизнь Толстого. Переводъ съ французскаго I. Гольденберга. Петроградъ. Изданіе М. И. Семенова. 1915 г. Стр. 248. Цѣна 1 руб. 50 коп.

М. Алдановъ—имя пока неизвѣстное. Но подъ этимъ именемъ вышла книга, представляющая собою крупное явленіе русской критической литературы за послѣдніе годы. Къ достоинствамъ ея слѣдуетъ отнести прежде всего необыкновенную художественность и легкость изложенія. Она читается съ захватывающимъ интересомъ, какъ романъ. Ея изящный языкъ блещетъ мѣткостью выраженій, и искрится неподдѣльнымъ остроуміемъ. Далѣе, авторъ—человѣкъ съ широкимъ литературнымъ образованіемъ и вкусомъ и, кажется, выдающійся знатокъ новѣйшей французской литературы. Все это—качества столь же желательныя въ литературной критикѣ, сколь и рѣдкія, къ сожалѣнію.

Обращаясь къ содержанію книги г. Алданова, приходится отмѣтить сперва, что очень трудно понять, почему онъ соединилъ имена Толстого и Роллана. О послѣднемъ говорится въ книгѣ сравнительно мало, нѣсколько сопоставленій съ Толстымъ, сдѣланныхъ мимоходомъ, не имѣютъ никакого значенія, попытка автора объясниться въ этомъ отношеніи (стр. 32) пока не привела ни къ чему. Можетъ быть, во второмъ томѣ, гдѣ авторъ обѣщаетъ больше говорить о Ролланѣ, этотъ секретъ откроется. Покамѣстъ, кажется, логически автору Ролланъ не нуженъ. Думается, что Ролланъ, Поль Бурже и другіе французскіе романисты, блестящія характеристики которыхъ уронены мимоходомъ, нужны г. Алданову, какъ точки отправленія, какъ фонъ, на которомъ онъ талантливо вырисовываетъ обликъ Толстого, какъ художника и мыслителя.

Напримѣръ, весь отдѣлъ книги «О художественной формѣ» посвященъ Роллану. Но характеристика послѣдняго сдѣлана такъ, что чувствуется на каждомъ тенденція противопоставить слабымъ сторонамъ Роллана мощныя черты русскаго генія. Сдѣлано это очень талантливо, но неужели г. Алдановъ имѣлъ въ виду сдѣлать Роллана козломъ отпущенія?

Большая часть книги носитъ заглавіе «О мышленіи Толстого» и уже не имѣетъ къ Роллану никакого отношенія. Авторъ повсюду вскрываетъ противорѣчіе между мышленіемъ Толстого и его художественной концепціей міра. Хотя это дѣлалось не разъ, но у г. Алданова читатель найдетъ много новаго и талантливо выраженнаго. Авторъ подрываетъ «историческій фатализмъ» *Войны и мира*, подъ который Толстому не удалось художественно подвести такія фигуры, какъ Бергъ, Борисъ Друбецкой; авторъ подмѣчаетъ, что Толстой, какъ безсознательный художникъ, вовсе не пасифистъ: не только въ «Севастопольскихъ разсказахъ» и «Войнѣ и Мирѣ», но и въ «Хаджи Абрекѣ» художникъ захватывающе рисуетъ «радость войны», которую сознательно отрицаетъ, какъ мыслитель. Всѣ попытки Толстого и его критиковъ подвести исторію Анны Карениной подъ опредѣленный нравственный законъ оказываются въ разборѣ г. Алданова несостоятельными; эпиграфъ: «Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ»—звучитъ издѣвательствомъ надъ міромъ и людьми; «и если сокращенно выразить то, что дѣйствительно сказалъ въ своемъ романѣ Л. Толстой, мы получимъ чудовищную формулу: никто изъ этихъ людей не виновенъ и не заслуживаетъ отмщенія, но все же нѣкоторымъ «Азъ воздамъ». (Стр. 179). Въ подобномъ же противорѣчіи находится «Крейцерова Соната» съ ея «Послѣсловіемъ», совершенно не покрывающимъ ея ирраціональнаго содержанія. Вопросъ о смерти, поста-

вленный въ «Смерти Ивана Ильича», не разрѣшенъ, и конецъ этой повѣсти не въ силахъ распутать завязанный ею Гордіевъ узелъ. Все это ведетъ къ раскрытію того факта, что для Л. Толстого—художника жизнь была чѣмъ-то страшно ирраціональнымъ, и это ирраціональное Толстой-мыслитель упорно старался втиснуть въ узкія рамки раціональной системы, въ чемъ и терпѣлъ постоянную неудачу. Это отразилось и на его морали, и на его общественныхъ взглядахъ. «Христіанинъ Толстой доходилъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ до такого издѣвательства надъ людьми, на которое не рѣшался ни одинъ профессіоналъ мизантропіи» (стр. 247). Толстой-теоретикъ училъ добру, но философски оказался безсиленъ доказать, почему *«нада буть добрумъ»*, какъ написалъ мальчикъ Миша въ «Дѣтской Мудрости». Сознательно уклоняясь отъ общественности, Толстой не имѣетъ себѣ равнаго не только въ Россіи, но и въ Европѣ среди писателей, какъ общественная величина.

Такъ какъ художественная концепція міра у Толстого до конца дней его неизмѣримо переростала его тѣсную философію, то онъ и не могъ остановиться на опредѣленной доктринѣ и всегда былъ готовъ сжечь то, чему поклонялся, поклониться тому, что сжигалъ. Вотъ почему никто не можетъ сказать, что понялъ Льва Толстого, вотъ почему несостоятельны всѣ попытки создать «Толстовство».

Вскорѣ послѣ появленія книги г. Алданова «Толстой и Ролланъ» одинъ предпріимчивый издатель поспѣшилъ выпустить книгу Роллана «Жизнь Толстого», обратившись за содѣйствіемъ къ столь же предпріимчивому переводчику. Сама по себѣ эта книга едва ли нужна русскому читателю. Французу она можетъ дать общее понятіе о Толстомъ, да и то—поверхностное. Начать съ того, что авторъ не считаетъ нужнымъ нарисовать тотъ фонъ русской жизни, на которомъ только и можетъ быть понятъ Толстой. Оттого трактовка нѣкоторыхъ вопросовъ отличается хлестаковской «легкостью въ мысляхъ». Напримѣръ, о принятомъ Толстымъ рѣшеніи экспатрировать въ 1872 году, звучащемъ для русскаго читателя огромной трагедіей, сказано въ двухъ словахъ: «Послѣ одного судебнаго процесса (1872 г.) онъ серьезно высказываетъ намѣреніе распродать все, что у него есть въ Россіи и переселиться въ Англію» (стр. 77). Г. Гольденбергъ, переведшій эту книгу, оказался человѣкомъ беззаботнымъ насчетъ литературы: повѣсть «Семейное счастье» онъ упорно титулуетъ: «Супружеское счастье»; Левинъ оказывается героемъ «Войны и Мира», гдѣ разсказана исторія сватовства Льва Николаевича и Софьи Андреевны, и пр. (стр. 58). Если прибавить къ этому множество цензурныхъ пропусковъ, то безполезность изданія, разсчитаннаго на имя Роллана, станетъ очевидной. *Влад. Фишеръ.*

Юрій Соболевъ. О Чеховѣ. Москва. 1915. Издано И. Бѣлоусовымъ. Стр. 71. Ц. 50 к.

Обѣ названныя книжки—одна, принадлежащая извѣстному критику, другая—автору, имя котораго ничего еще не говоритъ читателю,—вызваны появленіемъ новаго тома писемъ Чехова, пользующихся столь заслуженнымъ успѣхомъ. Они—эти письма—представляютъ столь многозначительное явленіе нашей литературы, что слѣдуетъ скорѣе удивляться столь слабой пока количественно реакціи на нихъ въ критикѣ. Помимо того, что они, по словамъ Ю. И. Айхенвальда, «представляютъ собой цѣнный *литературный* памятникъ, *художественную* красоту», въ нихъ неисчерпаемый матеріалъ для изученія личности Чехова, психологіи его творчества и, наконецъ, русской общественной жизни.

Ю. И. Айхенвальдъ подошелъ къ нимъ, какъ къ литературному памятнику, имѣющему художественную цѣнность, и далъ въ своей книжкѣ яркую характеристику личности Чехова, какъ она отразилась въ его письмахъ. Какъ всегда, имѣя дѣло только съ текстомъ памятника, не прибѣгая ни къ какимъ сопоставленіямъ, г. Айхенвальдъ сумѣлъ сгруппировать воспринятыя имъ отдѣльныя черты писемъ въ цѣльный образъ.

Болѣе сложную задачу поставилъ себѣ г. Соболевъ. Первая часть его книги носитъ заглавіе «Творческій путь Чехова. (Опытъ изслѣдованія)». Авторъ задался цѣлью прослѣдить этотъ творческій путь по письмамъ. Г. Соболеву пришлось обратиться и къ существующей литературѣ о Чеховѣ (перечень которой составляетъ вторую часть его книги), и къ произведеніямъ незабвеннаго писателя. Работа сложная, и автору удалось намѣтить лишь общія линіи. Очень интересно подмѣтилъ критикъ, какъ изъ «легкомысленнаго» отношенія къ литературѣ у Чехова получилась та внутренняя свобода, та боязнь всякой тенденціи, благодаря которымъ Чеховъ возвышается (скажемъ отъ себя) надъ самыми крупными величинами русской литературы. Въ 3-ей главѣ авторъ касается техники чеховскаго разсказа; но, къ сожалѣнію, богатыя содержаніемъ бѣглыя замѣчанія Чехова, взятыя изъ его писемъ и разговоровъ, не развиты критикомъ, а только приведены; о техникѣ говорится, но она не вскрывается, не иллюстрируется разборомъ разсказовъ Чехова. Подобныя попытки уже дѣлалъ г. Овсянико-Куликовскій, не имѣвшій еще подъ руками драгоцѣнныхъ писемъ. Послѣднія значительно облегчаютъ благодарную задачу,—но этимъ не воспользовался г. Соболевъ. Только въ послѣднихъ главахъ авторъ пытается подойти къ нѣкоторымъ творческимъ пріемамъ Чехова—экономіи его художественныхъ средствъ, импрессіонизму, объективизму.

Многія замѣчанія автора цѣнны, но въ одно и то же время чувствуется недостатокъ глубины въ опредѣленіяхъ и выводахъ. Напр., на стр. 38 авторъ констатируетъ способъ подхода къ людямъ у Чехова: «отъ внѣшняго къ внутреннему». Приведя сцену изъ разсказа «Попрыгунья», когда Ольга Ивановна смотрится въ зеркало, авторъ говоритъ: «Въ зеркалѣ, отражающемъ повидимому только внѣшнюю реальность, внезапно появилось и другое изображеніе—внутренней сущности человѣка. Желтые воланы на груди, жакетъ съ высокими рукавами, полосы на юбкѣ и ... явлено страшное зрѣлище: гадкая, опустошенная, холодная душа человѣческая». Все это такъ, но намъ извѣстно, что и Л. Толстой тоже шелъ отъ внѣшняго къ внутреннему, и его «ясновидѣніе плоти» стало притчей во языцѣхъ. Въ чемъ же специфическая особенность Чехова? Такъ, авторъ иногда скользитъ по поверхности, и литературный обликъ Чехова выходитъ у него нечеткимъ.

Влад. Фишеръ.

Н. Карѣевъ. Историологія (Теорія историческаго процесса). Петроградъ. 1915. Стр. 320. Цѣна 1 р. 50 к.

Новая книга проф. Карѣева не является безусловной новинкой для русской публики. Уже лѣтъ двадцать съ лишнимъ назадъ имъ былъ выпущенъ большой трудъ подъ заглавіемъ: «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи», трактовавшій отчасти тотъ же вопросъ, что и въ названной книгѣ, т.-е. вопросъ о характерѣ историческаго процесса. Кромѣ того, нѣкоторые изъ затронутыхъ въ «Историологіи» вопросовъ разсматривались и въ другихъ болѣе раннихъ трудахъ автора—въ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи», въ «Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ», во «Введеніи въ изученіе соціологіи» и въ нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ статьяхъ. Въ настоящей книгѣ собраны, систематизированы и представлены въ сокращенномъ видѣ всѣ эти трактовавшіеся и раньше «историологическіе» взгляды автора. Подъ «историологіей» авторъ разумѣетъ исторію, разсматривающую наиболѣе общіе вопросы историческаго процесса, взятаго въ его объективномъ теченіи, безъ отношенія къ какой бы то ни было его оцѣнкѣ и къ способамъ его познаванія нами. Историологія ставитъ себѣ задачи только «научнаго *пониманія* того, какъ совершается всякая исторія, гдѣ бы и когда бы она не происходила». Въ этомъ отношеніи, по терминологіи автора, она отличается и отъ «историки» или теоріи историческаго знанія, изслѣдующей вопросъ о средствахъ, границахъ и возможностяхъ *познанія* нами историческаго процесса, и отъ

«исторіософіи» или философіи исторіи, которая ищетъ *смысла* въ историческомъ процессѣ и разсматриваетъ его примѣнительно къ нашимъ субъективнымъ точкамъ зрѣнія и идеаламъ. Точнѣе и подробнѣе подъ исторіологіей авторъ разумѣетъ вопросъ о томъ, существуютъ ли общіе законы историческаго развитія и что такое означаетъ случайность и свобода въ исторіи, какой характеръ имѣетъ законъ причинности въ примѣненіи къ историческимъ событіямъ, каково взаимоотношеніе личности и общества въ исторіи и въ чемъ заключается вліяніе надорганической среды, географическихъ условій и расовыхъ признаковъ на историческій процессъ; кромѣ того, сюда относятся вопросы объ эволюціи и кризисахъ, объ акціяхъ и реакціяхъ, о борьбѣ индивидуальныхъ и соціальныхъ силъ, объ источникахъ историческихъ перемѣнъ, о взаимодѣйствіи прагматики и культуры, о развитіи «изнутри» и подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, о всемірно-исторической преемственности, о прогрессѣ и регрессѣ въ исторіи. Уже изъ этого краткаго перечня видно, насколько широко захватываетъ мысль автора, какую сложную сумму необходимыхъ и важныхъ для историческаго пониманія вопросовъ онъ поднимаетъ. Не во всемъ можно съ нимъ согласиться и многіе изъ поднятыхъ имъ вопросовъ вызывали прежде и несомнѣнно вызовутъ и теперь много возраженій; спорнымъ является утвержденіе автора, что причинность дѣйствуетъ иначе въ мірѣ человѣческой исторіи, чѣмъ въ мірѣ внѣшнихъ явленій; спорно то, что въ области культуры измѣненія возникаютъ въ эволюціонномъ порядкѣ, а въ области прагматики—въ каузальномъ, какъ спорно самое противоположеніе эволюціонизма и каузализма; спорно и многое другое. Но, не говоря уже о томъ, что въ пониманіи общаго характера историческаго процесса и не можетъ быть безспорныхъ истинъ и всеобщаго согласія, самое опредѣленіе авторомъ исторіологическихъ категорій и темъ и ихъ трактовка, оригинальная и многосторонняя, не могутъ не вызвать во всѣхъ, интересующихся вопросами теоріи исторіи, глубокаго къ себѣ вниманія. Нечего и говорить, конечно, о глубокой зрудиціи проф. Карѣева, многократно имъ доказанной въ его прежнихъ трудахъ и блестяще подкрѣпленной въ настоящемъ, несмотря на то, что авторъ намѣренно выкинулъ изъ него весь ученый аппаратъ цитатъ и примѣчаній и почти всю полемику съ противниками и представилъ свои исторіологическіе взгляды въ наиболѣе простомъ и доступномъ для широкой публики, наименѣе заграможденномъ ссылками и возраженіями, видѣ.

В. Перцевъ.

Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблема). Подъ редакціей профессоровъ М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Изд. т-ва бр. А. и И. Гранатъ. Выпуски 12—15.

О первыхъ выпускахъ издаваемой т-вомъ бр. Гранатъ «Исторіи нашего времени» намъ приходилось уже говорить на страницахъ «Голоса Минувшаго». Настоящіе четыре выпуска, въ которыхъ заканчивается обзоръ европейскихъ государствъ (балканскія и скандинавскія государства) и начинается обзоръ государствъ странъ внѣевропейскихъ (Соединенные Штаты, Канада, Мексика, Австралія), въ общемъ носятъ тотъ же характеръ, какъ и предыдущіе, и служатъ той же цѣли—дать въ доступныхъ очеркахъ свѣдѣнія по современной исторіи каждой страны, необходимыя для оріентировки въ текущихъ событіяхъ, въ текущей политической хроникѣ.

Необходимо однако указать на слѣдующее обстоятельство. «Исторія нашего времени» выходитъ въ свѣтъ довольно медленно, а между тѣмъ событія «нашего времени» идутъ, какъ извѣстно, темпомъ необыкновенно-быстрымъ. Поэтому многое здѣсь уже не современность, а прошлое. Исторія балканскихъ государствъ поэтому успѣла уже «устарѣть». Очеркъ «современной» Турціи писался не только до ея послѣдняго выступленія, но даже до первой балканской войны; Греція, Сербія, Черногорія, Болгарія, Румынія писались или въ началѣ, или въ срединѣ, или въ концѣ 1-й балканской войны. Бухарестскаго договора «Исторія нашего времени» еще не знаетъ. Чувствуется нѣкоторая «устарѣлость» не въ томъ только, что въ это изданіе не успѣли попасть указанныя событія, а въ томъ еще, что послѣ балканскихъ войнъ, послѣ начала міровой войны и событія предшествующія получили другую окраску и характеристика какихъ-нибудь явленій или личностей, казавшаяся пріемлемой годъ-два тому назадъ, теперь уже совершенно невозможна. Читая, напр., живой очеркъ, посвященный Турціи и повѣствующій главнымъ образомъ о младотурецкой революціи, ясно чувствуешь, что теперь такъ оцѣнивать младотурокъ уже нельзя. Обнаруженные ими шовинистическій задоръ и духъ авантюризма, ихъ жестокости по отношенію къ христіанскимъ народностямъ заставляютъ совершенно переоцѣнить цѣнность младотурецкаго движенія. Впрочемъ, авторомъ очерка (г. Бѣлоруссовымъ), который въ общемъ съ симпатіей относится къ младотуркамъ, приводятся все же нѣкоторыя данныя, рисующія «идейный упадокъ политики младотурецкаго комитета», есть признаніе, что управленіе ихъ переходитъ въ деспотію.

Желательно было бы видѣть болѣе подробныя и болѣе обстоятельныя статьи о другихъ балканскихъ государствахъ. Очень

обстоятельный очеркъ посвященъ Румыніи, но авторъ его (ясскій профессоръ Ксенополь), къ сожалѣнію, ограничился почти исключительно изложеніемъ аграрнаго вопроса и аграрныхъ отношеній. Объ иностранной политикѣ Румыніи не говорится ни слова.

Очень интересна большая статья г. Хиллквита о Соединенныхъ Штатахъ. Изданіе попрежнему хорошо иллюстрировано.

Н. Губскій.

Э. Лависсъ. Очерки по исторіи Пруссіи. Переводъ А. Тимофеевой. Изданіе 2-е. Москва, 1915. Стр. 325. Цѣна 1 р. 25 к.

Извѣстная книга Лависса по исторіи Пруссіи охватываетъ время отъ зарожденія нѣмецкаго господства на пескахъ бранденбурга при асканійскихъ маркграфахъ XII и XIII стол. и отъ завоеванія пруссовъ тевтонскими рыцарями въ XIII стол.—до начала XIX столѣтія, заканчиваясь главой объ основаніи Берлинскаго университета. Главной задачей автора было не столько дать связное и послѣдовательное изложеніе историческихъ судебъ Бранденбурго-прусскаго государства, сколько выяснить историческій генезисъ двухъ его главныхъ половинъ—Бранденбурга и Пруссіи и указать, какія старыя традиціи своей политики завѣщали новому времени асканійскіе маркграфы, бранденбургскіе курфюрсты, тевтонскіе гросмейстеры и прусскіе герцоги. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, центръ тяжести книги Лависса лежитъ въ характеристикѣ болѣе древнихъ временъ; имъ же удѣлена и большая часть книги: изъ 300 съ лишнимъ страницъ около 200 стр. относится къ исторіи XII—XVI стол. и только нѣсколько болѣе 100 стр. посвящены XVII, XVIII и началу XIX в.в. Но авторъ сумѣлъ придать своему изложенію такой характеръ, что у читателя все время стоитъ передъ глазами современная Пруссія, отчасти даже послѣднихъ мѣсяцевъ и дней своего историческаго существованія, и, благодаря этому, многія мѣста его книги получаютъ интересъ не только современности, но и злободневности. Съ необычайной ясностью и колоритностью, присущей вообще блестящему перу французскаго историка, онъ рисуетъ основные черты дѣятельности маркграфовъ, дерзко и настойчиво захватывавшихъ все, что лежитъ плохо, энергично вмѣшивающихся въ жизнь своего народа, скупыхъ и въ то же время вѣчно занятыхъ финансовыми заботами, ревностно преданныхъ военному дѣлу и ни во что не ставящихъ умственные интересы. Также и въ главахъ, посвященныхъ тевтонскому ордену, передъ нами выступаетъ солдатская страна, съ большою ролью землевладѣльческаго сословія, и въ то же время съ хорошимъ чиновничествомъ, съ госу-

дарями, видящими въ войнѣ свою божественную миссію и жадно хватающимися за всякаго рода техническія усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ. Авторъ прекрасно характеризуетъ искусственность созданія государствъ и въ Пруссіи, и въ Бранденбургѣ; и тамъ, и здѣсь планомѣрная дѣятельность энергичныхъ и настойчивыхъ властей перевѣшивала созидательную работу самихъ народовъ; и тамъ, и здѣсь государство создавалось истребленіемъ покоренныхъ народовъ—литовцевъ и славянъ; въ результатѣ и на берегахъ Эльбы, и на берегахъ Вислы рано создались государства въ современномъ смыслѣ слова съ цѣпкимъ и выносливымъ населеніемъ, «нелегко выпускающимъ изъ рукъ плоды своей работы», но и несклоннымъ щадить тѣхъ, кто подпалъ подъ тяжелое колесо его историческаго хода. Въ яркихъ, обильныхъ выдержками изъ источниковъ картинахъ, нарисованныхъ авторомъ относительно Бранденбурго-прусскаго средневѣковья, читатель узнаетъ много чертъ изъ современной исторіи Пруссіи, а также и Германіи, которую, по словамъ Лависса, Пруссія увлекла на путь своей политики. Даже такая военно-техническая подробность, какъ исключительное вниманіе къ тяжелой артиллеріи,—и та выступаетъ почти съ одинаковой силой въ современной Германіи и въ исторіи тевтонскаго ордена конца среднихъ вѣковъ: еще въ XIV и XV стол. тевтонскій орденъ гордился своимъ умѣніемъ отливать пушки чудовищныхъ размѣровъ, и въ самомъ началѣ XV в. у нихъ была отлита самая большая пушка въ мірѣ, «подобной которой», по замѣчанію современнаго лѣтописца, «было бы тщетно искать въ Германіи, въ Польшѣ и въ Венгріи».

Авторъ не скупится на подобныя аналогіи между старой и новой Пруссіей и съ большой настойчивостью подчеркиваетъ ихъ назидательное значеніе. «Знаніе той страны», говоритъ онъ о Бранденбургѣ, «необходимо» тому, кто хочетъ понимать причины важнѣйшихъ современныхъ событій». И, дѣйствительно, многія черты современной прусско-германской политики получаютъ въ книгѣ Лависса блестящее историческое обоснованіе. Интересная сама по себѣ, она получаетъ особенный интересъ именно въ наши дни. И потому-то можно надѣяться, что читатель не пройдетъ мимо этой книги.

Переводъ исполненъ хорошо. *В. Перцевъ.*

Проф. М. И. Ростовцевъ. Античная декоративная живопись на югѣ Россіи. Текстъ. Т. I. Описаніе и изслѣдованіе памятниковъ. СПБ. Изд. Имп. Археол. Комиссіи, с. XVIII+537, in folio. Ц. 40 руб.

Имп. Археологическая Комиссія достойно издала трудъ проф. М. И. Ростовцева, заглавіе котораго приведено выше.

Трудъ снабженъ приложеніемъ съ таблицами, также въ листъ, воспроизводящими въ краскахъ памятники античной живописи, сохранившіеся на югѣ Россіи. Независимо отъ научной талантливости автора, самая сущность его труда,—судьбы греческой и римской культуры и юга Россіи въ періодѣ отъ VI в. до Р. Хр. по V вѣкъ по Р. Хр.,—настолько интересна, что большой томъ прочитывается легко и несмотря на спеціальность нѣкоторыхъ темъ, трактуемыхъ авторомъ. Главная часть труда посвящена исторіи искусства, исторіи живописи. Главная заслуга автора—та система, которую онъ вноситъ въ груды сырого, безформеннаго, мало обслѣдованнаго или, иногда, совсѣмъ не изслѣдованнаго матеріала по исторіи античнаго искусства на югѣ Россіи. Эта заслуга тѣмъ важнѣе, тѣмъ осязательнѣе, что авторъ вовсе не является работникомъ, объединяющимъ многочисленные труды предшествующихъ изслѣдователей въ томъ же направленіи. Совсѣмъ наоборотъ: пришлось часто продѣлывать заново работу по изслѣдованію памятниковъ, уже продѣланную ранѣе, но неудовлетворительно, другими. Масса памятниковъ изучена совершенно заново. Мало того, самое мѣстонахожденіе памятниковъ, уже описанныхъ, часто оказывалось забытымъ. Матеріалы вспомогательные (реквизитъ расписныхъ гробницъ) оказывались еще необслѣдованными полностью или были обслѣдованы неудовлетворительно. Пришлось продѣлать работу колоссальную: во-первыхъ, изучить всѣ груды печатнаго матеріала о расписныхъ античныхъ гробницахъ, найденныхъ на югѣ Россіи. Затѣмъ—изучить всѣ архивные матеріалы Имп. Археол. Комиссіи, донесенія, рисунки, обмѣры etc. Необходимо было далѣе совершить рядъ путешествій для разысканія и изученія самихъ памятниковъ. Многіе изъ нихъ оказались уничтоженными, засыпанными землей, погибшими безслѣдно, поврежденными, просто позабытыми. Охранялись лишь немногіе. Пришлось заново обмѣрять, сфотографировать, снять въ краскахъ уцѣлѣвшіе памятники. По поводу каждаго изъ нихъ сдѣлать спеціальное изслѣдованіе, т.-е. не только проанализировать составные элементы художественнаго характера, но и провѣрить заново весь матеріалъ историческій: монеты, оружіе, керамику, остатки одежды, золотыя украшенія, и т. п. Датировка вещей, изученіе ихъ повели къ необходимости цѣлыхъ особыхъ экскурсовъ въ область, лежавшую внѣ темы труда. Пришлось написать отдѣльныя изслѣдованія,—о погребальныхъ колесницахъ и обрядѣ погребенія, о деревянныхъ саркофагахъ и ихъ архитектурѣ; о гробницахъ со скульптурой; о костюмѣ и обо всѣхъ видахъ вооруженія жителей юга Россіи въ періодъ VI в.

до Р. Х.—V в. по Р. Хр.; о героическомъ культѣ, объ изображеніяхъ боя коннаго и пѣшаго; о музыкальныхъ инструментахъ античнаго міра вообще и на Боспорѣ въ частности; объ изображеніи звѣрей и деревьевъ въ античной живописи на Боспорѣ и на Востокѣ; объ орфизмѣ, объ элевсинскомъ культѣ, о солярныхъ религіяхъ Греціи и Востока, о культѣ Сабазія и о значеніи его въ дѣлѣ распространенія христіанства на югѣ Россіи. Наконецъ, пр ф. Ростовцевъ не ограничился лишь живописью Боспора, но изслѣдовалъ также христіанское искусство въ Херсонесѣ и, съ цѣлью выяснить его источники, сдѣлалъ цѣлое изслѣдованіе о христіанской живописи въ катакомбахъ, внѣ Рима лежащихъ (въ Неаполѣ, на сѣверѣ Африки, на Востокѣ, и, вообще, на всей почвѣ древнеримскаго міра).

Предметомъ изслѣдованія проф. Ростовцева является живопись исключительно *декоративная*. Причина этого вполнѣ понятна. Станковыя картины, къ сожалѣнію, не сохранились. Кромѣ того, очень мало осталось и расписныхъ домовъ, точнѣе фрагментовъ росписи жилыхъ домовъ. Немногіе остатки въ Ольвіи и Пантикапеѣ почти не могутъ итти въ счетъ. Вотъ почему, почти исключительно, матеріаломъ изслѣдованія послужила роспись тѣхъ большихъ погребальныхъ камеръ или склеповъ, которые найдены были въ большомъ количествѣ въ предѣлахъ Боспорскаго царства (въ Кубанской области и въ районѣ Керчи).

Изслѣдуя южно-русскую (собственно античную, греко-варварскую) живопись съ IV в. до Р. Х. по IV в. по Р. Хр., пр. Ростовцевъ, по поводу каждаго стиля, болѣе того, по поводу каждаго памятника привлекаетъ сравнительный матеріалъ всего эллинистическаго и эллинистически-римскаго міра. Это обстоятельство превращаетъ его трудъ въ изслѣдованіе по исторіи живописи эллинистическаго міра, въ его цѣломъ. Первою эпохою въ исторіи античной живописи на югѣ Россіи пр. Ростовцевъ считаетъ эпоху «*ранняго эллинизма*». Роспись этой эпохи проф. Ростовцевъ называетъ «*исодомной*», указывая этимъ названіемъ на подражаніе росписи кладкѣ стѣны жилого дома. Этотъ первый стиль охватываетъ на югѣ Россіи эпоху отъ конца V-го до начала II в. до Р. Хр. Проф. Ростовцевъ на южно-русскомъ матеріалѣ доказываетъ, что декорировка гробницъ есть подраженіе декорировкѣ стѣнъ дома, а эволюція росписи гробницъ тѣсно связана съ эволюціей структуры стѣны дома въ Греціи и на Востокѣ.

Вторая большая эпоха—это эпоха «*поздняго эллинизма*», охватывающая II и I вв. до Р. Х. и первую половину I-го в. по Р. Х. и носящая у проф. Ростовцева названіе эпохи «*псевдоисодомнаго*

стиля». Сохраняя, въ общемъ, принципъ подражанія кладкѣ стѣны, роспись псевдоисодомная придерживается не особенно строго этого начала, позволяя себѣ заполнять полосы квадровъ чисто живописными натуралистическими изображеніями растеній, животныхъ, фигуръ. Одинъ изъ наиболѣе характерныхъ склеповъ этой эпохи расписанъ изображеніями борьбы пигмеевъ съ журавлями и птичекъ. Стиль фигуръ—это тотъ эллинистическій иллюзіонизмъ, который нашелъ себѣ широкое примѣненіе и на вазахъ, и на живописныхъ надгробныхъ стелахъ, и въ росписи делосскихъ домовъ и опредѣлилъ собою, впослѣдствіи, широкую и важную струю въ исторіи живописи, иллюстрируемую жанровыми картинками Помпеи, фризами тѣхъ же помпеянскихъ росписей и, особенно, всею живописью ранняго періода римскихъ христіанскихъ катакомбъ. Это не пленэристическій, а условный иллюзіонизмъ. Въ склепахъ этой эпохи есть цѣлыя группы фигуръ (похищеніе Деметры, фигуры геніевъ. женщинъ и т. п.), есть, наконецъ, пейзажъ. Условный реализмъ сценъ, довольно тщательный, не переходитъ, однако, въ римскую портретность. Гамма красокъ сначала бѣдная и суровая становится позже все болѣе нѣжной и богатой (появляются краски: свѣтлорозовая, свѣтлоголубая, свѣтлозеленая, свѣтложелтая и др. столь характерныя для поздняго эллинизма).

Слѣдующая большая эпоха въ исторіи декоративной живописи носитъ у проф. Ростовцева названіе *«эпохи римскаго императорскаго времени»*, когда Боспоръ подпалъ если не подъ власть, то подъ протекторатъ римской имперіи. Въ эту эпоху авторъ устанавливаетъ три стиля: 1) *цвѣточный*, 2) *инкрустаціонный*, 3) *смѣшанный* (цвѣточно-инкрустаціонный). Принципъ цвѣточнаго стиля состоитъ въ заполненіи большихъ пространствъ стѣны и, особенно, плафона лепестками цвѣтовъ, цвѣтами, изображеніями птицъ и т. п. Мѣсто происхожденія этого стиля—Египетъ. Фигуры въ живописи этой эпохи показываютъ регрессъ, варварскую архаизацію, неспособность изобразить движеніе. Однако исполненіе головъ этихъ фигуръ съ глубокими, горячими глазами показываетъ экспрессію и своеобразную эффектность грубой, но патетической живописи. Но, если слабы фигуры, то орнаментальная сторона декорировки безупречна. Архитектурное дѣленіе стѣны, тѣмъ болѣе, плафона—отсутствуетъ.

Инкрустаціонный стиль заключается въ томъ, что стѣны украшены воспроизведенными въ краскахъ мраморными плитами, при чемъ эти плиты инкрустированы вставками въ видѣ геометрическихъ фигуръ.

Наиболѣе оригинальной и богатой формой росписи римскаго

императорскаго времени на Боспорѣ являются памятники *смѣшаннаго* стиля. Здѣсь смѣшиваются тяжелый, но блестящій инкрустаціонный стиль, пришедшій изъ Каріи, и легкій цвѣточный. Самыя богатыя, самыя пышныя гробницы въ этомъ стилѣ описаны В. В. Стасовымъ (1872 г.) и Ашикомъ (1841 г.). Богатство выражается не только въ блестящей мраморировкѣ и цвѣточныхъ плафонахъ и въ массовыхъ сценахъ, изображающихъ конный бой, пѣшихъ воиновъ, бытовыя и религіозныя сцены. Въ сценахъ этихъ—все тотъ же обстановочный реализмъ и художественная безпомощность. Замѣчательно, что животныя переданы лучше людей. Преобладаніе этнографически-бытовыхъ сюжетовъ надъ религіозными говоритъ о сильной національной струѣ въ жизни Боспора.

Послѣдняя эпоха искусства на Боспорѣ—эпоха крайняго упадка живописной техники—связана съ *геометрическимъ* стилемъ. Признаки стиля: раскраска по грунту, безъ штукатурки; крайняя примитивность и варварскій характеръ изображеній, бѣдность красочной гаммы (красная и черная краски), и—главное—сведеніе бѣднаго орнамента къ простѣйшимъ линіямъ: зигзагъ, треугольникъ, точка. Эта эпоха даетъ лишь бордюры изъ зигзаговъ или треуголиниковъ между двумя параллельными линіями; да грубыя фигурки людей, звѣрей и изображенія кораблей.

Совершенно особнякомъ стоитъ древнехристіанская живопись Херсонеса IV—V вв. по Р. Хр., не имѣющая тѣсной связи съ античною живописью Пантикапея и античнаго Херсонеса, пришедшая сюда не изъ Византіи, а непосредственно изъ Сиріи и Палестины. По внутреннему содержанію это—смѣшанный, цвѣточно-инкрустаціонный стиль, столь характерный для христіанскаго Востока.

Итакъ, предъ нами результаты труда, обнимающаго девять вѣковъ (отъ IV в. до Р. Хр.—V в. по Р. Хр.). Этотъ трудъ обогащаетъ не только науку введенія въ русскую исторію, но и науку исторіи искусства, античной археологіи, исторію античной культуры на восточной периферіи древняго міра. Изданіе резюмэ выводовъ автора, снабженное хотя бы немногими иллюстраціями, но доступное публикѣ,—положительно необходимо.

Сергѣй Сватиковъ.

Finkel, Ludw. Bibliografia Historyi Polskiej. Dodatek II. Zeszyt 1. Kraków, 1914. 174 стр.

Настоящій выпускъ представляетъ собой продолженіе классическаго труда Finkel'а по библіографіи польской исторіи, начатаго еще въ 90-хъ годахъ и составляющаго въ настоящее

время три объемистыхъ тома, въ которыхъ обзоръ исторической литературы доведенъ до 1900 г. включительно.

Новое прибавленіе начинаетъ собой библіографическій обзоръ исторической литературы съ 1901 по 1910 г. включительно, Разсматриваемая нами 1-ая часть этого прибавленія имѣетъ самостоятельный характеръ, такъ какъ она посвящена особому отдѣлу, а именно—обозрѣнію историческихъ источниковъ.

Матеріалъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) описаніе архивовъ и библіотекъ, 2) вспомогательныя науки (хронологія, дипломатія, нумизматика и т. д.). Эти отдѣлы составляютъ вступленіе. Далѣе идетъ въ собственномъ смыслѣ обзоръ источниковъ, которые подраздѣляются на документы и хроники (сюда не входятъ мемуары), при чемъ въ каждой изъ названныхъ группъ матеріалъ располагается сперва въ систематическомъ, а затѣмъ въ хронологическомъ порядкѣ. Такое расположеніе представляетъ большія удобства при пользованіи этимъ библіографическимъ трудомъ. Что касается самаго содержанія книги, то, не входя въ подробное разсмотрѣніе его, отмѣтимъ большую полноту собранныхъ матеріаловъ. Прилагая широкій масштабъ къ своему обзору, составитель даетъ рядъ матеріаловъ, представляющихъ интересъ для исторіи славянства вообще. Слѣдуетъ также отмѣтить, что съ особой заботливостью составителемъ приведена русская историческая литература, имѣющая хотя бы отдаленное отношеніе къ исторіи Польши. Вообще трудъ Finkel'а для русскаго историка представляетъ большой интересъ, въ особенности въ тѣхъ вопросахъ, которые касаются взаимоотношенія Россіи и Польши.

А. Калишевскій.

Замѣчательный трудъ англійскаго ученаго по исторіи Россіи.

Въ прошломъ году въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ появился обширный трудъ англійскаго ученаго Джемса Мэйвора «Экономическая исторія Россіи». Первый томъ посвященъ исторіи крѣпостного права и его паденія, во второмъ авторъ говоритъ о промышленности и революціи [1]). Изъ прежнихъ книгъ о Россіи на англійскомъ языкѣ въ свое время имѣла значеніе извѣстная книга Wallace'а, переведенная и на русскій языкъ; изъ позднѣйшихъ заслуживаютъ упоминанія многочисленныя произве-

[1]) *Iames Mavor.* An economie history of Russia. Vol. I The rise and fall of bondage right (XXXII+614 p.), Vol. II Industry and revolution. (XXII+630 p.)

денія, написанныя на англійскомъ языкѣ Степнякомъ (Кравчинскимъ), а затѣмъ Russia and its crisis П. Н. Милюкова (его лекціи, читанныя въ 1903 г. въ Америкѣ, въ университетѣ въ Чикаго; Chicago and London, 1905), но ничего подобнаго книгѣ Мэйвора по обширности плана на этомъ языкѣ по исторіи Россіи не появлялось.

Профессоръ Мэйворъ, по происхожденію шотландецъ, свою научную дѣятельность началъ въ University College въ Глазго, 35 или 40 лѣтъ тому назадъ, преподаваніемъ политической экономіи и государственнаго права («Constutional History»). Лѣтъ 25 тому назадъ онъ былъ приглашенъ на каѳедру политической экономіи въ университетѣ Торонто въ Канадѣ. Интересъ Мэйвора къ нашей родинѣ вызванъ во-первыхъ ея своеобразіемъ, а во вторыхъ тѣми близкими связями, которыя имѣли съ Россіей его предки: его бабка лѣтъ 20 жила въ Петербургѣ, его дѣдъ велъ значительную торговлю съ Россіей, вывозя изъ нея лѣсъ, пеньку, ленъ и т. п. Это всегда побуждало профессора Мэйвора искать встрѣчи съ русскими, живущими за-границей. Въ его домѣ въ Англіи часто бывалъ въ свое время Степнякъ (Кравчинскій); очень сблизился Мэйворъ и съ П. А. Кропоткинымъ съ тѣхъ поръ, какъ тотъ впервые пріѣхалъ въ Англію. Переселившись въ Канаду, Мйэворъ и тамъ искалъ встрѣчи съ русскими интеллигентами, и это сближеніе и дало ему возможность совершить свой огромный трудъ, такъ какъ съ русскою научною литературою онъ ознакомился посредствомъ устныхъ переводовъ своихъ русскихъ помощниковъ [1]).

Когда въ кружкѣ Л. Н. Толстого и Черткова возникла мысль о переселеніи духоборовъ въ Америку, Чертковъ обратился къ П. А. Кропоткину съ просьбой содѣйствовать чрезъ англійскихъ друзей Кропоткина осуществленію этой мысли, Мэйворъ состоялъ тогда консультантомъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ Канадѣ по вопросамъ иммиграціи, и потому именно къ нему обратился Кропоткинъ. Такимъ образомъ въ устройствѣ переселенія духоборовъ въ Америку проф. Мэйворъ игралъ одну изъ главныхъ ролей. Въ связи съ этимъ дѣломъ онъ близко познакомился съ Чертковымъ, а также и съ самимъ Толстымъ. Въ 1901 или 1902 г. онъ впервые посѣтилъ Россію и около десяти дней прожилъ въ Ясной Полянѣ. Второй разъ онъ былъ въ Россіи въ 1910 г. и про-

---

[1]) Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ заявляетъ, что чувствуетъ себя «особенно обязаннымъ П. П. Николаеву изъ Москвы, который съ самоотверженіемъ и большими знаніями въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оказывалъ ему помощь въ переводахъ, изслѣдованіяхъ и проч.».

велъ около двухъ мѣсяцевъ въ Москвѣ, Крыму, въ Южной Россіи и въ Петербургѣ [1]).

Первый томъ труда Мэйвора посвященъ исторіи крестьянъ, промышленныхъ рабочихъ и крестьянскаго вопроса до паденія крѣпостного права включительно. Онъ основанъ главнымъ образомъ на трудахъ Ключевскаго [2]), пишущаго эти строки, А. А. Корнилова и проф. Туганъ-Барановскаго. Съ особенною подробностію говоритъ авторъ о второй половинѣ XVIII в. и первыхъ шести десятилѣтіяхъ XIX в. Здѣсь читатель найдетъ обстоятельныя свѣдѣнія о крестьянахъ помѣщичьихъ, церковныхъ учрежденій, дворцоваго вѣдомства, половникахъ, однодворцахъ, старыхъ службъ служилыхъ людяхъ, волненіяхъ крестьянъ, подготовкѣ паденія крѣпостного права при Екатеринѣ, Павлѣ, Александрѣ I, Николаѣ I и Александрѣ II, о казенныхъ и поссессіонныхъ фабрикахъ и ихъ рабочихъ, о кустаряхъ, промышленной и торговой политикѣ правительства. Авторъ полагаетъ, что изученіе прошлаго Россіи крайне важно и необходимо для всѣхъ интересующихся экономическою исторіею вообще (т. I, стр. X), и громадное большинство даваемыхъ имъ свѣдѣній будетъ совершенною новостью въ англійской исторической литературѣ. Но для Россіи этотъ I томъ имѣетъ гораздо меньшее значеніе, такъ какъ русскіе читатели предпочтутъ обратиться къ тѣмъ русскимъ сочиненіямъ, которыя положены авторомъ въ основу его перваго тома.

Напротивъ, почти весь второй томъ имѣетъ большое значеніе и для русскихъ читателей, и потому я подробно укажу его содержаніе. Разсматривая здѣсь революціонныя теченія и народныя движенія въ Россіи, авторъ говоритъ о Разинѣ и Пугачевѣ, декабристахъ, Кирилло-Меѳодьевскомъ обществѣ, революціонныхъ теченіяхъ въ шестидесятыхъ годахъ, о вліяніи западнаго соціализма на русское общественное движеніе, о «хожденіи въ народъ», «Народной Волѣ», о послѣдовавшей затѣмъ реакціи, соціалъ-демократическомъ и соціалъ-революціонномъ движеніяхъ, о «полицейскомъ

---

[1]) Въ этомъ году онъ совершилъ въ теченіе 5 или 6 мѣсяцевъ кругосвѣтное путешествіе (Ванкуверъ, Японія, Китай, Манчжурія, Сибирь, Европейская Россія, Лондонъ, Ливерпуль, Нью-Іоркъ, Торонто). Замѣчу еще, что проф. Мэйворъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей извѣстнаго ученаго Элизе Реклю. Свѣдѣнія о жизни проф. Мэйвора сообщены мнѣ Пант. Ник. Николаевымъ, которому и приношу мою признательность.

[2]) На трудахъ Ключевскаго не остановилось изученіе исторіи крестьянъ болѣе стараго времени и было бы желательно, чтобы авторъ воспользовался результатами работъ по этому предмету М. А. Дьяконова, А. С. Лаппо-Данилевскаго и др., хотя бы въ наиболѣе обобщенной ихъ формѣ. См. *Дьяконовъ* «Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси», изд. 3-е. Спб. 1910, и статью *Лаппо-Данилевскаго* «Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія Россіи» въ сборникѣ «Крестьянскій строй», т. I, изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого, Спб. 1905.

соціализмѣ» и такъ называемой «зубатовщинѣ», объ еврейскихъ погромахъ, о политикѣ Россіи на дальнемъ Востокѣ, о крестьянахъ и земледѣліи послѣ паденія крѣпостного права, о крестьянскомъ союзѣ и волненіяхъ крестьянъ, о законѣ 9 ноября 1906 г., о промышленности, фабричномъ законодательствѣ, рабочей платѣ и жилищахъ рабочихъ, рабочемъ движеніи и синдикатахъ предпринимателей, стачечномъ движеніи на югѣ Россіи въ 1903 г., о движеніи рабочихъ, вызванномъ свящ. Гапономъ, о стачечномъ движеніи въ 1905 г. и всеобщей стачкѣ въ октябрѣ этого года, о контръ-революціи 1905—6 г., о движеніи и возстаніяхъ въ арміи и флотѣ, о совѣтѣ рабочихъ депутатовъ въ Петербургѣ и второй всеобщей стачкѣ (2—7 ноября 1905 г.), о борьбѣ за 8-часовой рабочій день, о московскомъ возстаніи (9—14 ноября 1905 г.), волненіяхъ на Уралѣ въ 1907 г., о политической полиціи и дѣлѣ Азефа.

Излагая исторію послѣдняго тридцатилѣтія, авторъ использовалъ огромную литературу, и при томъ сочиненія, появившіяся не только въ Россіи, но и за границей, очень часто онъ пользуется и первоисточниками.

Нечего и говорить о томъ, что проф. Мэйворъ, въ отличіе отъ авторовъ многихъ другихъ новѣйшихъ англійскихъ сочиненій о Россіи, проникнутъ самыми прогрессивными взглядами: онъ хорошо понимаетъ весь тотъ вредъ, который принесъ Россіи абсолютизмъ, замедлившій ея развитіе (т. I, стр. X), онъ отдаетъ себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ томъ великомъ ущербѣ, который причинила Россіи политическая ссылка, лишавшая возможности плодотворной дѣятельности ея лучшихъ людей (II, 72—73); онъ рѣзко осуждаетъ жестокую и безтактную расправу съ рабочими 9 января 1905 года и вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ полезныя послѣдствія того разочарованія, которое принесъ народу этотъ день (II, 467); онъ правильно понимаетъ и извѣстныя литературныя произведенія, какъ, напр., когда говоритъ о «Вѣхахъ», какъ о явленіи, вызванномъ реакціею (II, 593—594) [1].

Но, вполнѣ признавая большія достоинства труда автора и весьма серіозное значеніе его сочиненія для Западной Европы и Америки, а второго тома и для Россіи, я считаю необходимымъ указать и на его недостатки.

Самымъ крупнымъ дефектомъ второго тома, по моему мнѣнію, является крайне недостаточное вниманіе автора къ совре-

---

[1]) Въ настоящее время проф. Мэйворъ собираетъ матеріалъ для третьяго тома, въ которомъ будетъ и ти рѣчь о финансахъ, торговлѣ, путяхъ сообщенія и промышленности. Для работы надъ этимъ томомъ онъ предполагаетъ еще разъ посѣтить Россію.

менному общинному землевладѣнію въ Россіи, такъ хорошо изученному у насъ въ послѣднія три-четыре десятилѣтія. По вопросу о передѣлахъ земли авторъ довольствуется краткими сообщеніями, полученными отъ крестьянъ двухъ мѣстностей Россіи: Бѣлозерскаго уѣзда, Новгородской губерніи и Саратовской губерніи (II, 273—275). Было бы можетъ быть жестоко требовать отъ профессора Мэйвора изслѣдованія этого предмета по первоисточникамъ (по земскимъ статистическимъ сборникамъ), но въ извѣстныхъ трудахъ В. В. Качоровскаго и А. А. Кауфмана онъ могъ бы найти достаточный для его цѣли запасъ свѣдѣній по этому предмету. Очень слаба и маленькая глава о законѣ 9 ноября 1906 г. (II, 340—345).

Отмѣтимъ еще малое знакомство автора съ исторіей декабристовъ. Хотя онъ и называетъ одно изъ главныхъ пособій по этому предмету, но видимо не успѣлъ съ нимъ ознакомиться, такъ какъ дѣлаетъ относительно декабристовъ рядъ ошибочныхъ утвержденій. Онъ предписываетъ всему этому движенію «аристократическій» характеръ, что обнаруживаетъ незнакомство автора со взглядами Пестеля, онъ полагаетъ, что нѣкоторые изъ декабристовъ мечтали о федеральной системѣ городскихъ республикъ, «какъ было во время до призванія варяговъ» (II, 64), онъ напрасно находитъ сходство въ идеяхъ Пестеля и Сенъ-Симона (II, 590), онъ ошибочно думаетъ, что гр. М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ и М. Ѳ. Орловъ учились въ Геттингенѣ (II, 63); нѣкоторые декабристы, вопреки утвержденію автора (II, 251), какъ напр. Н. И. Тургеневъ, имѣли непосредственныя отношенія съ крестьянами. Правда, они не вели среди нихъ пропаганды, но зато нѣкоторые члены Южнаго Общества старались распропагандировать солдатъ. Если бы авторъ ближе ознакомился съ обществомъ Соединенныхъ Славянъ, то не назвалъ бы Н. И. Костомарова первымъ панславистомъ (II, 65).

Такъ какъ трудъ проф. Мэйвора имѣетъ большой успѣхъ и скоро можетъ потребоваться новое его изданіе, то отмѣчу и нѣкоторые другіе недосмотры, чтобъ побудить автора исправить ихъ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ русское юношество не интересовалось физіократами, мать Герцена не была француженкой, Герценъ умеръ не въ Швейцаріи, а въ Парижѣ (II, 66). О Петрашевскомъ и Петрашевцахъ авторъ даетъ лишь нѣсколько строкъ (II, 66), отсылая къ нѣкоторымъ пособіямъ, и совсѣмъ умалчиваетъ о нихъ тамъ, гдѣ слѣдовало бы говорить о нихъ—въ главѣ о западныхъ соціалистическихъ вліяніяхъ (II, 77 и слѣд.). Грановскій и Кудрявцевъ, конечно, не могли участвовать въ сту-

денческомъ движеніи 1861 г. (II, 72). Авторъ напрасно повѣрилъ Степняку, что освобожденіе крестьянъ вызвало лишь сотню волненій; ихъ было гораздо больше (II, 74). П. Л. Лавровъ никогда не былъ сосланъ на Уралъ и, хотя и изучилъ Маркса, не былъ соціалъ-демократомъ (II, 101). Авторъ повидимому не имѣетъ яснаго представленія о Чигиринскомъ дѣлѣ (II, 108); народоправцевъ 1891 г. никакъ нельзя считать возрожденіемъ чернопередѣльцевъ, такъ какъ народоправцы на первый планъ выдвигали вопросъ о политической свободѣ, а не соціальныя преобразованія [1] (II, 122), Дрентельнъ не былъ убитъ Мирскимъ (II, 123), Желябовъ конечно не бралъ себѣ въ образецъ Тараса Бульбу (II, 125), Лорисъ Меликовъ совсѣмъ не былъ конституціоналистомъ (II, 130); Стасюлевичъ не былъ лишенъ каѳедры, а самъ отказался отъ нея, а Мак. Мак. Ковалевскій не самъ отказался отъ профессуры, а былъ лишенъ ея (II, 136). Въ гимназіяхъ никогда не было запрещено читать всѣ книги свѣтскаго, не-духовнаго содержанія (II, 136). Изданіе перевода «Капитала» Маркса было дозволено не въ 90-хъ только годахъ, а еще въ 70-хъ (I-й т. «Капитала» вышелъ по-русски въ 1872 г.)

Нельзя говорить о полной безопасности столицъ въ Россіи въ XVIII в. вслѣдствіе отсутствія въ нихъ промышленныхъ рабочихъ (II, 251): во время чумы 1771 г. и Пугачевщины Москва переживала очень тревожные моменты и вообще значительное количество фабричныхъ рабочихъ въ этой столицѣ было элементомъ легко поддающимся волненіямъ. Часто проявляющееся нежеланіе крестьянъ давать свою подпись на различныхъ офиціальныхъ документахъ объясняется совсѣмъ не «первобытными» мистическими понятіями, а совершенно реальною причиною: опасеніемъ быть обманутыми. Авторъ считаетъ невыясненными причины смерти Гапона (II, 464, 578): очевидно онъ не знаетъ весьма обстоятельной статьи объ этомъ Рутенберга въ 12 № «Былого» (заграничнаго изданія). Нельзя устанавливать идейную связь между соціалистами-революціонерами и славянофилами (I, 364).

Слѣдуетъ избѣгать и нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ описокъ или опечатокъ: авторъ записокъ объ обществѣ Соединенныхъ Славянъ не Габричевскій (I, 360), а Горбачевскій, извѣстный націоналистъ Н. Я. Данилевскій былъ просто Данилевскій, а не Лаппо-Данилевскій (I, 363), подъ искаженной фамиліей Periakhanov только потому можно отгадать талантливаго публициста А. В.

[1] См. программу партіи народоправцевъ въ книгѣ *Г. А. Куклина* «Итоги революціоннаго движенія Россіи за сорокъ лѣтъ (1862—1902г. г.)». Женева, 1903, Добавленіе стр. 76—77.

Пѣшехонова (съ книгами котораго очень полезно было бы ознакомиться автору), что рядомъ съ нимъ стоитъ Aniansky (очевидно Н. Ѳ. Анненскій) (II, 67), дата смерти Хомякова ошибочна (II, 364). Есть ошибки и въ переводѣ нѣкоторыхъ русскихъ словъ (II, 603—604). Но все это мелочи, конечно, легко исправимыя при новомъ изданіи, котораго горячо пожелаемъ автору. Когда будутъ исправлены указанные и другіе недостатки, можно будетъ признать весьма желательнымъ полный переводъ на русскій языкъ второго тома сочиненія проф. Мэйвора или, по крайней мѣрѣ, большей его части.

В. Семевскій.

Итоги и отголоски Лермонтовскаго юбилея.

Жалуются на то обстоятельство, что юбилей Лермонтова пришелся въ страшный годъ міровой войны, помѣшавшей культурному празднику. Но кто наблюдалъ уже подобные праздники, кто пришелъ къ убѣжденію, что офиціальное чествованіе какъ-то не къ лицу поэту, что оно даже умаляетъ возвышенный образъ поэта, желая его возвеличить,—тотъ едва ли пожалѣетъ о томъ, что одинокій Лермонтовъ избѣжалъ ѳиміама офиціальныхъ куреній. Не къ лицу это гордому Лермонтову. Нѣтъ, пусть любовь къ нему живетъ въ сердцахъ народныхъ, пусть высится его нерукотворный памятникъ,—и тѣнь поэта будетъ удовлетворена.

Если вспомнимъ, какъ трескуче прошелъ юбилей Пушкина въ 1899 году, и какъ бѣдна содержаніемъ была вызванная имъ литература, остается порадоваться, что Лермонтовъ былъ почтенъ тише и серьезнѣе. На его юбилей откликнулись какъ-то скромнѣе, но глубже. Мало общихъ характеристикъ, мало гимновъ и спичей, зато больше—изслѣдованій спеціальнаго характера.

Теперь замѣчается стремленіе подвести итоги сказанному.

Заявившій себя большимъ поклонникомъ-начетчикомъ Лермонтова Леонидъ Семеновъ, одинъ изъ первыхъ выступившій къ юбилею съ большой спеціальной работой по Лермонтову, теперь, съ такой же тщательностью, подвелъ итоги юбилейной литературѣ въ книгѣ «М. Ю. Лермонтовъ. Статьи и замѣтки. I» (Москва, 1915, стр. 294. Ц. 1 р. 50 к.). Большую часть этой книги занимаетъ подробный отчетъ о монографіяхъ, статьяхъ о Лермонтовѣ, изданіяхъ поэта, инсценировкахъ его произведеній, стихахъ, посвященныхъ ему,—вышедшихъ въ юбилейный годъ. Библіографія сопровождается краткимъ изложеніемъ каждой указанной статьи и краткой ея оцѣнкой, сдѣланной беспристрастно и объективно, а также исправленіемъ допущенныхъ

авторами ошибокъ. По чрезмѣрной—и здѣсь неумѣстной—скромности, авторъ въ своемъ перечнѣ не упомянулъ о своей книгѣ «Лермонтовъ и Толстой», занимающей далеко не послѣднее мѣсто въ юбилейной литературѣ.

Ту же цѣль поставилъ себѣ А. Г. Максимовъ («Юбилейная лермонтовская литература 1914 года». Петроградъ. Оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1915. Стр. 15) и составилъ тощую книжку, въ которую не вошла и десятая часть тщательнаго перечня Л. Семенова.

Кромѣ этого, работа надъ поэтомъ продолжается. Въ указанной выше книгѣ тотъ же Л. Семеновъ далъ нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій. Статья «Лермонтовъ и Огаревъ» (стр. 210—227) имѣетъ, впрочемъ, больше значенія для изученія Огарева, чѣмъ Лермонтова. Замѣтка «Лермонтовъ и Боратынскій»—не болѣе, какъ замѣтка, которая будетъ имѣть значеніе для того, кто напишетъ изслѣдованіе на эту тему. Такой же частный характеръ носятъ замѣтки «Проклятіе», «Терновый вѣнецъ», «Какіе языки зналъ и изучалъ Лермонтовъ?» «Пушкинъ и Лермонтовъ». Но все, сказанное въ нихъ, важно и значительно.

Болѣе цѣльный характеръ имѣетъ рефератъ Л. Семенова «Къ вопросу о вліяніи Марлинскаго на Лермонтова» (Оттискъ изъ Филологическихъ Записокъ за 1914 г.). Здѣсь мы найдемъ нѣсколько мелкихъ, но удачныхъ открытій, подтверждающихъ тотъ фактъ, что Лермонтовъ, при большой самостоятельности поэтическаго духа, не стѣснялся вводить въ свой текстъ запомнившіяся ему мѣста изъ знакомыхъ ему поэтовъ. Оказывается, что и стихъ «Бѣлѣетъ парусъ одинокій» не принадлежитъ Лермонтову, хотя ему—и только ему—принадлежитъ все, глубоко прочувствованное, стихотвореніе «Парусъ». Но и здѣсь плохую службу г. Семенову сослужила ученая страсть подозрѣвать вліяніе тамъ, гдѣ есть простое совпаденіе обыкновенныхъ реченій:

И домъ русалки молодой
Въ волнахъ растопленной денницы
Сіялъ изъ граней хрусталя.

Слова русалка, денница, хрусталь подчеркнуты г. Семеновымъ, и такъ какъ они встрѣчаются у Лермонтова въ стих. «Русалка», то изслѣдователь готовъ усматривать что-то въ этомъ совпаденіи, хотя тутъ же оговаривается: «Едва ли и это подражаніе»... (стр. 8—9).

Стихотвореніе «Надежда» («Есть птичка рая у меня»), а также описанія птички въ «Аулѣ Бастунджи» и «Измаилѣ—беѣ» скорѣе навѣяны описаніемъ птички въ «Шильонскомъ узникѣ» Байрона,

откуда, вѣроятно, позаимствовалъ свое описаніе Марлинскій. Упоминаніе о яблокахъ, растущихъ надъ Мертвымъ Моремъ и начиненныхъ пепломъ, опять-таки заимствовано у Байрона, а не у Мильтона, у котораго взялъ это Байронъ [1]) (Л. Семеновъ. Лермонтовъ. Стр. 251).

Весьма цѣнныя изслѣдованія Л. Семенова носятъ, къ сожалѣнію, слишкомъ частный характеръ. Пока не видно, чтобъ этотъ молодой ученый шелъ къ синтезу.

Б. В. Нейманъ, давшій годъ тому назадъ цѣнное изслѣдованіе о вліяніи Пушкина на Лермонтова, разобранное въ свое время на страницахъ «Голоса Минувшаго» (1914, октябрь), въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ» (т. XIX, 1914 г., кн. 1) напечаталъ интересную статью «Отраженіе поэзіи Козлова въ творчествѣ Лермонтова», выпущенную отдѣльнымъ оттискомъ. Охарактеризовавъ очень удачно личныя отношенія Козлова и Лермонтова, авторъ (независимо отъ Л. Семенова, тоже писавшаго по этому вопросу) приходитъ къ совершенно правильнымъ выводамъ относительно поставленной имъ темы: при глубокой личной и поэтической любви Лермонтова къ поэту-слѣпцу, послѣдній не оказалъ на него внутренняго вліянія. Внѣшнее же свелось къ тому, что, во-первыхъ, у Лермонтова встрѣчаются, особенно въ раннихъ опытахъ, текстуальныя заимствованія и реминисценціи изъ Козлова; во-вторыхъ, въ Козловѣ Лермонтовъ искалъ отраженій Байрона. Этого обстоятельства мимоходомъ коснулся и я въ статьѣ «Изъ юбилейной литературы о Лермонтовѣ», при чемъ старался дать ему и объясненіе («Голосъ Минувшаго», октябрь, 1914 г.).

Между прочимъ, вопросъ о личныхъ отношеніяхъ Козлова и Лермонтова совершенно обойденъ въ очень интересной работѣ Н. М. Данилова «Ив. Ив. Козловъ» (Петроградъ, 1914, оттискъ «Изв. Отд. русскаго яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ»),—работѣ, чуть ли не кладущей основы будущей біографіи обиженнаго біографами поэта. Г. Даниловъ, нарисовавъ обликъ поэта по исключительно скуднымъ свѣдѣніямъ о немъ, установивъ, насколько это возможно, литературную исторію нѣкоторыхъ его произведеній, выяснивъ его отношенія къ Пушкину, Вяземскому, Воейкову, Жуковскому, Мицкевичу и нѣкоторымъ другимъ, ни словомъ не обмолвился о прекрасныхъ и трогательныхъ отношеніяхъ между Козловымъ и Лермонтовымъ.

Влад. Фишеръ.

---

[1]) Like to the apples on the Dead Sea's shore, All ashes to the taste... («Childe-Harold», III, 34).

Г. Ю. Феддерсъ. Эволюція типа «страннаго человѣка» у Лермонтова по его драматическимъ произведеніямъ, поэмамъ и роману «Герой нашего времени», въ связи съ перепиской и мотивами личной жизни писателя. Опытъ психологическаго изслѣдованія. Нѣжинъ. 1914 г. Стр. 159. Ц. 75 коп.

Цѣль автора, какъ видно и изъ черезчуръ громоздкаго названія работы, прослѣдить эволюцію типа «страннаго человѣка» въ творчествѣ Лермонтова. Разумѣется, это задача далеко не новая, и изслѣдователи поэтическаго наслѣдія Лермонтова, отъ Галахова до Котляревскаго, не разъ указывали, что всѣ герои Лермонтова—видоизмѣненіе одного и того же типа. Не новой является работа и по развитію темы; она, собственно говоря, представляетъ изъ себя обширную компиляцію изъ ряда статей и книгъ, посвященныхъ интересующему автора вопросу: страницы ея усѣяны цитатами изъ Галахова, Южакова, Мережковскаго, Андреевскаго, Михайловскаго, Котляревскаго и т. д. Тѣмъ болѣе страннымъ кажется, что авторъ совершенно не знаетъ ни академическаго изданія сочиненій Лермонтова, которое ему помогло бы при анализѣ вопроса о послѣдней редакціи «Демона», ни обширнаго изслѣдованія о Лермонтовѣ Duchesn'a, часть котораго даже переведена на русскій языкъ [1]).

Однако, въ изслѣдованіи г. Феддерса есть двѣ главы, изъ-за которыхъ, собственно, и стоитъ говорить объ этой книгѣ. Прежде всего, глава о байронизмѣ Лермонтова. Начинается она далеко неполнымъ, но, всетаки недурнымъ очеркомъ, касающимся постановки этого вопроса въ предшествующей литературѣ; далѣе слѣдуетъ рядъ сопоставленій отдѣльныхъ мѣстъ англійскаго барда и русскаго поэта. Большинству этихъ сопоставленій нельзя отказать ни въ новизнѣ, ни въ справедливости. Однако, страннымъ кажется, что авторъ, видимо, предполагаетъ, что именно имъ указано впервые сходство описанія внѣшности Печорина и Лары, хотя это общее мѣсто изслѣдованій о байронизмѣ (стр. 78). Удачной нужно признать и главу о «Героѣ нашего времени». Она тоже начинается обзоромъ критическихъ мнѣній о романѣ; далѣе слѣдуетъ самый анализъ произведенія, въ которомъ насъ заинтересовало указаніе автора на лживость героя, усматриваемую имъ въ томъ, что Печоринъ является въ романѣ въ четырехъ обликахъ: однимъ онъ бываетъ въ обществѣ людей обыденныхъ, другимъ—въ обществѣ людей умныхъ, третьимъ—когда онъ пишетъ свой далеко неискренній дневникъ и разсуждаетъ о себѣ, и опять инымъ, когда несчастье, потрясая его, заставляетъ его

[1]) Подъ редакціей г. П. Миндалева.

сбросить всѣ маски. Анализъ этой, какъ говоритъ Феддерсъ, «четырехгранной фигуры» довольно тонокъ и обстоятеленъ.

Но въ другихъ отношеніяхъ книга едва ли можетъ удовлетворить читателя. Отъ работы, по преимуществу, компилятивной мы въ правѣ требовать, прежде всего, послѣдовательности и точности изложенія. Къ сожалѣнію, работа этимъ требованіямъ отвѣчаетъ далеко не всегда.

Обращаютъ на себя вниманіе цѣлый рядъ неточностей въ выраженіяхъ. Такъ, авторъ увѣряетъ, что Лермонтовъ, *недовольный* окончаніемъ «Маскарада», передѣлалъ его, какъ будто Лермонтовъ перерабатывалъ драму по своему желанію, а не по цензурнымъ причинамъ. Или, напр., онъ говоритъ, что въ концѣ «Демона» и «Маскарада» «герои надменно уходятъ безъ упованья и любви» (стр. 99); странно примѣнять эти слова къ сумасшедшему, измученному горемъ Арбенину. Наиболѣе же удивительными кажутся разсужденія г. Феддерса о различіяхъ первой и второй редакціи «Испанцевъ», когда у Лермонтова имѣется лишь одна редакція трагедіи [1]).

Все это, въ связи съ компилятивнымъ характеромъ книги,— недочеты слишкомъ существенные, искупаемые нѣкоторыми достоинствами работы.

Б. Нейманъ.

А. Багрій. М. Ю. Лермонтовъ въ юбилейной литературѣ. (Библіографическій очеркъ).

Названная работа, напечатанная первоначально въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» (1915, VI, стр. 61—104), можетъ быть не безполезной для первоначальнаго ознакомленія съ юбилейной литературой о Лермонтовѣ, хотя нѣсколько отталкиваетъ читателя холоднымъ и безстрастнымъ тономъ, какимъ она написана: автору какъ будто все равно, о какой книгѣ онъ говоритъ, объ интересной ли и ярко написанной книгѣ Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, или о скучной и нудной компиляціи проф. А. К. Бороздина. Затѣмъ, далеко не со всѣми положеніями ея и отзывами можно согласиться.

Упомянувъ о томъ, что благодаря военнымъ событіямъ пришлось отложить до болѣе благопріятнаго времени празднованіе самаго юбилея, авторъ замѣчаетъ: «изъ крупныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій ко дню юбилея появились лишь

---

[1]) Стр. 12. Слѣдуетъ добавить, однако, что г. Феддерсъ пользовался изданіемъ Ефремова Юношескихъ драмъ Лермонтова (1880 г.), которое намъ не было доступно: быть можетъ, въ немъ имѣются какія-либо данныя для такого страннаго утвержденія.

тѣ, которыя были подготовлены заранѣе, до войны, мелкая же юбилейная литература общаго характера хоть и достигла солидныхъ размѣровъ, но ничего существенно новаго въ пониманіе Лермонтова не внесла и особеннаго значенія въ изученіи творчества поэта имѣть не будетъ». Игнорировать, однако, эту мелкую юбилейную литературу ни въ коемъ случаѣ нельзя, такъ какъ иногда въ ней затрагиваются новые вопросы. Такъ, напр., въ своей статьѣ «Памяти Лермонтова» («Южный край», 1914, X, 2, № 12303) проф. Н. Ф. Сумцовъ, между прочимъ, ставитъ вопросъ о вліяніи Лермонтова на Шевченка, о которомъ до сихъ поръ въ литературѣ не было и рѣчи; мало того, онъ даже «считаетъ возможнымъ рѣшить его въ положительномъ смыслѣ».

Не со всѣми выводами г. Багрія можно согласиться. Такъ, онъ говоритъ, что «подведены итоги вліянія Пушкина на Лермонтова въ книгѣ г. Неймана», но и самъ авторъ, да и критика указывала рядъ очень существенныхъ недочетовъ въ упомянутой работѣ г. Неймана, такъ что невозможно дѣлать того вывода, какой сдѣланъ г. Багріемъ. Также обстоитъ дѣло и съ вопросомъ объ отношеніи творчества Льва Толстого къ творчеству Лермонтова, который онъ считаетъ выясненнымъ въ книгѣ Л. Семенова, гдѣ, по мнѣнію проф. Н. Ф. Сумцова, дано лишь «прочное обоснованіе для дальнѣйшихъ изученій» этого вопроса.

Наконецъ, приложенный въ концѣ брошюры «Указатель Лермонтовской юбилейной литературы» страдаетъ значительной неполнотой.

Н. Кашинъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

1) **Армянскій сборникъ.** 2-е изд. Кн-во «Звѣзда». М. Ц. 1 р. 50 к. 2) **Бесѣды.** Сборн. О-ва Ист. Литер. въ Москвѣ. Т. I. М. Ц. 2 р. 3) **Василенко, Н.** Очерки по ист. западн. Руси и Украины. Изд. Оглоблина. Кіевъ. Ц. 2 р. 50 к. 4) **Вернонъ Ли.** Италія. Театръ и музыка. М. Кн-во М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 1 р. 25 к. 5) **Вундтъ, М.** Греческое міровоззрѣніе. Изд. «Огни». П. Ц. 1 р. 25 к. 6) **Глаголева, Т.** Ломоносовъ, какъ гражданинъ. Воронежъ. 7) **Гнѣдичъ, П.** Матер. изъ народн. словестн. Полтавск. губ. В. I. Изд. П. У. Арх. К. Ц. 1 р. 30 к. 8) **Гольдштейнъ, I.** Война, герм. синдикаты, русск. экспортъ и эконом. изолир. Германіи. Изд. 3-е. М. Ц. 60 к. 9) **Гурвичъ, Г.** «Правда воли монаршей» Ѳ. Прокоповича. Подъ ред. и съ пред. проф. Ѳ. Тарановскаго. Юрьевъ. Ц. 70 к. 10) **Золотой юбилей.** Къ 50-лѣтію Т-ва Брокаръ. М. 11) **Извѣстія** отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ. 1915 г. Т. XX, кн. 1 и 2. П. Ц. книжки 1 р. 50 к. 12) **Историческое Обозрѣніе.** Сборн. подъ. ред. Н. Карѣева. (1915). Т. XX. П. Ц. 1 р. 50 к. 13) **Исторія** Московскаго Купеческаго Общества. 1863—1913 г. Подъ ред. В. Сторожева. Изд. Моск. Куп. О-ва. Т. V. Вып. 3. 14) **Исторія нашего времени.** Подъ ред. проф. М. Ковалевскаго и К. Тимирязева. В. 28 и 29. Изд. Т-ва «Гранатъ». 15) **Калевала.** Финск. народн. эпосъ.

Пер. Л. Бѣльскаго. М. Изд. М. и С.Сабашниковыхъ. Ц. 3 р. 16) **Корниль, К.** Пророки. М. К-во М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 75 к. 17) **Лонгиновъ, М.** Сочиненія. Т. I. М. Изд. Л. Бухгейма. Ц. 4 р. 50 к. 18) **Отдѣленіе изящн. искусствъ.** Каталогъ карт. галлереи Имп. Московск. и Румянц. музея. Ц. 50 к. 19) **Памяти А. П. Философовой.** Сборникъ. Статьи и матеріалы. П. Т. I и II. Ц. за 2 т. 10 руб. 20) **Пасквале-Виллари.** Николо Макіавелли и его время. Т. I. Вступ. ст. М. Ковалевскаго. Пер. съ ит. И. Кригеля. Изд. «Гряд. день». Ред. Волынскій. Ц. 3 р. 50 к. 21) **Проходцовъ, И.** Рязанская губ. въ 1912 г. Ч. I и II. Изд. Ряз. Губ. Уч. Арх. Ком. Рязань. 22) **Романовская, Н.** Груз. царица Тамара и ея время. М. Ц. 35 к. 23) **Украінський науковий збірникъ.** Вид. Укр. Наук. Тов. у Київі. М. Ц. 1 р. 50 к. 24) **Ѳукидидъ.** Исторія. Т. I и II. Пер. Ѳ. Мищенка. Въ перев., съ прим. и вст. очер. С. Жебелева. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. тома 3 р. 25) **Цыбульскій, С.** Основы латинск. яз. въ попул. изл. Изд. М. Вольфъ. М. П. Ц. 1 р. 35 к. 26) **Чуковскій, К.** Заговорили молчавшіе. П. Изд. Т-ва Марксъ. Ц. 1 р. 27) **Щепкинъ, Е.** Варяжская вира. О. 28) **Щепотьевъ, В.** Народныя пѣсни, зап. въ Полтавск. губ. Изд. П. Губ. Арх. Ком. П. Ц. 40 к. 29) **Эингорнъ, В.** Воспит. заведеніе при моск. гл. нар. училищѣ (1786—1803). П. Ц. 50 к. 30) **Энциклоп. словарь.** 7-е изд. Т. 32. Подъ ред. В. Желѣзнова, М. Ковалевскаго, С. Муромцева и К. Тимирязева. М. Изд. Т-ва «Гранатъ». 31) **Фишеръ, В. М.** Учебникъ по исторіи русской литературы (Для старшихъ классовъ) Ц. 90 к. 32) Разсказы по русской исторіи. Подъ ред. **С. П. Мельгунова и В. А. Петрушевскаго.** Изд. 3-е. Ц. 1 р. 20 к. 33) **Григорьевъ, С. Г.** Вокругъ южнаго полюса. Ц. 1 р. 20 к. 34) **Украинскій вопросъ.** Сборникъ, составленный сотрудниками журн. «Украинская жизнь» Ц. 1 р. 35) **Галичина, Буковина, Угорская Русь.** Сборникъ, сост. сотр. журн. **«Укр. Жизнь».** Изд. 2-е Ц. 1 р. 40 к. 36) **Ашевскій.** Русскіе писатели и война (арестъ снятъ). Ц. 60 к. 37) Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. III, Римъ имперія. Подъ ред. **А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова.** Ц. 2 р. 10 к.

Редакторъ-издатель **С. П. Мельгуновъ.**